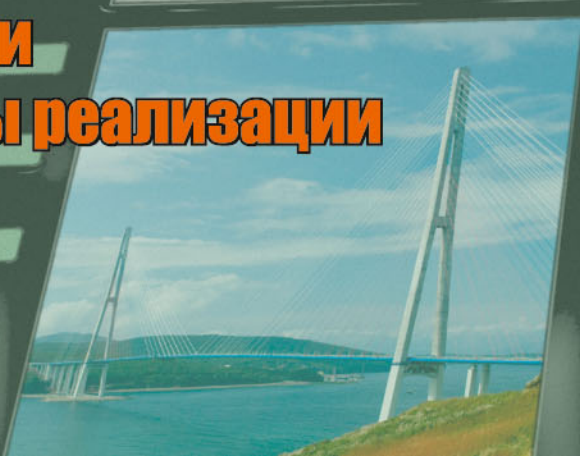

**ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ
СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ
БЕЗОПАСНОСТИ
РОССИЙСКОГО ДАЛЬНЕГО
ВОСТОКА
(вторая половина XX –
начало XXI в.)**

Книга 1

**Дальневосточная политика:
стратегии
социально-политической
безопасности
и механизмы реализации**

Российская академия наук
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего
Востока Дальневосточного отделения РАН

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОГО ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

(вторая половина XX – начало XXI в.)

В двух книгах

Книга 1

ДАЛЬНЕВОСТОЧНАЯ ПОЛИТИКА: СТРАТЕГИИ СОЦИАЛЬНО- ПОЛИТИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ И МЕХАНИЗМЫ РЕАЛИЗАЦИИ

Владивосток
2014

УДК: 323 (09) + 314.7 (571.6)

Исторические проблемы социально-политической безопасности российского Дальнего Востока (вторая половина XX – начало XXI в.). Кн.1. Дальневосточная политика: стратегии социально-политической безопасности и механизмы реализации / А.С. Ващук, А.Е. Савченко, Ю.Н. Ковалевская, Л.А. Крушанова, Е.В. Галенко, А.П. Герасименко, С.Г. Коваленко, А.П. Коняхина. – Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2014. – 360 с.

ISBN 978-5-905239-13-7

Монография состоит из двух книг, объединенных концепцией социально-политической безопасности; события анализируются в рамках соответствующего понятийного аппарата: вызовы, угрозы, риски и ответы государства; дается авторское понимание социально-политической безопасности.

В первой книге показано место российского Дальнего Востока в территориальной системе управления как важный фактор обеспечения социально-политической безопасности в СССР во второй половине XX в. и формирование постсоветской модели социально-политической безопасности. Особое внимание уделено трем сферам, в которых рельефно проявлялись официальные взгляды на безопасность, а также политические меры по обеспечению безопасности советских социальных устоев: регулирование внутригрупповых отношений среди номенклатуры, распределение и контроль в области материальных благ с учетом специфики региона, надзор в сфере идеологии и борьбы с преступностью.

Ключевые слова: Дальний Восток, социально-политическая безопасность, управление, Центр-регион, региональная политика, идеология, цензура, преступность, политическая элита, национальные отношения, угрозы, социальные риски, миграции, демографические процессы, трудовые ресурсы, иностранная рабочая сила.

Под общей редакцией д.и.н. А.С. Ващук

Редколлегия

А.С. Ващук, д.и.н., Л.И. Галлямова, д.и.н., Е.Н. Чернолуцкая, д.и.н.,
А.Е. Савченко, к.и.н., А.В. Друзяка, к.и.н., Ю.Н. Ковалевская, к.и.н.

Рецензенты

С.А. Головин, д.и.н., С.И. Лазарева, к.и.н.

Утверждено к печати ученым советом Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН

Исследование выполнено на средства гранта Президиума ДВО РАН «Стратегии обеспечения социально-политической безопасности на Дальнем Востоке России во второй половине XX в.». Проект № 09-III-A-11-550.

ISBN 978-5-905239-13-7

© Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, 2014

Russian Academy of Sciences
Far Eastern Branch
Institute of History, Archaeology and Ethnography
of the Peoples of the Far East

THE HISTORICAL PROBLEMS OF SOCIO-POLITICAL SECURITY OF THE RUSSIAN FAR EAST

(the second half of XX – the early XXI c.)

In 2 vol.

Vol. 1

**FAR EASTERN POLICY:
THE STRATEGIES
OF SOCIO-POLITICAL
SECURITY AND MECHANISMS
OF REALIZATION**

Vladivostok
2014

UDC: 323 (09) + 314.7 (571.6)

The historical problems of socio-political security of the Russian Far East (the second half of XX –the early XXI c.). Vol. 1. Far Eastern policy: the strategies of socio-political security and mechanisms of realization /A.S. Vashchuk, A.E. Savchenko, J.N. Kovalevskaya, L.A. Krushanova, E.V. Galenko, A.P. Gerasimenko, S.G. Kovalenko, A.P. Konyakhina. – Vladivostok: IIHAE FEB RAS, 2014. – 360 p.

ISBN 978-5-905239-14-4

The monograph consists of two volumes cohered by the concept of socio-political security. It gives the author's comprehension of this concept. The events are analyzed within the framework of the appropriate conceptual apparatus: challenges, threats, risks and responses by the State.

The first volume is about the place of the Russian Far East in territorial system of government as the important factor ensuring the socio-political security in the USSR in the second half of XX c. and forming the post-soviet model of socio-political security. A particular attention is given to the three spheres, in which the official views towards security as well as political actions on conserving the soviet social foundations were manifested: regulation of intragroup relations within the nomenclature, distribution and control of material benefits considering the specificity of the region, supervision in the sphere of ideology and fight against crime.

Key words: Far East, socio-political security, control, Center–region, regional policy, ideology, censorship, crime, political elite, ethnic relations, threats, social risks, migration, demographic trends, labor resources, foreign labor force.

Under general edition: d.h.s. A.S. Vashchuk

Editorial board: d.h.s. A.S. Vashchuk, d.h.s. L.I. Galliamova, d.h.s. E.N. Chernolutskaia, c.h.s. A.E. Savchenko, c.h.s. A.V. Druziaka.

Reviewers: d.h.s. S.A. Golovin, c.h.s. S.I. Lazareva

Approved for publication by the Scientific Council of the Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East FEB RAS

ISBN 978-5-905239-14-4

© Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East FEB RAS, 2014

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ.....	9
ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. ВМЕСТО ВВЕДЕНИЯ.....	23
ГЛАВА 1. ДАЛЬНИЙ ВОСТОК В РЕГИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ ЦЕНТРА: ЗАДАЧИ РАЗВИТИЯ И ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ	36
1.1. «Веер возможностей» и динамическая стратегия обеспечения безопасности для страны и региона (середина 1950 – 1960-х гг.).....	36
1.2. Стабилизационная стратегия безопасности – мотивы выбора, ресурсы обеспечения и пределы эффективности (середина 1960 – 1980-х гг.)	56
1.3. Истоки динамической стратегии безопасности и причины её крушения (середина 1980-х – начало 1990-х гг.).....	74
1.4. Государство в поисках новой стратегии безопасности (1990-е – начало 2000-х гг.).....	103
ГЛАВА 2. СПЕЦИФИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ БЕЗОПАСНОСТИ НА ДАЛЬНОМ ВОСТОКЕ.....	154
2.1. Интеграция Сахалина и Курильских остров в советскую социально-политическую систему как особое направление обеспечения безопасности советского государства (1945–1949 гг.)	154
2.2. Специфика обеспечения социально-политической безопасности на Северо-Востоке и Сахалине	157

2.3. Политическое регулирование социальных процессов как стратегия обеспечения безопасности.....	168
ГЛАВА 3. БОРЬБА С ПРЕСТУПНОСТЬЮ В ДАЛЬНЕВОСТОЧНОМ РЕГИОНЕ КАК СТРАТЕГИЯ ОБЕСПЕЧЕНИЯ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ (середина 1940-х – 1991 г.)	199
3.1. Последствия войны и советская правоохранительная система в борьбе с преступностью на Дальнем Востоке (1946 г. – середина 1950-х гг.).....	199
3.2. Либерализация уголовно-правовой системы и ее влияние на борьбу с преступностью в Дальневосточном регионе (середина 1950-х – 1970-е гг.)	212
3.3. Борьба органов власти с преступностью как стратегия социально-политической безопасности (1980 – 1991 гг.)	244
3.4. Изменение характера преступности и поиски методов борьбы с ней на Дальнем Востоке	263
ГЛАВА 4. ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОНТРОЛЬ В СФЕРЕ КУЛЬТУРЫ, ИДЕОЛОГИИ И ИНФОРМАЦИИ	283
4.1. Цензура и пропаганда как специфические инструменты идеологического контроля (1960-е – 1985 г.)	283
4.2. От диктата к диалогу – новый формат регулирования общественных настроений в период Перестройки.....	318
4.3. Новые вызовы в информационной сфере	333
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	346
СПИСОК ОСНОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ.....	351
ПРИЛОЖЕНИЯ	354

CONTENTS

PREFACE.....	9
THEORETICAL ASPECTS OF THE RESEARCH. INSTEAD OF INTRODUCTION	23
CHAPTER 1. THE FAR EAST IN THE REGIONAL POLICY OF THE CENTER: THE TASKS OF DEVELOPMENT AND PROBLEMS OF ENSURING SOCIO-POLITICAL SECURITY	36
1.1. The «fan of opportunities» and dynamic strategy of security for the country and the region (the mid-1950s – the 1960s)	36
1.2. Stabilization strategy of security – motives of a choice, resources of providing and efficiency limits (the mid-1960s – the 1980s)	56
1.3. The sources of dynamic strategy of security and the reasons of its crash (the mid-1980s – the early 1990s)	74
1.4. The state in search of security new strategy (1990s – the early 2000s)	103
CHAPTER 2. SPECIFIC PROBLEMS OF SECURITY IN THE FAR EAST.....	154
2.1. Integration of Sakhalin and Kuril Islands in the Soviet socio-political system as a special direction of ensuring safety of the Soviet state (1945 – 1949)	154
2.2. The specifics of ensuring socio-political security in the North East and Sakhalin.	157
2.3. The political regulation of social processes as a strategy of security	168

CHAPTER 3. FIGHT AGAINST CRIME IN THE FAR EASTERN REGION AS A STRATEGY OF ENSURING SOCIO-POLITICAL SECURITY (the mid-1940s – 1991)	199
3.1. The consequences of the war and the Soviet law enforcement system in the fight against crime in the Far East (1946 – the mid-1950s)	199
3.2. Liberalization of criminal justice system and its influence on the fight against crime in the Far Eastern region (the mid-1950s – the 1970s)	212
3.3. The fight of authorities against crime as a strategy of socio-political security (1980 – 1991)	244
3.4. The changing nature of crime and the searching for methods of combating it in the Far East of fight against it in the Far East	263
 CHAPTER 4. STATE CONTROL IN THE SPHERE OF CULTURE, IDEOLOGY AND INFORMATION	 283
4.1. Censorship and propaganda as a specific tools of ideological control in (1960 – 1985)	283
4.2. From diktate to dialogue – a new format of regulation of public moods in the period of “Perestroika”	318
4.3. New challenges in the information sphere	333
 CONCLUSION	 346
LIST OF MAIN ABBREVIATIONS	351
APPENDIXES	354

ПРЕДИСЛОВИЕ

Актуальность проблемы и история её осмысления

В настоящее время очевиден всплеск внимания к проблеме национальной безопасности и её различным составляющим — по этой теме защищаются диссертации, издаются монографии, публикуются статьи в ведущих научных журналах. С недавнего времени в России выходят специальные периодические издания, посвящённые различным аспектам безопасности*.

Исследовательская активность имеет в своей основе две предпосылки. Во-первых, меняется само видение перспективы развития общества. Ограниченность ресурсов, рост антропогенного воздействия на планету, технологическая и военная мощь ведущих государств мира, сложность управления технологическими процессами, быстрое изменение общества вследствие развития сетей коммуникации и возможные риски сбоев государственного управления — всё это требует нового подхода к пониманию задач политического и социально-экономического развития. С этой позиции, соображения эффективности представляются слишком узкой рамкой анализа, упрощающей реальность и не позволяющей учесть потенциальные угрозы. Добавим сюда опыт XX в., насыщенного примерами провалов амбициозных проектов развития. Хорошо это или плохо, но в настоящее время всё чаще (и чем дальше, тем больше) приходится руководствоваться принципом «не навреди». Поэтому стратегии безопасности будут если не вытеснять, то по крайней мере, уравновешивать стратегию эффективности.

* Соответствующий запрос на портале Научной электронной библиотеки E-library выдаёт перечень 67 периодических изданий, в названии которых содержится термин «безопасность». Ещё восемь наименований выдаётся на запрос «проблемы безопасности». Доступно: <http://elibrary.ru/titles.asp> (дата обращения: 24.01.2013).

Во-вторых, есть и чисто практические причины актуальности данной темы, связанные с тем, что она находится в центре внимания государства, о чём свидетельствует образование специальных структур, формирование законодательства и создание стратегических документов, напрямую касающихся безопасности.

Помимо положительного влияния на рост интереса учёных к проблематике безопасности практическая актуальность темы привела к тому, что в неё может быть «упакован» любой вопрос, о чём свидетельствуют многочисленные публикации. Отсюда возникает необходимость обозначить «место» проблематики безопасности в гуманитарных исследованиях, а затем сформулировать авторское понимание концепта «безопасность» и его социально-политического измерения. Этому посвящена значительная часть теоретического раздела.

Цель исследования

В представленной монографии ставится задача – рассмотреть соотношение национальной безопасности и региональной политики на Дальнем Востоке во второй половине XX в., причём сделать это не столько в традиционном геополитическом, сколько во внутривнутриполитическом измерении. Для этого и вводится понятие «социально-политическая безопасность». Историческое исследование проблем социально-политической безопасности – это, прежде всего, определённый перечень вопросов, адресуемых государственной политике прошлого, вопросов, задаваемых с позиции сегодняшнего дня, что произойдет потом. С одной стороны, книга представляет собой попытку увидеть дальневосточную политику власти как некую систему, связывающую воедино цели, угрозы, возможности и наличные ресурсы; с другой – книга о традиционных российских проблемах, которые стоят перед страной и сейчас. И если можно чем-то оправдать её публикацию, то именно этим.

Характеристика структуры работы

Исследование состоит из двух книг. Обе книги имеют свое предисловие при едином Введении, что объясняется необходимостью подробного раскрытия теоретических, концептуальных и терминологических особенностей исследования. И дальневосточная политика Центра, и государственное регулирование миграционных процессов рассматриваются в единой концепции социально-политической без-

опасности. В то же время Заключение у каждой книги отдельное, призванное отразить специфику исследуемых процессов.

В первой книге анализируется место Дальнего Востока в региональной политике Центра во второй половине XX – начале XXI в. Дальний Восток, если исходить из критериев удалённости и степени освоения, – самый периферийный регион России. Но это особая периферия, неизменно являющаяся «вызовом» государству, потенциально способная не только преодолеть свою периферийность, но и придать стране новый импульс развития. Для этого есть территория, разнообразие природных ресурсы, выход к рынкам их сбыта. Однако регион воплощает в себе несколько ключевых противоречий, которые во многом определяют волнообразную динамику его развития (основные противоречия дальневосточной политики схематически представлены в приложениях 1, 2, 3 настоящей книги).

Дальневосточная политика государства, как и роль самого Дальнего Востока в формировании и реализации этой политики, определялась несколькими факторами, которые по силе и долговременности своего воздействия могут быть отнесены к разряду фундаментальных. Первый фактор состоит в том, что на Дальнем Востоке всегда проживало слишком мало населения, чтобы регион был способен оказывать социально-политическое давление на Центр*. Уровень общенародной поддержки власти и экономическая ситуация в стране в наименьшей степени определяются тем, какую дальневосточную политику проводит высшее руководство. По этой причине Дальним Востоком легко пренебречь в пользу других задач, что не раз случалось в XX в.**

Вместе с тем (и это второй фактор) малый социальный вес компенсируется большим и исторически возрастающим геополитическим и природно-ресурсным значением территории. По этой причине перед государством на протяжении рассматриваемого периода стояла задача не только удержания проживающего здесь населения, но и обеспечения миграционного прироста. Даже в периоды, когда высшее руководство страны не признавало важности специфической «дальневосточной» политики, необходимость последней «витала в воздухе», выражаясь как физически (затухание прироста и даже начало убыли населения, опасное отставание в демографическом и экономическом развитии региона по сравнению с соседней Китайской Народной Республикой), так и «идеально» – в виде досадного чувства нереализованного потенциала территории.

* В рассматриваемый период население составляло около 5% от общероссийской численности.

** Яркий пример – создание буферной Дальневосточной республики в 1920 – 1922 гг.

Выход на пограничные рубежи с азиатско-тихоокеанскими великими державами и в меньшей степени природно-ресурсное значение региона предопределили третий фактор дальневосточной политики государства: дилемму соотношения преимуществ в размерах и ресурсах и бремени чрезмерного территориального расширения. Роль региона в развитии страны и его место в региональной политике попеременно определялись стремлением государства либо реализовать его преимущества, либо нейтрализовать напряжение чрезмерного расширения¹. Стоит оговориться – никогда не случалось так, что первая или вторая политика воплощалась в «чистом» виде, речь может идти лишь о доминировании той или другой из них.

Говоря о сценариях дальневосточной политики, необходимо зафиксировать, что она даже в самой централизованной системе с неизбежностью имела два субъекта – центральный и региональный уровни власти. Геополитическое положение СССР/России, общая социально-политическая и экономическая ситуация в стране, процессы, происходившие в высшей политической элите, «открывали» и «захлопывали» окна возможностей для влияния региональной власти на формирование дальневосточной политики Москвы. Как следствие, для понимания факторов этой политики необходимо постоянно иметь в виду «общий фон», на котором она формировалась и реализовывалась, а именно – социально-политические процессы общегосударственного масштаба.

В нашем анализе природно-ресурсное значение Дальнего Востока выступает «постоянной», в то время как гео- и внутривластная, а также экономическая ситуации являются «переменными». Взаимодействие между этими четырьмя составляющими определяло мотивы и действия центральной и региональной власти и в итоге основные черты дальневосточной политики Центра. Безусловно, каждая из названных составляющих заслуживает быть рассмотренной в рамках отдельного параграфа, однако в силу ограниченного объёма исследования мы постараемся рассмотреть их в единстве и взаимовлиянии, структурировав изложение в соответствии с проблемно-хронологическим принципом.

Из нашей концепции социально-политической безопасности следует, что дальневосточная политика выполняла две основные функции: обеспечение управляемости и обеспечение развития. Отсюда и два основных вопроса раздела первой главы книги.

1. Каковы факторы дальневосточной политики Центра, при каких обстоятельствах она направлена на развитие Дальнего Востока в качестве «витрины социализма или модернизации» (при каких – как «крепости», а при каких он выступает стратегическим резервом всей страны)?

2. При каких (внутренних и внешних) факторах лучшей стратегией становится активное развитие Дальнего Востока, а при каких, наоборот, регион отходит на задний план?

Вторая глава в определённом смысле является зеркальным отражением первой. Здесь акцент переносится на «социальное» измерение дальневосточной политики, сочетание общегосударственных и специфических дальневосточных проблем. Интеграция присоединённых территорий в общегосударственное пространство, проблемы демонтажа сталинской системы принудительного труда на севере Дальнего Востока, задачи и методы регулирования социальных процессов в регионе — вот основные вопросы, затрагиваемые во второй главе. Обеспечение социально-политической безопасности было сопряжено с масштабным комплексом мер социального регулирования. Период 1950-х — 1980-х гг. представляет особый исторический интерес, поскольку наполнен поиском новых инструментов социального контроля над обществом, обеспечения управляемости и стабильности государства.

Третья глава посвящена борьбе государства с преступностью. Проблема преступности является одной из ключевых в отношениях власти и общества. На протяжении всей истории именно государство несло ответственность за состояние преступности в стране. Для советского государства актуальность вопроса была значимой по ряду причин. Существование различных категорий «неблагонадежных» в течение нескольких десятилетий заставляло руководство страны выискивать «врагов народа» и, используя государственную репрессивную машину, создавать армию заключенных. Именно в этой среде, как нигде больше, можно было оказывать сопротивление власти. В то же время огромные размеры территории государства в той или иной степени ограничивали возможности механизма подавления масс. В этих условиях складывалась региональная преступность.

Дальний Восток — это особый регион. Кроме того, имея статус стратегического и в политическом, и экономическом плане, он традиционно является трудодефицитным. Задача демографического укрепления приграничных районов стояла в числе приоритетных. Поэтому для политического руководства страны важно всегда создавать комфортные условия для проживания. Обеспечение властью личной и имущественной безопасности для новоселов — один из факторов, говорящих «за» или «против» закрепления на Дальнем Востоке. Поэтому в числе прочих важнейших задач была и остается борьба с преступностью. Это системная деятельность государственных и общественных органов, направленная на обеспечение соблюдения норм уголовного закона, недопущение причинения вреда охраняемым государством интересам и благам,

характеризующаяся активным противостоянием и выражающаяся в профилактике преступности (путем воздействия на ее детерминанты) и пресечении преступлений, применении мер ответственности.

Наряду с термином «борьба с преступностью» в литературе встречается термин «уголовная политика» или «уголовно-правовая политика». Уголовная политика понимается как «...генеральная линия, определяющая основные направления, цели и средства воздействия на преступность путем формирования уголовного, уголовно-процессуального, исправительно-трудового законодательства, практики его применения, а также путем выработки и реализации мер, направленных на предупреждение преступлений»².

Четвёртая глава посвящена государственному контролю в сфере культуры, идеологии и информации. Тема безопасности в сфере идеологии и информационной политики – эта особая, ещё недостаточно изученная, но очень значимая сфера политики, напрямую касающаяся проблемы эффективности «мягкой силы» государства. Для внутренней политики она понимается как способность власти обеспечивать подконтрольность общества не административными и полицейскими мерами, но навязыванием определённого «видения» мира, конструированием социальных групп, утверждением легитимности существующего порядка и естественным образом подразумевает противостояние иному видению мира, «деконструкцию» потенциально опасных социальных групп, делигитимацию альтернативного порядка³. Контроль за средствами массовой информации, соответствующая информационная и идеологическая политика, работа с общественными организациями и иными группами общества – вот инструменты «мягкой силы» государства в советский период.

Кроме содержательного аспекта авторы попытались коснуться технологии обеспечения «мягкой силы». Поэтому в главе показано, какие изменения происходили в структуре и содержании работы органов информационного и идеологического контроля, в стиле и методах взаимодействия с обществом, также уделено внимание конкретным аспектам деятельности органов контроля, основным показателям их работы, типичным «недосмотрам» и «проколам», которые случались даже на исходе сталинского периода. Ещё одним важным моментом является процесс «прораствания» альтернативных убеждений, распространения альтернативной информации «вопреки» официальной пропаганде и цензуре. Здесь читатель увидит поучительную историю, когда усилия государства имеют результат противоположный ожидаемому.

Вторая книга посвящена изучению государственного управления миграционными процессами. В XX в. партийное руководство рассматривало Дальний Восток как район нового развития и сырьедобывающей специализации, а также как пограничную территорию. Исходя из

этих стратегических ориентиров, с учетом меняющихся обстоятельств и ситуаций правительство определяло источники социально-политической угрозы, их характер и степень. Так, основную задачу обеспечения безопасности имперская власть, а затем и партийно-советская видели в укреплении своих позиций на периферийных территориях, устраняя угрозу демографического дисбаланса по сравнению с соседними государствами и создавая любой ценой индустриально-промышленные районы, формируя идеологию приоритетов интереса государства.

Жертвенность интересами личности стала неотъемлемым атрибутом советской концепции социально-политической безопасности в 30-х – первой половине 50-х гг. Когда планировалась очередная стройка на востоке, то в плановом порядке определялась потребность в покрытии естественной убыли. Органы НКВД даже планировали «емкости» в регионах. Особая нагрузка в понимании классовой модели безопасности показана в главе, посвященной принудительным миграциям. Специфической сферой, наполненной мировыми событиями по предотвращению угроз в XX – начале XXI в., была миграционная. В её изучении исключительно большое значение имеет анализ опыта России, выявление исторических уроков, которые использовались в виде повторения разными поколениями, невзирая на смену политических порядков в стране, с целью сохранения целостности государственной территории. Поэтому во вторую часть книги помещены главы, в которых представлен период до Второй мировой войны и Великой Отечественной (1941–1945). Эти материалы рассматриваются в монографии как органическая часть проблемы «миграции в контексте социально-политической безопасности Дальнего Востока России», хотя они и выходят за хронологические рамки книги.

Изучение историками внешних миграций в контексте вопросов безопасности началось задолго до признания концепции безопасности как методологии исторического исследования. Не претендуя на историографический анализ, необходимо отметить некоторые главные черты истории изучения проблемы. Во-первых, следует отметить, что сегодня существует точка зрения, в которой миграции всегда связываются с проблемой безопасности. Некоторые современные авторы, исследуя конкретные угрозы в прошлом, а также существующие на современном этапе, чаще всего называют миграцию населения, считая, что «она так или иначе действует на безопасность как состояние»⁴. Конкретными подходами могут быть так называемые конфликтологический и конкурентный анализы борьбы за ресурсы⁵. Для историографической ситуации характерно многообразие и обилие трудов, посвященных миграциям из Китая на Дальний Восток России, начиная с

момента появления первых китайцев на российской территории и до сегодняшнего дня. За редким исключением в них отсутствуют изложение истории появления концепции «желтой опасности» и ее анализ отдельными авторами или политиками. Например, подробный историографический анализ дан в докторской диссертации О.В. Залесской⁶. В теории «желтой опасности» можно найти как элементы более общей концепции конкуренции за ресурсы, так и аспекты этносоциологического анализа. Важным направлением в миграционной проблематике, особенно в последнее десятилетие, привлекающим внимание ученых, стала тема борьбы органов власти с нелегальной миграцией и правонарушениями среди мигрантов⁷.

Специфика данного проекта заключается в том, что проблема регулирования миграциями в контексте безопасности раскрывается не только на примере внешних потоков, но и с учетом истории управления внутренних потоков. Особой сложностью и многогранностью отличается анализ этномиграционных аспектов и социально-политической безопасности. Учитывая, что миграционные риски при определенных обстоятельствах, в том числе и организационно-политических, не только не снижаются, а перерастают в угрозу, этот блок вопросов выделен в отдельную главу. Представления об этничности, а также о безопасности среди политиков формируют особую историческую среду и влияют как на исследователей, так и на средства массовой информации, что усложняет объект и предмет исследования. Важно обратить внимание еще на один методологический посыл: в России, для истории которой характерны процессы расширения территории и массовой колонизации без достаточно мощных природных и общественных препятствий, миграция и этничность воспринимались в естественной единой связке⁸. В советской историографии теме этносоциальной безопасности как самостоятельной проблеме уделялось недостаточное внимание, однако в современных исследованиях она приобрела самостоятельный статус. Достаточно назвать коллективный труд «Миграция и безопасность в России»⁹. Этническая миграция представляет собой «...совокупность миграционных потоков, в каждом из которых численно преобладают лица с общей этнической самоидентификацией, перемещающиеся из одного крупного этнокультурного ареала в другой и самоотчуждающиеся от отпускающего либо принимающего общества и/или отчуждаемые одним из этих обществ либо обоими вместе»¹⁰. Данное определение, включающее такое понятие, как этническая самоидентификация, является одним из ключевых в соответствующей главе книги, где обращается внимание на представления о последней разными участниками процесса и сделана попытка выяснить, как они влияли на оценку людьми доступной им безопасности. Включение

специальной главы, посвященной оценке обеспечения безопасности миграций с учетом превращения Дальнего Востока в зону масштабных контактов, диктуется необходимостью проверки важнейшего вывода, полученного на материалах других стран и регионов. Например, действительно ли ради сохранения собственной этнокультурной идентичности многие готовы пожертвовать прочими аспектами социально-политической безопасности.

Дальний Восток России с полным основанием можно отнести к территориям, где миграции являются составляющей исторического процесса и актуализируют проблему исследования решения государственных задач, тесно взаимосвязанных с обеспечением социальной и политической безопасности. Депопуляция населения, стремительно начавшаяся в 1991 г. на российском Дальнем Востоке, впервые за более чем столетний период представляет национальную угрозу, и это признается на высшем правительственном уровне. В мае 2009 г. Россия приняла доктрину «Стратегия национальной безопасности до 2020 года». И хотя она неоднозначно воспринята учеными и политиками, тем не менее данный документ официально зафиксировал ряд общественных угроз, декларируя основные цели обеспечения безопасности. Снижение степени социально-имущественного неравенства населения, стабилизация его численности в среднесрочной перспективе (а в долгосрочной – коренное улучшение демографической ситуации) официально признаны стратегическими целями обеспечения национальной безопасности в области повышения качества жизни российских граждан¹¹. В ряду важнейших задач социально-экономического развития Дальневосточного региона и страны в целом на первый план сегодня выдвигаются вопросы выработки соответствующей государственной миграционной политики, способной смягчить демографические проблемы без ущерба для интересов принимающего общества. Специалисты различных отраслей знаний изучают ее возможности и перспективы, и в их понимании исторические исследования выполняют существенную функцию. Важную роль в понимании исторических и современных проблем безопасности играют принятые исследовательские подходы, поставленные задачи, а также соответствующая группировка источников и материалов. В своей совокупности они позволяют раскрыть миграционные стратегии государства, обеспечивавшие как целостность социально-экономического пространства России, процесс интеграции мигрантов в принимающее сообщество, так и уровень, а также качество жизни на Дальнем Востоке. Учитывая современный историографический опыт по миграционной тематике XIX–XX вв., выделим базовые проблемные аспекты общей концепции второй части книги.

1. История миграций анализируется на базе концепции «миграционные риски, вызовы, угрозы — ответ государства», элементы которой разрабатывались предшественниками¹², но были адаптированы авторским коллективом к изучению прошлого. В этом терминологическом ряду риски — самый низкий уровень опасности, угрозы — самый высокий уровень.

2. Специфика исторического исследования состоит в том, чтобы раскрыть общую картину понимания и интерпретации источника опасности или угрозы (исходящей от миграций) теми, кто принимал решения, управлял миграционными мероприятиями, безусловно, на фоне современного исследовательского горизонта. В этой связи представляется необходимым исследовать основные знаковые решения и их результаты с момента зарождения дальневосточной миграционной политики, формируя исследовательское поле исторических сравнений и уроков, исторической преемственности и новаций с учетом новых вызовов.

3. В книге особое внимание уделяется изучению ответов государства, которые воплощались, прежде всего, в миграционной политике, а также механизмах управления. Это позволяет современникам, во-первых, ответить на вопрос: насколько миграционная политика государства соответствовала мотивационным устремлениям мигрантов и созданию условий для их принятия в Дальневосточном регионе. Методологическое значение понятия «ответа» заключается в том, что, во-первых, оно позволяет расширить содержательную трактовку социально-политической безопасности (в рамках бинарной взаимосвязи власти и общества) за счет обратных связей в миграционной сфере; во-вторых, ориентирует на анализ опубликованных материалов предшественниками, дополнив новыми источниками. Таким путем создается репрезентативная база для определения исторических уроков управления миграциями на Дальнем Востоке России в контексте концепции социально-политической безопасности. В принятой авторами концепции организационно-политический сюжет в истории миграций приобретает характер составной части стратегии национальной безопасности на протяжении всего изучаемого периода.

4. К числу социально-политических рисков авторский коллектив относит повторение отрицательного опыта в управлении миграциями. Ретроспективный анализ дает богатейший информационный ресурс для предотвращения таких рисков и адекватных ответов государства на последствия, вызванные массовыми перемещениями людей. Исследование причин возникновения рисков, вызовов и угроз, оценка имевших место в истории ответов государства в Дальневосточном регионе может способствовать осмыслению и обобщению наиболее эффективных и рациональных средств и способов реализации государственной

миграционной политики, помочь избежать повторения прошлых ошибок в современной практике регулирования внешней миграции.

5. Важную часть концепции монографии представляет методика исследования толерантности дальневосточного общества в постсоветский период как необходимое условие предотвращения социальной напряженности в регионе. Ситуация усложнения этнокультурного многообразия анализируется на основе предложенной А.В. Носковой¹³ методики, с учетом которой в монографии поставлены задачи: выявить, какие тенденции прослеживались во взаимоотношениях между мигрантами, приезжающими на Дальний Восток, и принимающей средой, включая власть и местное население; определить, для какой модели взаимодействия между мигрантами и принимающей средой формировались предпосылки на Дальнем Востоке.

Иницируя данный издательский проект, авторы обращают внимание на то, что большинство факторов и событий были опубликованы ранее, но в такой постановке задач исследовательская проблема на материалах Дальневосточного региона решается впервые в исторической науке. Новизна книги заключается в том, что миграция рассматривается в тесной связи с проблемами безопасности в других сферах, с учетом фактора состояния самой власти в стране, а также изменений отношений Центра к региону. Многие рассмотренные вопросы дополняют и детализируют исторический фон «ответа» государства, раскрывают причины и характер принятых решений в миграционной сфере. Главная цель авторского коллектива — проследить и установить, как влияла миграция на социальную стабильность и устойчивость общества в регионе и как это виделось власти с учетом проведения мер по обеспечению безопасности на востоке России на разных исторических этапах. И если цель достигнута, значит, есть определенные научные предпосылки в понимании ответа на вопрос о капитале исторических уроков и их месте в концепции «Стратегия национальной безопасности до 2020 г.».

* * *

Проект выполнен коллективом Отдела социально-политических исследований ИИАЭ ДВО РАН при участии коллег из других подразделений института, Тихоокеанского института географии ДВО РАН, Благовещенского государственного педагогического университета при поддержке грантов ДВО РАН № 09-III-A-11-550 «Стратегии обеспечения социально-политической безопасности на Дальнем Востоке России во второй половине XX в.»; №09-II – СО11-001 «Миграционные процессы в Азиатской России в XIX – начале XXI в.».

Руководитель авторского коллектива, ответственный редактор книги А.С. Ващук.

Над первой книгой работали: Предисловие – А.Е. Савченко, канд. ист. наук, научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН; Введение – А.С. Ващук, д-р ист. наук, профессор, заведующая Отделом социально-политических исследований Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, А.Е. Савченко; Глава 1: 1.1. А.С. Ващук, А.Е. Савченко; 1.2. А.С. Ващук, С.Г. Коваленко, канд. ист. наук, старший научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, А.Е. Савченко; 1.3–1.4. А.Е. Савченко; Глава 2: 2.1.–2.3. А.С. Ващук; Глава 3: 3.1. А.С. Ващук, 3.2. Л.А. Крушанова, канд. ист. наук, научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН; Глава 4: 4.1. Е.В. Галенко, канд. ист. наук, преподаватель Дальневосточного федерального университета; Ю.Н. Ковалевская, канд. ист. наук, старший научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН; 4.2. А.П. Коняхина, младший научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, А.Е. Савченко; 4.3. А.П. Герасименко, канд. ист. наук, старший научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН; Заключение – А.С. Ващук, А.Е. Савченко.

- ¹ Коллинз Р. Предсказание в макросоциологии: случай советского коллапса // *Время мира: Альманах современных исследований по теоретической истории, геополитике, макросоциологии, анализу мировых систем и цивилизаций*. Новосибирск, 2000. Вып. 1. С. 237 – 241.
- ² Коробеев А.И., Усс А.В., Голик Ю.В. Уголовно-правовая политика, тенденции и перспективы. Красноярск, 1991. С. 7.
- ³ Бурдые П. Описывать и предписывать: Заметка об условиях возможности и границах политической действенности // *Логос*. 2003. №4 – 5 (39). С. 33–37.
- ⁴ Краснова К.А. Роль миграционного законодательства в укреплении государственного суверенитета и обеспечении общественной безопасности Российской Федерации // *Миграционное право*. М., 2011. №3. С. 6.
- ⁵ Дмитриев А.В. Миграция: конфликтное измерение. М.: Альфа-М, 2006. 430 с.; Его же. Конфликтогенность миграции: глобальный аспект (доклад) // II Всероссийский социологический конгресс // *Электронная библиотека социологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова*. URL: <http://lib.socio.msu.ru/1/library?e=d-000-00---0kongress--00-0-0-0prompt-10---4-----0-11--1-ru-50--20-about---00031-001-1-0utfZz-8-00&cl=CL1&d=HASH4da6619819d0634162a159-.2.3&g> (дата обращения: 25.04.2012); Бобков Ф.Д. Современный глобальный капитализм. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2003. С.334–336.

- 6 Гельбрас В.Г. Китайская реальность в России. М.: Муравей, 2001. С. 5–15; Доклад С.Д. Меркулова Великому Князю Александру Михайловичу. СПб., 1912; Ларин В.Л. Российско-китайские отношения в региональных измерениях (80-е годы XX – начало XXI века). М.: Восток-Запад, 2005. 390 с.; Ларин В.Л., Ларина Л.Л. Окружающий мир глазами дальневосточников: эволюция взглядов и представлений на рубеже XX–XXI веков. Владивосток: Дальнаука, 2011. С.136–180; Ларин В.Л. Синдром «желтой опасности» в дальневосточной политике России в начале и в конце XX в. // Известия РГА ДВ. 1996. Т.1. С. 34–52; Его же. Китайцы в России вчера и сегодня: исторический очерк. М.: Муравей, 2003. 223 с.; Залеская О.В. Китайские мигранты на Дальнем Востоке России (1858–1938): дис. ... д-ра ист. наук. Благовещенск, 2009. С. 27–50.
- 7 Сорокина Т.Н. Хозяйственная деятельность китайских подданных на Дальнем Востоке России и политика администрации Приамурского края (конец XIX в. – начало XX в.): автореф. дис... канд. ист. наук. Омск, 1998. 25 с.; Залеская О.В. Китайские мигранты на Дальнем Востоке России (1917–1938 гг.). Владивосток, 2009. С. 22, 24, 26, 31, 36–53; Нестерова Е.И. Взаимодействие русской администрации и китайских мигрантов на юге Дальнего Востока России (вторая половина XIX – начало XX в.). Владивосток: Изд-во ДВГУ, 2004; Её же. Русская администрация и китайские мигранты на юге Дальнего Востока России (вторая половина XIX – начало XX в.) / отв. ред. В.Н. Соколов. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2004. 372 с.; Балашова Н.А., Игнатова Е.А., Непомнящих И.В. и др. Деятельность региональных миграционных служб на востоке Российской Федерации. Иркутск: ЗАО «Полиград», 2006. С.141–175; Синиченко В.В. Правонарушения иностранцев на востоке Российской империи во второй половине XIX – начале XX в. Иркутск: Вост.-Сиб. ин-т МВД России, 2003. 192 с.; Друзяка А.В. Исторический опыт государственного регулирования внешней миграции на юге Дальнего Востока России (1858–2008). С.23–44, 138–158.
- 8 Ахиезер А.С. Диалектика урбанизации и миграции в России //Общественные науки и современность. 2000. №1. С. 79.
- 9 Миграция и безопасность в России / под ред. Г. Витковской и С. Панарина; Моск. Центр Карнеги. М.: Интердиалект, 2000. 341 с.
- 10 Панарин С. Безопасность и этническая миграция в Россию. Pro et Contra. 1998. Т. 3. № 4. С.5.
- 11 О стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года: Указ Президента Российской Федерации от 12 мая 2009 г. №537 // Российская газета. 2009. 19 мая.
- 12 Краснова К.А. Роль миграционного законодательства в укреплении государственного суверенитета и обеспечении общественной безопасности Российской Федерации // Миграционное право. М., 2011. №3 С.6; Балашова Т.Н. Национальный интерес и национальная безопасность в контексте миграции населения: взаимосвязь и взаимодействия // Общество и право. 2008. №1. С. 23–31; Розов Н.С. Колея и перевал: Макросоциологические основания стратегий России в XXI веке. М.: РОССПЭН, 2011. С.578–592, 606–612; Социально-демографическая безопасность России. Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2008. С. 331–358; Миграция и безопасность в России / под ред. Г. Витковской и С. Панарина; Панарин С. Безопасность и этническая миграция в Россию. С.5–27; и др.

- ¹³ Носкова А.В. Миграция в России: этнокультурная интеграция или изоляция// Материалы международной конференции «Пражский диалог о Европе в XXI веке» (Прага. 13–15 мая 2009 г.) URL: http://www.demographia.ru/articles_N/index.html?idR=44&idArt=1430 (дата обращения: 29.09.2011).

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. ВМЕСТО ВВЕДЕНИЯ

Специфика современной историографической ситуации такова, что термин «безопасность» проник в понятийный аппарат научных дисциплин об обществе и государстве. Изучение истории России на основе концепции общественной (социально-политической) безопасности в отечественной литературе имеет определенный историографический багаж и не является абсолютно новым направлением в исторической науке. В отечественной историографии были периоды, когда исследователи, не пользуясь категорией «безопасность», активно изучали темы, связанные с обеспечением целостности государства, анализировали события, акцентируя внимание на факторах угрозы стабильности народонаселению. В отечественной исторической науке особенно много работ посвящено изучению конфликтов, восстаний, войн. Тем не менее некоторые ученые считают, что русская интеллектуальная традиция проблеме безопасности уделяла поразительно мало внимания¹. Впрочем, относительно истории изучения миграций в период освоения Дальнего Востока трудно согласиться с такой оценкой. Видение угрозы в миграционных процессах, развивающихся в данном регионе, было весьма распространенным явлением среди политиков и исследователей. В документации, направляемой в верховные органы власти дальневосточным управленческим аппаратом, это прослеживалось достаточно ярко.

С позиций сегодняшнего исторического горизонта исследователя, безопасность в СССР отражалась доктриной классовой борьбы, включая охрану политического строя². Таким образом, сам термин фактически не употреблялся. Безопасность политического режима обеспечивалась методами устранения «врагов народа» и проведения в жизнь мер «революционной законности». В 1947 г. был издан 52-й том «Большой советской энциклопедии», где в соответствующей статье говори-

лось о «социалистической законности», в частности, отмечалось, что на всех пройденных этапах социалистическая законность является одним из важнейших методов государственного руководства обществом³. Советские идеологи создали свой специфический язык для описания истории советского государства, его политики и общества.

Понятие «безопасность» появляется сначала в политическом лексиконе зарубежных экспертов и утверждается как официальный термин после создания на Западе Совета Безопасности ООН. Идеологическое противостояние двух социально-политических и экономических систем повлияло на содержательные трактовки входящего в политический обиход термина. В СССР под безопасностью в сфере политики идеологи понимали, прежде всего, обеспечение тотального контроля государства над обществом. Эта ментальная черта отразилась в названии специального органа Комитета государственной безопасности при Совете Министров СССР, созданного 13 марта 1954 г. Он просуществовал до 3 декабря 1991 г., когда Президент СССР М.С. Горбачев подписал Закон «О реорганизации органов государственной безопасности», на основании которого был упразднен КГБ СССР и созданы российские спецслужбы.

В разные времена советская политическая элита документально не оформляла свои намерения и мероприятия по обеспечению социально-политической безопасности, но эти проблемы всегда были ядром внутренней политики и идеологии. Специфическим подходом советского руководства к проблемам социально-политической безопасности является идеологическое оформление их в формате доктрины классовой борьбы. После Второй мировой войны изменилась сама вариативность классовых врагов и явлений, которые в понимании руководящей элиты угрожали общественному строю. Второй отличительной чертой понимания проблемы безопасности советских времен является форма выражения стратегии социально-политической безопасности – принятие значительного числа указов, постановлений по конкретным вопросам, часто как закрытых документов и секретных от общества.

В условиях «холодной войны» советская политическая элита особое значение придавала охране режима и укреплению обороноспособности страны. К сожалению, в официальных бюджетах реальная сумма военных расходов не называлась никогда. Военные программы рассматривались и принимались самым узким кругом правящей верхушки. Точно неизвестно, какую долю в валом продукте страны составляло в советское время военное производство. Называют 70% и более⁴. Именно в контексте этих двух задач руководство рассматривало политику безопасности. Им подчинялись и все меры по регулированию социаль-

ных отношений. А вся система управления обществом и территориями выстраивалась как стратегия социально-политической безопасности. В плане безопасности управления территориями у СССР в азиатской ее части после войны возникли серьезные проблемы: Северо-Восток, Сахалин и Курилы.

Конечно, было бы упрощением сводить политику советского государства по обеспечению безопасности исключительно к административно-силовым мерам. Наоборот, в отечественной истории второй половины XX в. существовал особый период, когда советская политическая элита ставила задачу обеспечить стабильное развитие общества с помощью стратегии стирания территориальных различий в уровне жизни населения центра и ряда регионов, в число которых входил Дальний Восток. Понятию «социально-политическая безопасность» страны фактически соответствовала трактовка широко распространенного идеологического тезиса «необходимости укрепления советского строя» и борьбы с частнособственническими тенденциями. Об этом свидетельствуют планы пропагандистской работы: «Частнособственнические отношения, подчинение всей духовной жизни людей интересам денежного мешка, интересам наживы уродуют и калечат человека, толкают его на самые гнусные поступки и преступления. Нужно показывать растление нравов в капиталистическом обществе»⁵, «...разоблачая басни американской пропаганды об уровне жизни всех классов и слоев населения Америки»⁶. Угроза ассоциировалась с проникновением частнособственнических настроений, поэтому пропагандировалась эффективность советской социальной политики.

Следует подчеркнуть, что в годы лидерства Н.С. Хрущева само использование термина значительно расширилось за счет его содержательной трактовки. В партийно-государственных документах, особенно в материалах съездов, разделах, посвященных анализу международной обстановке, «безопасность» стали отождествлять с представлением о благодетельном мире, который обеспечивался советским людям благодаря политике КПСС и советского правительства. Понятие «безопасность» употреблялось в тесной связке с миротворческой ролью власти КПСС на международной арене и установлением советской или социалистической законности внутри страны, а также совершенствованием системы управления и регулирования общественных отношений. Материалы XX съезда КПСС на долгие годы определили понятийный аппарат историков, анализировавших развитие социализма как системы и появившиеся преграды на его пути — культ личности и репрессии. Другой стороной политического дискурса являлось то, что политики, а вслед за ними обществоведы стали связывать «безопасность» с системой советских общественных отношений. В отличие от либеральных

воззрений классовая концепция базировалась на роли государства в обеспечении безопасности. Если выразить сущность общественных отношений, установившихся в СССР, языком современной социальной науки, то их можно определить как конформистские отношения в рамках «партийная власть и подданные». Интересы советского общества отождествлялись с государственными. Ориентиром служило обеспечение безопасности, прежде всего партийно-государственной власти, которая в свою очередь отождествлялась с социализмом. Однако в процессе управления в каждой сфере жизнедеятельности проявлялись свои признаки и проступали региональные, культурные и социальные характеристики. В СССР сформировалась специфическая сфера социально-политических отношений по линии Центр – регионы.

Концептуальное наполнение понятия «безопасность» начало интенсивно развиваться в постсоветский период. Хотя собственно Совет Безопасности СССР был создан на излете советской эпохи – 26 декабря 1990 г., в нём доминировали «силовые» и «чрезвычайные» составляющие. В его компетенцию, например, входили: «...выработка рекомендаций по проведению в жизнь общесоюзной политики в области обороны страны, по поддержанию государственной, экономической и экологической безопасности, по преодолению последствий стихийных бедствий и других чрезвычайных ситуаций, по обеспечению стабильности и правового порядка в обществе»⁷.

Совет Безопасности Российской Федерации был образован Указом Президента от 3 июня 1992 г., и его функции (в сравнении с советским предшественником) были значительно шире: обеспечение «...реализации функций Президента Российской Федерации по управлению государством, формированию внутренней, внешней и военной политики в области безопасности, сохранению государственного суверенитета России, поддержанию социально-политической стабильности в обществе, защите прав и свобод граждан»⁸. В одном из наиболее ранних актов – Законе Российской Федерации «О безопасности», принятом 5 марта 1992 г., безопасность понимается как «...состояние защищённости жизненно важных интересов личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз»⁹. Жизненно важные интересы – «...совокупность потребностей, удовлетворение которых надёжно обеспечивает существование и возможности прогрессивного развития»¹⁰.

Отдельно стоит остановиться на интересах государства, которые раскрываются положениями принятой в 1997 г. «Концепции национальной безопасности Российской Федерации»¹¹. Согласно этому документу интересы государства во внутривластной сфере состоят в «...незыблемости институтов государственной власти, в обеспечении

гражданского мира и национального согласия, территориальной целостности, единства правового пространства, правопорядка и в завершении процесса становления демократического общества...»¹².

В «Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года», принятой в мае 2009 г. и заменившей собой вышеупомянутую «Концепцию», национальная безопасность трактуется как «...состояние защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз, которое позволяет обеспечить конституционные права, свободы, достойные качество и уровень жизни граждан, суверенитет, территориальную целостность и устойчивое развитие Российской Федерации, оборону и безопасность государства»¹³. Данное определение более ёмкое, но оно не отменяет нашу государствоцентричную трактовку, тем более, что в следующем пункте «Стратегии» даётся определение «национальных интересов» Российской Федерации, которые представляют собой *«совокупность внутренних и внешних потребностей государства (курсив наш. — А.С. Ващук, А.Е. Савченко)* в обеспечении защищенности и устойчивого развития личности, общества и государства». В пункте 23 третьего раздела «Стратегии» основными приоритетами национальной безопасности Российской Федерации провозглашены национальная оборона, государственная и общественная безопасность. В следующем разделе «Стратегии» обеспечение национальной безопасности связывается с «ресурсными возможностями государства»¹⁴.

Обоснование замысла

В настоящее время тематика социально-политической безопасности разрабатывается в основном в рамках политологии и на современном эмпирическом материале. Общепринятым исследовательским приёмом является анализ современной ситуации, выявление тенденций и факторов (которые интерпретируются как «угрозы»), препятствующих сохранению стабильности и достижению стратегических целей. За этим обычно следует выработка рекомендаций по их нейтрализации, что и понимается как обеспечение безопасности. Избранная нами тема устремлена в настоящее и будущее, а не в прошлое. Для чего же понадобилось проводить ещё и историческое исследование стратегий обеспечения социально-политической безопасности, тем более на Дальнем Востоке?

Краткое объяснение состоит в том, что исторический подход к данной теме наряду с некоторыми ограничениями имеет свои преимущества. В советском официальном лексиконе не было такого слово-

сочетания, как «социально-политическая безопасность». Более того, сформулированная стратегия безопасности — явление для России во все не давнее. Отсюда основная особенность исторического исследования проблемы. Перед авторами была почти детективная задача: по ряду определённых признаков отыскивать то, что хотя и существовало реально, но явно не называлось, а в лучшем случае лишь подразумевалось, и из отдельных элементов воссоздавать цельную картину. Другими словами, те, кто участвовал в создании и реализации стратегий социально-политической безопасности на Дальнем Востоке во второй половине XX в., со всей очевидностью не осознавали эту деятельность ни как «стратегию», ни то, что она направлена на обеспечение именно социально-политической безопасности. Этот исторический контекст предполагает и особый исследовательский приём: взгляд в прошлое с позиций настоящего.

Вышесказанное означает, что стратегии обеспечения социально-политической безопасности второй половины XX в. могут быть реконструированы только на основе синтеза доступного эмпирического материала и теоретических построений. Это отчасти оправдывает стремление авторов рассматривать историю Дальнего Востока в «несобытийном» формате, пытаясь увидеть в ней отражение среднесрочных исторических процессов. Не только угрозы и ответы на них, но эволюция угроз и многообразие вариантов ответов в контексте динамики основной системы обеспечения безопасности государства — вот главные составляющие исторического исследования избранной проблемы.

Формулировка понятия

Поскольку понятие «социально-политическая безопасность» родом из современности, а исследовать предстоит преимущественно прошлое, постольку необходимо строго определить — что имеется в виду. Мы попытаемся дать свою формулировку «социально-политической безопасности», увязав её как с «материнским» понятием «национальная безопасность», так и с дальневосточным измерением.

В отличие от распространённого понимания безопасности Дальнего Востока как проблемы соотношения и взаимодействия различных государств Азиатско-Тихоокеанского региона в данной работе безопасность понимается, прежде всего, во внутривнутриполитическом контексте как проблема государственного управления и рассматривается через аналитическую конструкцию «социально-политическая безопасность» (безопасность). Социально-политическая безопасность в региональном измерении, в том числе и в связи с региональной политикой, с

недавнего времени также стала объектом изучения преимущественно в рамках политической науки. При этом исследователи отмечают недостаточную разработанность проблемы и неоднозначность содержательной трактовки категории «политическая безопасность»¹⁵. Если говорить о региональном аспекте, то здесь указывается на тот факт, что в федеральных нормативных актах «...практически не уделяется внимания национальной безопасности на уровне субъектов Российской Федерации, не сформирован понятийный аппарат... не обозначен механизм её обеспечения»¹⁶. Само понятие «социально-политическая безопасность» отмечено неопределённостью — ни в одном энциклопедическом словаре нет его полного толкования¹⁷.

Необходимо заметить, что и «национальная безопасность» трактуется предельно широко¹⁸. Её компонент присутствует во всех действиях государства. Всеохватность и как следствие неуловимость точного содержания безопасности объясняется тем, что эта категория скорее ценностная, как, допустим, «свобода», и ею сложно оперировать на уровне конкретики. Такое положение наблюдается не только в России, но имеет место и в США. Например, американский политолог Х. Хафтендорн определяет безопасность как «долговременное поддержание ценностей или системы и отсутствие угрозы им»¹⁹. Очевидно, требуется точное определение интересующего нас понятия в узком контексте решаемой задачи. И здесь может помочь лингвистический анализ.

В переводе на английский термин «безопасность» (security) имеет три значения: безопасность; надёжность; уверенность. Легко заметить, что это не три, но одно понятие в разных его оттенках. Примечательно, что одно из древнегреческих значений безопасности переводится как владение ситуацией²⁰, т.е. близко по смыслу к понятиям «управлять», «управляемость», которые в переводе на английский (govern) означают: управлять, править, руководить, владеть. При добавлении к понятию «безопасность» прилагательного «политическая», проведённый выше анализ позволяет видеть, где пересекаются политика и безопасность.

Как известно, политика в веберовском её понимании имеет два значения — политика как борьба за власть и политика как управление²¹. Уместно предположить, что «политика» и «безопасность» соприкасаются именно в управлении, шире — в управляемости, которая подразумевает и владение ситуацией, и надёжность, а следовательно, и уверенность. Не формулируя этого явно, некоторые исследователи приходят к подобному заключению. Например А.А. Башкунов выделяет следующую зависимость: «...утрата правительством управляемости в политическом диапазоне неизбежно ведёт к резкому снижению уровня безопасности во всех сферах общества»²².

Всё вышесказанное даёт основание сделать вывод о существовании тесной взаимосвязи безопасности и управляемости, в некотором смысле – это однозначные понятия. Какой-либо социально-политический процесс или явление становятся опасными для государства, когда выходят из-под его контроля.

Цель нашего исследования требует не только определить содержание понятия «социально-политическая безопасность», но и связать его с региональной политикой и с дальневосточной, в частности. Взаимодействие социально-политической безопасности и региональной политики призвано разрешить одну из принципиальных проблем безопасности – обеспечить единство безопасности и развития. Безопасность обеспечивается развитием, но само развитие часто связано с рисками ослабления управляемости. Отсюда возникает дилемма – какой цели должна быть подчинена политика безопасности: обеспечению стабильности (как условия для развития) или обеспечению развития (как условия сохранения стабильности). Как видно из официальных документов и научных работ, задача политики безопасности – устранить все препятствия на пути реализации интересов, которые в общем виде состоят в прогрессивном развитии. Задача региональной политики – управлять этим развитием на всей территории страны.

Социально-политическая безопасность в дальневосточном измерении

Проблемы территориального управления и развития регионов занимают особое место в истории России XX в., внимание органов власти к ним традиционно связано с задачами социально-политической безопасности страны. Гигантское и разнообразное российское пространство порождает многочисленные геополитические напряжения, требующие концентрации и активного перераспределения финансовых, человеческих и организационных ресурсов. Вследствие этого развитие территорий определяло одно условие целостности государства, а хозяйственная взаимозависимость и социальный контроль над доходами и расходами населения были направлены на охрану существовавшего социального и политического порядка.

Стоит ли говорить о том, что Дальний Восток занимает особое место в стратегии безопасности Российского государства? Это эхо последнего трехвекового (середина XVII – XIX вв.) цикла территориальной экспансии, одного из самых длинных и наиболее успешных в мировой истории²³. Эти территории закреплялись в составе России при совершенно других демографических и геополитических условиях, с помо-

щью ресурсов (прежде всего человеческих), которых в настоящее время уже нет в распоряжении власти. Обширная территория – это сила державы и одновременно её слабость. Она не только расширяет, но и определяет пределы возможностей того или иного государства в зависимости от демографических, экономических и административных ресурсов.

Современная Россия со своей огромной территорией балансирует на тонкой грани между преимуществом в размерах и ресурсах и бременем чрезмерного территориального расширения*. Чтобы реализовать потенциальные преимущества обладания Дальним Востоком, требуются экстраординарные инструменты, нестандартные решения и концентрация ресурсов, в своём объеме далеко превосходящих те, что может предоставить данный регион. Достаточно сказать, что не в самом экономически благополучном 2011 г. инвестиции в Дальний Восток составили порядка триллиона рублей в основном бюджетных или связанных с государством компаний²⁴. Это неудивительно, если иметь в виду то обстоятельство, что данный регион исторически осваивался организующей силой государства, а администрация, как заметил приамурский чиновник начала XX в., явилась здесь раньше населения²⁵. В связи с этим не кажется случайным, что стратегические вопросы развития Дальнего Востока довольно часто рассматриваются не в Министерстве экономического развития, а в Совете Безопасности.

Теоретическая основа

Теоретический каркас выстраивался в соответствии с целями и задачами данного исследования. Необходимо было создать такую конструкцию, в рамках которой можно было бы рассматривать стратегию социально-политической безопасности в свете системного и геополитического аспектов функционирования государства. Это связано с тем, что вышеназванная стратегия формировалась в первую очередь как внутривластный курс, направленный на удержание власти правя-

* Чрезмерное территориальное расширение и порождаемые им ресурсный дефицит и политические противоречия – ключевой фактор системной и территориальной дезинтеграции государств. В частности, именно на основе геополитической теории и гипотезы чрезмерного территориального расширения Р. Коллинз в 1980 г. сделал научное предсказание коллапса и дезинтеграции Советского Союза. См.: Коллинз Р. Предсказание в макросоциологии: случай советского коллапса // *Время мира: Историческая макросоциология в XX веке* / под ред. Н.С. Розова. Новосибирск, 2000. Вып. 1. С. 234–278.

шей группой и обеспечение управляемости обществом. Но она в силу, как минимум, двух причин реагировала и на геополитические условия. Во-первых, функционирование государства тесно связано с материальными ресурсами (налоги, продукция предприятий промышленности, природные ресурсы и внешние рынки их сбыта и т.д.), которые расположены не иначе, как на определённой территории. Во-вторых, государство неизбежно конкурирует с другими государствами как в политико-идеологическом и экономическом измерениях (в советский период – противостояние двух систем: капитализма и социализма), так и в военно-стратегическом аспекте. Оба эти фактора на протяжении большей части рассматриваемого нами периода формировали мощные импульсы к освоению восточных территорий (и не только восточных, скорее можно говорить об общей «экспансии» на периферию), что выразилось в управлении миграционными потоками, принятии различных амбициозных программ развития, реализации инфраструктурных мега-проектов (от БАМа до саммита АТЭС 2012 г.).

В самом общем плане мы базируемся на концепции «вызов–ответ», которая была сформулирована А. Тойнби в рамках цивилизационного подхода, но с тех пор вошла в самое широкое употребление. Стратегия безопасности выступает как «ответ» государства на «угрозы», имеющие как внутреннее (социально-политическое), так и внешнее (геополитическое) происхождение.

Соответственно этой концепции, а также нашей трактовке «социально-политической безопасности» используется следующая терминология:

- «угрозы» – явления и тенденции, подрывающие управляемость социально-политическими процессами;
- «ответы» – меры, предпринимаемые государством для нейтрализации и предупреждения соответствующих угроз;
- «государство» как основной субъект и одновременно объект обеспечения безопасности;
- «территория» может как создавать угрозы гео- и внутривнутриполитического свойства (необходимость охраны границ, конкуренция с сопредельными государствами, обеспечение и административно-политический контроль проживающего на территории населения, необходимость создания и поддержания инфраструктуры), так и предоставлять ресурсы (прежде всего материальные) для ответов на угрозы.

К этому стоит добавить, что угрозы могут быть условно разделены на внутренние и внешние. Внутренние угрозы связаны главным образом с задачами и особенностями функционирования государства, с типом политической системы (например, низкие темпы экономического

роста, ослабление политического контроля над обществом, за миграционными потоками, неблагоприятная демографическая динамика и т.д.). Внешние связаны преимущественно с геополитическим положением государства и региона, международным экономическим и военным соперничеством.

Соответственно нам нужны теории, с помощью которых можно интегрировать внешние и внутренние аспекты функционирования государства. Первая ориентирована на внутренний аспект. Это военнорезервная теория государства, согласно которой его важнейшей целью является изъятие части ресурсов общества для решения прочих задач²⁶.

Можно представить упрощённую модель государства как систему обмена материальными и символическими ресурсами между тремя звеньями: центральный уровень власти – региональный уровень власти – общество. Взаимоотношения Центр–периферия позволяют выйти на одно из важнейших измерений эффективности государства – работу бюрократического аппарата не только в плане его подконтрольности Центру, но и в плане его способности контролировать ситуацию в регионах, налаживать взаимосвязь с ключевыми группами общества, мобилизовать их как материальные, так и символические ресурсы^{27*}. Каналы обмена ресурсами выражают взаимосвязь Центра, регионального уровня власти и общества. Прочность этой взаимосвязи выступает показателем эффективности государства.

В идеальном варианте функционирование Российского государства происходит по следующей схеме: Центр через региональных правителей мобилизует ресурсы общества, перераспределяет их вниз, региональные власти организуют общественную активность на местах, в результате чего материальные и символические ресурсы системы должны непрерывно увеличиваться. Получается что-то наподобие «вечного двигателя». Это не абстракция – именно такой принцип заложен во все сколько-нибудь значимые программы экономического или регионального развития. Схематически набросанная модель представляет собой, конечно же, «идеальный тип», но она тем не менее помогает выявить несоответствие «идеала» и «реальности». Стратегии безопасности оформлялись преимущественно в качестве ответа на сокращение ресурсов системы (т.е. системы государственного управления) или же на угрозу такого сокращения. Такие стратегии подразумевали соответствующую настройку в различных сегментах бюрократии, изменения взаимоотношений власти и общества.

* Под символическими ресурсами в данной работе понимается «доверие», означающее как широкую поддержку власти со стороны общества, так и лояльность между различными уровнями бюрократической иерархии.

С уровнем ресурсов государства тесно связана и теория, призванная объяснить территориальный аспект стратегий безопасности. Речь идёт о геополитической теории Р. Коллинза, согласно которой ресурсное обеспечение государства определяется геополитической ситуацией, в которой оно находится. С помощью этой теории российский Дальний Восток можно рассматривать в довольно занимательной диалектике: с одной стороны, обладание этим регионом увеличивало преимущество государства в размерах и ресурсах и соответственно его управленческую и геополитическую мощь. Однако же оборотной стороной этого могущества была постоянная угроза «чрезмерного расширения», которая чревата ресурсным напряжением и государственной дезинтеграцией²⁸.

Чем обширнее территория государства, тем богаче его ресурсный потенциал, который приходится расходовать на контроль за подвластным населением на удалённых территориях и на защиту границы от внешних врагов. Объединяя этот вывод изложенным, приходится предположить: чем больше государство отпускает ресурсов на проблемы геополитики, тем меньше их остается для внутреннего функционирования и тем сложнее поддерживать контроль и согласие в среде бюрократии и общества. Не меньше оснований имеет и противоположное мнение: уровень доступных государству ресурсов влияет и на его политику в отношении периферийных территорий. Не этим ли объясняется известная импульсивность дальневосточной политики? На этот вопрос мы попытаемся ответить в нашей книге.

¹ Панарин С. Безопасность и этническая миграция в Россию // Pro et Contra. С.11.

² Буркин А.И., Возженников А.В., Синеок Н.В. Национальная безопасность России в контексте современных политических процессов. Изд. 2-е, доп. /под общ. ред А.В. Возженникова. М.:Изд-во РАГС, 2008. С.129 – 144.

³ Большая советская энциклопедия /гл. ред. О.Ю. Шмидт. [1-е изд.]. Т. 1–65 + т. СССР. М.: «Сов. энциклопедия», 1926–1947. Т. 52. Сознание – Стратегия. 1947. 944 стлб., ил.; 21 л. ил., портр., карт.; Большая советская энциклопедия (цитаты). URL: <http://oval.ru/enc/26870.html> (дата обращения: 25.04.2012).

⁴ Яковлев А. Сумерки. М.: ООО «Издат. фирма Материк», 2003. С.242.

⁵ Сталин и космополитизм. 1945–1953: Документы Агитпропа ЦК / под общ. ред. акад. А.Н. Яковлева; сост. Д.Г. Наджаров, З.С. Белоусова. М.: МФД: Материк, 2005. (Россия. XX век. Документы). С.110.

⁶ Там же. С. 322.

⁷ Официальный сайт Совета Безопасности Российской Федерации. URL: <http://www.scrf.gov.ru/documents/11/15.html> (дата обращения: 17.09.2012).

⁸ Там же.

- 9 О безопасности: федеральный закон от 5 марта 1992 г. №2446-1. URL: <http://www.scrf.gov.ru/documents/20.html> (дата обращения: 17.09.2012).
- 10 Там же.
- 11 В соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 12 мая 2009 г. №537 данная концепция утратила силу.
- 12 Концепция национальной безопасности Российской Федерации. URL: <http://www.scrf.gov.ru/documents/1.html> (дата обращения: 17.09.2012).
- 13 Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года. URL: <http://archive.kremlin.ru/text/docs/2009/05/216229.shtml> (дата обращения: 17.09.2012).
- 14 Там же.
- 15 Дармокрик В.Ф. Политическая безопасность в современной России: дис. ... канд. полит. наук. Саратов, 2007. 118 с.
- 16 Федотов Д.А. Социально-политическая безопасность субъекта Российской Федерации (на примере Забайкальского края): дис. ...канд. полит. наук. Чита, 2008. С. 31.
- 17 Башкунов А.А. Социально-политическая безопасность регионов как фактор национальной безопасности современной России: дис. ...канд. полит. наук. Орёл, 2009. С. 38 – 39.
- 18 КОРТУНОВ С. В. Диалектика национальной и международной безопасности: некоторые методологические проблемы // Полис. 2009. № 1. С. 19; Прохожев А.А. Регионы России: социальное развитие и безопасность. М.: Типография «Новости», 2004. С. 7.
- 19 Концепция национальной безопасности в современной американской политологии. Научно-аналитический обзор / сост. О.Н. Новикова. М.: РАН ИНИОН, 1994. С. 5.
- 20 Родачин В.М. Безопасность как социальное явление // Право и безопасность. 2004. №4. URL: http://dpr.ru/prvo/pravo_10_5.htm (дата обращения: 17.09.2012).
- 21 Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. С. 666.
- 22 Башкунов А.А. Социально-политическая безопасность регионов как фактор национальной безопасности современной России... С. 39.
- 23 Турчин П.В. Историческая динамика: На пути к теоретической истории. М.: Издательство ЛКИ, 2007. С. 257.
- 24 Интервью полномочного представителя Президента РФ в ДВФО В. Ишаева ведущим региональным газетам о социально-экономической ситуации на Дальнем Востоке.1 марта 2012 г. URL: <http://dfo.gov.ru/index/php?id=44&oid=2508> (дата обращения: 17.09.2012).
- 25 Ремнев А.В. Россия Дальнего Востока: Имперская география власти XIX – начала XX веков. Омск: ОмГУ, 2004. С. 13.
- 26 Тилли Ч. Принуждение, капитал и европейские государства. 1900–1992 гг. М.: Издат. дом «Территория будущего», 2009. 360 с.
- 27 Каппелли О. «До-современное» государственное строительство в постсоветской России // Прогнозис. 2009. №1 (17). С. 131–175.
- 28 Коллинз Р. Предсказания в макросоциологии: случай советского коллапса // Время мира. Новосибирск, 1998. Вып. 1. С. 241.

Глава 1

ДАЛЬНИЙ ВОСТОК В РЕГИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ ЦЕНТРА. ЗАДАЧИ РАЗВИТИЯ И ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

1.1. «ВЕЕР ВОЗМОЖНОСТЕЙ» И ДИНАМИЧЕСКИЕ СТРАТЕГИИ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ ДЛЯ СТРАНЫ И РЕГИОНА (середина 1950–1960-х гг.)

Середина 1950–1960-х гг. – переломный период советской истории, когда развернувшаяся десталинизация поставила высшее руководство перед необходимостью поиска того, что Ю.С. Пивоваров назвал «новой технологией «быть сверху»¹. Именно бюрократия придала импульс к изменениям. С одной стороны, угрозы исходили из самой системы власти – репрессивного принципа обеспечения прозрачности, управляемости и кадровой мобильности бюрократии (чистки) и контроля над обществом; с другой – изменение этих механизмов порождало угрозу утраты власти, для чего требовалось заменить страх на лояльность. Несмотря на то, что политическая система страны выглядела устойчивой, «...в обществе накапливалась энергия огромной разрушительной силы»². Причиной были не только преступления сталинского режима, создавшего огромную зону подневольного труда ГУЛАГ. В демонтаже сложившейся системы были заинтересованы все слои общества и в первую очередь – могущественный слой партийно-государственной бюрократии, желавшей избавиться от постоянного страха за

свою жизнь и карьеру, а также войти в более размеренный ритм работы. В то же время советским людям послевоенной поры «...страстно хотелось верить в скорое наступление изобилия. ...Война и победа виделись историческим рубежом, за которым остались пережитые ужасы и тяготы...»³

Вместе с тем сталинская система ассоциировалась как с победой, так и с рекордно быстрым послевоенным восстановлением экономики страны. Мировая история свидетельствует – когда государство находится в такой престижной статусной позиции, у правящей элиты мало стимулов для радикальных изменений в сфере государственного управления⁴. Более того, стартовавшее вскоре после войны глобальное соперничество с США отвлекало ресурсы от социального и территориального развития в пользу обороны. Разрушать сложившуюся систему в условиях, когда решающее соревнование с капитализмом только начиналось, а в связи со смертью И.В. Сталина политическая система потеряла устойчивость, казалось опасным. Персональные изменения в составе Политбюро и правительства, а также в партийных структурах на местах, доклад Н.С. Хрущёва «О культе личности и его последствиях» на XX съезде КПСС – все это свидетельствовало о высокой степени напряжения среди высшего руководства. Доклад представлял такую угрозу для политической стабильности, что его долго боялись публиковать, запрещали обсуждать, хотя в партийных организациях на закрытых собраниях выражали своё мнение⁵. А.Н. Яковлев, работавший в тот период в Центральном Комитете, вспоминает: «подавляющая часть чиновников в аппарате ЦК доклад Хрущёва встретила отрицательно, но открытых разговоров избегала. Шушукались по углам. ...Такой удар партия может и не пережить»⁶. Пусть подспудно, тем не менее в обществе началась дискуссия о характере самой советской системы. Нормализовать систему государственного управления, пойти на перемены и при этом удержать в русле начинавшую выходить из берегов энергию общества – перед такой дилеммой встало высшее руководство страны в середине 1950-х гг.

Пытаясь в корне пресечь угрозу дестабилизации, после XX съезда оно предприняло ряд шагов по усилению борьбы с антипартийными и антисоветскими настроениями. Так, в июле 1956 г. ЦК разослал в партийные организации письмо, где говорилось о репрессивных мерах и привлечении к ответственности отдельных коммунистов, а также о роспуске партийных организаций Теплотехнической лаборатории АН СССР «...за неправильное обсуждение решений XX съезда», в которой научно-техническая интеллигенция критически обсуждала доклад Н.С. Хрущёва и требовала более решительной демократизации⁷. Через пять месяцев партийные организации получили другое письмо

«Об усилении политической работы партийных организаций в массах и пресечении вылазок антисоветских, враждебных элементов», в котором вновь возродился ярлык «вражье охвостье»⁸. По стране прокатилась волна арестов и приговоров за «клевету на советскую действительность» и ревизионизм. Только за 1957 г. было осуждено 1964 чел., за 1958 г. — 1416⁹ чел.

В то же время введены некоторые новшества в репрессивно-карательной деятельности, создававшие юридическую основу выхода тысяч людей на свободу. В частности, издан Указ Президиума Верховного Совета СССР от 28 июля 1956 г. «О подсудности дел о государственных преступлениях»¹⁰, свидетельствующий об упорядочении практики осуждения и вынесения приговоров. Политические дела, включая их наиболее многочисленную группу об антисоветской агитации и пропаганде, стали рассматриваться в подавляющем большинстве в общегражданских судах. Прекратилась массовая фабрикация дел о контрреволюционных организациях, но применение статьи 58-11 по-прежнему имело широкое распространение. В карательной практике появился, так сказать более тонкий инструмент — «профилактирование» за антисоветские высказывания. Официальный статус эта мера получила после доклада Н.С. Хрущёва на XXI съезде КПСС в 1959 г., хотя речь шла о всей преступности в СССР.

Дилемма двух необходимостей — либерализация советского государства и сохранение его устойчивости — предельно ясно, хотя и ретроспективно, была сформулирована Н.С. Хрущёвым в его воспоминаниях: «Решаясь на приход оттепели и идя на неё сознательно, руководство СССР, в том числе и я, одновременно побаивались её: как бы из-за неё не наступило половодье, которое захлестнёт нас и с которым нам будет трудно справиться.... Опасались, что руководство не сумеет справиться со своими функциями и направлять процесс изменений по такому руслу, чтобы оно оставалось советским»¹¹. К этой цитате стоит добавить, что опасения Первого секретаря разделялись и на низовом уровне партийного руководства. Уже в конце 1955 г. секретарь Ворошиловского районного комитета г. Сталинграда, обращаясь в Президиум ЦК КПСС с докладной запиской, критически анализировал работу партийных организаций и «пророчески» (с 1955 г. оставалось 30 лет до старта Перестройки) констатировал: «...демократию нельзя пускать по воле волн, куда вывезет кривая, демократией надо руководить»¹².

Основная угроза социально-политической безопасности, вставшая перед советским руководством в середине 1950-х гг., вызвала необходимость в условиях десталинизации (фактически официальной критики недавнего прошлого) сохранить стабильность государства. Для этого необходимо было решить две масштабные задачи: во-первых,

обеспечить лояльность постепенно избавляющегося от страха общества, для чего требовалось хотя бы минимально удовлетворить очевидный запрос повышения благосостояния (а значит, обеспечить соответствующий экономический рост); во-вторых, найти новые (взамен прежних репрессивно-карательных) формы мотивации руководящей бюрократии. Стратегия социально-политической безопасности соответственно должна была обеспечить управляемость и высокие темпы экономического развития на фоне довольно глубоких перемен в технологии властвования.

В этой политической «повестке дня» Дальний Восток середины 1950-х – начала 1960-х гг. оставался периферийным регионом, следующим в её фарватере. Здесь не было вспышек социального протеста, имевших место в ряде других регионов страны, и даже доклад Н.С. Хрущёва на XX съезде не вызвал ощутимых политических последствий¹³. Однако несколько разрядившаяся политическая атмосфера явилась достаточным поводом для выплёскивания общественного недовольства. Оно выражалось традиционным способом: в обращениях населения (письмах, жалобах) и местной бюрократии в руководящие партийные органы. Можно выделить несколько потоков этих обращений.

Первый был обусловлен наличием большого числа заключённых (как настоящих, так и бывших), принудительный труд которых широко использовался трестом «Дальстрой». Его деятельность охватывала вначале 1950-х гг. практически весь север Дальнего Востока. В 1954 г. только в одно геологоразведывательное управление «Дальстроя» поступило около 2 тыс. жалоб и писем. За полтора года (1954 – 1955) в Магаданский обком КПСС пришло 11300 жалоб с критикой руководителей, злоупотреблявших своим положением, нарушавших советские законы в сфере оплаты труда и распределения жилья¹⁴. Всплеск недовольства людей, намеренно поставленных государством в экстремальные жизненные условия, был неизбежным следствием как предшествующей политики, так и начавшейся либерализации.

Особенностью второй группы обращений было то, что они исходили от региональной бюрократии. Этот поток, менее массовый, но инициированный наиболее консолидированным и административно мощным слоем советского общества, был вызван тяжелейшим положением коренных народностей Дальнего Востока. В 1954 г. Магаданскому областному комитету удалось привлечь внимание Центра к проблемам народностей Севера в Чукотском национальном округе. Критическое положение аборигенов, численность которых составляла около 19 тыс. чел.¹⁵, являлось оборотной стороной сталинской форсированной модернизации, блага которой были недоступны не только отдельным классам, но и целым народам. Магаданский обком видел корень про-

блемы в том, что в колхозах, созданных для коренных жителей Севера, «...длительное время допускались серьёзные извращения политики партии»: за выпас оленей, принадлежавших колхозникам, устанавливалась завышенная плата; выдача за трудодни натурой (мясо, шкуры) сокращалась. Это вынуждало людей покупать всё необходимое по завышенным ценам. Среди местного населения были распространены кожно-венерические заболевания и туберкулёз. В 10 отдельных сёлах Чукотского района население почти поголовно болело венерическими болезнями. За предшествующие 10 лет коренное население сократилось на 1300 чел.¹⁶

Однако более серьёзную угрозу для социально-политической стабильности советской системы представляло недовольство базового социального слоя — рабочего класса, которое происходило не только из-за тяжёлого материального положения, но и от всё более ощущаемого разрыва между официальным образом советской жизни и реальностью. На Дальнем Востоке эта угроза проявлялась в виде мощного запроса населения и даже интеллигенции, активность которой возросла, на более справедливое распределение материальных благ, ликвидацию разрыва в уровне жизни Центра и дальневосточной периферии. В наказах депутатам просьбы об улучшении жилищно-бытовых условий составляли 70–80% от общего числа¹⁷, что подтверждается исследованиями И.В. Безика, который на материалах Приморского края провёл анализ надписей на избирательных бюллетенях выборов в Советы народных депутатов середины 1950-х — начала 1960-х гг.¹⁸

Представление о социальном «самочувствии» дальневосточных рабочих на уровне повседневности даёт письмо в ЦК КПСС (на имя XX съезда) слесаря Беякова из г. Находки Приморского края: «Жить рабочему очень тяжело, потому что всё очень дорого и с трудом хватает на незавидное содержание семьи... Я работаю слесарем по шестому разряду, зарабатываю 900 — 1200 рублей в месяц, норму выполняю на 140–180%, и это хороший процент выполнения, а результат? Еле-еле хватает на пропитание моей семьи, состоящей из трёх человек. На скромное питание необходимо 729 руб. в месяц, за квартиру — 103 руб., подоходный налог — 98 руб., заём 120 руб., профсоюзные членские взносы — 12 руб. На одежду и другие расходы остаётся 177 руб. ...В газетах, по радио, в докладах нам часто сообщают о том, что промышленность работает лучше, колхозы и совхозы производят продуктов значительно больше, а на деле выходит несколько по-иному. На полках в магазинах пусто, в столовых, буфетах, в детских учреждениях и больницах кормят плохо»¹⁹.

В этом контексте не кажется случайным, что именно здесь, на Дальнем Востоке, в г. Владивостоке, в октябре 1954 г. Н.С. Хрущёв произ-

нёс речь (в узком кругу), поразившую будущего идеолога Перестройки А.Н. Яковлева, сопровождавшего Первого секретаря в этой поездке. Хрущёв среди прочего заявил: «Нельзя эксплуатировать без конца доверие народа. Мы, коммунисты, должны каждый, как пчёлка, растить доверие народа. Мы уподобились попам-проповедникам, обещаем царство небесное на небе, а сейчас картошки нет. И только наш много-терпеливый русский народ терпит, но на этом терпении дальше ехать нельзя. А мы не попы, а коммунисты, и мы должны это счастье дать на земле»²⁰. За эпатажным хрущёвским стилем просвечивается ясное рациональное осознание высшей власти – разрыв между официальным образом счастливого завтра и реальностью опасно велик и должен быть радикально сокращён. Среди работников партийного аппарата зрело понимание того, что сохранение прочности их положения в качестве правящей элиты зависит от эффективности социальной политики. Это было одной из главных причин провозглашения идеи подъёма уровня жизни народа²¹.

Достижение любой масштабной социально-политической цели выводит на первый план проблему ответственности как всех слоёв бюрократии, так и общества в целом. Задача повышения благосостояния, возведённая в ранг важнейшего политического приоритета, с неизбежностью влекла за собой необходимость настроить соответствующим образом управленческий аппарат, сделать его способным оперативно решать на местах проблемы простых людей, а не только выполнять команды «сверху». Не случайно работники отдела партийных органов по РСФСР, обобщая обращения советских людей, поступившие на имя XX съезда партии, приходили к выводу, что возмущение советских граждан вызывают прежде всего «беззакония, произвол и злоупотребления», допускаемые советскими и партийными чиновниками²². Примечательно, что эта проблема осознавалась как дефицит контроля «сверху»: «Следует сказать, что авторы ряда писем крупные недостатки, имеющиеся в работе партийных, советских и хозяйственных органов, относят за счёт того, что в центре и на местах нет ни партийного, ни советского контрольного органа, которые вели бы борьбу с волокитой, бюрократизмом, семейственностью, безответственным отношением к делу. Министерство государственного контроля СССР, как указывается в письмах, работает плохо, совсем не занимается вопросами улучшения работы государственных и хозяйственных органов управления...»²³

Главные направления хрущёвской политики отчётливо проступают в 1955 г. в Постановлении июльского Пленума ЦК КПСС «О задачах по дальнейшему подъёму промышленности, техническому прогрессу и улучшению организации производства». Основные управленческие проблемы, руководство видело в чрезмерной бюрократизации и цен-

трализации: оторванность от производства (главные управления и тресты располагались в Москве и столицах союзных республик, вдалеке от подчинённых предприятий), низкие оперативность и гибкость партийно-хозяйственного аппарата. В Постановлении намечались разнообразные меры традиционного характера (повышение ответственности руководящих кадров, усиление контроля партии над экономикой), свидетельствующие о том, что управленческая система в СССР пришла в движение. Во-первых, объявлялась кампания по реорганизации системы управления, ликвидации излишних звеньев; во-вторых, провозглашалась политика динамичной ротации кадров, выдвижения на руководящие должности молодых специалистов, обязательно получивших опыт работы на производстве; в-третьих, ЦК обязал партийные организации всех уровней «...проявлять более чуткое отношение к нуждам трудящихся и принять меры к дальнейшему улучшению культурно-бытового обслуживания рабочих, инженерно-технических работников и служащих, обратив особое внимание на обеспечение безусловного выполнения установленного плана жилищного строительства...»²⁴

Что касается Дальнего Востока, то он «прозвучал» в более широком контексте необходимости интенсивного и комплексного освоения восточных районов с целью приближения промышленности к источникам сырья и топлива²⁵. Первый фактор повышенного внимания Центра к этой части страны чисто объективный – необходимость оптимизации управления советским хозяйством, в том числе и за счёт улучшения географического размещения производительных сил. В то же время «восточные районы» виделись советскому руководству как ресурс для намеченного социально-экономического рывка. Председатель Совета Министров СССР Н.А. Булганин в своём докладе «Директивы XX съезда КПСС по шестому пятилетнему плану развития народного хозяйства СССР на 1956–1960 годы» призывал поставить «...огромные богатства восточных районов... на службу народного хозяйства в большей мере, чем это было до сих пор»²⁶. Вложения в эти районы в шестой пятилетке планировалось увеличить в два раза и построить за это время свыше 100 заводов²⁷.

Проблема ответственности за социально-политическую безопасность страны решалась не только путём нажима на региональную бюрократию, но и за счёт предоставления ей большей самостоятельности в решении местных вопросов. Децентрализация расширяла возможности дальневосточной бюрократии заявлять и отстаивать региональные интересы. Более того, либерализация политического режима привела к тому, что со стороны регионов звучала даже критика Центра и порой довольно жёсткая. Это, в частности, проявилось на проходивших в декабре 1955 – январе 1956 г. областных и краевых партийных конференциях.

Министерства и ведомства критиковались, как правило, за невнимание к регионам. На Хабаровской партийной конференции «острой критике» подвергли министра путей сообщения СССР т. Бещева, который «...не знает положения дел на Дальневосточной железной дороге» и ни разу там не бывал. В его же адрес были высказаны претензии за «невнимание к жилищному и культурно-бытовому строительству». Такой же критике подвергли хабаровчане и Министерство речного флота за невнимание к быту речников, жилищному и культурно-бытовому строительству и даже за неспособность запустить речные трамваи. Делегаты Приморской конференции упрекали Министерство промышленности строительных материалов в том, что оно «не занимается строительством в этих регионах железобетонных, кирпичных и известковых заводов»²⁸.

По итогам конференций критические замечания обобщались в Центральном Комитете, а министерства и ведомства были обязаны их рассматривать и информировать об этом региональные партийные комитеты. Содержание и форма критики исходили от региональных партийных органов в адрес Центра. Фактически партийные комитеты на местах должны были контролировать министерства и ведомства, приводя их политику в соответствие с местными и общегосударственными интересами.

С конца 1950-х гг. в Госплан СССР и Госплан РСФСР увеличился поток партийных и государственных документов из восточных районов, в которых сообщалось о реальной ситуации в социально-бытовой сфере и доказывалась необходимость проведения новых централизованных мер по улучшению условий жизни сибиряков и дальневосточников²⁹. Обращения в Центр по поводу увеличения капиталовложений в регион объективно отражали стремление всех социальных групп, тем самым создавая не только экономическую, но и социально-психологическую основу для солидарности населения восточных районов.

Постановления Совета Министров СССР 1955 г. «Об изменении порядка государственного планирования и финансирования хозяйства союзных республик» и «О передаче решений некоторых вопросов Советам министров автономных республик, крайисполкомам, облисполкомам, городам республиканского подчинения»³⁰, на первый взгляд, не представляли решительной уступки Центра краям и областям в перераспределении объемов власти, но свидетельствовали, что для обеспечения социально-политической безопасности Центр не против усиления роли хозяйственников на местах. Наиболее яркой иллюстрацией этой линии является постановление «О расширении прав директоров предприятий», принятое Советом Министров СССР в 1955 г. Этот документ, направленный на устранение чрезмерной централизации, зна-

чительно повышал статус хозяйственника в регионе. Одновременно на директора возлагались обязанности по улучшению культурно-бытовых условий труда рабочих и служащих предприятия, разрешалось выдавать рабочим и служащим в особо исключительных случаях внеплановый аванс в размере 10-дневного заработка, а также использовать экономию по фонду заработной платы, полученную в предыдущих кварталах, на выплату в последующих кварталах этого же года³¹.

Пик хрущёвской децентрализации – это переход к управлению экономикой по территориальному принципу, смысл которого состоял в поиске гибкой системы, более чувствительной к импульсам с мест, ориентированной на максимальное вовлечение местных ресурсов в экономическое развитие³². В начале 1957 г. происходит ликвидация 140 союзных, союзно-республиканских и республиканских министерств и ведомств, вместо которых появляются 105 Советов народного хозяйства (совнархозы)³³. Создание совнархозов предполагало впервые в истории страны формирование такой структуры власти, в которой при сохранении принципа «демократического централизма» получал приоритет региональный управленческий компонент. Стремясь еще больше расширить социальную опору на местах, но при этом сделать ее более гибкой, Н.С. Хрущёв в 1962 г. попытался разделить партийные и советские органы по производственному принципу. На Дальнем Востоке реформа была проведена частично. В Еврейской автономной области, Хабаровском крае, на Камчатке, в Магаданской, Сахалинской областях сохранялись единые партийные и советские органы: по вопросам промышленности обкомы стали входить в бюро ЦК КПСС, а по вопросам сельского хозяйства – в бюро ЦК КПСС по сельскому хозяйству³⁴. В Амурской области наряду с бюро обкома КПСС было создано бюро обкома по руководству промышленным производством; в Приморском крае – два крайкома по руководству промышленностью и строительством и сельским хозяйством. По воспоминаниям Н.И. Колесникова, Первому секретарю Сахалинского обкома П.А. Леонову удалось отстоять статус-кво в отношении обкома партии и облисполкома³⁵. В указе Президиума Верховного Совета РСФСР это исключение объяснялось тем, что в экономике данных краев и областей преобладало промышленное или сельскохозяйственное производство³⁶. С декабря 1962 г. по октябрь 1964 г. предприятия местного значения на территории Приморья находились в ведении трех субъектов: промышленного краевого Совета, сельского Совета депутатов трудящихся и совнархоза. На остальной части региона соответственно – двух субъектов. Эти управленческие структуры занимались и социально-бытовыми проблемами населения.

В 1965 г. советский экономист В.В. Новожилов нашёл формулу, которой можно выразить суть хрущёвской децентрализации – «двусто-

роннее развитие демократического централизма». Это означало, что советская экономика вышла на уровень, для дальнейшего развития которого был необходим поиск «новых резервов роста производства»³⁷. Для этого укрепление централизованного управления должно было сочетаться с ростом самостоятельности на местах. Новожилов утверждал: «...чем больше хозяйственных вопросов решается совместными усилиями центра и мест, тем конкретнее и точнее отражаются в планах как общие государственные, так и местные интересы, тем выше уровень планового руководства, тем эффективнее местная инициатива»³⁸. Всё это отражало усиление роли «мест» в реализации государственной политики. Структура экономики усложнилась, репрессивные механизмы были демонтированы, в результате «прозрачность» советской вертикали власти резко снизилась, в то время как издержки централизованного контроля выросли. В этой новой реальности условием выполнения команды, идущей из Центра на периферию, было её соответствие не только общегосударственным, но и местным интересам. Советское руководство было вынуждено искать опору в провинциальном управленческом аппарате, предоставляя ему всё больше льгот и идя на уступки.

Ближайшие последствия децентрализации не оправдали надежд Н.С. Хрущёва. Региональная номенклатура разделилась на партийную и хозяйственную, длительность процедуры согласования документов создавала благоприятные условия для ослабления исполнительской дисциплины. Появились первые признаки снижения темпов экономического роста. Падение эффективности общественного производства, в том числе и на Дальнем Востоке, было обусловлено влиянием комплекса факторов, включая ослабление трудовой и финансовой дисциплины (лишь частично связанные с изменившимися условиями хозяйствования). В 1961 г. 30% предприятий не выполняли планы по прибыли³⁹. В материалах комиссии ВЦСПС (1961) по экономическим вопросам отмечались тревожные явления, подтверждавшие превышения роста заработной платы над темпами роста производительности труда⁴⁰. Примеры ослабления финансовой и плановой дисциплины выражались и в других фактах. В 1957 г. Амурский совнархоз представил в правительство перечень строек и объектов и просил Совет Министров списать с баланса капитального строительства затраты как «бросовые работы» на сумму 7413 млн руб.⁴¹, в то же время трудовые коллективы этих строек получали заработную плату. А все капитальные вложения за 1946–1955 гг. в народное хозяйство РСФСР составили 76 332 млн руб.⁴²

В 1961 г. в Приморском совнархозе было недополучено 65 тыс. т цемента, 473 т рафинированного свинца, 86 тыс. м деловой древесины, 2,733 т мяса, 1,088 т цельномолочной продукции; ухудшились показа-

тели предприятий лесной, деревообрабатывающей промышленности, а также производящих кирпич и цемент⁴³. Росли приписки и производственные потери, в том числе от брака. Потери рабочего времени в Приморском совнархозе в 1961 г. составляли 540 тыс. чел.-дней. В Хабаровском крае задания по росту производительности труда, кроме «Биробиджанстроя», не выполнил ни один строительный трест. Опережение средней зарплаты против производительности труда доходило до 3%. В 1961 г. 12% рабочих на строительномонтажных работах не выполняли нормы выработки (в 40–50-е годы соответственно 4–5%). На Дальнем Востоке не выполнялись планы по производительности труда в угольной, лесной, деревообрабатывающей, пищевой промышленности. В условиях либерализации политического режима, но при отсутствии мотивационного механизма труда возросла текучесть рабочих кадров. На предприятиях Приморского и Хабаровского совнархозов она составляла 40%⁴⁴. Сказывались последствия, связанные с мотивацией и в деятельности «руководящих» (управленческих) кадров, на смену карательно-репрессивным приходили преимущественно новые регулирующие формы — поощрительные.

В ноябре 1962 г. произошла реорганизация, затронувшая партию. Решением Пленума ЦК партийные организации, начиная с областного и далее по нижестоящим уровням, делились на городские и сельские. Подобно партийным стали делиться и другие государственные и общественные организации: Советы, профсоюзы, комсомол. В итоге каждая территория получала несколько субъектов управления, что настраивало против Н.С. Хрущёва влиятельную и многочисленную политическую силу — секретарей обкомов и крайкомов⁴⁵.

Оборотная сторона децентрализации этим не ограничивалась. Советское руководство оказывалось перед дилеммой «ведомственность»/«местничество». Ведомственность — это превалирование интересов центральных органов над интересами мест. Что касается местничества, то нам представляется интересной трактовка, которую дал классик французской политологии М. Дюверже. Это ориентация на региональные интересы в ущерб общенациональным или международным проблемам, когда политика дробится на множество локальных политик — «близоруких и противоречивых... неспособных видеть всю совокупность проблем»⁴⁶. Очевидно, что держава с такими глобальными амбициями, как СССР, намеревавшаяся вступить в решительное соревнование с капитализмом на всех фронтах, просто не могла позволить себе существование «местничества».

Сама дилемма ведомственности и местничества была вторичной, являясь отражением и следствием исключения общества из процесса принятия решений. Рост автономии (пусть пока и неформальной) реги-

онального уровня власти указывал на то, что политика Центра сможет пройти сквозь толщу региональной бюрократии с минимальными искажениями лишь в том случае, если она будет поддержана обществом. Любые реорганизации административно-командной системы не могли заслонить той реальности, при которой главным ресурсом дальнейшего роста советской социально-экономической мощи являлись люди. Банальный парадокс: для поддержания социально-политической безопасности нужен был мощный и быстрый рост благосостояния, но при существовавшей структуре советской экономики и политической атмосфере в стране этот рост должен был обеспечиваться новым массовым подъёмом трудовой активности. Социальная модернизация могла быть проведена только «руками» советских людей, и для этого руководству страны необходимо было укрепить взаимосвязь государства и общества. И здесь возникает параллель с временами Перестройки, так как именно эта проблема выявилась во второй половине 1980-х гг. как одна из ключевых. Из этого «круга» на короткое время удастся вырваться лишь брежневскому руководству, благодаря хлынувшему потоку нефтедолларов, однако в дальнейшем стране придётся дорого заплатить за этот «прорыв». Начало 1960-х гг. отмечено попыткой «вдохновить» общество, дав ему чёткий ориентир – программу построения коммунизма: «...коммунизм – это вполне реальные и конкретные условия жизни народа: это короткий рабочий день, хорошее жильё, самая низкая в мире квартирная плата, хорошая одежда, накормленные и напоенные дети, бесплатное обучение для них, государственные стипендии для студентов, бесплатная медицинская помощь, пенсионное обеспечение, отмена налогов с населения, которых у нас через пять лет не будет совсем – вот что такое элементы коммунизма на деле, в жизни»⁴⁷.

Если раньше в официальной идеологии улучшение личного благополучия откладывалось на далёкое будущее, то в начале 60-х гг. советские политики объявили новые конкретные сроки его наступления – 1980 г. Аскетический образ жизни сталинских времён стал по воле партийно-государственной номенклатуры уходить в прошлое, на смену выдвигалась идеология личного материального благополучия. Ключевыми понятиями и лозунгами идеологического оформления подновлённой социальной политики стали «равенство», «подъем уровня жизни», «стирание различий между городом и деревней», выравнивание уровня жизни отдельных республик и регионов. В Программе говорилось о Сибири и ничего о Дальнем Востоке⁴⁸, но по умолчанию становится ясно, что роль региона состояла в том, чтобы сделать вклад в создание материально-технической базы коммунизма, обеспечив её сырьём.

Программа и новый Устав КПСС широко обсуждались, основные предложения были высказаны по вопросам торговли, общественного

питания, народного образования, здравоохранения, благоустройства городов и рабочих посёлков, строительства жилья и детских учреждений⁴⁹. В идеологическом и социальном плане Н. С. Хрущёв избрал курс вполне адекватный проблемам, которые испытывало население. При всей своей утопичности цель построения коммунизма к 1980 г. происходила из реалий конца 1950-х гг., являясь пролонгацией достигнутых к этому времени темпов роста производства на два десятилетия вперёд⁵⁰. Вместе с тем, как замечает А.А. Фокин, многие советские люди, видя повседневную действительность, «...расценивали заявления Программы партии как попытку скрыть слабость власти с помощью апелляции к населению»⁵¹.

Особая ответственность ложилась на КПСС, которая в середине 1950-х — 1960-х гг. явилась одновременно инициатором, организатором, инструментом и главным «заложником» перемен. Имея в виду, что цель деятельности государства со второй половины 1950-х гг. менялась радикально — от создания мощной промышленности путём жёсткой репрессивной политики и сверхэксплуатации народа к созданию стабильной политической системы и советского варианта общества всеобщего благосостояния, становится очевидным, что и сама КПСС должна была радикально меняться. При этом почти невозможно было выделить какой-то отдельный «сектор» политической системы, который можно было бы реформировать изолированно, настроив его соответственно новым целям, и не затрагивать при этом остальные секторы. Так, отказ от репрессий среди номенклатуры вел к формированию режима бюрократического торга и скрытой децентрализации, стремление поднять благосостояние народа требовало построения системы обратных связей для «мониторинга» настроений и потребностей советских людей, что также повышало роль мест. Вместе с тем сама децентрализация неизбежно должна уравниваться ростом общественной активности, сдерживающим произвол местной власти и приводя её деятельность в большее соответствие народным ожиданиям. Эта проблема была осознана на самом «верху», о чём свидетельствует аналитическая записка ЦК КПСС «О ходе выполнения предложений и замечаний коммунистов и беспартийных трудящихся, высказанных при обсуждении проекта Программы и Устава КПСС», в которой отмечалось: «...из сообщений с мест видно, что некоторые руководители партийных, советских и хозяйственных органов проявляют ничем не оправданную медлительность в реализации ряда важных предложений, которые уже давно можно и нужно было бы осуществить»⁵².

Не менее важно и то, что КПСС оставалась главной структурой, открывающей карьерные возможности для советских людей, обеспечивая их лояльность власти. Но и здесь партия сталкивалась с новым

вызовом, порождённым отказом от репрессивной чистки партаппарата. Простое расширение партийных рядов неизбежно девальвировало само звание коммуниста, поэтому оно должно было сопровождаться вертикальной мобильностью. Но как обеспечить эту вертикальную мобильность без систематического обновления кадрового состава на всех этажах партийной власти?

Выбором Н.С. Хрущёва стала стремительная ротация кадров в партийно-государственном аппарате, обеспечиваемая ужесточением партийного и административного контроля над партийно-государственными работниками, поощрением критики «снизу», перманентной «оптимизацией» структуры управления. Формулировки, сопровождавшие эту «оптимизацию», могут служить «зеркалом», отражающим характерные проблемы советской системы управления. Это могли быть соображения «концентрации единой работы в едином органе», «ликвидации параллелизма в работе» (выписка из протокола заседания бюро Хабаровского крайкома №23 от 20 ноября 1956 г. «...об улучшении структуры и сокращении штатов советского аппарата края»). В Амурской области реорганизация управленческого аппарата в декабре 1956 г. была вызвана необходимостью его перестройки «...таким образом, чтобы он ближе стоял предприятиям, учреждениям, более конкретно руководил хозяйством и культурным строительством». Налицо было стремление упростить структуру управления, устранить «междуведомственные неувязки», «параллелизм», «обезличку», т.е. навести порядок и установить ответственных⁵³. При этом неперенным аргументом в пользу реорганизации было высвобождение работников и экономия денежных средств, идущих на их зарплату.

Не только партийно-государственные работники среднего звена, но и первые секретари райкомов и обкомов находились под угрозой «вылететь из седла» с самыми нелицеприятными формулировками. Так, в ноябре 1954 г. Центральный Комитет КПСС намеревался снять первых секретарей Д.Н. Мельника (Приморский обком) и П.Ф. Чеплакова (Сахалинский обком) как не справляющихся со своими обязанностями⁵⁴. Д.Н. Мельник через четыре месяца действительно был снят (существует версия, что истинной причиной его отставки явилась нескрываемая его приверженность И.В. Сталину)⁵⁵, а П.Ф. Чеплаков управлял областью до августа 1960 г.

В начале 1959 г. Хабаровский крайком обращался в ЦК КПСС с предложением об освобождении от обязанностей Первого секретаря обкома ЕАО И.А. Патлай и замене его должности А.К. Чёрным. Руководителю ЕАО был предъявлен довольно внушительный перечень претензий: «...неудовлетворительно осуществляет руководство областной партийной организацией, плохо оказывает помощь местным партий-

ным и советским органам, не принимает необходимых мер по дальнейшему развитию сельского хозяйства и укреплению кадров районного звена, колхозов и совхозов», а также невыполнение областью установленных планов заготовок сельскохозяйственных продуктов⁵⁶.

Сама форма отставки дальневосточных руководителей (как партийных, так и государственных органов) даёт представление о месте Дальнего Востока на ментальной карте советской элиты того времени, где руководящая работа считалась тяжёлой службой, забирающей жизненные силы. Например, мотивом перевода на другую работу Первого секретаря Амурского обкома А.И. Собенина была гипертоническая болезнь, и по заключению врачей он нуждался «...в работе, не связанной с большими психо-эмоциональным напряжением в условиях средней полосы СССР, полным исключением пользования воздушным транспортом и частыми разъездами»⁵⁷.

В начале 1960 г. Хабаровский крайком обращался в ЦК КПСС с просьбой освободить Ф.П. Котова от обязанностей председателя крайисполкома «...в связи с болезнью членов семьи», планируя «...использовать» его на ответственной работе в Госплане СССР⁵⁸.

Примеры, когда глубоко периферийное место Дальнего Востока на ментальной карте советской элиты становится очевидным из слов её представителей, содержатся в письмах в ЦК КПСС. В. Н. Комаров, освобождённый в начале 1960 г. от обязанностей председателя облисполкома Амурской области «как не справившийся с работой», писал: «В январе 1956 года ЦК КПСС направил меня из аппарата Сельхозотдела по РСФСР в Амурскую область, где и работаю председателем облисполкома. Все четыре года проработал в этой должности и отдавал все свои знания и силы только работе. В январе 1960 г. Бюро Амурского обкома КПСС освободило меня от работы, мотивируя необходимостью укрепления облисполкома.

Моя жена все четыре года после переезда в область страдает гипертонической болезнью, артериосклерозом головного мозга и экземой. Дочь Людмила, студентка Тимирязевской сельхозакадемии, болеет с 1956 г. туберкулёзом почек, в связи с чем второй раз пользуется академическим отпуском и проходит курс лечения в поликлинике Четвёртого Главного управления. В связи с изложенным убедительно прошу Бюро ЦК КПСС по РСФСР предоставить мне возможность работать в Москве, с тем чтобы, используя высококвалифицированные медицинские силы, подлечить здоровье моей жены и закончить курс лечения дочери»⁵⁹.

Были случаи, когда руководители просили о переводе их в другие районы страны. В июле 1960 г. Первый секретарь Сахалинского обкома П.Ф. Чеплаков, сумевший сохранить свой пост в 1954 г., теперь обра-

шался лично к Н.С. Хрущёву: «В июне 1960 года пошёл 10-й год, как я работаю на Сахалине. Всё это время, сколько было сил, все свои знания и энергию я отдавал работе, выполнению директив и заданий партии и правительства. Для меня высокая честь и большое доверие ЦК работать на Сахалине. Но не могу не сказать, Никита Сергеевич, что длительное пребывание на Сахалине не прошло бесследно. Особенно больна моя жена, которой врачи запрещают оставаться на Сахалине. Последние два года я фактически живу там один, без семьи, но это в дальнейшем невыносимо для моего здоровья и может отразиться на работе.... Сложившаяся тяжёлая семейная обстановка и длительное пребывание на Сахалине вынуждают меня, дорогой Никита Сергеевич, обратиться к Вам с просьбой освободить меня от работы на Сахалине и использовать по вашему усмотрению»⁶⁰. Просьба П.Ф. Чеплакова была удовлетворена, а в Сахалинской области в течение 1961 г. были заменены номенклатурные работники в пяти отделах обкома партии, в том числе традиционно замыкавшиеся на Первом секретаре заведующие финансово-хозяйственным и особым отделами, при этом один из них был снят со строгим партийным взысканием⁶¹.

В Приморском крае двумя годами ранее из 1340 номенклатурных работников крайкома партии сменилось 215 чел., т.е. почти 1/4, в 1960 г. примерно столько же⁶². Ротация кадров обеспечивалась и демократическими процедурами. Например, в ходе отчётно-выборных собраний в феврале-декабре 1957 г. сменяемость секретарей первичных партийных организаций союзных республик составила 20–27%⁶³. В целом по Дальнему Востоку в 1956 – 1964 гг. примерно 1/4 руководящих работников постоянно находились в стадии передвижений. Избавившись от страха репрессий, советские партийно-государственные управленцы тем не менее так и не получили уверенности в завтрашнем дне, «изматываясь» постоянными передвижениями.

Н.С. Хрущёв стремился сделать динамичную сменяемость кадров неотъемлемым атрибутом советской политической системы. Об этом свидетельствует Устав КПСС, принятый на XXII съезде партии параллельно с Программой. Этот документ формально закрепил политику кадрового динамизма, начало которой прослеживается с середины 1950-х гг. Пункт 25 Устава провозглашал: «При выборах партийных органов соблюдается принцип систематического обновления их состава и преемственности руководства. На каждых очередных выборах состав Центрального Комитета КПСС и его Президиума обновляется не менее чем на одну четвёртую часть. Члены Президиума избираются, как правило, не более чем на три созыва подряд...». Члены ЦК компартий союзных республик, крайкомов, обкомов должны были обновляться на одну треть на каждых очередных выборах и могли быть избраны не

более чем на три срока⁶⁴. Фактически это означало довольно быструю ротацию кадров, реальную их сменяемость и демократизацию управления страной. Пункт 42 Устава провозглашал основные обязанности республиканских, краевых, областных, окружных, городских, районных организаций партии, главными из которых считались «...политическая и организаторская работа в массах, мобилизация их на осуществление задач коммунистического строительства, всемерное развитие промышленного и сельскохозяйственного производства, на выполнение и перевыполнение государственных планов; забота о неуклонном повышении материального благосостояния и культурного уровня трудящихся»⁶⁵.

Ещё один немаловажный штрих к картине обновления системы добавляет появление нового контрольного органа. На ноябрьском 1962 г. Пленуме ЦК КПСС было принято решение о создании Комитета партийно-государственного контроля ЦК КПСС и Совета Министров СССР и соответствующих органов на местах⁶⁶. Н.С. Хрущёв в своей записке в адрес Президиума ЦК КПСС в начале 1962 г. писал о том, что существующая система партийного контроля является бюрократической, оторванной от народа, и привлечение «широких масс трудящихся» является «главным и решающим условием коренного улучшения контроля»⁶⁷. В идее партийно-государственного контроля можно увидеть стремление Хрущёва откликнуться на народное недовольство, направить его в конструктивное русло, наладив таким образом ещё один канал обратной связи с обществом. Структура получилась очень мощной. Председателем комитета партийно-государственного контроля был утверждён А.Н. Шелепин, секретарь ЦК КПСС, глава КГБ, по новой должности ещё и заместитель Председателя Совета Министров. Новый орган фактически дублировал как партийную, так и советскую систему, имея к тому же право проводить расследования, налагать на виновных штрафы, передавать дела в прокуратуру⁶⁸. Местные органы партийно-государственного контроля начали создаваться на Дальнем Востоке по территориальному принципу с 1963 г. В 1964 г. аппарат штатных сотрудников составлял около 6 тыс. чел., а бюро жалоб и предложений рассмотрело 9 тыс. писем⁶⁹.

Обновлённая партия должна была продолжать играть прежнюю роль, оставаясь «инструментом преобразований»⁷⁰. М. Дюверже в 1951 г. удивительно точно описал двойственный смысл назначения КПСС: «...основная задача (партии. — А.С. Ващук, А.Е. Савченко) состоит в том, чтобы заставить русский народ осознать необходимость коренных... преобразований: ...изменения характера собственности, создания тяжёлой индустрии, переоснащения деревни, изменения способов обработки земли, перемещения индустриальных центров на

восток государства... Механизм отбора в партию, её внутренняя структура, её чистки, её непрерывно возобновляющаяся «самокритика» — всё это имеет целью воспрепятствовать склерозу в её собственных рядах, поскольку она сама должна препятствовать склерозированию режима»⁷¹. Но попытка сохранить социально-экономическую и даже политическую динамику советской системы ставила высшее руководство страны перед сложнейшими задачами. Динамическая стратегия социально-политической безопасности, избранная Н.С.Хрущёвым, подрывала сама себя, расшатывая основные принципы функционирования советской партийно-государственной бюрократии — внешнее единство (внутренние расколы неизбежны и существовали всегда) и неоспоримое право на власть (стремительная кадровая динамика, закреплённая в новом Уставе, означала движение советской элиты по нисходящим карьерным траекториям). В условиях 1960-х гг. такая цена казалась слишком высокой, а необходимость её «уплаты» неочевидной.

Перспективы, открывавшиеся перед страной на Дальнем Востоке, отчётливо видны на общем фоне геополитического положения СССР в рассматриваемый период. В результате победы во Второй мировой войне страна обрела статус сверхдержавы, что в сочетании с мощным прогрессом в индустриальном развитии открыло новые исторические возможности. СССР, традиционно вынужденный распределять ресурсы между двумя флангами геополитического напряжения (на Западе и на Дальнем Востоке), разгромил главных своих соперников Германию и Японию, хотя и «приобрёл» объединённый, но пока ещё дружественный Китай⁷². У советской элиты появилась редчайшая «свобода» выбора геополитического вектора развития страны.

В Азиатско-Тихоокеанском регионе происходили процессы, свидетельствовавшие о том, что Советский Союз может укрепиться здесь в качестве ключевого игрока. Такая возможность открывалась в связи с формированием коммунистического режима в Китае, установлением советского патронажа над Корейской Народно-Демократической Республикой. Авторы монографии «Азиатская Россия в геополитической и цивилизационной динамике. XVI — XX века» считают, что в начале 1950-х гг. страна, как никогда, приблизилась к созданию в Восточной Азии своеобразной «сферы процветания, объединявшей гигантские экономические потенциалы СССР и Китая»⁷³.

Масштаб упущенной возможности становится понятным в контексте сегодняшнего дня, где России отведено место сырьевого придатка не только Запада, но и стран АТР, хотя в середины XX в. СССР выступал в роли не только политического, но и технологического лидера. Так, среди поставляемых в Китай советских товаров в 1950 — 1955 гг. 95% приходилось на станки для промышленного производства, при

этом расчёты в советско-китайских экспортно-импортных операциях велись в рублях⁷⁴. Развитие взаимоотношений двух стран могло быть инструментом преодоления периферийности и самого Дальнего Востока: с дальневосточных предприятий («Амурсталь», «Энергомаш», «Амурлитмаш», «Амуркабель», завод им. Горького, «Дальсельмаш» и др.) шло главным образом производственное оборудование, продукция металлургии, в то время как из КНР на Дальний Восток поступало сырьё для переработки⁷⁵.

В середине 1950-х гг. на новый этап выходят и взаимоотношения с Японией. В октябре 1955 г. в Москве подписывается Совместная декларация СССР и Японии, согласно которой между странами восстанавливались дипломатические отношения. В декабре 1957 г. в Токио был подписан торговый договор, открывавший для торговли двух стран режим наибольшего благоприятствования⁷⁶. Близость к одной из крупных капиталистических держав, к тому же бедной ресурсами, создавала возможность превращения Дальнего Востока в «крупный валютный цех страны» и определения «новой роли» Дальнего Востока «в деле проводимой СССР политики мирного сосуществования»⁷⁷.

Геополитическая ситуация в не меньшей мере, чем соображения внутренней политики, способствовала росту внимания советского руководства к Дальнему Востоку. Хотя существует мнение, что интенсификация государственной политики в регионе начиналась с середины 1960-х гг. в связи с обострением советско-китайских отношений, в то время как послевоенное двадцатилетие отмечено снижением интенсивности его развития⁷⁸. Есть основания не согласиться с этим тезисом. За 1961–1965 гг. в Дальний Восток было вложено столько капиталовложений, сколько за 12 послевоенных лет (1946–1958)⁷⁹. Курс на выравнивание территориального развития обеспечил в 1961–1965 гг. долю Дальнего Востока в национальном доходе на уровне 2,7–2,8%⁸⁰. Все сконцентрированные ресурсы, включая и организационно-административные, обеспечили на Дальнем Востоке в конце 50-х — начале 60-х гг. темпы роста валовой продукции на 159%. В первой половине 60-х гг. Дальний Восток по темпам роста общего объема продукции даже превышал среднереспубликанский показатель (по РСФСР темпы роста соответственно составляли 145%)⁸¹. Кроме этого, наметилась линия на преодоление узкотехнократического подхода к освоению региона. Это видно на примере г. Владивостока. В конце 1950-х гг. руководство СССР посчитало важным и возможным построить на Дальнем Востоке, в этом самом периферийном районе страны, город «красивее и благоустроеннее, чем Сан-Франциско»⁸². Решение было принято на высоком уровне в виде Постановления ЦК КПСС от января 1960 г. «О развитии города Владивостока». В соответствии с ним предстояло

за 6 лет построить город, равный существующему, выросшему за 100 лет. При этом речь шла «...не о простом увеличении размеров города, а о переводе его в высший класс городов»⁸³. В этом решении можно видеть не только отражение «волюнтаристских» особенностей правления Н.С. Хрущёва, но и стремление преодолеть военный и сырьевой уклон в развитии региона, наполнить осваиваемые пространства социальной энергией.

Само решение о форсированном развитии Владивостока имело и геополитические основания. Н.С. Хрущёв, посещая город на обратном пути из США, по воспоминаниям его помощника О.А. Трояновского, верил в большой успех своего недавнего визита в Америку, в «начало новой эры в советско-американских отношениях»⁸⁴. Не менее важным фактором была уверенность высшего руководства в мощи и необозримых перспективах советской экономики. Историк И.В. Безик, исследуя этот период, отметил, что Владивостоку была отведена роль «витрины социализма» в АТР. Город, оставаясь закрытым, был впервые включён в число нескольких советских городов (Москва, Ленинград, Киев и др.), в которых регулярно проводились различные всесоюзные, региональные, хозяйственные, научные, технические и культурные симпозиумы, форумы на высоком уровне⁸⁵.

Впрочем, позитивный потенциал геополитики во многом обесценивался динамично меняющейся международной ситуацией. В 1959 г. идеологические разногласия и политическое соперничество привели к сворачиванию экономического сотрудничества с Китаем. «Полуоткрытость» Владивостока закончилась с началом нового и активного этапа противостояния с США (1961–1962 гг.), а затем и смещением Н.С. Хрущёва (1964)⁸⁶. Сохранилась лишь ориентация на Японию, которая была менее благоприятным для Дальнего Востока сценарием, чем соразвитие с КНР, так как направила регион на путь сырьевого придатка капиталистического конкурента. Впрочем, этот сценарий вскоре совпал с общим направлением развития СССР, всё более превращавшегося в сырьевую державу. В качестве гипотезы можно предположить, что в начале 60-х гг. были упущены благоприятные структурные возможности для реализации потенциала Дальнего Востока. В этот период ситуация для прорыва и с геополитической, и с экономической точки зрения была наиболее подходящей. В плане геополитики — относительно уверенное и стабильное положение СССР в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР), в экономическом аспекте — быстрые темпы роста, высокий уровень технологического развития страны в сравнении с ближайшими соседями по АТР.

1.2. СТАБИЛИЗАЦИОННАЯ СТРАТЕГИЯ БЕЗОПАСНОСТИ – МОТИВЫ ВЫБОРА, РЕСУРСЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ И ПРЕДЕЛЫ ЭФФЕКТИВНОСТИ (середина 1960–1980-х гг.)

Начальный рубеж нового периода выделен не столько по критерию смены первого лица в государстве, сколько в связи со сменой стратегии обеспечения социально-политической безопасности. Стратегия изменилась не радикально и не в одночасье – в плане социальной политики сохранился прежний курс на повышение благосостояния общества, в котором не могло быть значительной перемены, так как либерализация социальной политики способствовала повышению уровня жизни значительной части населения, при этом далеко не удовлетворив этот запрос. Более того, события в Новочеркасске, произошедшие летом 1962 г., свидетельствовали, насколько шаткой была социальная стабильность. Историческая ситуация в стране была такова, что любая группа, пришедшая к власти, вынуждена проводить схожую социальную политику.

Главное различие состояло в методах обеспечения управленческой эффективности государства. Стремительная кадровая динамика, нажим на региональную бюрократию, хрущёвские эксперименты со структурой управления быстро уходили в прошлое. Спустя всего месяц после снятия Н.С. Хрущёва, ноябрьский Пленум ЦК КПСС фактически отменил его главные преобразования в партаппарате: восстановился территориально-производственный принцип структуры партии, упразднилось деление партийных организаций на сельскохозяйственные и промышленные. В сентябре 1965 г. были ликвидированы совнархозы, в декабре решением Пленума ЦК радикально понижен статус Комитета партийного контроля, превращавшегося, по сути, в общественную организацию. Сложно сказать, какой мотив превалял в последнем решении: стремление задвинуть на второй план А.Н. Шелепина, сильного конкурента Л.И. Брежнева в борьбе за власть, или избавить партийно-государственную бюрократию от надзирательного органа.

Провинциальная бюрократия также получила уступки. Так, решениями XXIII съезда КПСС значительно расширилось число первичных организаций, работавших на правах райкома партии⁸⁷, соответственно возрастало число освобождённых секретарей, призванных контролировать поведение хозяйственников и весь ход реализации социальных мероприятий. Если в 1961 г. в Приморье только 51 ор-

ганизация имела парткомы, то в 1966 г. их стало 142, в 1970 г. — 202, к 1985 г. — 264⁸⁸. К заметным тенденциям нового периода следует отнести и рекрутирование региональной элиты в состав Секретариата ЦК КПСС. Только из Приморского края за 15 лет (1969—1984 гг.) на работу в Москву было переведено 250 чел⁸⁹. Кроме того, решениями XXIII съезда менялся Устав КПСС. Примечательно, что в варианте редакции 1966 г. мы не найдём прежней 25-й статьи, которая регламентировала регулярное обновление руководящих партийных органов. Она была радикально урезана — сохранилась лишь первая строчка, которая вошла в статью 24⁹⁰. После этого ротация аппаратных работников обычно не превышала 10—15%⁹¹.

С позиции сегодняшнего дня, зная финал брежневского периода, сложно избавиться от соблазна подвести эти изменения под общий знаменатель деградации политической системы. Вывод о том, что пришедшая к власти группа легко расплатилась будущим страны за своё политическое спокойствие, «лежит на поверхности». Тем не менее он является большим упрощением, лишь частью реальности, заслоняет собой фундаментальные процессы и рациональные мотивы, которые во многом направляли действия власти.

Л.И. Брежнев в докладе на XXIII съезде КПСС, обосновывая изменения в Уставе, сослался на то, что нормы, устанавливавшие регулярное (на каждых очередных выборах) обновление, не менее чем на половину состава горкомов, райкомов, окружкомов, парткомов и бюро первичных партийных организаций и ограничивавшие пребывание секретарей первичных партийных организаций двумя годами, приводят к тому, что «хорошие работники» вынуждены уходить с выборных должностей. Это, по его мнению, «...повлекло за собой неоправданное сужение круга зрелых и опытных работников, которые могут быть избраны в партийные комитеты»⁹².

Предлагая отменить указанные ограничения, Л.И. Брежнев фактически ориентировался на интересы дела, на качества того или иного работника, а не на формальные соображения. Такая кадровая политика имела, как минимум, два очевидных преимущества. Во-первых, она позволяла держать «нужных людей» на нужных местах для максимально быстрого достижения необходимых политических и экономических целей и оперативного решения возникавших проблем⁹³. Для советской системы форсированного экономического развития, выстроенной по подобию гигантского завода, ориентация на строгие формальные правила в кадровых решениях представлялась скорее «минусом», чем «плюсом», так как снижала оперативность. Во-вторых, и это даже более важно, Л.И. Брежнев стремился обеспечить послушность партийно-государственной бюрократии не устрашением, как И.В. Сталин,

и не постоянными перестановками и реорганизациями, как Н.С. Хрущёв, а согласием с ней. Эту новую политическую стратегию можно обозначить как «брежневский консенсус».

«Брежневский консенсус» подразумевал карьерную стабильность большей части управленческого аппарата. Если и допускалась динамика, то восходящая или, по крайней мере, горизонтальная. Кадровые перестановки, происходившие при нем, в малой степени затрагивали интересы номенклатуры, отставки, если и случались, то увольняемому обеспечивалось достойное место в административно-хозяйственных органах или в посольствах. Возобладавшая политика «баланса интересов» между различными сегментами бюрократии должна была способствовать общей стабильности системы. Так создавалась «сеть доверия»⁹⁴, состоявшая из членов бюрократии, призванная обеспечивать взаимную лояльность и исключать появление внутрисистемных оппонентов правящей верхушке. Она охватывала и региональный сегмент элиты, влияя на взаимоотношения по оси Центр-периферия. Если визиты в регионы Н.С. Хрущёва воспринимались как приезд строгого ревизора, то поездки Л.И. Брежнева, напротив, являлись демонстрацией единства с бюрократией на местах⁹⁵.

Социально-экономическое измерение «брежневского консенсуса» во взаимоотношениях Центр-регион состояло в том, что регионы в обмен на «заботу» Центра (выражавшуюся в различных решениях, постановлениях и программах развития той или иной территории, о которых публично объявлялось на высшем уровне власти и под которые выделялись материальные ресурсы) должны были оправдывать доверие — выполнять и перевыполнять плановые задания. Новая «стабилизационная» стратегия социально-политической безопасности была призвана обеспечивать одновременно и стабильность, и управляемость, и бурное развитие, так как ни Центр, ни регион не были заинтересованы подводить друг друга.

Но все эти рациональные соображения не могли заслонить собой другого неуклонно развивающегося и во многом объективного процесса. Если при Хрущёве произошла победа бюрократии «над террористической селекцией сталинского режима»⁹⁶, то теперь были успешно преодолены хрущёвские новации, призванные не допустить окостенения управленческой системы. Неизбежным результатом «брежневского консенсуса» был кадровый застой, так как число статусных карьерных позиций всегда ограничено. Это подтверждается и политическим долголетием дальневосточных Первых секретарей во время правления Л.И. Брежнева. Например, А.К. Черный занимал высокие ответственные посты в Хабаровском крае 29 лет (1969–1988), С.С. Авраменко возглавлял Амурскую область 21 год (1964–1985), В. П. Ломакин — При-

морье 15 лет (1969 – 1984), по 15 лет руководили Камчатской областью М. А. Орлов (1956 – 1971) и Д. И. Качин (1971 – 1986). Немногим более динамичной была ротация Первых секретарей Сахалинской и Магаданской областей⁹⁷. Кадровый застой в верхних эшелонах власти замедлил движение по всей вертикали управления. Таблица 1 показывает угасающую карьерную динамику руководящих работников в СССР.

Таблица 1

Длина карьеры до занятия первой номенклатурной должности

Период	Среднее число лет до занятия первой номенклатурной должности
До 1953 г.	8 лет
1954 – 1961	9 лет
1962 – 1968	11 лет
1969 – 1973	14 лет
1974 – 1984	18 лет
1985 – 1988	23 года
1989 – 1991	22 года

Источник: Косова Л.Б. Нереализованные возможности: механизмы мобильности в советском и постсоветском обществе // *Общественные науки и современность*. 2009. №6. С. 98.

При этом не менее важно, что приток «специалистов» на номенклатурные должности, возраставший до начала 1970-х гг., начал заметно падать с 31% от общего числа в 1969 – 1973 гг. до 17% в 1985 – 1988 гг., уступив выходцам из «партхозактива». И если в середине 1950-х – начале 1960-х гг. среди впервые занявших номенклатурную должность преобладали специалисты (соотношение 26% к 23% в их пользу), то в 1985 – 1988 гг. соотношение 17% к 57% было в пользу «партхозактива»⁹⁸: происходило замыкание в себе двух важнейших групп – партийных управленцев и специалистов. Не только хозяйственники теряли перспективу входа в политическую власть, но и «политики» становились всё менее компетентными в хозяйственной жизни, так как экономика и общество развивались и усложнялись.

Формально господствующая на властном олимпе КПСС в реальности всё более оттеснялась от руководства экономикой, на второй план задвигались чисто политические «говоруны» и лидировали профессионалы «технари», «не очень интересовавшиеся идеологией, но зато хорошо знавшие своё дело»⁹⁹. Между политическим и хозяйственным сегментом бюрократии углублялся неочевидный раскол, подчас при-

нимавший форму их сращивания: каждая из этих групп, часто покрывая друг друга перед высшим политическим руководством, преследовала свои узкогрупповые интересы. Со временем расколотой оказалась и сама политическая ветвь КПСС между партийным аппаратом и первичными организациями, члены которых при отсутствии перспектив политической карьеры и действенных рычагов воздействия на верхи предпочитали уходить от партийного влияния, а не обеспечивать его на местах. Интересы рядовых партийцев и хозяйственных руководителей совпадали в стремлении получать больше ресурсов при всё меньших плановых заданиях, а сам партийный аппарат без опоры на эти ключевые группы общества как бы «повисал в воздухе». Примечательно, что разные исследователи, на разном материале приходят к схожему выводу, что основным содержанием брежневского периода постепенно становилась имитация активности на всех уровнях советского общества – от бюрократии до широких слоёв трудящихся¹⁰⁰. За вниманием к росту производственных фондов упускалось из виду то обстоятельство, что эффективность их использования зависела от ответственности бюрократии и трудового энтузиазма рабочего класса, рост которого считался основой прочности социалистического строя¹⁰¹.

Программа КПСС по мере приближения к заветной дате (1980), всё более превращалась из средства легитимации власти и идеологического орудия мобилизации общества в элемент дискредитации политического руководства и всей советской системы. Отчасти на смену ей должна была прийти Конституция 1977 г., которую вынесли на всенародное обсуждение¹⁰². В такой процедуре принятия Конституции можно увидеть попытку установления более прочной взаимосвязи советского государства и общества. О том, что её не хватало, косвенно свидетельствует печально известная 6-я статья, провозглашавшая КПСС ядром политической системы. Эта статья может рассматриваться как симптом ослабления, а не усиления правящей роли Партии, как попытка удержать и формально закрепить уже ускользавшую власть.

При казавшемся всесилием высшее руководство в рамках «брежневского консенсуса» оказалось лишенным необходимых рычагов влияния, чтобы предотвратить быструю трансформацию стабильности в стагнацию. Региональные правители заняли двойственное и неуязвимое положение, и это опять же нашло свое выражение в сфере взаимоотношений Центр-регион. Немецкий политолог М. Бри указывает на «амбивалентную» функцию советского регионального руководства: «Первые секретари областных комитетов КПСС служили одновременно представителями Центра в области и представителями региональных интересов по отношению к Центру»¹⁰³. И если до конца идти по логической цепочке в поиске «виновных» в возникших трудностях,

то внизу окажутся местные органы власти, а на верхнем уровне — сам Центр как главный организатор всей партийной машины и расстановщик кадров. В такой ситуации ронять авторитет регионального, как и любого нижестоящего партийного лидера, означало нанести ущерб авторитету всей партии в целом.

В итоге управленческие провалы и следовавшие за ними экономические проблемы принято было объяснять «объективными» причинами, не называя ответственных и не принимая решительных мер. Это проявилось и при вояже Л. И. Брежнева по Дальнему Востоку в 1978 г., когда виноватыми в местных проблемах признавались и Центр, и регионы (все вместе, но никто конкретно) и всё закончилось принятием крайне обтекаемого постановления, суть которого заключалась в выделении ресурсов центральными ведомствами в обмен на организаторскую работу на местах¹⁰⁴. Примечательно, как хабаровский руководитель А.К. Чёрный с ностальгией говорил о Л.И. Брежневе: «...при нём работать было легко»¹⁰⁵.

По историческим меркам стремительный переход репрессивной, но при этом динамичной управленческой системы в состояние дряхлой беспомощности имел в своей основе и более фундаментальный фактор, нежели «брежневский консенсус». В параграфе 1 нам уже приходилось упоминать, что руководство страны к 1960-м гг. оказалось перед задачей обеспечения сочетания высокой экономической динамики и политической стабильности, т.е. мобилизации общества на ударный труд в условиях демонтажа репрессивных механизмов. Н.С. Хрущёв пытался, но не смог или не успел до конца разрешить эту проблему. Её важность осознавалась и после него, о чём свидетельствуют высказывания Л.И. Брежнева на Пленуме ЦК КПСС 15 декабря 1969 г.: «Основная задача перспективного развития нашей экономики состоит, таким образом, в том, чтобы добиться резкого (примерно в 2–2,5 раза) повышения эффективности использования имеющихся трудовых и материальных ресурсов, а также новых накоплений. Другого пути у нас нет»¹⁰⁶. Но брежневское руководство вскоре получило «неожиданный подарок» в виде освоения крупнейших и чрезвычайно производительных нефтяных месторождений, а затем и значительного увеличения цен на это сырьё. Масштабы нефтяного изобилия восточных районов впечатляют. Если за 1960 — 1965 гг. добыча нефти в СССР возросла с 148 до 243 млн т¹⁰⁷, то в последующие 20 лет в одной лишь Западной Сибири она поднялась с 1 млн т в 1965 г. до 400 млн т в 1986 г., составив 65% общесоюзной добычи (см. рис. 1)¹⁰⁸. Восточная Сибирь производила нефти больше, чем Иран, Ирак, Катар, Ливия, Объединённые Арабские Эмираты, вместе взятые, составляя 1/6 часть мирового производства нефти¹⁰⁹. За десять лет (1974–1984) экспорт нефти и продуктов её

переработки дал стране около 176 млрд. инвалютных рублей¹¹⁰, что, по мнению ряда исследователей «...на некоторое время компенсировало низкую эффективность производства, отодвинуло кризис советской системы»¹¹¹. Эти обстоятельства вызвали научную и политически актуальную дискуссию о роли нефти в развитии России, является она «проклятием» или «даром»?

Рис.1.

Источник: Гайдар Е.Т. Гибель империи. Уроки для современной России. 2-е изд., испр. и доп. М.: РОССПЭН, 2007. С.180.

Политологи отметили, что негативное влияние сырьевого богатства менее всего сказывается на странах с сильными политическими институтами (самый характерный пример – Норвегия) и более разрушительно в государствах, где политические институты не отличаются прочностью (трагический образец Нигерия)¹¹². Советский Союз начал получать обильные доходы от экспорта нефти в период перехода политической системы – репрессивные механизмы были демонтированы, демократические не созданы. В этот уязвимый момент нефтяные доходы позволили вытеснить задачи мобилизации ресурсов общества на периферию внимания власти.

С точки зрения системного подхода, советское государство получило «внешний» источник ресурсов. Негативные процессы фрагментации партии и атрофии мобилизационных механизмов, выразившиеся в повсеместном невыполнении планов, могли игнорироваться и компенсироваться нефтедолларами. Это способствовало деградации государственного управления, зато позволяло поддерживать видимость управляемости при отсутствии необходимых управленческих реформ. Одним из итогов стало оформление системы непрямого правления, в которой между Центром и регионами расцвели взаимоотношения торга: местные правители «выбивали» централизованные финансовые вливания, взамен чего обеспечивали политическую лояльность. Такая ситуация даже способствовала региональному развитию, так как местные власти получили определённый простор для отстаивания интересов территорий. Кроме того, сырьевая экономика требовала постоянной подпитки всё новыми природными ресурсами, что также стимулировало различные мега-проекты освоения новых территорий. Но в сложившихся условиях почти невозможно было вести речь об эффективности этих проектов — экономические расчёты отодвигались на задний план политическими соображениями.

Такой общий внутривнутриполитический фон, на котором разворачивалась дальневосточная политика в период стабилизационной стратегии обеспечения социально-политической безопасности, позволяет увидеть ряд ключевых структурных условий, определявших как интерес Центра к региону, так и пределы возможного в его развитии. В дальнейшем это позволит объяснить не только «прорывы», но и некоторые, на первый взгляд, парадоксально упущенные возможности в дальневосточной политике.

В середине 1960-х гг. планы по развитию Дальнего Востока были масштабными. Фактически речь шла об очередном витке его «освоения» — строительстве новых городов, портов, производственно-промышленных комплексов. Экономисты считали необходимым вкладывать в регион на «ближайший перспективный период» до 1,5–1,8 млрд руб. в год, из которых на строительно-монтажные работы приходилось 1,0 млрд руб. в год¹¹³. Дальний Восток должен был превратиться в «большую стройку». Но на пути развития региона встала фундаментальная проблема. По-видимому, именно в конце 1950-х — 1960-е гг. произошёл исторический перелом в функционировании Российского государства — истощение главного средства, которым власть расточительно расплачивалась за предшествующие модернизации, — человеческого потенциала. Ресурс гигантского демографического взрыва (конца XIX — начала XX вв.) был фактически исчерпан, соответственно и источник дешёвой рабочей силы к началу 1960-х гг. иссяк. В стране было

«мало» капитала и «много» людей, что делало возможным экономическое развитие на основе «сверхэксплуатации трудовых ресурсов»¹¹⁴ — теперь эта ситуация радикально менялась. Нехватка демографического потенциала стала препятствием на пути традиционно российского способа разрешения внутренних противоречий—колонизацией регионов¹¹⁵. Для освоения Дальнего Востока и привлечения сюда людей теперь требовались специальные стимулы.

Эта проблема, совпав с политическим моментом (снятие Н.С. Хрущёва и демонтаж его нововведений), спровоцировала коллективное обращение Первых секретарей в Президиум ЦК КПСС с запиской «О мерах по закреплению кадров в народном хозяйстве Дальнего Востока»¹¹⁶. В письме, датированном 13 февраля 1965 г., Первые секретари Приморского (В. Чернышёв) и Хабаровского (А. Шитиков) крайкомов, а также Амурского обкома (С. Авраменко) сообщали, что в регионе «...складывается всё более неблагоприятное положение с обеспечением растущего народного хозяйства трудовыми ресурсами». Естественный прирост незначителен, «...а поступление их из западных областей страны в отличие от прежних лет, как правило, перестало перекрывать выбытие в те же западные районы»¹¹⁷. По их информации, с 1954 по 1964 г. в южной зоне Дальнего Востока численность населения выросла на 23% против 18% по СССР; с 1959 по 1964 г. — по СССР на 8,3%, а по Дальнему Востоку на 8,1%»¹¹⁸. Сделав вывод, что «...перестали существовать материальные стимулы для привлечения и закрепления населения кадров в дальневосточной области, и это начинает всё заметнее отрицательно сказываться на темпах роста населения этого района, а следовательно, и на развитии его производительных сил и использовании богатейших природных ресурсов»¹¹⁹, они предложили комплекс материальных стимулов для закрепления кадров, в частности, увеличить районный коэффициент к заработной плате в размере 1,2 и ускорить жилищное строительство.

В ответ на это обращение в октябре 1965 г. Президиум Верховного Совета СССР поручил Государственному комитету по вопросам труда и заработной платы, Госплану СССР, Министерству финансов СССР, ВЦСПС с участием Совета Министров РСФСР разработать мероприятия по закреплению кадров в районах Крайнего Севера, Сибири и Дальнего Востока. 22 декабря 1965 г. Госплан СССР отдал приказ плановым комиссиям дальневосточного экономического района о разработке предложений «по развитию производительных сил»¹²⁰.

Первым секретарям удалось привлечь внимание нового высшего руководства. Дальневосточная региональная политика выделась из Москвы в контексте общегосударственной стратегии правильного размещения производительных сил. Л.И. Брежнев с трибуны XXIII съезда

провозгласил закрепление и привлечение новых работающих кадров в регион «важным партийным и государственным делом»¹²¹. Секретарь Приморского крайкома В.Е. Чернышев заявил, что установление льгот для дальневосточников встречено «с горячим одобрением и большой благодарностью» и станет «важным стимулом дальнейшего развития производительных сил богатейшего района страны»¹²².

Итоговый документ, переводящий дальневосточную политику государства на язык конкретных заданий и цифр, появился в 1967 г. в виде Постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О дальнейшем развитии производительных сил Дальневосточного экономического района и Читинской области»¹²³.

За 15 лет (1966–1980) капитальные вложения в Дальний Восток составили 65 млрд 278 млн руб., в более населённые Восточную и Западную Сибирь соответственно 73 млрд 431 млн и 109 млрд 10 млн руб.¹²⁴ В целом на Сибирь и Дальний Восток приходилось 1/3 государственных инвестиций¹²⁵.

Освоение Дальнего Востока в 1960–1970-е гг. – это более общая тенденция хозяйственной экспансии советского государства на окраины. В этот же период активное промышленное развитие шло в Западной Сибири и Средней Азии. Специфика дальневосточной региональной политики определялась сложным переплетением геополитических, экономических и внутривластных мотивов. Дальний Восток был не единственной осваиваемой территорией страны, поэтому встаёт вопрос о «цене» дальневосточной политики. Что заставляло высшее руководство вкладывать большие средства в этот регион? Специалисты из Научно-исследовательского экономического института Госплана СССР указывали в середине 1960-х гг. на коренную проблему освоения восточных районов – несоответствие демографического потенциала страны масштабу задачи. Необходимость увязки промышленного строительства с наличием трудовых ресурсов побудила их предложить альтернативу – экономическое освоение Средней Азии и Кавказа, где наблюдались высокие темпы демографического роста при слабом промышленном развитии. Приоритетное развитие Центральной Азии, особенно южной её части, могло бы в перспективе дать государству значительный прирост материальных средств, в том числе и для того, чтобы направить их на Сибирь и Дальний Восток¹²⁶.

Однако на Дальнем Востоке наиболее мощно по сравнению с другими периферийными районами страны действовал фактор геополитического напряжения¹²⁷. Дальневосточные границы СССР так и не получили всеобщего международного признания; на часть территории претендовали Япония и Китай, который из союзника стремительно превращался в соперника. Мао Цзэдун в 1964 г. в беседе с делегацией

Социалистической партии Японии высказал претензии на обширную часть советской территории к востоку от Байкала¹²⁸. Противостояние с СССР дошло до открытых военных столкновений в районе острова Даманского в 1969 г. Китай даже пошёл на сближение с США, укрепляя свои позиции в борьбе с СССР¹²⁹. Китай осмыслялся как угроза не только советским руководством, но и внутренними «врагами» режима — диссидентами. А.И. Солженицын, например, считал его главной угрозой СССР¹³⁰, а А. Амальрик в своём знаменитом эссе «Просуществует ли Советский Союз до 1984 года?» связывал гибель страны именно с будущей войной с КНР¹³¹.

Кроме того, сам факт обладания Дальним Востоком выводил СССР в число крупнейших Азиатско-Тихоокеанских держав, сталкивая его с главным геополитическим соперником Соединёнными Штатами Америки, для которых данная часть мира являлась приоритетной. Это со всей очевидностью подтверждается цифрами: за четыре послевоенных десятилетия (1945—1984) США «закачали» 13 млрд долл. военно-экономической помощи в Южную Корею и 5,6 млрд долл. — в Тайвань (для сравнения: Африке в целом было предоставлено 6,89 млрд долл., а всей Латинской Америке — 14,8 млрд долл. американской помощи)¹³². Именно в АТР «холодная война» перерастала в настоящие боевые столкновения (Корейская и Вьетнамская войны), где игроки глобального противостояния скрытно или явно пробовали друг друга на прочность.

Упор на геополитическое значение Дальнего Востока был излюбленным приёмом региональных правителей. Так, например, Первый секретарь Приморского крайкома КПСС В.П. Ломакин в своём выступлении на сессии Верховного Совета СССР подчёркивал, что на Дальнем Востоке «...вблизи границ Советского Союза размещено свыше 300 баз и объектов США, около 150 тысяч американских солдат и офицеров. Подрывные империалистические центры с нарастающим давлением осуществляют идеологические диверсии»¹³³.

Особенностью геополитического положения СССР на Дальнем Востоке было ещё и то, что здесь не удалось по примеру Восточной Европы создать нечто вроде пояса безопасности из подконтрольных стран (исключение лишь Монголия). Иным был и сам масштаб соседних государств. Советский Союз, нависавший более чем стомиллионной людской массой над малыми европейскими странами, на Дальнем Востоке с его расплывлённым по гигантским просторам восьмимиллионным населением сам превращался в «малую» страну перед почти миллиардом китайцев, 100 млн из которых проживало в пограничных с РСФСР провинциях.

Советское руководство придавало важное значение геополитической роли Дальнего Востока, об этом свидетельствует встреча

Л.И. Брежнева и Дж. Форда в 1974 г. в пригороде Владивостока, имевшая большой символический смысл, а также мощь Тихоокеанского флота, в начале 80-х гг. составлявшего треть совокупных военно-морских сил страны. Регион обоснованно признаётся современными российскими историками вторым геополитическим флангом стратегической обороны Советского Союза¹³⁴.

Но геополитика почти всегда является «двусторонней медалью», которая наряду с угрозами открывает и потенциальные преимущества. В начале 1970-х гг. советские географы обратили внимание на уникальное экономико-географическое положение Дальнего Востока, где «...как в никаком другом географическом регионе мира, соприкасаются могущественные государства», и сформулировали ряд идей по развитию региона, претендующих на то, чтобы стать стратегической основой дальневосточной региональной политики¹³⁵. Изменить направление освоения восточных районов – «идти» не с Западной Сибири на Восток, а наоборот, сформировать на Тихоокеанском побережье мощный экономический плацдарм для движения на Запад, ориентировать экономику региона на экспорт, причём не только ресурсов, но и путём создания предприятий для переработки импортного сырья с последующим экспортом продукции. Предполагалось, создать мощную транспортную инфраструктуру для международного транзита с образованием предприятий по облагораживанию как экспортного, так и импортного сырья. И даже речь шла о прокладке трубопроводного транспорта для экспорта нефти и газа¹³⁶. При изменении международной ситуации регион вполне мог бы обрести будущее, о котором говорили советские экономисты в начале 1960-х гг., став «валютным цехом» страны. Огромная территория нового освоения была потенциальной «площадкой» для построения новой, более рациональной жизни. Так, советский экономист А.Н. Гладышев писал в середине 1970-х гг.: «Западные районы застроены давно. А на Дальнем Востоке, где хозяйство находится в стадии формирования, можно заранее многое предусмотреть, учесть, с тем чтобы диспропорций, ошибок, исправление которых обойдётся слишком дорого»¹³⁷. Это даёт основание предположить, что, развивая Дальний Восток, советское руководство исходило не только из соображений военной безопасности, но и осознания перспективности этой территории (см. приложения 1, 2).

Геополитика была важнейшей причиной того, что освоение восточных районов наряду с сельским хозяйством, тяжёлой индустрией и обороной стало одним из приоритетных направлений развития страны, несмотря на многие трудноразрешимые проблемы.

Экономический фактор в период середины 1960–1980-х гг. вызывал противоречивые действия в развитии Дальнего Востока. В новых гео-

политических условиях создание зоны совместного развития с КНР, в которой СССР был бы технологическим лидером, стало невозможным. Это не соответствовало и общей тенденции превращения Советского Союза в сырьевую державу, о роли которой свидетельствуют изменения в структуре экспорта СССР. С 1970 по 1985 г. доля машин и оборудования упала с 21,5% до 13,9%, а топлива и энергии выросла с 15,6% до 53,7%¹³⁸. Доля продукции Дальнего Востока в 1970–1983 гг. в советском экспорте по отдельным позициям имела следующий вид: круглый лес – 40%, целлюлоза – 8%, пиломатериалы – 4%, рыба – 33%, рыбные консервы – примерно 50%¹³⁹. Дальний Восток превратился в сырьевой придаток второй экономической державы капитализма Японии, которая занимала более 50% во внешнеторговом обороте СССР со странами АТР и брала на себя 2/3 дальневосточного экспорта¹⁴⁰.

Сырьевая специализация региона была характерна не только для международного, но и для внутрисоюзного распределения труда, в котором отраслями его специализации являлись рыбная и лесная промышленность, добыча цветных металлов, а также морской транспорт¹⁴¹. Дальневосточный экономический район давал 30% рыбной продукции, 13% вывозки леса, 6% производства пиломатериалов, картона, целлюлозы, около 80% олова, почти 50 % золота и 14% вольфрама¹⁴². Геополитический фактор способствовал также концентрации на Дальнем Востоке высоких технологий, которые были представлены почти исключительно в оборонно-промышленном комплексе: принцип дублирования производств оборонного назначения предполагал их размещение «...в максимально удалённых точках контролируемого географического пространства»¹⁴³.

Геополитическая необходимость освоения и заселения региона, всё большая зависимость советской экономики от экспорта сырья, как и её общая ресурсоемкость, были мощными стимулами для реализации мега-проектов развития Дальнего Востока, где находились разведанные запасы различных видов сырья, а также прямой выход на рынки их сбыта через порты Приморского и Хабаровского краёв. Важно иметь в виду, что доходы от экспорта сырья были не столько источником для непродуманных расточительных расходов (вооружение, освоение космоса, помощь геополитическим союзникам), сколько средством компенсации крайне неэффективной работы сельского хозяйства и лёгкой промышленности. По подсчётам М.В. Славкиной, в 1965–1985 гг. затраты на импорт продовольствия, одежды и обуви составляли в разные годы от 90 до 64% от доходов за экспорт нефти¹⁴⁴. Учитывая снижавшуюся с течением времени производительность советской экономики при росте потребительских запросов населения, напрашивается вывод – наращивание экспорта сырья, прежде всего за счёт освоения новых

районов, было важнейшим вопросом безопасности советской социально-политической системы в рамках стабилизационной стратегии. Если бы руководство СССР встало перед гипотетической дилеммой — вложить деньги в модернизацию гражданского сектора промышленности или же в освоение новых сырьевых районов, то «сырьевая игла» перевешивала бы чашу этих весов в пользу второго варианта.

В 1974 г. Постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР возобновляется строительство Байкало-Амурской магистрали (БАМ) протяжённостью 3200 км. (см. рис. 1). Объявлялись цели этого строительства: ускоренное развитие производительных сил Сибири и Дальнего Востока, вовлечение в хозяйственный оборот крупнейших запасов полезных ископаемых и леса, обеспечение возрастающих объёмов перевозок народнохозяйственных грузов, улучшение внешнеэкономических связей Советского Союза через морские порты Дальнего Востока»¹⁴⁵. Естественно, грандиозная стройка сулила не только вовлечение в оборот большого количества сырьевых ресурсов, но и социально-промышленное освоение этой территории — заселение, обустройство, создание индустриального комплекса¹⁴⁶.

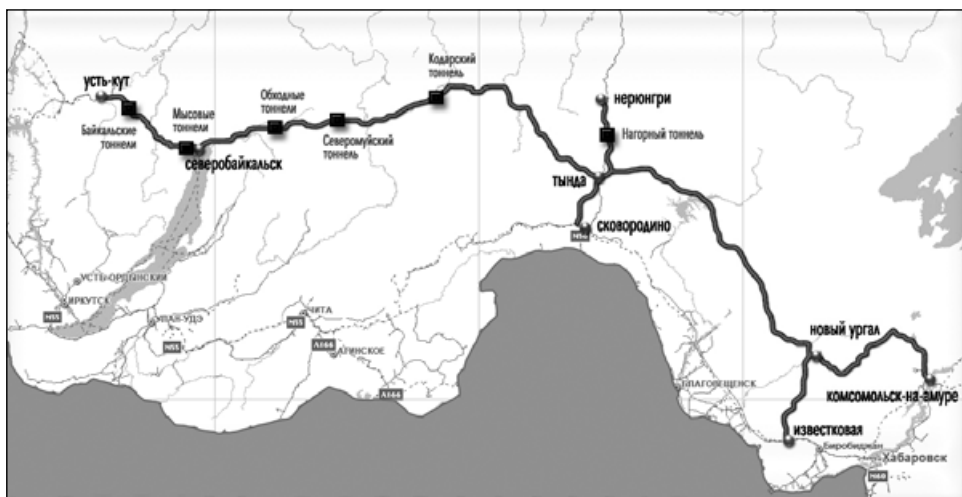

Рис.2. Карта БАМа

Такой мега-проект сам по себе мог стать мощным толчком для промышленного рывка советской экономики. Но даже в этом деле проявилась зависимость СССР от капиталистических стран. Так, в 1975 – 1980 гг. для строительства БАМа было закуплено 10 000 не советских Уралов, МАЗов и КАМАЗов, а западногерманских грузовиков «Магриус-Дойч», 250 американских тракторов и бульдозеров, 199 японских бульдозеров, 190 не БЕЛАЗов, а 180-тонных канадских

самосвалов¹⁴⁷. Знаменитый пятнадцатикилометровый Северо-Муи-ский (самый длинный в России) тоннель также строился с помощью иностранных горнопроходческих комплексов «Роббинс» и «Вирт», которые регулярно ломались из-за несоблюдения технологии их использования. В 1984 г., например, они простаивали свыше 9 месяцев. В итоге тоннель, который планировалось сдать в 1984 г., удалось построить лишь на 46,7% при освоенных 95% средств, выделенных на его строительство¹⁴⁸. В конечном итоге, строительство тоннеля было завершено только 2003 г.¹⁴⁹

Строительство БАМа при всей его значимости – это лишь составная часть общей дальневосточной политики. О намерениях государства в этом регионе можно судить по «Основным задачам развития народного хозяйства СССР на 1976–1980 гг.». Среди важнейших приоритетов значилось обеспечение комплексного развития хозяйств; увеличение добычи цветных, редких, драгоценных металлов и алмазов, производства продукции лесной, целлюлозно-бумажной и мебельной промышленности. Планировалось также завершить сооружение гидроэлектростанций, развернуть строительство Бурейской ГЭС, ввести в действие первые агрегаты на Колымской ГЭС, продолжить строительство глубоководного Порта Восточный, который строился прежде всего для экспорта советского сырья.

ЦК КПСС указывал на необходимость значительно усилить геологоразведочные и научно-исследовательские работы по комплексному развитию производительных сил в зоне, тяготеющей к Байкало-Амурской магистрали, и освоению природных ресурсов в этой зоне по мере завершения строительства отдельных участков магистрали¹⁵⁰.

Сырьевая специализация региона отчётливо проявилась и в направленности дальневосточной науки. В Постановлении ЦК КПСС от 15 января 1985 г. перед Дальневосточным научным центром АН СССР (ДВНЦ) ставилась задача концентрации «...на исследовании актуальных проблем экономического и социального развития... выявлении новых природных и сырьевых ресурсов, разработке эффективных путей их освоения»¹⁵¹. Глава ДВНЦ академик Н.А. Шило, чётко осознавая взаимосвязь сырьевой специализации и геополитической значимости региона, писал генеральному секретарю ЦК КПСС К.У. Черненко: «Общеизвестно, что восток Советского Союза занимает особую позицию: с одной стороны, он является крупнейшим из оставшихся резервов сырьевых и энергетических ресурсов СССР, с другой – по мере расширения его минерально-сырьевой базы и повышения роли в общем балансе запасов страны будет возрастать экономика региона, а следовательно, его политическое влияние на страны Тихоокеанского бассейна»¹⁵².

Но осваивать Дальний Восток означало преодолевать две фундаментальные проблемы – инфраструктурную и демографическую. Большие расстояния и неразвитая дорожная и портовая сеть были мощным препятствием к раскрытию его природного потенциала. Чтобы начинать разработку того или иного ресурса, требовались масштабные вложения в инфраструктурное обустройство, так как часто приходилось работать там, где ещё недавно «не ступала нога человека». Транспортировка отдельных видов ресурсов на тысячекилометровые расстояния к месту переработки радикально снижала общую эффективность их использования. К 1970-м гг. в экономической науке утвердилась мысль о необходимости комплексного освоения территории, и это нашло понимание у руководства страны. Отрабатывался инновационный опыт регионального управления – программно-целевой подход, воплотившийся в разрабатываемой с начала 1970-х гг. «Комплексной программе развития и размещения производительных сил и транспортного обеспечения Дальневосточного экономического района до 2000 года»¹⁵³. Комплексное освоение требовало и соответствующего демографического потенциала. Но демографическая ситуация в СССР уже не позволяла в административном порядке перераспределять население по регионам страны. Предполагалось интенсивное развитие в этих районах социальной инфраструктуры¹⁵⁴.

Не менее тревожной представляется другая тенденция. Несмотря на то, что государственные вложения в Дальний Восток росли (в 1965–1970 гг. они составили 14 млрд 758 млн руб., в 1971–1975 гг. – 21 млрд 456 млн руб., в 1976–1980 гг. – 29 млрд 64 млн руб.¹⁵⁵), шло постоянное снижение темпов роста промышленного производства при облегчающихся от пятилетки к пятилетке плановых заданиях. Так, в восьмой пятилетке фактическое увеличение объёма производства составило 48% при плане 69%, то в девятой – 40% против 51%, в десятой уже 19% против 30%, в 11-й пятилетке – 18% против 22,9% по плану¹⁵⁶. В 1970 – 1980-е гг. на регион приходилось 5% общего объёма централизованных инвестиций по СССР, и этот показатель незначительно уступал тому, что был в 30-е гг. – 6,3%. При этом, с 1965 г. здесь не был выполнен ни один пятилетний план¹⁵⁷. Очевидно, основная, но неохотно осознаваемая проблема заключалась не в количестве ресурсов, а в качестве управления ими. Начиная с 1970-х гг. задачи нового освоения Дальнего Востока и вовлечения в экономику страны его ресурсов решались на фоне традиционной проблемы: выделяемые средства «недоосваивались», строительство задерживалось. Так называемый «долгострой» стал характерной и повсеместно распространённой чертой позднего СССР, в том числе и на Дальнем Востоке, где к 1985 г. объём незавершённого строительства достиг 118%, а капитальные вложения

на производстве «хронически» недоосваивались на 35–40%¹⁵⁸. При опережающем (сравнительно со страной в целом) росте фондовооружённости рост производительности труда отставал, а доля этого интенсивно осваиваемого региона в экономике страны приобрела тенденцию к снижению. Дальний Восток поглощал всё больше ресурсов при всё меньшей эффективности их использования и был ещё одним индикатором расхождения заявленных государственных целей с реальностью.

Стабилизационная стратегия брежневского правления, нарастающая зависимость советской экономики от вовлечения в оборот новых природных ресурсов, международная ситуация – в своей совокупности все это повысило значимость внутривнутриполитического фактора в формировании дальневосточной политики. Курс на стабильность управленческих кадров вместе с приоритетностью этого региона открывал для местной номенклатуры дополнительные возможности влияния на Центр. Она активно обращалась в Москву в поиске ресурсов для решения своих региональных проблем¹⁵⁹.

Готовность советского руководства реализовывать в регионе мега-проекты (яркий пример – гигантская стройка БАМ) также имела политическое измерение. Освоение почти дикого, но богатого ресурсами региона должно было повышать авторитет государства как инициатора и организатора «стройки века», закреплять его традиционную функцию главного распределителя социальных благ и, в конечном счёте, усиливать политическую власть. Авторы исследования «Азиатская Россия в геополитической и цивилизационной динамике XVI–XX века» отмечают, что за программами развития восточных районов, как правило, стояло ощущение «...крупного физического резерва власти и соответствующей его масштабу волны общественной поддержки». Применительно к БАМу важен и контекст политического «застоя». Гигантская стройка играла роль социального выпускного «клапана», давая ощущение динамизма советской системе, направляя социальную энергию общества в русло трудовых побед, предоставляя амбициозным и активным молодым людям новые карьерные возможности¹⁶⁰. Значение этого проекта как мощного ритуала в полной мере осознавалось и высшим руководством. Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР предписывало при «...строительстве этой магистрали широко использовать славные традиции и опыт сооружения Днепрогэса, Магнитки, Волжского автозавода, освоения целины, восстановления города Ташкента и других крупных строек, символизирующих нерушимое единство и созидательный энтузиазм народов СССР»¹⁶¹. В то же время на Дальнем Востоке уже ко второй половине 1970-х гг. стабилизационная стратегия безопасности исчер-

пала свой потенциал. За фасадом «брежневского консенсуса», за повышенным вниманием Москвы к региону и большими финансовыми вложениями в его освоение проступали контуры будущих политических расколов, по линиям которых вскоре разрушится советская государственная машина.

Весной 1978 г. Л.И. Брежнев совершил поездку по Сибири и Дальнему Востоку, во Владивостоке состоялось его совещание с Первыми секретарями дальневосточных крайкомов и обкомов КПСС. На этой встрече стало явным противоречие между Центром и территориями по вопросу о том, кто несёт ответственность за то, что при всёвозрастающих вложениях развитие региона замедлялось. На критику Первых секретарей в адрес министерств, «...по вине которых края и области Дальнего Востока задерживают завершение строительства плановых объектов», Брежнев указал, что «далеко не везде в... областях полностью используются производственные мощности». Призвав их согласиться, что «есть такой грех», Генеральный секретарь дал понять, за счёт чего следует решать эту проблему — «...надо, товарищи, ещё раз посмотреть на имеющиеся внутренние резервы...»¹⁶² Претензии региональной власти на плохую работу центральных министерств и ведомств, т.е. ответственность Центра, компенсировались встречными обвинениями региона в неумении организовать соответствующим образом работу, хорошо использовать то, что уже создано.

Весьма показательна мера, предложенная Брежневым по повышению эффективности экономики, — партийным работникам «...беседовать с рабочими (особенно с передовиками производства), прислушиваться к ним, вникать в то, что они говорят...»¹⁶³ Это косвенно свидетельствует, что высшее партийное руководство осознавало ослабление связи с официально провозглашённой базовой группой общества — рабочей средой, следовательно, с «реальной экономикой». В пользу такого вывода говорит и реакция местных властей. Например, в Хабаровском горкоме был разработан перечень мероприятий по выполнению «указаний и рекомендаций» Л.И. Брежнева, высказанных им в ходе поездки в районы Сибири и Дальнего Востока¹⁶⁴. Предстояло на всех партийных уровнях, вплоть до первичных партийных организаций, обсудить замечания, указания и рекомендации, которые следовало «всеми идеологическими средствами» донести «до глубокого сознания каждого трудящегося». Одну из самых серьёзных проблем развития Дальнего Востока — «долгострой» — на городском уровне планировалось решать, применяя усиленные меры, например расстановка коммунистов на важнейших пусковых объектах¹⁶⁵. Сами поставленные задачи по своей сути выявляют ключевую проблему — снижающееся влияние партии на общество.

К началу 1980-х гг. был накоплен почти двадцатилетний опыт политики наибольшего благоприятствования высшего руководства к развитию Дальнего Востока и видны были как достижения, так и противоречия данного курса. Рост интереса Центра к Дальнему Востоку происходил параллельно с нарастанием негативных тенденций в социально-экономическом развитии региона, впрочем, как и всей страны. При своём внешнем единстве центральное и региональное руководство демонстрировали разный подход к пониманию сути возникших трудностей и путей их преодоления. Стабилизационная стратегия безопасности во многом основывалась на внешнем источнике материальных ресурсов, благодаря которым могли производиться большие вложения в регион и компенсироваться снижавшаяся эффективность государственной машины. Вместе с тем выбор в пользу стабильности, но в ущерб эффективности государства привёл к тому, что позитивный потенциал избранной стратегии довольно быстро исчерпался.

1.3. ИСТОКИ ДИНАМИЧЕСКОЙ СТРАТЕГИИ БЕЗОПАСНОСТИ И ПРИЧИНЫ ЕЁ КРУШЕНИЯ (середина 1980 – начало 1990-х гг.)

Рождение социально-политической динамики советского общества периода второй половины 1980-х – начала 1990-х гг. было настолько осознанным выбором власти, насколько оно задавалось исчерпанием стабилизационной стратегии безопасности.

Брежневский период отмечен количественным ростом социально-экономической системы. 1960-е – начало 1980-х гг. – время грандиозных инвестиционных программ в промышленности и сельском хозяйстве. Были построены тысячи заводов, новые индустриальные города. На заре перестройки М.С. Горбачёв, оценивая пройденный путь с 1961 по 1986 г., утверждал, что «мы отстроили по сути заново всю страну»¹⁶⁶. Можно считать, что были веские основания для этого, хотя коммунизм, который официально «строился» с 1961 г., построить так и не удалось. Программа, которой в хрущёвский период руководство пыталось вдохновить советских людей, оказалась как бы «забыта». Это наводит на печальные параллели с современными стратегиями развития, которые сменяются, перерабатываются, продлеваются в таком темпе, что становится почти невозможным отследить эффективность их выполнения.

Тем не менее СССР в 1980-х гг. считался одним из наиболее мощных в экономическом отношении государств мира. Промышленная

продукция Советского Союза составляла около 80% от американской, страна была (одной из двух в мире) способной выпускать продукцию любого уровня сложности.

В связи с этим наш дальнейший анализ становится частью более широкой дискуссии. В общественном сознании ещё существует, а в научных кругах обсуждается вопрос, от которого зависит и взгляд на перестройку: чем были для СССР «застойные» времена — лишь стагнацией или всё же советским вариантом «процветания»¹⁶⁷? Ответ на этот вопрос имеет отношение ко всему последующему, что произошло со страной. Представляется, что поиск внутренних истоков преобразований уместно искать не только в социально-экономической, но и в управленческой сфере. Основная проблема заключалась в том, что с начала 1970-х гг. темпы развития резко замедлились. По словам М.С. Горбачёва, с приходом к власти Ю.В. Андропова политическое руководство дало команду вывести «настоящий» процент экономического роста, который оказался отрицательным¹⁶⁸. Однако само по себе это мало что проясняет. Социалистические экономики с 1950-х гг. примерно по 1975 г. росли более быстрыми темпами, чем большинство их капиталистических конкурентов и, вероятно, в 1980-х гг. находились только в средней фазе циклического кризиса. Как отмечает Р. Коллинз, «...политический упадок был вызван факторами, которые являются случайными с точки зрения экономически обоснованной теории»¹⁶⁹. Замедление экономического роста и даже его отрицательное значение — довольно частое явление в мировой экономике, но для Советского Союза оно превратилось в принципиальный вызов системе, в вопрос быть ей или не быть? В поиске ответа рассмотрим сначала внутренние (политико-управленческий аспект), а затем внешние (геополитические) факторы.

Социально-политическая система СССР была «настроена» как машина, мобилизующая страну на непрерывное развитие. Советское руководство и экономисты подчёркивали отсутствие в плановой экономике циклических кризисов, стагнации и спадов — характерных черт капиталистических стран. Замедление развития, а тем более стагнация и спад не предусматривались ни в сфере научного осмысления, ни в практике управления страной. Кризисные явления в экономике были симптомом более общего кризиса и свидетельствовали об ослаблении управляемости обществом, так как заявленные властью цели перестали достигаться усилиями советских людей.

Внешнее и внутреннее политико-идеологическое позиционирование советской модели общественного устройства, легитимация власти в глазах народа и (главное) широкого слоя управленцев были основаны во многом на вере в мощный властный потенциал партии, символом

которого должно быть непрерывное поступательное развитие с расширением ресурсов и компетенций правящей бюрократии и общим ростом уровня жизни советских людей. Не менее мощным инструментом внутренней и внешней легитимации режима было сокращение социально-экономического разрыва относительно других стран и неуклонное улучшение социально-экономических показателей сравнительно с собственным прошлым. Немаловажно и то, что нельзя было мириться со всё более явным технологическим отставанием от основного потенциального противника, рано или поздно это приведёт к отставанию военному. Нам остаётся согласиться с мнением К. Калхуна, что кризис, с которым столкнулось руководство в 80-х гг., был в том, что СССР перестал развиваться¹⁷⁰. Выстроенная годами, освящённая великой победой во Второй мировой войне система перестала справляться со своей главной задачей. Детальный анализ причин возникших трудностей не входит в цели данной работы, к тому же эта тема подробно разработана историками и экономистами. Нам, в свою очередь, важно показать, как эти проблемы рефлексировались властью на заре перестройки, какие ей виделись решения и как это влияло на вариации стратегий безопасности и политику в отношении Дальнего Востока.

В общемировом контексте кризисные явления в стране считались признаками заката «государства всеобщего благосостояния», обозначившегося в развитой части мира примерно с конца 1970-х гг. и продолжающегося в настоящее время. В советском варианте это был кризис социальной политики, начатой Н.С. Хрущёвым, стержневой социальной процесс которой — сокращение государственных обязательств по отношению к собственному населению. На Западе его символом стала стремительно завоёвывающая умы политиков политэкономическая теория неоллиберализма¹⁷¹. В СССР была своя специфика, её суть сформулировал А. Фурсов: «...при Хрущёве и Брежневе номенклатура боролась за обеспечение гарантий своего существования. В ходе борьбы кое-что перепадало не только её прилипалам... а и населению — от квартир в «хрущёвках» и участков в шесть соток до низкой квартплаты и возможности работать не напрягаясь... Но на рубеже 1970 — 1980-х гг. этот неравный, но всё же двусторонний процесс пришёл к финишу из-за исчерпания ресурсов и изменившейся не в пользу СССР ситуации в мире»¹⁷².

Советский «ответ» был тоже специфичен. Так, если в капиталистических странах государство отказывалось от опеки своих граждан, то в нашей стране как в силу идеологических и политических причин, так и по опыту предшествующего развития было болезненно дать гражданам «меньше», зато предполагалось брать с них «больше», чем прежде, заставить работать качественнее и интенсивнее. С этой целью руковод-

ство страны взялось, прежде всего, за то, что «лежало на поверхности». Одним из самых очевидных факторов «застоя» было повсеместное и регулярное сокращение и невыполнение предприятиями плановых заданий – следствие работы советских людей «без напряжения», равно как и усилившееся желание трудиться больше для своего, чем государственного блага. Со временем в результате совпадения многих процессов (стабилизационная политическая стратегия, формирование зачатков общества потребления, изменений в социальной структуре советского общества, где формировались неформальные вертикальные и горизонтальные связи, в общем – в результате успехов советской модернизации) государство утрачивало контроль за распределением и потреблением благ, а сами граждане постепенно приобретали опыт обеспечивать себе дополнительный доход «в обход» государства и в ущерб ему.

На Дальнем Востоке кризисные явления чувствовались острее, чем в целом по стране. Здесь происходило торможение развития на фоне усиленного внимания высшего руководства к региону, масштабных централизованных инвестиций и накопления значительного производственного потенциала. Юг региона в период 1960-х – начала 1980-х гг. переживал, по сути, масштабную индустриализацию, которая, однако, не вызывала ожидаемого социально-экономического эффекта.

Подходы к поиску решений по преодолению негативных тенденций велись и при Л.И. Брежнев. Однако, как видим, стабилизационная политическая стратегия до предела сузила спектр альтернатив. Перемены обозначились в 1982 г. с приходом к власти Ю.В. Андропова. Руководство страны видело две основные проблемы: «корректировка планов» (планы не выполняются), а зарплата остаётся на прежнем уровне; на единицу продукции затрачивается слишком много ресурсов. Обозначив проблему, Андропов указал и пути её решения, начав с того, что повышение цен «не годится»¹⁷³. Вместо этого надо неотложно улучшать качество работы, убыстрять её темпы, удешевлять производство продукции. Естественно, подход к проблеме «ленинский»: найти «то самое звено», чтобы вытянуть всю цепь. И такое звено уже было известно новому советскому лидеру: «...хотя нельзя всё сводить к дисциплине, начинать надо, товарищи, именно с неё». Перспективы казались заманчивыми, ведь «наведение порядка действительно не требует каких-либо капиталовложений, а эффект даёт огромный»¹⁷⁴. По этому идейному оформлению пути преодоления кризиса продолжил идти М.С. Горбачёв, внушавший хозяйственным руководителям: «...усиление режима экономии, борьба с расточительством, рациональное использование всего того, чем располагает трудовой коллектив – станка-

ми, оборудованием, землёй, другими материальными и финансовыми ресурсами. Мы не можем, да и не должны рассчитывать — ни сейчас, ни в будущем — на значительный их прирост»¹⁷⁵. Примечательно, что здесь новый генсек фактически повторил слова Л.И. Брежнева, сказанные последним незадолго до затопившего страну нефтяного изобилия¹⁷⁶.

Огромное советское хозяйство, казалось, имело не менее огромный потенциал мощностей и квалифицированных кадров, всё это надо было лишь эффективно организовать. Укрепление дисциплины можно рассматривать как форму интенсификации «изъятия» ресурсов путём мобилизации общества на более напряжённый и эффективный труд. Это было признанием по умолчанию того факта, что за брежневский период советское государство так и не справилось с вызовами, которые поставила перед ним десталинизация. При этом государство попыталось изначально не выстраивать новую систему, но по максимуму использовать прежнюю.

Мобилизационные меры опирались на укоренённую традицию. В стране был накоплен большой и успешный опыт достижения экономических целей путём властного воздействия партии на общество. Подобная практика сложилась как минимум во времена «военного коммунизма», её суть в политизации «...любого дела... используя строжайшую дисциплину и централизацию партии, поднимать миллионы людей для достижения поставленной цели»¹⁷⁷. В распоряжении высшего руководства была проверенная временем, выстоявшая в тяжелейшие годы Великой Отечественной войны «организационная модель» коммунистической партии, в идеале, как заметил Пьер Бурдьё, позволявшая (во всяком случае многократно в прошлом) «...приводить в действие всю совокупность агентов «как одного человека» во имя общей цели»¹⁷⁸. М.С. Горбачёв в своих воспоминаниях не скрывает, что на заре перестройки руководство стремилось «добиться коренных перемен в экономике с помощью административных действий»¹⁷⁹. Авторитарная модернизация была привычной политикой власти, направленной на то, чтобы поставить каждого (рабочего, интеллектуала, управленца и т.д.) на своё место и заставить делать своё дело.

Явно неверным представляется взгляд, что «ускорение» началось с мобилизационных мер Ю.В. Андропова. Тема ускорения научно-технического прогресса звучала как минимум со второй половины 1970-х гг. Правительство под руководством Брежнева декларировало во многом идеи, отраженные в сборниках решений и постановлений ЦК КПСС за вторую половину 70-х — начало 80-х гг. То же происходило и на региональном уровне. Первый секретарь Хабаровского края А.К. Чёрный писал в 1982 г.: «Бюро краевого комитета партии ...нацелило партийные, профсоюзные, комсомольские организации на ...изы-

скание и лучшее использование внутренних резервов производства, усиление режима экономии материальных и топливно-энергетических ресурсов, более широкое применение достижений науки и техники, новых технологических процессов...»¹⁸⁰ Первый секретарь Приморского крайкома В.П. Ломакин в 1981 г. о состоянии строительной отрасли сообщал: «Будь посовременнее организация труда и производства, отлажено обеспечение всем необходимым, выше дисциплина — мы легко удвоили бы и темпы и улучшили качество»¹⁸¹. Но на фоне «прогрессивной» риторики власти, принятия многочисленных постановлений, развёртывания масштабных инвестиционных программ в первой половине 80-х гг. проблемы не решались, а нарастали. В расширенном временном контексте политика Ю.В. Андропова может рассматриваться как промежуточный этап, как вариант реакции на пробуксовку уже реализуемой политики ускорения.

С приходом к власти М.С. Горбачёва определились три сферы, в которых осмыслялись кризисные явления в стране. Во-первых, кризис организационный, связанный как с объективными факторами (системой планирования, методами стимулирования, показателями эффективности предприятий), так и с субъективными (упадком дисциплины, снижением партийного контроля над хозяйственными руководителями и соответственно их контроля над своими подчинёнными). Ключевым решением этого пласта проблем является опять же «укрепление дисциплины» в глобальном масштабе, наведение порядка с чётким разделением ответственности и компетенций.

Во-вторых, кризис виделся в исчерпании модели экономического роста, основанной на вовлечении в экономический оборот всё большего количества ресурсов. Здесь действовали как организационно-технологические факторы, приводившие к формированию «затратной экономики», когда на условную единицу продукции тратилось недопустимо много ресурсов¹⁸², так и демографические — в ряде регионов обнаруживался дефицит людей трудоспособного возраста, общий их прирост снизился до 0,25%¹⁸³. Истощение традиционной сырьевой базы, её смещение на восток страны приводило к неуклонному удорожанию себестоимости сырья, главного экспортного товара СССР, и обострению транспортной проблемы¹⁸⁴. Так, советские расходы на развитие нефтяной промышленности составляли, по данным ЦРУ, в начале 1970-х гг. 4,6 млрд долл. в год, в 1976–1978 гг. более 6 млрд, а в начале 1980-х гг. превысили 9 млрд долл. в год¹⁸⁵. На этом фоне в 1984 г. впервые после Второй мировой войны уровень нефтедобычи стал снижаться, внешний источник ресурсов заметно оскудел.

Этот пласт проблем предполагалось решить с помощью масштабных государственных инвестиционных вливаний в новые тех-

нологии, в обновление промышленной базы и освоение обширных территорий Сибири и Дальнего Востока, огромные и по большому счёту нетронутые природные богатства которого были источником усиленного внимания центральной власти к региону¹⁸⁶. Но, чтобы реализовать инвестиционные программы и организовать дальнейшее освоение новых территорий, М.С. Горбачёву вновь потребовалось вернуться к решению проблем, которые встали на пути хрущёвского руководства, но благодаря дождю нефтедолларов удалось «обойти» времена Брежнева. Государству снова «понадобилось» общество – его планировалось «вдохновить» на ударный труд и организовать на достижение своих целей.

Высшее руководство пыталось дать ответ на возникшие вызовы в двух стратегиях. Во-первых, в прежней логике ориентации на внешний источник ресурсов (освоение новых районов), во-вторых, в логике построения нового формата взаимоотношений с обществом (сама перестройка). Все институты, которые «спали» в брежневский период, теперь проходили проверку на прочность. Это касается и Партии как главной «направляющей силы» советского общества (ст. 6 Конституции СССР), и советских органов как координатора между политическими и хозяйственными управленцами, а также органов правопорядка (антиалкогольная кампания, борьба с коррупцией и повседневными экономическими преступлениями) и не в последнюю очередь идеологических органов как главного вдохновителя масс.

Наш анализ проблем, вставших перед СССР, будет неполным без обращения к геополитическим вызовам 1980-х гг. Фатально долгая приверженность советской элиты к стабилизационной стратегии безопасности имела и геополитическое основание – она во многом была следствием уверенности власти в военном могуществе страны. Как считает историк, профессор Университета Британской Колумбии А. Кожевников, примерно с 1960-х гг. советское руководство и учёные «успокоились на собственных достижениях»: «...бомба, спутник и вообще космос. Было такое самодовольство, считалось, что мы всего достигли»¹⁸⁷. Справедливость подобного мнения подтверждает и академик Н. Моисеев, на основе личного опыта объясняя застойные явления в технологической сфере: «Достижение паритета в области вооружения с Западом казалось гарантией необходимой стабильности государства, а следовательно, и благополучия элитарной группы. Интерес к научно-техническому прогрессу (в частности, к развитию вычислительной техники и её использованию, к чему автор имел непосредственное отношение) не очень волновал элиту. Он был явно на втором плане»¹⁸⁸. С обострением «холодной войны», началом нового витка гонки вооружений этот вопрос вновь выдвигается на первый план. М.С. Горбачёв,

рассматривая ситуацию, возникшую к 1985 г., отмечает: «...страна начала сдавать позиции»¹⁸⁹. Очевидно, имеются в виду позиции в международной конкуренции.

Независимо от экономической эффективности, социального и политического строя, геополитические факторы «работали» против СССР. Утратив преимущества окраинного положения, государство было вынуждено защищать свою границу практически по всему периметру на протяжении 58 тыс. км¹⁹⁰, прямо или косвенно финансируя многочисленных сателлитов. Советский Союз был окружен потенциальными врагами. По таким ключевым показателям, как количество населения и мощь экономики, он заметно отставал от главного противника — блока НАТО. В то же время размер вооружённых сил был примерно сопоставимым у обеих сторон, но СССР вынужден был отвлекать на военные нужды гораздо больше всех видов ресурсов, нежели его потенциальный противник. Уровень мобилизации в советском блоке был в 3,5 раза выше, чем у основного конкурента¹⁹¹. Экономист Е.Т. Гайдар, анализируя причины быстрого краха СССР, пишет: «Если страна, имеющая экономику примерно в четыре раза меньшую, чем США, поддерживает с последней да ещё и с её союзниками военный паритет, и при этом финансирует содержание группировки из 40 дивизий, чтобы контролировать ситуацию на китайской границе, то на уровне здравого смысла нетрудно понять: всё это стоит дорого»¹⁹². Подтверждает эти выводы и английский историк Д. Ливен. Советский коллапс, по его мнению, есть результат «...перенапряжения экономических ресурсов, безоглядно брошенных на бесперспективное соревнование с богатейшим противником»¹⁹³.

До сих пор подлинно неизвестна доля военных расходов в советском бюджете. Считается, что её не знали даже на самом «верху»¹⁹⁴. По американским данным, в 1981 г. СССР тратил на оборону 250 млрд долл., что на 50 млрд больше, чем в США¹⁹⁵. М.С. Горбачёв полагает, что в «некоторые годы» военные расходы достигали 25 — 30% ВВП, в 5–6 раз больше чем в странах НАТО¹⁹⁶. Историк А.В. Шубин говорит о 16-процентной доле военных расходов в бюджете¹⁹⁷ — цифра, в общем-то нечрезмерная. Но и он тем не менее не отрицает переживаемого страной «кризиса сверхдержавы»¹⁹⁸.

Интервенция в Афганистан резко обострила конфронтацию между СССР и странами Запада, некоторые из них не только вводили экономические санкции против «Советов» (импорт западных высоких технологий в страну практически прекратился)¹⁹⁹, но и демонстративно разворачивали амбициозные программы вооружения. Политика разрядки была окончательно «похоронена» 1 сентября 1983 г., когда на Дальнем Востоке силами советских ПВО был сбит южнокорейский

«Боинг», выполнявший рейс Нью-Йорк – Сеул, и непонятно, почему углубившийся на 500 км в пределы СССР, пролетев, по словам тогдашнего председателя КГБ Чебрикова, «...над самыми засекреченными объектами Советского Союза на Камчатке и Сахалине...»²⁰⁰ Резонанс этого инцидента был огромен. Через два месяца советское правительство прервало все переговоры по ракетам средней дальности и обычным вооружениям в Европе²⁰¹. Заявление Генерального секретаря ЦК КПСС Ю.В. Андропова от 23 сентября 1983 г. оставляет впечатление, что руководство страны было серьёзно обеспокоено необходимостью выдерживать очередной виток гонки вооружений. Андропов отмечал, что в Америке «...на подходе такие их виды (стратегических вооружений... – *Ред.*), которые вообще в корне могут перевернуть представления о стратегической стабильности и самой возможности эффективного ограничения и сокращения ядерных вооружений». Генеральный секретарь обнадёжил прогрессивную общественность: «...на любую попытку сломать сложившийся военно-стратегический баланс Советский Союз сумеет дать надлежащий ответ, и его слово с делом не разойдётся»²⁰². Дать «надлежащий ответ» предстояло в крайне неблагоприятных условиях быстро нарастающих трудностей внутреннего развития на фоне новой технологической волны на Западе в начале 1970-х гг.

Администрация президента США Р. Рейгана (организатора «крестового похода» против коммунизма) предприняла комплекс мер, призванных разорить противника²⁰³. Первый натиск СССР выдержал²⁰⁴. Выдержал его и там, куда в первую очередь были направлены санкции, наложенные США: Советский Союз смог запустить газопровод Уренгой–Помары–Ужгород, наладив производство ранее импортировавшихся труб. Партийные агитаторы обозначили эту победу специально выпущенным плакатом – «Вашим санкциям труба, господин Рейган!»²⁰⁵

На советском Дальнем Востоке геополитическое напряжение отличалось своей спецификой. Повышенное внимание двух сверхдержав к АТР можно объяснить тем, что Восточная Азия стала местом конкуренции моделей социального устройства, при том, что такая конкуренция охватывала любой район земного шара. Густонаселённая Восточная Азия была наиболее значимым и перспективным регионом для решения судьбы этой конкуренции. Важной особенностью Азиатско-Тихоокеанского региона было то, что помимо привычного соперничества по линии социализм/капитализм, преобладавшей в Западном полушарии, СССР столкнулся с жёстким противостоянием китайского варианта социализма и даже вынужден был поддержать Вьетнам в его войне с КНР.

Говоря о геополитическом противостоянии СССР и США в Азиатско-Тихоокеанском регионе, важно иметь в виду, что только на Европейском континенте «...две сверхдержавы были разделены чётко определённой границей, по обе стороны которой тщательно подобранные вооружённые силы разрабатывали планы военных действий, проводили полевые учения и военные манёвры...»²⁰⁶ В АТР противостояние было менее институализированным и более хаотичным. Об этом, в частности, говорил М.С. Горбачёв во Владивостоке летом 1986 г.: «В Европе – плохо ли, хорошо ли – действует хельсинский процесс диалога, переговоров и соглашений. Это вносит какую-то стабильность, снижает вероятность вооружённых конфликтов. В регионе же, о котором идёт речь, этого нет или почти нет»²⁰⁷. Генерального секретаря беспокоила перспектива создания под нажимом США военизированного треугольника Вашингтон – Токио – Сеул и размещение носителей ядерного оружия в Корее и Японии²⁰⁸.

Советский Дальний Восток при своей удалённости от Центра и обременительной геополитической составляющей был зоной активных международных контактов. Регион имел такую «значительную особенность», как торгово-экономические связи с капиталистическими странами, постоянные контакты жителей с иностранцами. К 1980-м гг. около 1000 дальневосточных судов ежегодно заходили в 400 портов 75 стран, равно как и советские дальневосточные порты посещали примерно 900 судов под флагами 30 государств.

Самые интенсивные контакты были в Приморье, местный краевой комитет КПСС напоминал Центру, что «в тихоокеанском регионе активно действует «многоотраслевой» буржуазный идеологический комплекс – свыше 100 специализированных институтов по «изучению» СССР, разного рода «культурные центры», миссионерские и религиозные службы, массовые средства информации»²⁰⁹. Была традиционной ссылка на непосредственную близость Дальнего Востока к США, Японии, Китаю, Южной Корее. Это имело двойное следствие: с одной стороны, давало возможность советским морякам «пропагандировать идеалы коммунизма», но также ставило их под прицел пропагандистских и разведывательных центров капиталистических государств²¹⁰.

Приморский край позиционировался местными идеологическими органами как зона повышенной опасности, где государство должно быть начеку. В январе 1984 г. глава отдела пропаганды и агитации Приморского крайкома КПСС В. Наконечный отмечал: «...приграничное положение Приморья, его место в рыбодобывающей промышленности и в морских перевозках обуславливают интенсивные контакты с иностранными гражданами. Более 100 тысяч моряков, рыбаков, учёных

ежегодно посещают до 70 портов зарубежных государств, транзитом через территорию края следует до 12 тыс. иностранцев... На Дальний Восток ведут вещание 20 подрывных радиостанций...»²¹¹ Присутствовали здесь и китайские радиопередачи, вещающие на территорию региона 56 часов в сутки, из них 26 часов на русском языке²¹². «Ныне в развязанной империалистами психологической войне Приморье – фронт воюющий, передний край отражения объявленного Рейганом «крестового» похода против коммунизма» – так отреагировал в 1983 г. на обсуждение высшим советским руководством задач идеологической работы издающийся во Владивостоке сборник «У карты Тихого океана», предназначенный в помощь идеологическим работникам²¹³.

К 1980 гг. советский Дальний Восток был одним из наиболее геополитически уязвимых районов страны и требовал постоянного внимания власти, а также значительных материальных ресурсов на поддержание обороноспособности.

Сфера геополитики с её проблемами и задачами была неотделима от внутренних проблем и задач развития всей страны. А.В. Шубин писал: «Если учесть, что в 1987 г. был разрешён ракетный кризис, в 1988 г. заключено соглашение по Афганистану и в феврале 1989 г. были выведены советские войска из этой страны, в 1989 г. исчез авторитарный режим не только в Польше, но и в других странах Восточной Европы, то говорить о продолжении «холодной войны» не приходится»²¹⁴. А.В. Шубин «угадал» слабейшее звено геополитической теории Р. Коллинза, из которой очевидно, что исчезновение основных факторов геополитического напряжения должно было бы радикально смягчить кризис советской системы²¹⁵. Более того, российскими историками замечено, что кризис советской системы с завершением «холодной войны» не только ослабевал, но и нарастал²¹⁶. Все это говорит о необходимости анализа проблем внутреннего функционирования государства, связанных с выходом из стабилизационного политического режима и формированием новой динамической стратегии социально-политической безопасности.

Со времён андроповской политики «укрепления дисциплины» Центр пытался найти то самое управленческое «звено», взявшись за которое можно вытащить всю «цепь». За 15 месяцев, когда Ю. Андропов был Генеральным секретарём, сменилось 18 союзных министров и равных им лиц, а также и 37 Первых секретарей обкомов, крайкомов и ЦК союзных республик²¹⁷.

Эту политику продолжил и М.С. Горбачев. Не случайно А.К. Чёрный с обидой (в противовес комфортному времени Л.И. Брежнева) вспоминает, как М.С. Горбачёв, ещё не став генсеком, устраивал разносы региональной номенклатуре, проявляя «...заносчивость к партий-

ным кадрам со стажем». «Ему казалось, что повышать требовательность надо с них. ...Ещё в середине 1984 г. он активно взялся за аппарат ЦК, стремился его соответствующим образом «настроить» против низовых партийных органов. Начал часто собирать работников аппарата, через них посыпался поток пространных указаний на места»²¹⁸.

На региональном уровне всё более очевидным становился факт, что новая власть в Центре, провозгласив курс на перемены, была гораздо свободней в своих действиях, могла «перезаключить» брежневский консенсус на гораздо более выгодных для себя условиях. В новой ситуации кадровые и прочие изменения указывали не столько на слабую компетентность предшествующей политики, сколько символизировали «курс на обновление».

И Первые секретари дальневосточных регионов в предчувствии перемен сделали сильный политический ход. Новый и последний Генеральный секретарь ЦК КПСС практически сразу при вступлении в должность получил коллективное обращение глав Приморского и Хабаровского краёв, Амурской и Якутской областей (что очень похоже на упомянутое в данной главе коллективное обращение в 1965 г. к осваивавшемуся на посту генсека Л.И. Брежневу). Они напомнили М.С. Горбачёву, что Дальний Восток – это очень важный макрорегион, отметили его возросший удельный вес в экономике страны, разнообразие добываемых ресурсов и их разведанных запасов, а также благотворность постановлений ЦК и Совета Министров СССР от 1967 и 1972 гг. по дальнейшему комплексному развитию производительных сил, благодаря которым объём промышленного производства с 1966 г. по 1980 г. увеличился в 2,3 раза, продукция сельского хозяйства – в 1,6 раза²¹⁹. Говорилось и о проблемах: «...за последнее время темпы экономического и социального развития Дальневосточного района заметно снизились. В 1970–1980 гг. они составили 67% при общем росте производства в стране на 78%. Причины такого положения дел виделись как объективные, не зависящие от их воли: отставание от общесоюзного уровня благосостояния населения, диспропорции «в отдельных отраслях народного хозяйства». «Складывающееся положение в народном хозяйстве Дальнего Востока, – писали они, – не отвечает экономической стратегии партии по ускоренному наращиванию потенциала восточных районов страны и вызывает настоятельную потребность принятия комплексных мер по их дальнейшему экономическому и социальному развитию». Задачу развития Дальнего Востока видели в активном вовлечении в оборот «богатых природных ресурсов», в ускоренном наращивании «экономического и оборонного потенциала» и для успешного решения этой задачи они «...полагали бы возможным просить принять специальное Постановление ЦК КПСС

и Совета Министров СССР о мерах по ускоренному развитию производительных сил Дальневосточного экономического района в 1986 – 1990 гг. и на период до 2000 г.»²²⁰

Это обращение можно рассматривать как запрос на символический (доверие) и материальный (капитальные вложения) ресурсы: «...принятие такого постановления будет способствовать ещё большей мобилизации партийных организаций, трудовых коллективов на выполнение поставленных партией и правительством задач по укреплению экономического и оборонного могущества страны на её дальневосточных рубежах»²²¹. Момент был выбран удачно. Обращение и поддержка нового Генерального секретаря – знак готовности к модернизационному рывку. Определённое условие этой поддержки накануне серьёзных преобразований – намек, что без воли и ресурсов Центра не будет ускорения в регионе по объективным причинам. Поэтому, чтобы ни думал М.С. Горбачёв о дальневосточных партийных боссах, какое бы место ни занимал регион в планах на будущее, его реакция была вполне предсказуема. 29 апреля 1985 г. он написал резолюцию: «Прошу рассмотреть предложение т.т. Гагарова, Черного, Авраменко, Прокопьева и проработать вопрос о мерах по комплексному развитию Дальневосточного экономического района в 1986–1990 гг. и на период до 2000 г. с учётом его большой экономической и оборонной значимости»²²².

О новой программе развития Дальнего Востока объявил М.С. Горбачёв во время поездки по Приморскому и Хабаровскому краям. Визит первого лица государства традиционно имеет для региона ключевое значение, так было при Н.С. Хрущёве, Л.И. Брежнев и М.С. Горбачёве. В ходе таких визитов достигает наивысшей интенсивности обмен символическими ресурсами, проблемы регионов поднимаются с уровня рутинных согласований до «высокой политики». Государственный лидер, символизирующий всю полноту власти, направляет усилия заинтересованных участников в единое русло, берёт ответственность на себя, умножая свою легитимность. Выступления в регионах могут рассматриваться как кульминация «единения власти с народом», непосредственного общения первого лица государства с гражданами без массы чиновных посредников, решения высшей властью давно наболевших местных проблем. Визит М.С. Горбачёва на Дальний Восток показывает, как центральная власть пыталась задействовать эти ресурсы.

В ходе недельной поездки (25–31 июля 1986 г.) М.С. Горбачёв во Владивостоке и Хабаровске решал разные задачи в рамках единой цели. 25 июля 1986 г. новый, но уже явно освоившийся на высоком посту Генеральный секретарь ЦК КПСС прибыл во Владивосток. Места следования кортежа по городу были заполнены людьми, многие забирались

на деревья и крыши домов²²³. Визит начался с награждения г. Владивостока орденом Ленина. В зале краевого драматического театра, где генсек вручил награду, висел большой транспарант вполне ожидаемого содержания: «Владивостокцы ответят на награду Родины ударным трудом».

М.С. Горбачёв встретился с людьми города на привокзальной площади, демонстрируя свое намерение по-новому вести дело в регионе: «Хватит рассматривать Дальний Восток только как источник сырья...» Он обратился к горожанам: «...Хочу посоветоваться. Может быть нужна специальная государственная программа по развитию Дальнего Востока, которая бы охватывала все стороны — экономику, социальную сферу, особенно социальную?»²²⁴ Намерение сделать упор на социальную сторону было зафиксировано ранее в «Основных задачах развития народного хозяйства СССР на 1976 — 1980 гг.», где говорилось, что «для обеспечения районов Сибири и Дальнего Востока кадрами предусмотреть более быстрые темпы строительства в этих районах жилых домов и культурно-бытовых учреждений»²²⁵. Программа, которая до 1985 г. разрабатывалась восемь лет²²⁶, в свете новых задач Перестройки требовала коррективов (например, в указанной генсеком социальной сфере). Но сама форма общения М.С. Горбачёва с владивостокцами свидетельствовала о доминировании политического аспекта с целью привлечь симпатии людей, получить их поддержку, которая была бы очень ценным ресурсом в торге Москвы с региональной властью; второй целью было вдохновение народа на очередной «трудовой подвиг», на что рассчитывали и некоторые из местных политических лидеров, в том числе председатель Приморского крайисполкома Д.И. Карабанов (как когда-то В.Е. Чернышёв), убеждавший депутатов краевого Совета в том, что «политический и трудовой подъём приморцев, вызванный посещением края товарищем М.С. Горбачёвым, заботой партии о Дальнем Востоке, должен обеспечить успех в стартовом году пятилетки»²²⁷. На это рассчитывал и сам М.С. Горбачёв, встречаясь с приморским партийным активом: «Если мы соединим всё это, чтобы Перестройка шла и снизу, и сверху, то и результат будет»²²⁸.

Намного жёстче Генеральный секретарь говорил 31 июля в г. Хабаровске. Его речь на собрании партийного актива была резко контрастной владивостокской по возросшему критическому настрою. Он начал с констатации, что «глубоких качественных изменений, которые закрепили бы тенденцию ускоренного роста, пока не произошло». И впервые применил термин «революция» к происходящим в стране процессам: «...Перестройка — ёмкое слово. Я бы поставил знак равенства между словами Перестройка и революция. ...У нас есть ещё, конечно, люди, которые слово Перестройка воспринимают с трудом, да и выговарива-

ют его иногда даже с трудом»²²⁹. Ничего подобного не было сказано во Владивостоке, хотя управленческие и социально-экономические проблемы двух краёв были практически идентичными.

Очевидно, дело было в личности Первого секретаря Хабаровского крайкома А.К. Чёрного, который в отличие от недавно занявшего свой пост приморского коллеги*, руководил краем уже 21 год, олицетворяя собой «застойные» брежневские времена. Объяснение такой политики «кнута и пряника» состоит, видимо, в следующем: несмотря на то, что 1986 г. был отмечен позитивной социально-экономической динамикой, партийное руководство уже тогда столкнулось с тотальным кризисом управляемости. На первом этапе Перестройки была предпринята попытка найти тот управленческий слой, где гасятся импульсы ускорения. В начале Перестройки к такому слою относились ответственные партийные работники «со стажем», которые в глазах нового руководства, прежде всего, несли ответственность за провалы в период брежневского правления.

Главный упрёк М.С. Горбачёва хабаровским руководителям — неумение вести организаторскую работу. Они допустили ситуацию, когда построенные предприятия с новым дорогим оборудованием в течение нескольких лет не используют в полном объёме свои мощности: «Это относится к 70 процентам промышленных объектов, введённых и реконструированных за 10 лет...» Вывод генсека был однозначным: «В общем, товарищи, надо менять стиль работы»²³⁰.

Дальний Восток был регионом, где М.С. Горбачёв «...начал публично обвинять среднее звено управленческой системы страны... в саботаже»²³¹. А.К. Чёрный увидел в этом «разносе» первый сигнал высшего руководства открывать «огонь по штабам»²³². М.С. Горбачёв, в свою очередь, после посещения региона погрузился в нелёгкие раздумья о путях дальнейших преобразований в стране²³³.

Успешный выход из стабилизационной стратегии требовал не только смены первого лица в государстве, ротации региональных лидеров и явного разрыва внутриэлитного консенсуса, сложившегося при Л.И. Брежневе. Динамическая стратегия также предполагала согласие, а не раскол между различными звеньями бюрократического управления. Поэтому Центр не мог избежать согласования интересов с региональным уровнем власти. Итогом такого согласования явилась «Долговременная государственная программа комплексного развития производительных сил Дальневосточного экономического района, Бурятской АССР и Читинской области до 2000 г.» (Программа ДГП).

* Имеется в виду Д.Н. Гагаров — Первый секретарь Приморского крайкома КПСС (1984—1989).

Согласно этой Программе Центр признавал, что трудности носят «объективный характер», и проблемы в системе государственного управления переводились из политической в экономическую плоскость. В компетенцию Центра входило выделение ресурсов для решения проблем и задач, актуализированных на региональном уровне (в том самом коллективном обращении Первых секретарей на имя М.С. Горбачёва). Суть соглашения может быть сформулирована следующим образом: Политбюро и Совет Министров оказывают доверие региональным правителям и принимают на себя ответственность по выделению ресурсов, а крайкомы и обкомы, в свою очередь, должны обеспечить повышенные темпы развития, выполнение планов, а следовательно, поддержать авторитет Центра, способствуя общему успеху.

Политический момент при всей его важности тем не менее не подменял собой государственных задач, причем имелась точка зрения на эту Программу как на откровенно популистский ход²³⁴. Есть основания считать, что популизм был лишь её элементом и не самым значимым. Обратимся к встрече Горбачёва с партийным активом Приморского края. «...Дальний Восток, — говорил Генеральный секретарь, — по традиции называют форпостом страны на Тихом океане. Это, безусловно, верно. Но сегодня такой взгляд уже нельзя признать достаточным. Приморье, Дальний Восток надо превратить в высокоразвитый народнохозяйственный комплекс»²³⁵. Особенно важно, что основой для этого, по его мнению, должен быть созданный потенциал региона, который станет одним из основных в постсоветской стратегии В.В. Путина. И действительно, потенциал был создан немалый — объём промышленного производства за 1965—1985 гг. почти утроился²³⁶. Генсек явно даёт понять, что модернизационный рывок надо делать не столько за счёт ответственности Центра, сколько за счёт ответственности регионов (организаторской работы по лучшему использованию того, что уже создано). В ходе совещания прозвучала формулировка — «новая региональная политика», которая должна соответствовать курсу на ускорение, и один из приоритетов которой — «развитие восточных районов»²³⁷.

М.С. Горбачёв несколько иначе, чем Л.И. Брежнев, представлял причины возникших в регионе трудностей. Это «...непонимание роли и значения экономики Дальнего Востока, а в конечном итоге — политическая недалководидность некоторых ответственных работников Госплана и Госснаба СССР, министров цветной металлургии, угольной промышленности, энергетики и электрификации, ряда других ведомств. Значительную и немалую долю вины несут республиканские и местные органы»²³⁸. Впервые публично признавалась ответственность Центра за положением дел на Дальнем Востоке.

Основным официальным итогом поездки Генерального секретаря КПСС по региону было определение места и роли Дальнего Востока в предстоящей модернизации страны.

1. Комплексное использование богатейших природных ресурсов региона, прежде всего цветных металлов, леса. Ставилась задача выдавать разнообразную продукцию глубокой переработки.
2. Ускоренное развитие ТЭК — освоение нефтегазовых богатств Сахалина: «...исходить надо из того, что Дальний Восток в перспективе должен не только снабжать топливом и энергией близлежащие районы, но и стать их солидным экспортёром».
3. «Опережающее развитие производственной инфраструктуры», в первую очередь строительной индустрии.
4. Рационализация научно-технической политики — вместо ситуации, когда машиностроительная продукция с местных предприятий идёт в европейскую часть страны, а оттуда — встречный поток, надо «...сделать упор на создание здесь мощных, хорошо технически оснащённых производств как для нужд самого региона, так и для вывоза».
5. Увеличение экспортного потенциала региона. «Осваивать прогрессивные формы экономических связей с зарубежными странами», «создавать совместные предприятия, специализированную экспортную базу».
6. Концентрация на решении задачи продовольственного самообеспечения, в том числе кооперации с соседними странами.
7. «Формирование высокоразвитого комплекса отраслей, связанных с использованием ресурсов океана» — здесь должно быть всё: и рыболовство, и глубокая переработка продукции, и производство биологически активных веществ.
8. Дальний Восток сделать одной из «...ведущих всесоюзных здравниц, крупным центром внутреннего и международного туризма, включая океанический и высокоширотный»²³⁹.

Перспектива развития региона с «благословения» М.С. Горбачёва имела всесоюзное значение. Кроме того, в этих восьми направлениях нашла своё отражение давняя мечта центрального руководства о переводе Дальнего Востока на самообеспечение, чтобы, принося доходы от экспорта, регион при этом сам обеспечивал себя всем необходимым. Все эти задачи были сопряжены с форсированным развитием социальной сферы, способной закрепить живущих здесь людей и привлечь ещё из других регионов.

Идея «комплексности» развития была во многом политической, но имела и реальные экономические основания. Учёные-географы в конце 1980-х гг. отмечали, что отсутствие комплексности было пре-

пятствием на пути дальнейшего развития: «Потери, которые народное хозяйство несёт в результате формирования региональных диспропорций, — срыв в энергоснабжении, отставание производственной инфраструктуры, несбалансированность числа рабочих мест и рабочих рук, огромный рост нерациональных перевозок и напряжённости на транспорте, тяжкие нарушения в природной среде, — принимают такие размеры, что это практически замораживает экономическое и социальное развитие»²⁴⁰. Это же можно сказать и о приоритете социального развития, выдвинутого Горбачёвым. Отставание социальной сферы привело к тому, что строившиеся и расширявшиеся предприятия не имели необходимого количества рабочих рук. Генеральный секретарь говорил об этом в Красноярске: «Если сейчас круто не повернуться к интересам человека, вложенные миллиарды пойдут по ветру»²⁴¹.

На доработку программы ушёл год. Но это не значит, что этот год был «потерян». Ориентиром для деятельности на местах, как при предшественниках, стали критические замечания и указания М.С. Горбачёва, сделанные им в ходе поездки по региону. В Приморье была разработана «комплексная программа» по их выполнению. О подобной программе в Хабаровском крае неизвестно, но и здесь решения принимались «...в свете выводов и рекомендаций, высказанных Генеральным секретарём ЦК КПСС т. Горбачёвым М.С...» В августе 1986 г. в Амурском обкоме специально рассматривался вопрос «О задачах областной партийной организации по ускорению социально-экономического развития в области в свете указаний и критических замечаний, высказанных Генеральным секретарём ЦК КПСС тов. Горбачёвым М.С. во время пребывания на Дальнем Востоке»²⁴². Итоги этой поездки обсуждались на заседании Политбюро ЦК КПСС, где отмечалось, что встречи и беседы с дальневосточниками «...служат новым стимулом перестройки всей жизни советского общества». На том же заседании была признана необходимость разработки долговременной программы развития Дальнего Востока²⁴³.

В сравнительно благополучном 1986 г. для всех уровней власти прозвучал тревожный звонок: несмотря на то, что цели были чётко поставлены, а в стране усиливался «ветер перемен», на местах проблемы оставались прежними. В информационном потоке из регионов в Центр они объяснялись плохой работой министерств и ведомств, которые не выполняли свои обязательства, обесценивая усилия партийных органов²⁴⁴. В документах Приморского крайкома, посылаемых в Центр, отражалась следующая ситуация: в крае всплеск трудового энтузиазма, трудящиеся активно работают, претворяя в жизнь указания и критические замечания М.С. Горбачёва. Виновниками нерешённых проблем назывались центральные ведомства: «...намеченные мероприятия не

позволяют добиться безусловного выполнения указаний Центрального Комитета КПСС по обеспечению ускоренного ввода жилья и соцкультбыта, так как ряд министерств, в числе которых Минводхоз СССР, Минтрансстрой СССР, Минлегкпром СССР, Минжилкомхоз РСФСР, Минсельхоз СССР, в 1987 году планируют снижение ввода этих объектов относительно текущего года»²⁴⁵.

Программа была принята 19 августа 1987 г. Постановлениями ЦК КПСС и Совета Министров СССР. Она предполагала масштабные централизованные инвестиции (порядка 200 млрд руб.) и резкое (примерно в 2,7 раза²⁴⁶) ускорение темпов экономического развития. В ближайшие 15 лет планировалось создать экономический потенциал, равный тому, что был накоплен на Дальнем Востоке за все годы советской власти, общий экономический рост с 1985 г. по 2000 г. предполагался на уровне 250%²⁴⁷.

Известно, что ДГП, оказав некоторый позитивный эффект на развитие региона, в итоге осталась невыполненной. Академик П.А. Минакир делает вывод, что «программа не смогла переломить уже оформившиеся к концу 80-х годов негативные тенденции на Дальнем Востоке». Средний темп прироста промышленного производства в регионе в «программные» 1987–1990 гг. составил 3%, что было меньше, чем в наихудшей за предшествующие 15 лет пятилетке 1981–1985 гг.²⁴⁸ В чём же причина?

Сегодня считается общепринятой точка зрения, что у страны просто не было средств на масштабные инвестиционные проекты, что это был своеобразный популистский ход М.С. Горбачёва. В частности, вот как видит проблему А.В. Шубин: «Для технической модернизации хозяйства нужны были огромные средства (кстати, те же 200 млрд руб., что и на ДГП). Где взять эти средства? Те статьи экономии, на которые рассчитывал Горбачёв (оборона, сокращение управленческого аппарата и др.), ещё не были получены. Горбачёв не располагал и ресурсом, который в свое время позволил Сталину осуществить модернизацию — массой дешёвых рабочих рук разорённого крестьянства»²⁴⁹. Шубин связывает решение проблемы с постиндустриальным преобразованием общества, необходимость которого не осознавали теоретики КПСС.

Экономист В.А. Мау и историк А.В. Шубин отмечают противоречивость капиталоемких задач ускорения и социальных мероприятий (например, антиалкогольная кампания), подрывающих доходы государственного бюджета²⁵⁰. Известный дальневосточный экономист П.А. Минакир считает, что Программа исходила из ошибочной предпосылки сохранения политики «мягких бюджетных ограничений», для которой уже не было ресурсов²⁵¹. Однако исторический и политический анализ трудностей выполнения этой программы даёт основание считать, что вышеприведённый взгляд отражает лишь часть пробле-

мы. В стране был серьёзный дефицит финансовых и прочих средств, особенно в связи с Чернобыльской катастрофой (1986) и землетрясением в Армении (1988). Однако не менее очевидно и то, что предусмотренные на ДГП 200–250 млрд руб. должны появиться не сами собой, а в результате политики ускорения. Здесь была жесткая взаимосвязь. Мобилизация и модернизация должны были давать результат в процессе, а не когда-то в итоге. Соответственно должны были увеличиваться ресурсы Центра, перераспределяемые министерствами и ведомствами. Но этого-то как раз и не получилось.

М.С. Горбачёв и его единомышленники питали иллюзии, что партия и хозяйственное руководство будут воздействовать как единое целое на «массы трудящихся». Вот, например, что пишет М.С. Горбачёв: «Мы рассчитывали, что, как на всех предыдущих этапах, КПСС и на этот раз станет авангардом Перестройки. При этом мы имели в виду не только партию как общественный организм... но и номенклатуру, потому что именно она была у рычагов управления, именно её представители имели административный и политический опыт и занимали ключевые позиции во всех структурах власти и общества»²⁵². Более того, советское руководство декларировало массовую поддержку проводимой политики. М.С. Горбачёв убеждал партийный актив Краснодарского края в сентябре 1986 г.: «Тем, кто ещё стоит в стороне от Перестройки (судя по всему, имелась в виду тихо сопротивляющаяся региональная номенклатура), кто выжидает, рассуждая: посмотрим, получится ли что из всего этого, хочу сказать, и уверен, вы меня поддержите, — обязательно получится. Гарантия тому — единство партии и народа. Оно сегодня налицо»²⁵³. Наличие такого единства было управленческой необходимостью. Обществоведы середины 1980-х гг. писали: «Важная черта политики партии и условия её действенности — способность направить на последовательное выполнение принятых решений усилия партийных органов любого уровня и всех членов партии и на этой основе мобилизовать всё общество на решение поставленных задач»²⁵⁴. Эти теоретические выводы вполне соответствовали риторике практиков-управленцев. Например, председатель Приморского краевого Совета Д.И. Карабанов в конце 1985 г. так характеризовал восприятие людьми концепции ускорения: «...с этой концепцией партия идёт к своему XXVII съезду, с ней выступает перед народом, который всецело одобряет и поддерживает её стратегические установки, рассматривает их реализацию как своё кровное дело»²⁵⁵. Из этой иллюзии единства и массовой поддержки происходила отмеченная исследователями уверенность советского руководства в «...возможности быстрого решения самых различных проблем, накапливавшихся в стране в течение длительного периода»²⁵⁶.

В этой ситуации партийное руководство решило всерьёз взяться за имеющиеся управленческие «резервы» мобилизации общества. М.С. Горбачёв, выступая в Ленинграде 17 мая 1985 г., демонстрировал соответствующий настрой: «...нам нужно всё взять и выжать из лучшей организации, из высокой ответственности, добросовестного отношения наших трудящихся к делу»²⁵⁷.

Между тем взаимосвязь партии и общества, переживавшая деградацию на протяжении брежневского периода, оказалась слабым звеном модернизации. Интересную информацию к размышлению даёт социологическое исследование, проведённое в 1987 г. и охватившее более 5000 чел. из Ленинграда, Киева, Минска, Воронежа, Калининграда, Кривого Рога, Свердловска, Красноярского края, Кустанайской, Орловской и Саратовской областей. Выяснилось, что «более половины опрошенных не смогли чётко назвать важнейшие экономические задачи, стоящие перед страной и перед коллективом. На важность ускорения научно-технического прогресса указал только каждый шестой рабочий и колхозник»; 37% опрошенных не смогли ответить на вопрос — какие проблемы поднимает наглядная агитация, хотя 90% признали, что она в их коллективе есть²⁵⁸. По результатам этого же исследования большинство хозяйственников были отнесены к «плохим воспитателям», а партийных работников — к «плохим организаторам производства»²⁵⁹.

В ходе другого масштабного социологического исследования, проведённого в Гродненской, Брестской и Витебской областях, в Латвии, Узбекистане, Азербайджане, Грузии, Иркутской и Донецкой областях, в Северо-Осетинской АССР и в районе строительства БАМа, выяснилось, что за четыре года Перестройки партийные комитеты не добились формирования у рядовых коммунистов стремления действовать активнее, брать на себя ответственность. В оценках степени участия коммунистов в Перестройке преобладают «средняя» (44–46%), «больше слов, чем дела» (28–38%).

Эти данные дают повод задуматься над вопросом о потенциале поддержки существующей власти и провозглашённых ею целей в обществе. Частичный ответ можно найти в материалах обсуждения тезисов к XIX партийной конференции КПСС летом 1988 г. Эта конференция послужила стартом основательных политических реформ, нацеленных на втягивание граждан в политику. Как позже вспоминал М.С. Горбачёв: «Это был решающий этап Перестройки»²⁶⁰.

В нашем распоряжении имеются материалы лишь по одному из рассматриваемых регионов — Приморскому краю, но они охватывают большое количество населения. Выводы, сделанные на их основе, могут быть экстраполированы на другие территории. Учитывая, что эти материалы обсуждались в первичных и других парторганизациях, но пред-

ставлены в обобщённом виде, охватывающем за редким исключением районы, города и районы городов, мы имеем 19 случаев обсуждения, в которых участвовало 168 тыс. 873 чел. (около 8% населения Приморского края и около 4% населения других рассматриваемых регионов). Подсчитано количество выступавших в 17 случаях (из 19) – 22 635 чел. В 15 случаях удалось выяснить соотношение партийных и беспартийных среди присутствующих – оно составило соответственно 56 030 к 71 369 чел. Особый интерес представляет тематический расклад замечаний и предложений, сделанных в ходе этих обсуждений²⁶¹. Имеются данные о 12 823 замечаниях и предложениях, из них:

- по совершенствованию партийной работы – 6011 замечаний и предложений (около 49%);
- по развитию демократии и гласности – 4859 (около 40%);
- по осуществлению экономической реформы – 1953 (около 11%).

Экономические задачи Перестройки, под лозунгом которых она начиналась и которые в наибольшей степени требовали мобилизации сил трудящихся, оказались на периферии общественного внимания. На первом месте стояли вопросы совершенствования партийной работы. На поверхностный взгляд эти данные можно интерпретировать как «победу» партийного руководства, как свидетельство интереса «широких масс» к деятельности КПСС, их активного участия в поиске эффективной модели воздействия партии на общество. Это, в общем-то, и было принято за официальную точку зрения. Однако если мы попытаемся вникнуть в содержание этих замечаний, то признаем такой взгляд чрезмерно оптимистичным и поверхностным. Дело в том, что замечания по совершенствованию партийной работы шли в контексте спровоцированной Центром дискуссии о роли и месте КПСС в советском обществе. Этот вопрос был поставлен не Центром, а самой жизнью: партия давно страдала бессилием, обесценивающим попытки серьёзных реформ. Но широкая публичная дискуссия на этот счёт могла начаться лишь с позволения «сверху», однако она показала недоверие общества к власти.

Суть большинства замечаний и предложений заключалась в следующем: введение прямого тайного голосования при выборе на высшие партийные и государственные посты, ограничение пребывания на этих постах двумя сроками, исключение возможности баллотироваться более чем на два срока подряд, необходимость сокращения государственного и партийного аппарата, его подотчётность перед народом. Указывалось также на высокий процент взимания партийных взносов, на желательность упрощения процедуры выхода из КПСС. Предлагалось проводить всенародные выборы Генерального секретаря ЦК КПСС, всенародные референдумы по важнейшим для страны вопросам, опре-

делить гарантии невмешательства партийных и других организаций в деятельность судебно-правовых органов, ликвидировать излишние звенья управления.

Довольно частым было предложение отменить 6-ю статью Конституции, легализовать образование альтернативных КПСС партий или принять «Закон об общественно-политических организациях в СССР», регламентирующий порядок их регистрации и участия в политическом процессе²⁶². Коммунисты из редакции газеты «Красное знамя» предлагали «безотлагательно приступить к разработке теории КПСС», а также Закона «О партии», чётко регламентирующего границы её прерогатив, прав, обязанностей и ответственности»²⁶³. Из Тернейского района пришло предложение «...провести жесткую чистку рядов партии и государственного аппарата» и «пересмотреть тезис о руководящей роли партии»²⁶⁴. Такие предложения поступали не только из таёжной периферии, но и от коммунистов и беспартийных Ленинского района г. Владивостока, предложивших Академии наук СССР «устранить «белые пятна» в истории КПСС и нашего государства»²⁶⁵.

Подобных примеров было много, что позволяет сделать вывод — если М.С. Горбачёв, провоцируя эти дискуссии, пытался найти новую или улучшить существующую формулу власти КПСС, то вместо этого сама власть партии была поставлена обществом под сомнение. Материалы обсуждений, проходивших по всей стране, не могли не быть известны Центру, так что зреющее недовольство общества становилось очевидным для высшего уровня власти. Пока было неясно, против какого уровня власти это недовольство будет направлено. Центр был заинтересован нацелить его против нижестоящих уровней, превратив таким образом в инструмент отстранения консервативных кадров от власти. М.С. Горбачёв уже давно (примерно за полтора года до конференции) сделал вывод, что Перестройка «обесценивается на уровне штабов»²⁶⁶. Первые прецеденты такой политики проявились в ходе выборов делегатов на XIX партийную конференцию. Весной 1988 г. в Астрахани, Омске и Южно-Сахалинске прошли массовые митинги, вызванные недовольством отбора делегатов на партийную конференцию²⁶⁷. Результатом стала отставка областного руководства.

После поездки по Дальнему Востоку и югу России М.С. Горбачёв был уверен, что «поддержка населением Перестройки не ослабевала, а вот партийные и управленческие структуры стояли незыблемо. Вроде бы все «за», но ничего не меняется»²⁶⁸. Посещая регионы, генсек «...убеждался, что всё упирается в позиции партийной и управленческой номенклатуры», которая не дает развернуться инициативе людей²⁶⁹. Он задавал себе вопрос: «...что это, неумение действовать поновому или интуитивно срабатывает инстинкт самосохранения?»²⁷⁰

Региональный уровень власти оказался под прицелом критики партийных лидеров из ЦК КПСС за неумение организовать преобразования на местах и даже за сознательное сопротивление реформам. Ротация региональных властей приобрела невиданный динамизм: за период правления последнего генсека КПСС сменилось 66% Первых секретарей краёв и областей СССР²⁷¹. Например, с 1985 по 1988 г. в Амурском обкоме аппарат обновился на 83%²⁷², за эти же три года на Дальнем Востоке были заменены все Первые секретари²⁷³.

Однако взгляд высшего руководства на региональный уровень как на оплот консерватизма не подтверждается эмпирической проверкой, поскольку объективно он не был заинтересован в саботаже решений Москвы, так как уровень его материальных и символических ресурсов находился в прямой зависимости от уровня этих ресурсов в Центре. Более того, «...существуют многочисленные свидетельства... что в 1980-е годы провинциальный партийный актив гораздо энергичнее поддерживал идеи реформ, чем центральный партийный аппарат...»²⁷⁴ В то же время модернизация действительно «буксовала», не давая ожидаемых экономических результатов, в том числе и на Дальнем Востоке. Под угрозой оказалось воплощение «Долговременной программы», региональная власть не могла избежать ответственности. Не мог избежать ответственности и сам Центр.

Приведём выдержки из секретного документа, разосланного в партийные организации²⁷⁵. Хотя документ не был датирован, ряд косвенных признаков указывает на то, что он появился в 1988 – начале 1989 г., а в стиле письма угадывается влияние ближайшего окружения Горбачёва. Речь идёт об обращении Центрального Комитета «К партийным организациям, ко всем коммунистам». Ключом к ускорению Перестройки ЦК считал «...коренное обновление деятельности самой партии. Преодоление её отставания от процессов, происходящих в стране», так как «многие партийные организации утратили политическую инициативу, замкнулись в себе, вместо того чтобы включиться и возглавить широкий демократический фронт. В обращении указывалось на необходимость осознания «каждым коммунистом, что судьба Перестройки в наших собственных руках», в нем содержится важное для нашего исследования признание: «У государства нет средств и запасов, за счёт которых оно могло бы удовлетворить все запросы... (социальные запросы общества. — *Примеч. авт.*). Остаётся одно — повседневная работа по повышению производительности труда, эффективности экономики». Центральный комитет взывал к первичным парторганизациям, указывая, что «именно здесь основа, центр всей работы, здесь сосредоточена масса коммунистов», «...только сами коммунисты, каждый из вас, способны построить полнокровную жизнь своей организации...

Не следует, товарищи, пассивно дожидаться «специальных директив» из Центра, согласовывая с ним каждый шаг. Надо действовать самостоятельно, ответственно, смело и уверенно»²⁷⁶.

Из этого воззвания следует, что в указанных обстоятельствах регионы не выигрывали от начавшейся децентрализации, означавшей лишь то, что Центр в качестве своей реакции на провальную работу регионов предлагал им не апеллировать к нему в поисках средств (так как их всё равно не хватит для решения насущных задач), а самим решать свои проблемы. В ответ на истощение внешнего источника ресурсов и безуспешные попытки мобилизовать ресурсы общества при всё более явном их дефиците Центр снимал с себя ответственность главного распределителя ресурсов.

Долговременная программа из средства мобилизации всех уровней власти превращалась в политический инструмент – удобное обоснование для перехода к регионам контроля над материальными и организационными ресурсами. Переломным также стал 1989 г. – в самом его начале в Москву посыпались предложения о корректировке программы с учётом формирования нового хозяйственного механизма, оставления в регионах всей валютной выручки от внешнеэкономической деятельности министерств и ведомств «на нужды реализации ДГП». В том же контексте приморские власти выдвинули предложение «...выделить дальневосточный регион в отдельную автономную республику с административным центром в г. Владивостоке»²⁷⁷. Мысль о создании «Дальневосточной республики» в том или ином виде не раз всплывала в дискуссиях по ДГП²⁷⁸. Понятно, что это была скорее организационно-управленческая, чем политическая идея, которая неотвратимо приобретала зловещий подтекст.

Неспособность регионов мобилизовать ресурсы общества в условиях, когда Центр снимал с себя ответственность за их административное перераспределение, быстро привела к экономическому развалу. В этой ситуации интерес регионального руководства «смыкался» с интересом директоров предприятий, положив начало формированию той конфигурации региональной власти, которая будет определять взаимоотношения Центра и регионов в 1990-е гг. Рост автономии предприятий разрушал клиентские связи между ними и ведомствами. Ранее диктат министерств и ведомств частично компенсировался их заботой о результате деятельности предприятия, помощью в обеспечении ресурсами. Теперь же чиновники министерств стремились дать как можно меньше ресурсов, но «спустить» как можно больший госзаказ. Руководители предприятий отвечали тем же, скрывая истинное положение с ресурсами, саботируя требования министерств, реализуя свою продукцию на рынке через подконтрольные кооперативы. Говоря о про-

тиворечиях Центра и регионов, важно иметь в виду, что они развивались в максимально широком контексте. Это удачно сформулировал А.В. Шубин: «...разрушительная борьба за ресурсы развернулась между различными кланами номенклатуры — центральными, региональными — и между агломерациями, группами предприятий, каждое из которых ориентировалось на тот или иной клан и противостояло остальным»²⁷⁹.

Наиболее зримым и политически опасным результатом борьбы стал усиливающийся дефицит потребительских товаров. Ведь в начале Перестройки, как и в 1960-х гг., предполагалось, что решение данной проблемы должно обеспечить успех всего дела. Вместо этого в стране к середине 1990 г. из 160 хозяйственных товаров в свободной продаже не было ни одного, а к весне 1991 г. практически исчезли и основные продукты питания²⁸⁰. С этого времени сложно говорить о какой бы то ни было стратегии политического руководства. Стратегическая политика уступила место хаотичным попыткам избежать катастрофы, о чём косвенно свидетельствует общесоюзный опрос «Коммунисты о партии и её будущем», проведённый в апреле 1990 г. и охвативший 5326 членов КПСС, в том числе 892 секретаря первичных организаций. Так, на вопрос: «Какие проблемы вызывают у вас наибольшее беспокойство?» варианты ответов распределились следующим образом: на первом месте — снабжение продовольствием (68%), на втором — снабжение промышленными товарами (64%), на третьем — преступность (59%). Лишь на одиннадцатом (предпоследнем) месте находилась политическая нестабильность (28%)²⁸¹.

Ощущением безысходности и близящейся катастрофы отмечается доклад Первого секретаря Приморского крайкома КПСС А.С. Головизина «О текущем моменте и задачах коммунистов края по реализации решений XXVIII съезда КПСС, учредительного съезда КП РСФСР», сделанный 27 октября 1990 г. Содержание доклада стоит того, чтобы быть воспроизведённым подробно. Головизин признавал, что «многие процессы вышли из-под контроля, всё больше дезорганизуется экономика, разваливается даже то, что с трудом создавалось десятилетиями... За долгие годы впервые полностью не подготовлены к зиме города и посёлки, не заложены овощи и картофель, появились хронические перебои с хлебом. К забастовочному движению уже подключились работники здравоохранения, культуры, обострилась обстановка среди автотранспортников, горняков». Он указывал и на развал Приморской организации КПСС, где за 9 месяцев 1991 г. партийные ряды покинули почти 10 тыс. чел., около 60% из них — рабочие. Кроме того, «...с начала года партию покинули 81 чел. из числа хозяйственных руководителей, 174 секретаря партийных организаций, 135 членов райкомов и горкомов, 168 депутатов местных Советов, в т.ч. 8 — краевого».

А.С. Головизин, предупреждал об опасности, «...при таком развитии событий партийная организация края будет состоять из служащих, интеллигенции и пенсионеров». В первичных парторганизациях падала партийная дисциплина, «...всё чаще не проводятся собрания, перестали даваться партийные поручения, игнорируются решения партийных комитетов и даже новый Устав КПСС... На прошедших отчётно-выборных конференциях, собраниях порой едва набиралось больше половины делегатов и коммунистов, вместо делового обсуждения решений съездов и своих собственных проблем они тонули в процедурных и организационных вопросах, сведении счетов, «разборе» сенсаций и непроверенных слухов». Вывод Головизина — «...если не примем решительных мер, не добьёмся согласия в обществе, сегодняшняя жизнь через некоторое время покажется раем»²⁸².

В 1989–1991 гг. в условиях невыполнения взаимных обязательств и всё большей переориентации регионального руководства на поиск ресурсов внутри региона, а также через горизонтальные связи вместо прежних вертикальных исчезал интерес поддерживать авторитет Центра. Его делегитимация стремительно ускорялась.

В конце 1990 г. на совместном пленуме Хабаровского крайкома и контрольной комиссии краевой партийной организации член краевого комитета КП РСФСР А. Е. Дубков заявил: «Руководство страной своими действиями усугубляет положение в стране, которая скатывается к физической и политической катастрофе» и указал на «глубоко продуманную деятельность Горбачёва», направленную «к развалу государства». Член контрольной комиссии краевой партийной организации А.Н. Кабаков считал необходимым созвать в 1991 г. чрезвычайный съезд и освободить Горбачёва от должности Генерального секретаря, а заместитель секретаря парткома завода «Амурсталь» В.М. Барыш, вспоминая слова М.С. Горбачёва, заявил: «...поскольку он является инициатором Перестройки, ему и нести ответственность за результаты этой Перестройки», «...так может быть, пришла пора и спросить Михаила Сергеевича о результатах, которые мы имеем на сегодняшний день»²⁸³. Коммунисты первичных организаций Хабаровской группы институтов ДВО РАН обращались к Генеральному секретарю в открытом письме: «Партия и народ дали Вам в руки все возможные полномочия для наведения порядка. Но его нет. Страна на грани катастрофы... И в этой сложившейся катастрофической экономической, социальной и политической ситуации Ваша вина как главы государства и партии»²⁸⁴.

В 1991 г. представители партийных организаций Хабаровского края, признавая себя «заложниками Центра», вынужденными «...нести ответственность за развал экономики и снижение жизненного уровня»,

прямо обвинили ЦК КПСС и Политбюро в том, что они не смогли «...вооружить партийные организации стратегией и тактикой борьбы» за реализацию намеченных целей, добиться реальных результатов за последние шесть лет²⁸⁵. Итак, по сравнению с 1986 г. (поездка М.С. Горбачёва по Дальнему Востоку) ситуация поменялась радикально — вся ответственность за разразившийся кризис и предчувствуемую катастрофу возлагалась на Центр, конкретно на М.С. Горбачёва. Более того, некоторые дальневосточные экономисты пришли к выводу, что «все прошедшие годы именно в силу централизации гражданские обязанности на местах выполнялись, а политика Центра во многом не отвечала интересам мест», что интересы Центра — это главным образом сумма узковедомственных интересов²⁸⁶.

Подобные настроения в обществе чутко уловил российский лидер Б.Н. Ельцин, посетивший в 1990 г. Дальний Восток. Появление нового союзного лидера повлияло на расстановку политических сил. Ельцин дал понять, что российская власть не собирается «отвечать за ошибки центра...»²⁸⁷ И раздавал заманчивые обещания регионам: «Верховный Совет принял решение Приморскому краю и Находке дать статус свободной экономической зоны... сколько вы возьмёте себе свободы и независимости, всё вам дадим. Налогообложение, тарифы и прочее...»²⁸⁸ «Война» законов и парады суверенитетов на уровне союзных республик не только дезориентировали и парализовывали местные власти, как отметил амурский Первый секретарь В.Н. Шилов²⁸⁹, но их результатом было и то, что единого Центра уже не существовало. Это отчётливо проявилось в ходе визита М.С. Горбачёва в Хабаровский край весной 1991 г. Председатель краевого Совета народных депутатов Н.Н. Данилюк обобщённо охарактеризовал Президенту СССР ситуацию с ДГП: «Надо сказать, что в общем мы не сумели за это время поправить наши больные вопросы» и тут же поставил на ней крест: «...мы сейчас работаем над программой, которая заключается в том, чтобы, полагаясь на собственные силы, используя инвестиции капиталистических стран, прежде всего наших соседей и, конечно, просим правительство, чтобы нам дали какой-то определённый статус и льготы, чтобы включить в оборот тот природный потенциал, который имеет край и Дальний Восток, чтобы это стало основой выхода из нашего положения». При этом Данилюк просил Президента СССР «...поддержать директивные двусторонние взаимоотношения» между Центром и регионами Дальнего Востока, чтобы сохранить централизованное распределение необходимых региону ресурсов, компенсируя тем самым слабую привлекательность регионального рынка²⁹⁰. Интересна реакция на это самого М.С. Горбачёва: «...Мы, может быть, должны вести о другом речь, не о том, что центр всё организует, всё свяжет, образует — это тоже, по-

моему, нереальное дело. ...Мы привыкли спрашивать разрешение у центра, а теперь у 15 центров надо спрашивать, что из этого получится, что это за рынок будет?» При этом он вполне согласился с завершением недолгой, полной провалов и разочарований истории реализации ДГП: «...наверное, нам надо возвращаться к целевым программам развития Дальнего Востока. И я думаю, что это должны быть новые программы»²⁹¹. Из этой ситуации видно, что к 1991 г. уже не существовало ни ответственного Центра, ни ответственных перед Центром регионов, ушла в историю и ДГП, изначально составлявшая некую основу для объединения усилий разных уровней государственного управления, но со временем ставшая фактором их размежевания.

К весне 1991 г. ещё до цепи знаменательных событий (попытка августовского переворота, ликвидация КПСС, Беловежские соглашения) произошел распад системы взаимоотношений разных уровней власти. По линии Центр–регион логика распада была скорее системной, чем политической. Не случайно события, происходившие в Центре, отзывались в регионах далёким эхом, проходя как политический фон, маловлияющий на характер насущных местных проблем. В основе этого распада лежала утрата государством способности мобилизации общества для получения необходимых материальных ресурсов. Их дефицит привел к росту противоречий между разными уровнями власти и взаимным претензиям. При этом региональная власть не столько сопротивлялась Перестройке, сколько не смогла её организовать. Однако её бессилие означало бессилие самого Центра – слабый потенциал всей системы государственного управления, а не какого-то отдельного её уровня.

Либерализация режима сквозь призму стратегии социально-политической безопасности означала попытку сохранить авторитет и символические ресурсы Центра за счёт регионального руководства, на которое предполагалось направить растущее общественное недовольство. Это привело к разрыву консенсуса между Центром и регионом, подразумевающего взаимную ответственность и обмен символическими и материальными ресурсами. Теперь обе стороны стремились получить эти ресурсы за счёт друг друга, что означало открытую конфронтацию, раскол элит и дальнейшее сокращение потенциала государства. Кроме того, повышение роли Советов и вовлечение Первых секретарей регионов в процедуру демократических выборов были попыткой ослабить потенциал сопротивления регионального руководства Центру, т.е. означали стремление создать механизм прямого правления, параллельный существующей партийной системе. Но в условиях дефицита ресурсов, резкого ослабления возможностей Центра по их перераспределению, нараставшей конфронтации разных ветвей и уровней власти

эти меры привели к тому, что реальная власть всё более «уходила» не только из партийных органов, но и из всей системы государственного управления, сосредоточиваясь в полулегальных и нелегальных структурах (там, где были материальные ресурсы).

В итоге в 1990—1991 гг. была утрачена основа для взаимоотношений Центра и регионов. Основные политические субъекты, обладавшие реальными полномочиями, чтобы развивать эти взаимоотношения, часто оказывались за рамками формальных политических структур.

Динамическая стратегия безопасности образца середины – конца 1980-х гг. реализовывалась в пределах очень узкого спектра возможностей. Программа модернизации страны, составной частью которой являлась и ДГП, была не только ответом на растущую неэффективность советской экономики и падение цен на нефть, но и средством консолидации разных уровней элиты и упрочения связки «власть-общество». Но на пути успешной реализации этой стратегии отчётливо выделяются, как минимум, три фактора «напряжения», обусловивших её провал. Во-первых, стремительная ротация кадров могла быть безопасно проведена новым руководством (несомненно, учитывавшим хрущёвский опыт) только с опорой на поддержку общества – от имени популярного лидера. Это предопределило принятие Центром повышенных социальных обязательств. Во-вторых, принятие этих обязательств происходило на фоне истощения внешнего источника ресурсов, а следовательно, требовало обращения к внутренним источникам финансирования, что, в-третьих, вернуло советскую политическую систему к фундаментальной проблеме налаживания инфраструктуры взаимодействия государства с обществом.

1.4. ГОСУДАРСТВО В ПОИСКАХ НОВОЙ СТРАТЕГИИ БЕЗОПАСНОСТИ (1990-е – начало 2000-х гг.)

В 90-е гг. XX в. и начале XXI в. перед российскими историками стояли методологические и мировоззренческие вопросы. Этот период – всё ещё современность для России, а современность не самое комфортное «место» для историка. В 1990-е гг. в стране рушился прежний порядок: повседневный быт, экономика, политика, идеология во всех своих проявлениях пришли в стремительное движение, которое

лишь недавно вошло в размеренный темп. В связи с этим нас неотвратно будет нести в сторону «событийной» истории, поскольку такие переломные моменты не только насыщены яркими событиями, но их почти невозможно упорядочить по степени долгосрочной важности — что из них собственно «история», а что — «пыль» в броделевском понимании этого слова. Можно ли в это наполненное хаосом время увидеть какую бы то ни было стратегию безопасности или сколь-нибудь осмысленную дальневосточную политику? Положение осложняется ещё и тем, что архивные документы по новейшему периоду до сих пор недоступны в такой же степени, как источники советского времени. Внутренние механизмы принятия и реализации многих политических решений не так понятны, как в советский период, оставляя место различным толкованиям, многие из которых обречены в будущем оказаться неверными и даже наивными. Но, несмотря на это, есть и весомые аргументы в пользу того, чтобы рассмотреть этот период с позиции исторической науки.

Во-первых, именно историк призван видеть за фасадом более прочные долгосрочные структуры. Во-вторых, изучение периода 1950-х — 1980-х гг. позволяет нам учитывать исходные условия постсоветской трансформации и таким образом различать устойчивые факторы в быстром потоке изменений.

Всё это порождает и третий аргумент, напрямую относящийся к Дальнему Востоку: обращение к истории региона в 1990—2000-е гг. даёт возможность увидеть «возможное» и «невозможное» в дальневосточной политике и стратегии социально-политической безопасности. Когда государство как главный субъект развития региона утратило большую часть своей дееспособности, среди экспертов и политиков как центрального, так и регионального уровней власти начался поиск новых стратегий дальневосточной политики. Часть из них так и осталась «на бумаге», часть государство пыталось реализовать с большим или меньшим успехом. Спектр этих вариантов был необычайно широк, но причины провала большинства из них, как и успеха немногих, в пространстве возможностей. Пространство возможностей, динамика долгосрочных и конъюнктурных факторов — это пространство формирующегося направления исследования, которого мы будем придерживаться, чтобы анализ последнего из рассматриваемых нами периодов оставался историческим и более структурным, чем событийным.

Каковы же были исходные условия постсоветской трансформации, которые касались Дальнего Востока? Во-первых, это «...четырёхмерный коллапс государства», выразившийся в распаде СССР — автономизации республик внутри России, ликвидации КПСС, эрозии централи-

зованного управления экономикой, дефиците бюджета в 30% ВВП в 1991 г.²⁹² У государства не осталось «сил» на дальневосточную политику.

Ещё одной характерной чертой нового периода было резкое сужение социальной базы и ключевых групп поддержки новой власти, откуда бы Центр мог черпать символические и прочие ресурсы. Гайдаровские реформы изначально оказались во «враждебной среде», был упущен такой важный момент, как создание политической коалиции в пользу преобразований. Один из видных членов команды Гайдара П. Авен признал: «Изменение страны – это гораздо больше, чем только экономическая реформа. Сейчас мы это хорошо понимаем, а тогда у нас был детский экономический детерминизм. Мы считали, что стоит написать новый закон про экономику – и он всё поменяет»²⁹³, т.е. социальная политика (ключевая составляющая дальневосточной политики времён Л.И. Брежнева), нацеленная на обеспечение общественной поддержки, перестала быть приоритетом государства.

В ходе предшествующей борьбы между союзным и российским центрами обе стороны использовали любые средства, чтобы ослабить управленческий потенциал. Союзное руководство, пытаясь нейтрализовать дезинтеграционные устремления республиканских правителей, в апреле 1990 г. принимает законы, уравнивающие автономные советские социалистические республики с союзными²⁹⁴. Видимо, предполагалось, что теперь элиты союзных республик станут сдержаннее в своих властных амбициях, так как, если рухнет Союз, распадутся и те республики, в составе которых есть АССР (Россия, Азербайджан, Грузия, Узбекистан). Но вместо этого случилось обратное: во-первых, у республиканских лидеров появилось стремление к дальнейшему ослаблению потенциала союзного Центра (с целью сократить его влияние на внутреннюю жизнь республик); во-вторых, началась конкуренция между союзным и республиканским центрами – кто предложит лучшие условия для АССР. Так, в июне 1990 г. Россия поспешила провозгласить свой суверенитет, а Б.Н. Ельцин, перехватывая инициативу у М.С. Горбачёва, предложил «брать» автономным республикам столько суверенитета, сколько те смогут выдержать. Более точный смысл ельцинских слов видим в его выступлении на второй сессии Верховного Совета РСФСР в сентябре 1990 г.: «Сколько возьмут республики на себя, сколько смогут они... властных функций проглотить, скорее всего реализовать... пусть берут. Но и ответственность пусть возлагают на себя за благосостояние народа, проживающего в республике»²⁹⁵. В его словах каждый мог услышать, что хотел, а замечание о том, что вместе с полномочиями надо брать на себя и ответственность, осталось без должного внимания.

В короткий срок (лето 1990 г. – начало 1991 г.) декларации о суверенитете провозгласили все автономные республики в составе РСФСР,

кроме Дагестана и Мордовии²⁹⁶. Впрочем, тогда речь шла не о «независимости», а о федерализме и демократии, т.е. о «...приоритете решений нижестоящего уровня власти над вышестоящим»²⁹⁷. Но суверенизация, распространявшаяся по ветвям власти и звеньям бывшей административной вертикали, делала страну неуправляемой, так как разрушала иерархию компетенции принятия решений, систему распределения ресурсов и ответственности. Отдельные республики (Чеченская, Якутия, Татарстан и Башкортостан) были на грани выхода из РСФСР. Итоги превращения федеративных отношений в инструмент политической борьбы учёные из Института экономики РАН назвали «...разрушением национально-политических основ взаимодействия субъектов Федерации с её Центром» и размыванием общегосударственных интересов в пользу интересов мест²⁹⁸.

В условиях краха системы централизованного снабжения Центр вынужден был предоставить регионам возможность самим решать насущные проблемы жизнеобеспечения, он уже не мог наделять властью тех, кого бы он хотел, вместо этого пришлось смириться с необходимостью опираться на акторов, реально имеющих власть, сумевших консолидировать ключевые группы общества. Неудивительно, что некоторые ставленники Президента, назначенные после августовского путча, довольно быстро сошли с региональной политической сцены, уступив формальную власть её реальным держателям. В основном это были представители директорского корпуса, которые стали влиятельной политической силой того времени: за ними были материальные, людские и организационные ресурсы²⁹⁹.

Но и хозяйственники, придя к власти в регионах, оставались зависимыми от материальных ресурсов Центра, залог их политического успеха состоял не столько в концентрации материальных активов, сколько в способности навязать волю тем, кого они призваны были представлять как региональные лидеры. Во всяком случае, им удалось убедить Центр в такой способности и позиционировать себя в качестве ключевых акторов, удерживавших региональное общество в рамках приемлемой социально-политической стабильности, ради которой от Центра требовались всё новые материальные вливания. Способность их «выбивать», в свою очередь становилась залогом консолидации региональной элиты вокруг её лидера.

Такая роль главы региона видна в поведении В.И. Ишаева во время визита в Хабаровский край в ноябре 1993 г. премьер-министра России Е.Т. Гайдара. Он сумел навязать премьеру встречу с директорами крупнейших предприятий региона, хотя она не предусматривалась в программе визита. Таким образом, хабаровский лидер подтвердил свою способность доносить интересы региональной элиты до высше-

го уровня власти. Однако, когда директор судостроительного завода в Комсомольске-на-Амуре П.С. Белый переступил рамки дозволенного, задав Гайдару некорректный вопрос, Ишаев незамедлительно показал, кто реальный хозяин в крае: «...тут я на него так посмотрел, что Белый поспешил спрятаться за чью-то спину»³⁰⁰.

В результате прихода к власти в регионах акторов, концентрирующих значительную часть ресурсов независимо от Центра и ориентированных на внеинституциональные и неформальные с ним отношения, роль региональных лидеров возрасла не только в управлении социально-экономическими процессами, но и в политической жизни государства.

Центр фактически оказался в условиях критического дефицита материальных (объём средств, контролировавшихся российским правительством, сократился до трети от предыдущего уровня³⁰¹) и символических ресурсов влияния на территории. Материальные ресурсы стали предметом ожесточённой конкуренции со стороны регионов, которая одновременно являлась фактором превращения основной функции государства — изъятия в нечто противоположное по своему смыслу. К середине 1993 г. 30 российских регионов вовремя не уплатили налоги в федеральный бюджет³⁰².

Долговые обязательства Центра перед территориями также стремительно нарастали. В 1995 г. Законом «О федеральном бюджете на 1995 год» субъектам Российской Федерации и административно-территориальным образованиям предусматривалась помощь из Фонда финансовой поддержки субъектов Федерации в размере 14,9 трлн руб. К четвертому кварталу 1995 г. 64 субъектам Российской Федерации Минфином России было недоперечислено 1,4 трлн руб.³⁰³ В итоге в 1995 г. сложилась следующая ситуация: к этому времени в стране действовало 30 Указов Президента и 36 Постановлений правительства по государственной поддержке регионов и их социально-экономическому развитию. По ним имелось 736 заданий и поручений, из них выполнено 248 (34%), выполнено не полностью 111 и больше половины от общего числа (377) находилось в стадии выполнения. Основная причина невыполнения — отсутствие средств и нормативно-правовой базы³⁰⁴.

Региональная политика, по сути, «отменялась» политикой макроэкономической, ставящей во главу угла борьбу с инфляцией в ущерб любым другим стратегическим целям. Предельно ясно эту политику Центра выразил вице-премьер правительства В.В. Каданников, посетивший Хабаровский край в апреле 1996 г.: «Если только мы инфляцию отпустим, немедленно государственные и казначейские обязательства будут предъявлены к оплате... А дальше нам немедленно откажут

в кредите по линии Международного валютного фонда... Вот какая цена этого вопроса»³⁰⁵. Борьба с инфляцией была следствием не только определённого экономического курса, но и фактической зависимости государства от внешних и внутренних займов, т.е. внешнего источника ресурсов. Эта зависимость определяла и дальневосточную политику России в 1990-е гг.

Президент и правительство, пытаясь проводить жёсткую финансовую политику, оказывались «зажатыми» с трёх сторон: во-первых, требовалось не допустить инфляции (что было условием предоставления займов на внешнем и внутреннем рынках); во-вторых, возникала проблема исполнения обязательств перед населением (например, Указ Президента № 690 от 8 июля 1997*); и, в-третьих, оставались обязательства перед регионами, например, принятые в предвыборный период 1996 г., в частности, реализация президентской программы развития Дальнего Востока.

В 1997 г. Б.Н. Ельцин назвал важнейшим критерием эффективной власти «...способность полностью собирать и рационально строго по назначению расходовать средства, предоставляемые налогоплательщиком»³⁰⁶. Исполнительная власть регионов была ответственна за сбор налогов на своей территории. В её функции входила адресная «профилактическая» работа с должниками, но она явно не справлялась с этой задачей. Например, из информации Управления федеральной службы налоговой полиции по Приморскому краю видно, что в ходе проверки предпринимателей (без образования юридического лица) за нарушение налогового законодательства и уклонение от уплаты подоходного налога привлечено к ответственности в виде штрафов 90% из числа проверенных, недоимка по подоходному налогу составляла практически 100%³⁰⁷. Крупнейшие предприятия края, даже те, которые производили пользующуюся спросом продукцию, имели большие задолженности перед бюджетом³⁰⁸. Подобная ситуация была и в Хабаровском крае, что фактически признал В.И. Ишаев: «Кто имеет доход, он не всегда платит налоги. Все научились работать бесприбыльно, рентабельность равна нулю. Все в затратах»³⁰⁹.

В этих условиях региональная власть стремится «изъять» побольше ресурсов у Центра. Общее число регионов-доноров федерального бюджета неуклонно сокращалось: если в 1993 г. их было 35, то в 1996 г. —

* См. Указ Президента Российской Федерации от 8 июля 1997 г. №690 «О мерах по ликвидации задолженности по выплатам заработной платы работникам бюджетной сферы и денежного довольствия военнослужащим и сотрудникам органов внутренних дел Российской Федерации». URL: <http://graph.document/kremlin.ru/page.aspx?1;1147149> (дата обращения: 12.10.2009).

12, в 1997 – 8. Число дотационных регионов, напротив, увеличивалось: в 1990 г. – 50, 1994 г. – 66, в 1995 г. – 78, в 1996 г. – 75, в 1997 г. – 79³¹⁰. Зависимость государства от займов на внешнем и внутреннем рынке продолжала нарастать.

Региональные власти выполнение решений правительства, как и реализацию программ регионального развития, обуславливали увеличением финансирования из федерального бюджета. Такая система действовала как «насос» — регионы добивались ресурсов у Центра, который занимал их на финансовом рынке, увеличивая долговое бремя и выплаты по процентам, т.е. уменьшал свои ресурсы и опять занимал. Слабый контроль над экономикой приводил к неэффективному распределению имеющихся средств. Эта система подошла к краху в августе 1998 г., когда С.В. Кириенко, ставший весной того же года премьер-министром, обнаружил, что доходов государства перестало хватать даже на текущие расходы³¹¹. Например, в соответствии с Законом о бюджете на 1998 г. налоговики должны были давать в федеральный бюджет 20 млрд руб. в месяц, на март им установили облегчённое задание 12,3 млрд, но фактически они смогли собрать менее 12 млрд руб.³¹²

Если учесть, что на протяжении 1990-х гг. государство не было способно должным образом ни собирать налоги, ни контролировать внешнеэкономическую деятельность, то самостоятельность большинства регионов часто означала претензии на неконтролируемый «распил» централизованных ресурсов, полученных от: экспорта сырья, займов на внешнем финансовом рынке, займов на рынке государственных краткосрочных обязательств.

Несмотря на то, что краткие периоды политического укрепления центра сопровождалась попытками усиления административного и финансового контроля над регионами, последние неизменно отыгрывали своё преимущество при первых признаках ослабления позиций Москвы (противостояние с Верховным Советом осенью 1993 г, Президентские выборы 1996 г.)³¹³.

Взаимоотношения Центр–регион были неотъемлемой частью той политико-экономической системы, которая привела к финансово-экономическому краху в августе 1998 г., впрочем, имевшему и позитивные последствия. В результате кризиса резко сократились государственные финансовые обязательства, расходы бюджета стали сопоставимы с его доходами. В 1999 г. впервые за десять лет был принят бездефицитный бюджет. Центр получил возможность исполнять свои финансовые обязательства и требовать того же от регионов. Во-вторых, рухнул рынок спекулятивного капитала, заёмные ресурсы стали для Центра недоступны, следовательно, возрос его интерес к интенсификации изъятия. С 1999 г. наблюдается устойчивый рост сбора налогов³¹⁴.

Поддержка населением федеральной власти росла с занятием поста премьер-министра Е.М. Примаковым, но убедительная победа В.В. Путина в первом туре президентских выборов в 2000 г., рост легитимности власти подтолкнули экономическую динамику, совпав с повышением мировых цен на энергоносители, что придало Центру мощный заряд символических и материальных ресурсов. Его формально-институциональное укрепление становилось делом времени и техники.

Внутриполитический курс В.В. Путина формировался в условиях, сложившихся к моменту его прихода к власти. С позиции государственно-центрированного подхода для нас важно, что из перечня критериев «государственности», или «силы» государства, Россия к началу 2000-х гг. не соответствовала ни одному: здесь нет ни идеологической и институциональной согласованности, ни должного уровня независимости государственных структур от частных интересов, ни способности государства эффективно проводить свою политику³¹⁵. И даже такое упрощённое веберовское определение государства как организации, обладающей монополией на легитимное насилие, «не работало» применительно к России конца 1990-х — начала 2000-х гг., где эта легитимность оспаривалась как на отдельных территориях (наиболее явно на Кавказе — в Чеченской Республике), так и в целом по стране различными организованными группами «силовых предпринимателей»³¹⁶.

Причинно-следственная связь деградации государственности и политического курса В.В. Путина отчётливо видна из его первого Послания Федеральному собранию. Речь, произнесённая перед депутатами и губернаторами в июле 2000 г., была посвящена построению «сильного» (эффективного) государства. Эта мысль в том или ином контексте прозвучала несколько раз, а «совершенствование политической системы и строительство эффективного государства» шло первым в перечне стратегических задач³¹⁷.

Взаимоотношения Центр—регион оказались сферой, где сконцентрировались если не главные, то первостепенные вызовы политике укрепления государственности. Наряду с теневыми структурами (так называемые «семья», «олигархи») губернаторы выступали «альтернативными центрами власти», имея возможность, с одной стороны, избирательно лоббировать в центре интересы тех или иных хозяйственных групп, а с другой — блокировать политику Центра на местах.

Российский федерализм и масштабная децентрализация 1990-х гг., конечно, не являлись причиной деградации государственности, но они были её следствием. В начале 2000-х гг. соотношение символических ресурсов Центра и регионов изменилось не в пользу губернаторов. Провозглашённый курс на укрепление государства означал, что вынуж-

денные формальные и неформальные уступки Москвы, сделанные на протяжении 1990-х гг., должны быть пересмотрены, однако ход и последствия «ревизии» зависели уже от других факторов.

Президенту В.В. Путину удалось многое, в частности восстановлен такой атрибут государства, как монополия на легитимное насилие. Независимые центры власти в лице региональных правителей были ограничены в своей самостоятельности и интегрированы в единую административную вертикаль, а следовательно, возросла и способность государства реализовывать свою политику. Правда, этот шаг дался дорогой политической ценой. В.В. Путин вынужден был решать непростую задачу – обеспечить подконтрольность губернаторов, не умножая при этом число политических врагов. Централизаторский курс начала 2000-х гг. проводился в лучших традициях «стратегии конфликта», предполагавшей позиционную борьбу, в ходе которой обе стороны (Центр и регионы) наблюдали, интерпретировали и предугадывали поведение друг друга³¹⁸. Губернаторы не отдали свою власть, но обменяли её на определённые политические гарантии. Об этом свидетельствует удивительная стабильность губернаторского корпуса на протяжении двух сроков В.В. Путина. Сильные губернаторы, как правило, сохраняли свои посты, уходившие с должности (Е.И. Наздратенко в Приморском крае, В.А. Яковлев в Санкт-Петербурге) сначала шли на повышение, а затем плавно «сводились» в политическое небытие. В полном соответствии со стратегией конфликта Приморский губернатор С.М. Дарькин был первым, кто поставил вопрос о доверии перед Президентом страны, прекрасно понимая, что назначение по новой системе будет «сигналом» для остальных региональных лидеров – в этих условиях его шансы сохранить пост многократно возрастали. Радикальное обновление губернаторского корпуса началось при Президенте Д.А. Медведеве, который не был связан какими бы то ни было обязательствами с региональными лидерами.

В целом нельзя не признать политического мастерства, с каким была проведена централизация: губернаторам обеспечивались определённые гарантии и благоприятные условия, параллельно их власть уравнивалась созданием Федеральных округов, формировались инструменты федерального вмешательства вплоть до отстранения от должности, ликвидировались институты регионального влияния на политический Центр (реформа Совета Федерации 2000 – 2002 гг.). В конце 2004 г. губернаторы лишаются символического ресурса (возможности получить народную поддержку на выборах). Время объявления отмены выборов губернаторов выбрано не случайно – страна была в шоке от трагедии в Беслане и публично выступать против президентских инициатив, позиционировавшихся как курс на укрепление

государства, в той атмосфере было почти безнравственно. Сделано всё, чтобы региональная вольница времён Б.Н. Ельцина не повторилась при любой политико-экономической конъюнктуре. В конечном счёте, региональные лидеры, возвращаясь к веберовской типологии, перестали быть политиками, но стали государственными управленцами главной целью которых является проведение политики Центра на местах. Яркий символ этих перемен – бывший хабаровский губернатор В.И. Ишаев, влиятельный и независимый региональный лидер 1990-х гг., а в настоящее время – официальный проводник политики Москвы, министр по развитию Дальнего Востока, Полномочный представитель Президента в Дальневосточном федеральном округе.

С отменой прямых губернаторских выборов произошла централизация прежде регионально замкнутых сетей доверия, их переориентация на центральную власть. При этом не было никаких признаков интеграции огромной бюрократической сети доверия в публичную политику. Наоборот, взаимоотношения Центр–периферия всё больше смещались в неформальную сферу, напоминая ситуацию брежневских времён. Но в данном случае уместно предположить, что решающую роль сыграл более фундаментальный фактор, нежели конъюнктурный расчёт власти.

Ч. Тилли на примере тысячелетнего периода европейской истории показал зависимость государства от вида и уровня концентрации доступных ему материальных ресурсов. Главное в том, что государству для получения необходимых материальных средств приходится вступать в переговоры как с местными носителями власти, так и с населением по поводу изъятия доли ресурсов общества. В зависимости от характера экономики того или иного государства формировались институты либо согласования, либо принуждения³¹⁹.

Перенеся эту схему на новейшую российскую историю, мы можем видеть, что в 1990-е гг. государство, имевшее дефицит ресурсов, приступило к развитию институтов согласования. Подтверждением этому являются 46 подписанных договоров о разграничении полномочий и предметов ведения власти между Центром и региональными уровнями с 1994 по 1999 гг., введение выборности губернаторов и глав местного самоуправления. На этом пути открывалась перспектива возрождения российского государства «снизу» путём налаживания каналов взаимодействия с обществом с целью мобилизации его ресурсов. Эта работа была отдана на откуп регионам и в силу своей сложности и отсутствия быстрой отдачи оказалась ими фактически проигнорированной. Региональные лидеры направили свой окрепший политический вес на «выбивание» централизованных ресурсов, полученных от продажи сырья, внешних и внутренних займов.

Это косвенно признавалось и в Министерстве региональной политики в начале 1999 г., где констатировали: «...несмотря на расширение прав на введение собственных налогов, именно отчисления от федеральных налогов в настоящее время составляют основу доходов бюджетов регионов»³²⁰.

На фоне этого провала централизаторский курс 2000-х гг. совпал с резким увеличением цен на нефть, что обеспечивало чрезвычайно благоприятную политическую конъюнктуру. Центр лишил губернаторов символических и административных ресурсов, в итоге отпала необходимость и в формализованных институтах согласования. С позиции сегодняшнего дня можно уверенно делать вывод, что стратегическая цель, заявленная В.В. Путиным в его первом президентском Послании, выполнена лишь отчасти. Была обеспечена внешняя подконтрольность и лояльность бюрократии, в то время как задача построения развитой инфраструктуры взаимодействия государства и общества – фундамента эффективного государства отпала за ненужностью. Высокие цены на нефть (федеральный бюджет России формируется в настоящее время в основном за счет двух налогов – на добычу полезных ископаемых и НДС) сняли эту задачу с повестки дня, так как государство получает необходимые ресурсы без всякого согласования с обществом или элитными группами. Исключение, возможно, составляет узкий круг ключевых игроков сырьевой промышленности.

Политика Путина по построению централизованного государства может быть объяснена не только военно-налоговой, но и геополитической теорией. Американский исследователь М. Евангелиста в начале путинского правления (2002) сделал проницательный вывод. Отталкиваясь от геополитического объяснения распада СССР Р. Коллинзом, он отмечал: если исходить из того, что одним из факторов распада СССР была его официально формальная структура, согласно которой он включал 15 формально автономных республик, то то же самое можно отнести и к 21 автономной республике в составе Российской Федерации. «Согласно Коллинзу, российский лидер, стремящийся предотвратить дальнейшую дезинтеграцию страны, мог бы начать с уничтожения этой формальной структуры местной автономии. В данном отношении усилия президента Путина по установлению системы федеральных округов поверх 89 регионов-субъектов, если они нацелены на постепенное ослабление или ликвидацию самостоятельных локальных институтов, по-видимому, отвечают представлениям Коллинза о том, что должен делать лидер, старающийся смягчить долгосрочные геополитические тренды»³²¹.

За 12 лет централизаторского курса удалось деполитизировать взаимоотношения Центр–регион, превратить замену губернаторов в чисто

механический процесс, максимально снизить их «политическую угрозу» для Президента и Правительства. Цели снижения политической неопределённости и отчасти повышения управляемости страной достигнуты.

Завершая обзор общей стратегии безопасности в 2000-е гг., отметим, что она носила явно стабилизационный характер, и в этом смысле Российское государство прошло «развилку», схожую с пройденной в конце 1950-х – середине 1960-х гг. Неокрепшие и недостроенные институты согласования, которые формировались с конца 1980-х до конца 1990-х гг., были принесены в жертву управляемости политическим процессом. Высокие цены на традиционные товары сырьевого экспорта позволили это сделать сравнительно легко.

Промедление с развитием инфраструктуры взаимодействия государства и общества привело к консервации невысокого уровня эффективности государства. Исключение общества из процесса принятия важнейших решений и контроля за их исполнением привело к возникновению проблемы ответственности нижестоящих уровней власти. Необходимость выстраивания «механизмов ответственности» признавал министр регионального развития в Д.Н. Козак (2006–2007), отметив, что институты централизованного контроля, созданные в регионах, начинают жить собственной жизнью³²².

Политическая система времён В.В. Путина со всеми её плюсами и минусами, сформировалась не по «злой воле», а скорее в силу фундаментального противоречия: с одной стороны, слабая власть + слабое общество, что неизменно порождает запрос на некое стратегическое видение власти, её работу по построению демократии, сильной власти, прочной государственности и т.д., с другой – над любым руководством довлеет необходимость оперативного управления «здесь и сейчас», удержания власти при наличных ресурсах.

Территориальный и системный распад союзного государства стал историческим рубежом и для Дальнего Востока. Прежняя стратегия его развития, подчинённая решению оборонных задач, в условиях геополитической неопределённости страны утратила свою актуальность. Перспектива второй половины 1980-х гг. – превращение региона в развитый народнохозяйственный комплекс – не могла быть реализована не только из-за утраты ориентиров территориального и экономического развития, но и по причине банального отсутствия ресурсов для достижения этих целей. Дальний Восток стал не по силам стране, геополитические амбиции и ресурсные возможности которой резко уменьшились. Из «резерва», потенциально способного смягчить проблемы советской экономики, он теперь сам становился «бременем». Более того, историей и современным состоянием, геополитической ролью и социально-экономической структурой Дальний Восток как бы

противостоял тому направлению преобразований, которое избрало руководство страны. Это была новая особенность региона – невыгодное место в ментальной карте российской власти и влиятельных интеллектуалов. Восточные территории на фоне утраты европейских владений делали Россию «...более евразийской, чем когда бы то ни было, такой, какой её никогда не хотели видеть те, кто правил ею на протяжении веков»³²³. Именно восток страны с его природными богатствами объявлялся «ответственным» за ресурсно-сырьевую специализацию российской экономики³²⁴. Но и промышленный потенциал, созданный на Дальнем Востоке за время предыдущего освоения, стал несоразмерен радикально уменьшившимся возможностям и геополитическим амбициям новой России и воспринимался теперь как тяжёлое наследие прошлого, бремя, оставшееся от рухнувшей империи. Это осознавали и некоторые дальневосточные политические лидеры, среди них – руководитель Хабаровского края (наиболее индустриально развитого и высокотехнологичного в регионе) В.И. Ишаев. В 1998 г. он писал, что «всега за несколько лет мощный промышленный комплекс Дальнего Востока, бывшая гордость всей страны, превратился в обузу, от которой страна хотела избавиться»³²⁵.

Венцом подобного рода выводов среди политиков служит констатация, озвученная первым Президентом России Б.Н. Ельциным в его последнем Послании Федеральному собранию в 1999 г. Оценивая путь, пройденный страной под его руководством, Президент указал на Дальний Восток наряду с Крайним Севером как на фактор непоследовательности рыночных реформ, препятствовавший политике либерализации цен и макроэкономической стабилизации³²⁶.

Однако стремление некоторых учёных и политиков в 1990-х гг. рассматривать восточные территории России лишь как одну из гирь, тянущих страну на экономическое дно, было большим упрощением. Дальний Восток, который являлся не только тенью прошлого могущества державы, но и тем геополитическим плацдармом, который позволял стране в конце 90-х гг. XX в. не скатиться в число третьеразрядных стран. И в этом заключалось следующее противоречие нового периода – при уменьшившихся ресурсах для поддержания жизнеспособности социально-экономической системы этого региона его значение для страны существенно возросло³²⁷. Во-первых, на 10–15% увеличился вклад Дальнего Востока в природно-ресурсный потенциал России, который распределился в следующем соотношении: в европейских районах и на Урале – 25%, в районах Сибири – около 40%, на Дальнем Востоке, включая морской шельф, около 35%. Существенно возросла роль морских отраслей региона, который теперь обеспечивал 60% добычи рыбы (по СССР – 40%), из 17 морских пароходств, существовавших

в СССР, у России осталось 8, из них четыре крупнейших на Дальнем Востоке. Именно здесь сконцентрировались основные морские и океанические выходы России³²⁸.

Дальний Восток не утратил своей общенациональной перспективности, сохранив за собой роль потенциального «локомотива», способного вытянуть страну в «большое будущее». М. Ильин эту ситуацию обозначил как «позитивные геополитические потенциалы, связанные с модернизацией»³²⁹. Развитие Дальнего Востока могло бы стать возможностью для России отыграть за геополитический провал СССР, обрести утраченное могущество, пусть и в урезанных географических границах.

Некоторые учёные предполагали, что экономический подъем России «...будет сопровождаться перемещением капиталов, людей, товаров и новых технологий в Сибирь и на Дальний Восток, где возникнут многочисленные районы ускоренного экономического роста»³³⁰. Наиболее ёмко это ощущение сформулировал академик Н.Н. Моисеев, говоривший о «шансе» нации «...территория которой соединяет два океана – Атлантический и Тихий». Он видел здесь не только возможность торговли на миллиарды долларов, но также культурные и технические ценности «...которые будут рождаться на обоих концах этого моста»³³¹.

Итак, дальневосточная региональная политика Центра потенциально заключала три прежних сценария, основанных на его «перспективности», «ресурсном потенциале» и «инфраструктурной обременительности», в том или ином сочетании они и получали реализацию. Но это сочетание отличалось крайней неустойчивостью во временной динамике будучи подверженным влиянию различных факторов. Эта неустойчивость делала невозможным формирование долгосрочной стратегии безопасности, так как, во-первых, не было ясности в плане критериев её выстраивания, а во-вторых, на всём протяжении 1990-х гг. ощущался дефицит ресурсов для реализации какой бы то ни было стратегии.

Начало 1990-х гг. отчасти по инерции больших проектов, затеянных в Перестройку, отчасти в связи с захватывающими перспективами рыночной экономики и международного сотрудничества было для дальневосточного региона временем завышенных ожиданий. В конце 1980-х гг. как высшее политическое руководство, так и учёные-экономисты питали надежды на то, что государства Азиатско-Тихоокеанского региона с энтузиазмом начнут взаимодействовать с этой частью России³³². Подобные настроения подогревал и российский лидер Б.Н. Ельцин. В 1990 г. он посетил Порт Восточный Приморского края, где выступал перед местными жителями: «... когда я был в Японии, мне предлагали: давайте мы отстроим Владивосток, Находку, сделаем курортную зону. Японцы очень рвутся в этот край, чтобы отдохнуть здесь.

И надо этим воспользоваться, причём они предлагают всё сделать за свои деньги, своими строителями». «Мы, – говорят они, – за счёт туризма окупим всё это. Нам не надо денег, надо только открыть Находку (хотя она никогда не была закрытым городом. – *Примеч. А.С. Ващук, А.Е. Савченко*), открыть Приморский край, открыть Владивосток»³³³. Не только российские политики, но и иностранные консулы, а также бизнесмены спешили заявить о важности и уникальности Дальнего Востока, о будущем процветании г. Владивостока и т.д.³³⁴

Лишь иногда эта маниловщина разбавлялась более приземлённой оценкой ситуации. Например, политический обозреватель газеты «Утро России» И. Илюшин задавался вопросом: «...и кому мы здесь, в стремительно процветающем АТР, нужны по-настоящему, – калеки, изуродованные и обобранные, во имя как будто бы высших, а на самом деле колониальных амбиций и планов?»³³⁵ Позже депутат Приморского краевого Совета В. Горчаков пророчески заметил: «Можно добиться и развития демократии в обществе, размаха рыночных отношений в экономической жизни, но остаться на периферии мировой экономики»³³⁶.

Наиболее частым объектом и субъектом амбициозных проектов международного сотрудничества было Приморье. В 1990 г. после тридцатилетнего забвения вспомнили об идее «Большого Владивостока», которую начали разрабатывать совместно с японскими учёными³³⁷. Большие надежды возлагались на создание свободных экономических зон (СЭЗ), в Приморье строилась СЭЗ «Находка», планировалось создание СЭЗ «Уссурийск». Край участвовал в глобальном, одобренном на уровне Организации Объединённых Наций проекте зоны Туманган, предполагавшем соразвитие приграничных территорий трёх сопредельных государств – России, Корейской Народной Демократической Республики и Китая с участием Монголии³³⁸.

Подобные проекты возникали и в Амурской области, которая виделась главе областной администрации А.А. Кривченко в качестве «локомотива» международной торговли на Дальнем Востоке³³⁹. Перспектива такого «оптимистичного варианта» появлялась вследствие тесного соседства российского города Благовещенска и китайского г. Хайхэ. Предполагалось, что область станет плацдармом не только России, но и стран Европейского Союза для выхода на рынки АТР. В связи с этим главы администраций в 1991–1992 гг. настойчиво обращались к Б.Н. Ельцину с просьбами о создании «свободной экономической зоны», района «интенсивного экономического развития» и предложением соединить расположенные друг против друга по разным берегам р. Амура города автомобильным мостом³⁴⁰. Для реализации этой цели в конце 1992 г. была создана финансово-строительная компания «Мост», а её глава А.В. Сурат успел немного побыть губернатором Амурской области.

Таких глобальных амбиций не было у администрации Хабаровского края. Эта территория имела менее благоприятные экономико-географические условия, чем Приморье и Амурская область. Кроме того, здесь в отличие от двух рассматриваемых регионов в самом начале 1990-х гг. к власти пришёл представитель директорского корпуса В.И. Ишаев. Его политическая стратегия была более реалистичной, ориентированной на выбивание централизованных средств для поддержки местных предприятий. Тем не менее и здесь видели решение многих проблем в активизации внешнеэкономической деятельности.

Однако надежды, вспыхнувшие в начале 1990-х гг., быстро сменились разочарованием. Перестроечные планы* (идея всевозможных зон развития, создания СЭЗ на Дальнем Востоке, в том числе и в Находке, родилась в конце 1980-х гг.) поставить внешнеэкономические связи Дальнего Востока на службу его развития по мере приближения к 1990 гг. заменялись лихорадочными попытками не допустить социально-экономического коллапса территории, найти альтернативу рухнувшему централизованному снабжению. Отсюда господство конъюнктурных целей при дефиците стратегии. В.И. Ишаев ощутил на своём управленческом опыте как «резкая, непродуманная и неконтролируемая либерализация цен, экономическая беззащитность структур-монополистов (транспорт, связь, энергетика), распад рынков потребления и сбыта одним махом вывели... (проблемы дальневосточных регионов. — *Примеч. А.С. Ващук, А.Е. Савченко*) за рамки экономического моделирования и научного осмысления»³⁴¹.

Среди политической элиты и учёных-экономистов существовал определённый консенсус по поводу благотворности экономической интеграции со странами АТР, но как её сделать «безопасной», управляемой, выгодной для страны и региона, как увязать её с потребностями российской экономики — в этих вопросах явно ощущался дефицит ресурсов и компетенции. Например, в проекте «Туманган» было неясно, как его реализация скажется на работе Приморских морских портов, Транссиба, возникали опасения насчёт возможных проблем в сохранении государственного суверенитета над российскими территориями, входящими в эту зону³⁴². Отношение Центра к данному проекту пока-

* Как подметил А.В. Лаврентьев: «...свободные экономические зоны являлись не столько осознанной мерой, сколько финальным актом полного отчаяния и разочарования в прежней централизованной экономической модели» (см.: Лаврентьев А.В. Изменение внешнеэкономической политики государства на Дальнем Востоке СССР (вторая половина 1980-х — 1991 гг.): основные результаты и противоречия // Гуманитарные науки в Сибири. 2009. № 2. С. 122).

зала аналитическая записка, подготовленная в 1997 г. зам. министра внешних экономических связей РФ А.П. Огурцовым «Об участии России в Туманганском проекте». С одной стороны, автор констатировал, что развитие зоны идёт вяло, прогнозируемых экспертами ПРООН объёмов инвестиций нет, с другой — он с удовлетворением отмечал: «С повестки дня сняты все характерные для начального этапа негативные предложения типа создания неких экстерриториальных образований, свободных экономических зон и т.п.»³⁴³. Центр в условиях слабой управленческой дееспособности не был готов к радикальным экспериментам в сфере международного экономического сотрудничества.

Кроме того, решения по некоторым проектам были скорее демонстрацией регионам политических намерений российского Центра — его готовности предоставлять льготные условия и таким образом втянуть их в политическую борьбу. Например, СЭЗ «Находка» была образована Постановлением № 260-1 Верховного Совета РСФСР от 24 октября 1990 г. «О создании в Приморском крае в районе г. Находки свободной экономической зоны»³⁴⁴. Однако быстро выяснилось, что иностранцы, приветствуя проект на словах, не спешили вкладывать сюда реальные деньги, в связи с чем приморское руководство просило не российский, а союзный Центр оказать материальную поддержку СЭЗ³⁴⁵.

Если оказывалась материальная поддержка или передавались соответствующие полномочия на места, становился очевидным другой фактор — неспособность государства контролировать выполнение принятых решений и использовать бюджетные средства. С чего, например, началось «развитие внешнеэкономической инфраструктуры Приморского края» — с отчисления в распоряжение краевой администрации 10% от суммы собираемых в крае таможенных пошлин согласно Постановлению Правительства от 18 февраля 1993 г. К декабрю того же года результаты выглядели следующим образом: отделом внешней торговли краевой администрации были заключены контракты на закупку у фирмы «Токио Маруичи Седзи Ко., ЛТД» 3 телевизоров, 3 видеоманитонов, 68 радиотелефонов, 25 автомобильных радиотелефонов, 20 пишущих машинок, 10 автомобилей «Тойота Лэнд Крузер—70»; у фирмы «Марубени Корпорейшн» закупались множительные аппараты — 2; у фирмы «Саира Трэйдинг Лимитед» — 35 автомобилей «Лэнд Ровер» и т.д.³⁴⁶ Такое обустройство внешнеэкономической инфраструктуры «говорит само за себя».

Экспортный потенциал Дальнего Востока в лучшем случае просто «проедался», т.е. обменивался на продовольствие без всякого развития для соответствующих отраслей и предприятий³⁴⁷; в худшем — развитие внешнеэкономической деятельности на этой территории наносило прямой и косвенный ущерб экономике страны. Например, в 1992 г. по

итогах проверки эффективности внешнеэкономической деятельности предприятий и организаций Амурской области вырисовывалась безнадежная ситуация. В её экспорте доля продукции, производимой непосредственно областью, равнялась 36%. В основном это был пилочник, бурый уголь, строительные материалы, соя и другие сельскохозяйственные товары; промышленная продукция составляла около 1%. Экспортируемые товары, как правило, обменивались на товары народного потребления. Новое оборудование и технологии не приобретались. Более того, из-за некачественно проработанных контрактов экспорт шёл по ценам на 30–40% ниже мирового уровня, при этом импорт приобретался по ценам, завышенным в 10 раз³⁴⁸.

Подобное наблюдалось и в торговле Хабаровского края с КНР, где выгоду извлекали китайские компании, предпринявшие, как образно сформулировано Н. Писаренко, «...массовый сброс в Россию некачественных потребительских товаров, получив взамен по товарообменным операциям стратегически важное сырьё»³⁴⁹. Из 21 совместного предприятия, зарегистрированного в Амурской области, реально работало лишь три³⁵⁰. Кроме того, массовый выход экономических субъектов на внешние рынки, их несогласованная ценовая политика привели к обрушению мировых цен на ряд сырьевых товаров российского экспорта³⁵¹.

Стоит отметить, что решения по созданию и обустройству различных специфических «зон», по предоставлению льгот Центр принимал в самый сложный для взаимоотношений с регионами период 1990–1993 гг., когда его потенциал был минимальным. Со стороны Центра это была скорее уступка требованиям с мест и сбрасывание ответственности за обеспечение регионов, нежели стратегическая политика.

Наиболее зримо дефицит государственного контроля со всеми сопутствующими последствиями проявился в проекте СЭЗ «Находка», который оказался наиболее продвинутым на пути реализации, в связи с чем и представляет особый интерес. Здесь подразумевалось масштабное строительство и модернизация инфраструктуры: создание российско-корейского промышленного парка и связанное с ним обустройство территории, организация российско-американского промышленно-складского парка, развитие перерабатывающей способности портов Находка и Восточный, реконструкция Находкинской нефтебазы, аэродрома «Золотая долина» — превращение его в международный транспортный узел. Обустройству должен подлежать и сам город, где планировалось построить гостиницы и бизнес-центры (кое-что было построено), модернизировать водо- и электроснабжение, транспортную сеть³⁵². СЭЗ «Находка» находилась в особо привилегированных условиях — единственная из всех российских СЭЗ дважды получа-

ла бюджетный кредит 2,2 млрд руб. в 1992 г. и 20,1 млрд руб. в 1993 г. В распоряжении администрации СЭЗ оставалось 100% доходов от приватизации федеральной собственности (всем прочим зонам – не более 15%). При этом уже в августе 1993 г. в Российском агентстве международного сотрудничества и развития отмечали, что проекты, поступающие из СЭЗ «Находка», имели крайне слабое технико-экономическое обоснование, а многие предложения, исходившие от администраций СЭЗ и Приморского края, выходили за рамки действующего федерального законодательства, касаясь главным образом разнообразных льгот по части таможенных пошлин, снижения/отмены налогов, оставления в СЭЗ полученной прибыли, вопросов использования объектов инфраструктуры, находящейся в федеральной собственности³⁵³. Вопрос, что давала государству и Дальнему Востоку в частности, деятельность СЭЗ, оставался открытым.

Более того, в случае согласия правительства на особый таможенный режим в данной зоне при общей неэффективности контрольных функций государства наиболее вероятный результат состоял бы в росте «теневого» ввоза в СЭЗ сырья и других ценностей из соседних регионов для их последующего экспорта. В Центре опасались не только «обвальной перекачки» за рубеж товаров со всей России, но и потока аналогичных просьб со стороны других СЭЗ и территорий. Общий вывод чиновников Российского агентства международного сотрудничества и развития состоял в том, что в стране отсутствуют объективные условия для развития таких зон³⁵⁴. Подобное мнение адекватно отражало реальное положение дел.

Но и этим далеко не исчерпывались негативные эффекты рассматриваемого проекта. В деятельности СЭЗ широкий размах приобрели коррупционные практики. Как выяснилось в ходе проверок, в 1992 г. на цели создания и развития инфраструктуры было израсходовано лишь 33% от суммы предоставленного бюджетного кредита, в 1993 г. этот показатель составлял 32,4%. Вместо расходов на предоставленные в расчетах проекты деньги прокручивались в подконтрольных коммерческих структурах, «в нарушение действующего законодательства» проводились операции с ценными бумагами. Учёт доходов и расходов бюджетного кредита отсутствовал, смета с разбивкой по статьям расходов не составлялась, в связи с чем установить конкретно, за счёт каких источников произведены расходы, было невозможно. Инвентаризация материальных ценностей, основных средств и расчётов ни в 1992 г., ни в 1993 г. не проводилась³⁵⁵.

Отсутствие государственной концепции свободных экономических зон, слабость контрольных функций государства, общий дефицит компетенции в подобных вопросах – всё это на начальном этапе лишило

СЭЗ необходимых качества и динамики развития. В 1990 – 1993 гг. они не продемонстрировали впечатляющих результатов, которые могли бы стать для правительства аргументом в пользу дальнейшей их поддержки. После 1993 г. по мере снижения остроты политического кризиса в стране, вызванного противостоянием Президента и Верховного Совета, развитие подобных зон, как и реализация любых проектов, требующих финансовых вливаний и специфического правового режима, приходило в резкое противоречие с дефицитом государственных средств и стремлением правительства к жёсткой макроэкономической политике и правовой унификации пространства. Формально такие проекты, как СЭЗ «Находка», участие в создании зоны «Туманган», строительство моста через р. Амур с экономической связкой Благовещенск – Хайхэ, никто не отменял, тем не менее, они тихо «сошли на нет». Региональные администрации из-за слабой управленческой дееспособности «упустили» открывшиеся возможности.

Если период с конца 1980-х – по 1993 г. был временем завышенных ожиданий для Дальнего Востока (именно «ожиданий», так как реальные экономические показатели продолжали ухудшаться), то в 1994 – 1996 гг. произошла «жёсткая посадка», когда стало ясно, что «светлого завтра» не наступит. Развитие региона при осознании Центром отсутствия финансовых и управленческих ресурсов для активной региональной политики было принесено в жертву ради достижения общенациональных макроэкономических задач. В более широком смысле региональная политика (жизненно важная для Дальнего Востока) «отменялась» макроэкономической политикой. В этих условиях перспективность региона, как и его потенциальная роль «резерва» российской экономики, отходила на задний план. Попытки развивать эту территорию для решения проблем всей страны были неисполнимы с управленческой и экономической точек зрения и нецелесообразны политически. Дальневосточная региональная политика теперь виделась Центру в такой логике – сначала стабилизация и подъём России, которая, усилившись, потом «вытянет» и Дальний Восток. Е.И. Наздратенко, занимавший пост главы Администрации Приморского края с 12 мая 1993 г. по 6 февраля 2000 г., вспоминал, как министр финансов Б.Г. Фёдоров на его просьбы о помощи Приморскому краю отвечал: «...вот, подожди, поднимем экономику центра России, тогда и возьмёмся за Дальний Восток»³⁵⁶.

Такое «видение» в принципе оправдано – экономистам известно, что влияние внутренних районов России на ситуацию в данном регионе «чрезвычайно сильно», в то время как ситуация на самом Дальнем Востоке почти не влияет на экономические показатели остальной части страны³⁵⁷.

Всё это не только вписывалось в давнюю историческую традицию осмысления дальневосточных проблем³⁵⁸, но и гармонировало с господствовавшей в умах политической и либеральной научной элиты того времени идеей «созидательного разрушения»³⁵⁹, заключавшейся в допущении: чем сильнее разрушится прежняя экономическая структура, выступающая в роли сковывающих цепей, тем легче и мощнее выстроится новая экономика; и чем больше тот или иной регион будет ориентироваться на свои собственные силы, тем значительнее его выигрыш в дальнейшем. В частности, к такому выводу приходили авторы (среди них виднейшие отечественные экономисты – руководитель рабочей группы при председателе Правительства России и будущий министр экономики Е.Г. Ясин, заместитель министра финансов С.В. Алексашенко и др.) экспертного доклада, подготовленного в ноябре 1993 г. влиятельной организацией «Российский союз промышленников и предпринимателей», который был рекомендован к изучению региональным администрациям³⁶⁰. Примечательно, что в этом же докладе Дальний Восток рассматривался как безнадёжная территория с сильными сепаратистскими настроениями и в перспективе «...как зона освоения для соседних государств с незначительными элементами государственного управления на местном уровне»³⁶¹. В этих условиях приоритетность Дальнего Востока для Центра стала неочевидной (куда важнее было удержать ускользающий Татарстан или погасить взрывоопасные процессы на Северном Кавказе).

Российское правительство фактически «расписалось» в своей неспособности решить принципиальные проблемы региона, о чём свидетельствуют слова первого заместителя министра экономики Я.М. Уринсона: «...стабилизация (не развитие! – *А.Е. Савченко*) социально-экономического положения на Дальнем Востоке и в Забайкалье во многом зависит от развития внешнеэкономических связей данного региона со странами АТР»³⁶². Ещё раз отметим: все, что может быть принято за попытку реализовать динамическую стратегию безопасности, на самом деле было лишь проявлением её отсутствия.

Было бы неверным утверждать, что в этот период не делалось попыток выработать новую стратегию. Но эти попытки исходили не из политического Центра, а от научного сообщества и региональных элит. Основной аргумент «за» активизацию дальневосточной региональной политики заключался в геополитической значимости и одновременной уязвимости этой территории. Например, директор Института Дальнего Востока РАН М.П. Титаренко представил в Правительство в мае 1994 г. аналитическую записку по итогам совещания экспертов на тему «Проблемы военной безопасности России в новых геополитических условиях Северо-Восточной Азии». В записке говорилось, что в регионе суще-

ствует тенденция к «снижению» роли России в АТР. Автор предлагал комплекс мер для «...сохранения территориальной целостности России, предотвращения наметившегося роста сепаратистских тенденций в Сибири и на Дальнем Востоке»: во-первых, заключить нечто вроде стратегического альянса с Соединёнными Штатами Америки «по вопросу о подъёме и развитии Дальнего Востока»; во-вторых, создать государственную программу по развитию этого региона; в-третьих, создать Министерство развития и освоения районов Восточной Сибири и Дальнего Востока с максимально широкими полномочиями, которое должно заниматься заселением этих территорий; в-четвёртых, «...создать под эгидой Правительства и Центрального Банка России Банк развития Сибири и Дальнего Востока»³⁶³.

Идея привлечь Америку к развитию востока страны была поддержана Президентом Б.Н. Ельциным, во всяком случае, он поднимал этот вопрос во время визита в США в сентябре 1994 г. В Министерстве внешних экономических связей Российской Федерации рассчитывали, что развитие торговых и инвестиционных связей Дальнего Востока со штатами Тихоокеанского побережья США будет не только содействовать притоку необходимых материальных и финансовых ресурсов, смягчать социально-экономическую ситуацию в регионе, но и балансировать «...активность, проявляемую в плане хозяйственного освоения российского Дальнего Востока соседними с ним азиатскими странами»³⁶⁴.

За аргумент «геополитической и стратегической значимости Дальнего Востока» «ухватились» и региональные лидеры. В их обращениях в Москву просматривается «мотив брошенности», отмеченный хабаровским политологом Л.Е. Бляхером: «Обидно, что она (Москва) не понимает, насколько значима территория... Нас, дальневосточников, нельзя мерить общей мерой, оценивать по формальным показателям типа ВРП»³⁶⁵. Например, в Хабаровском крае в силу структурных особенностей его экономики основные усилия сосредоточивались на «выбивании» оборонного заказа для местных предприятий. Оборонный комплекс на Дальнем Востоке часто был представлен дублирующими производствами, т.е. заказы на такую же продукцию можно было разместить в центральных районах страны, — так получалось дешевле. В этих условиях В.И. Ишаев обратился к Президенту Б.Н. Ельцину с просьбой учесть «особое геополитическое положение Дальнего Востока» и сохранить оборонный заказ для предприятий Хабаровского края³⁶⁶. Геополитическое положение было поводом и для В.П. Поливанова (амурского губернатора) убедить Б.Н. Ельцина предоставить «особый статус» Амурской области в сфере внешнеэкономической деятельности³⁶⁷. Приморский губернатор в своих обращениях в Правительство

также сетовал на «...недостаточный учёт региональных особенностей развития Приморского края и геостратегических интересов России в Азиатско-Тихоокеанском регионе», что, по его словам, «...привело к созданию механизма социально-экономического вытеснения жителей с территории края и экономического подавления промышленности». Е.И. Наздратенко «пугал» правительство планами Китая в рамках проекта «Туманган» заселить Южное Приморье 10–12 млн чел. и в качестве предупреждающих мер предлагал принять государственную программу переселения с выделением финансирования на «первоочередные нужды» около 10 млрд руб.³⁶⁸ Эти «первоочередные нужды» и были истинным мотивом большинства обращений главы Приморья в Центр, а также «стратегическими» аргументами для решения насущных задач.

Е.И. Наздратенко предпочитал действовать решительно и с «размахом», не оглядываясь на своих дальневосточных коллег. При деятельном участии краевой администрации в 1994 г. в Институте народнохозяйственного прогнозирования РАН была подготовлена работа «Перспективы Приморского края в условиях перехода к рынку в свете геостратегических и экономических интересов России». Небольшой (300 экз.) тираж издания говорит о том, что оно не предназначалось для широкого круга читателей, а было адресовано тем, на кого администрация края собиралась «давить». Исследование представляло собой «научную основу» для выбивания централизованных ресурсов и обоснования «особого» положения Приморья. Авторы сформулировали «...обоснование конструктивных предложений по реформированию народного хозяйства края, максимально учитывающих особенности региона и отвечающих интересам экономического и политического положения Российского государства»³⁶⁹. В названии работы видно стремление авторов представить интересы Приморского края как жизненные интересы Российского государства – черта, свойственная многим дальневосточным проектам и программам, требующим централизованного финансирования. Наздратенко в одном из своих интервью так представлял эту работу: «Мы создали программу перспективного развития Приморского края... в контексте геостратегических и экономических интересов России. Именно, интересов России. Потому что Приморье – неотделимая часть страны, это её форпост на востоке, это её ворота в Азию»³⁷⁰.

«Особое» положение Приморского края авторы исследования связывали с усилением значимости АТР и с изменившимся (в результате распада СССР) геополитическим положением самой России, что предопределяло смещение её интересов в этот регион мира. Дальний Восток, особенно Приморье, рассматривался ими как «чрезвычайно стратегически важный» регион. Главную угрозу они видели в непроду-

манной государственной политике Центра, грозившей не только утратой тех преимуществ и возможностей, которыми располагала Россия в АТР, но также экономическим и политическим «отторжением» Приморья, возможной политической дезинтеграцией Российской Федерации, потерей Дальнего Востока. Всё это, по их мнению, требовало «...значительно большего и непосредственного участия государства в решении вопросов текущего и перспективного развития региона»³⁷¹.

После такой «подготовки» предполагаемых высокопоставленных читателей, призванной разбудить их воображение судьбоносной альтернативой (либо необозримые выгоды от развития Приморья, либо развал страны), авторы повторяли известные предложения, с которыми краевая администрация и раньше обращалась в Центр. Впрочем, были и «оригинальные» находки. Например, идея провести ревизию и перераспределение «между федеральными и региональными властями» всех земель и акваторий, используемых для нужд обороны, «...после чего земли регионального управления должны на определённых условиях арендовываться Вооружёнными Силами у субъекта федерации»³⁷².

Исследование «Перспективы Приморского края в условиях перехода к рынку в свете геостратегических и экономических интересов России» обсуждалось на самом высоком уровне весной 1994 г., известна даже реакция Президента страны Б.Н. Ельцина, выраженная в резолюции, адресованной главе Правительства В. С. Черномырдину: «Проблема с учётом перспективы развития региона поставлена правильно. Полагаю, что Дальневосточный регион заслуживает специального рассмотрения с учётом его географического положения»³⁷³.

На такую благосклонность Центра отреагировал и приморский губернатор, «убедительно» просивший Правительство «...принять, в первую очередь, конкретные решения по сегодняшним неотложным проблемам для обеспечения выживания населения края, подготовки к зиме 1994—1995 гг., реализации им (краем) государственных функций». Далее повторялся хорошо знакомый набор просьб о компенсациях высоких тарифов, о дотациях, об оставлении на 5 лет суммы собираемых государственных пошлин в крае и т.д.³⁷⁴ К сожалению, основные положения исследования не перешли в область реализации. Причина этого заключается не только в ограниченных ресурсах Центра и в противоречии претензий Е.И. Наздратенко курсу макроэкономической стабилизации. Не менее важный момент заключается в том, что даже если бы Центр провозгласил Приморский край национальным приоритетом и концентрированно направил сюда ресурсы, в условиях слабого государства и расцвета взаимоотношений «торга» с регионами это не только не дало бы желаемых результатов, но и явилось бы прецедентом для схожих претензий от других регионов³⁷⁵.

И всё же в 1996 г. хабаровскому губернатору, а по совместительству ещё и председателю Межрегиональной ассоциации экономического взаимодействия субъектов Российской Федерации «Дальний Восток и Забайкалье» В.И. Ишаеву удалось убедить Москву принять масштабную программу развития востока страны. «Федеральная целевая программа экономического и социального развития Дальнего Востока и Забайкалья на 1996–2005 годы» была подписана Б.Н. Ельциным и утверждена Правительством накануне президентских выборов, что опять же можно рассматривать как демонстрацию намерений Центра по отношению к регионам. Она получила статус «президентской», что привязывало её именно к «этому» президенту.

В.И. Ишаев, представляя программу, позиционировал Дальний Восток, основываясь на его ресурсном и геополитическом значении, как историческую перспективу для страны: «...Нет сомнения, что по мере изучения и вовлечения этих (дальневосточных и забайкальских) ресурсов в хозяйственный оборот потенциал и мощь России будут непрерывно возрастать, выдвигая её в число богатейших стран мировой цивилизации, а это весьма важно, потому что центр мировой экономической активности всё заметнее перемещается в Тихоокеанский регион мира»³⁷⁶. Повторяя аргументацию приморского руководства, он старался доказать, что, «обладая повышенной экономической и стратегической значимостью для России, Дальний Восток и Забайкалье сегодня особенно нуждаются в государственной поддержке, в создании условий для преодоления дезинтегрирующих процессов и усиления тех положительных тенденций, которые позволяют вывести экономику из кризиса»³⁷⁷.

Председатель Совета по размещению производительных сил и экономическому сотрудничеству Минэкономики России академик А.Г. Гранберг представлял эту программу как «...экстраординарный инструмент государственного регулирования социально-экономических преобразований в регионе, усиления его связей как с внутренними регионами России, так и со странами АТР, обеспечения экономической целостности и безопасности России и её геополитических интересов»³⁷⁸. Принятие Центром такой программы означало «победу» губернаторов, заставивших Москву признать необходимость диверсификации экономической политики на территории страны и особой стратегии для Дальнего Востока.

Программа была «авангардной» и «комплексной», т.е. предполагала такие изменения в экономических отношениях, которые требовали принятия новых федеральных и региональных законов и нормативных актов, а также сочетала в себе не только экономические, социальные, экологические, но и геостратегические аспекты, предусматривая се-

рьезный поворот российской политики в сторону АТР³⁷⁹. Таким образом, Дальний Восток в лице его губернаторского корпуса вновь претендовал на общенациональную роль – его развитие предполагало различные инновации, способные изменить всю страну и, возможно, даже поменять её геополитическую ориентацию.

Для реализации программы, рассчитанной до 2005 г., требовалось финансирование в пределах 371 трлн руб. (в ценах 1995 г.), что представлялось малореальным. Но в раскладе по годам, начиная с 1997 г., нужно было не так уж и много – 41 трлн руб., или около 8 млрд долл. При этом довольно любопытным выглядит тот факт, что объём дополнительных средств на эту Программу составлял всего 114 трлн руб., тогда как оставшиеся 257 трлн руб. (69%) – это затраты на реализацию ранее принятых федеральных программ на территории Дальнего Востока и Забайкалья. Губернаторы «забили» в этот проект многое из того, что давно было принято, но не исполнялось. Неудивительно, что в этой программе заложены в основном все привычные требования региональной власти к Центру по поводу тарифов, урегулирования неплатежей, юридического упорядочивания отношений между Центром и регионами и т.д.³⁸⁰ Теперь «освящённые» поддержкой Президента требования региональных властей получали шанс на реализацию. Предполагалось, что в результате исполнения Программы темпы роста ВРП Дальнего Востока будут опережать общероссийские, а темпы роста национального дохода в регионе по сравнению с «базовым» 1995 г. составят 108,4% в 1997 г., 130% – 2000 г. и 164% – 2005 г.³⁸¹

Сложно сказать, насколько сами лоббисты дальневосточной программы верили в возможность создать «оазис» промышленного роста на территории России (более 40%) в условиях общей деградации экономики страны. Во всяком случае, В.И. Ишаев и П.А. Минакир уже через два года после принятия этой Программы признавали, что она «не смогла реально изменить ситуацию, хотя и стала важным шагом в осмыслении реальных проблем региона», более того, она «...устарела уже в момент её подписания...»³⁸² В итоге уровень её выполнения составил 14% – наихудший результат из всех принимавшихся до этого дальневосточных программ.

К 1999 г. Дальний Восток стал депрессивным регионом, потерявшим по сравнению с 1991 г. более миллиона населения, 63% стоимостного выражения промышленного производства и в целом утратившим «...значительную часть своего экономического потенциала, с огромным трудом и ценой колоссальных затрат накопленного почти за 100 лет экономического освоения»³⁸³. Эти негативные тенденции были более выражены на севере и менее – на юге региона, но здесь положение

омрачалось контрастом реальных результатов в сравнении с предполагавшимися перспективами в начале реформ.

Упадок Дальнего Востока в 1990-е гг. был следствием многих причин, он угадывался раньше, ещё в середине – конце 1980-х гг., когда из-за дефицита ресурсов сокращалась отдача от вложенных средств, а программы регионального развития проваливались. Беды этого региона в 1990-е гг. были отражением общего состояния государства, а не специфики региональной политики. Прежние стратегии социально-политической безопасности региона не могли быть реализованы в силу элементарной нехватки средств. Москва не имела возможностей выделять региональные приоритеты ещё и потому, что это сразу повысило бы уровень конфликтности в сфере взаимоотношений Центр–регион, так как обе стороны находились в вялотекущей, но временами обостряющейся борьбе за полномочия и финансы. Вместе с тем ни политики, ни интеллектуалы не смогли выработать и согласовать существенно иную стратегию безопасности Дальнего Востока, основанную на новых политических, экономических и геополитических реалиях.

Необходимо признать, что для формирования качественно иной стратегии безопасности не было объективных условий. Хотя государственный патронаж стал невозможен, реальных альтернатив ему не просматривалось. Создание СЭЗ было малоперспективным, так как экспорто-ориентированные производства заведомо проигрывали в конкуренции с Китаем, ориентация на внутрirosсийский рынок была затруднена в силу удалённости от главных центров концентрации населения. Сборочные производства стали располагаться в зонах, близких к Москве и Санкт-Петербургу. Дальневосточный же внутренний рынок был слишком мал. По этим причинам перспективными в плане международного сотрудничества стали в основном сырьевые отрасли, негативно сказалось ослабление контрольных функций государства – экспортные потоки оказывались «в тени».

В данном параграфе отражены попытки разных уровней власти задействовать «внешнеэкономический фактор» в развитии Дальнего Востока. Утверждение Ф. Броделя о «русском гиганте», который не утвердился прочно на своих окраинах и «внешние обмены» которого «были объектом нескончаемых манипуляций со стороны других», касалось России XVIII столетия, но оно актуально до настоящего времени³⁸⁴. Развитие международного сотрудничества на Дальнем Востоке могло означать в 1990-е гг. лишь проникновение иностранного капитала и использование дальневосточных природных богатств к выгоде последнего. Этому сценарию почти невозможно было противостоять в условиях общего кризиса России и её отката на периферию мировой экономики. Отметим ещё и очевидную зави-

симось региона от предшествующего развития – созданный за советский период индустриальный потенциал, часто представляемый дублирующими военными производствами, оказался «не по силам» стране, из-за недостатка средств он не мог быть быстро переориентирован, а по социальным причинам не мог быть расформирован. В итоге мы получили его медленное угасание.

На Дальнем Востоке любая стратегия, чтобы быть действенной, предполагала ориентацию на государственный патернализм и «сильный» Центр, способный выделить приоритеты, обеспечить их финансовыми ресурсами и контролировать их использование. Ключевая роль перечисленных условий находит своё подтверждение в 2000-х гг., когда дальневосточная политика вновь обрела восходящую траекторию.

Вопрос о формировании новой дальневосточной политики имел два измерения: во-первых, он был поставлен под давлением губернаторов – внимание Центра к региону стало условием консолидации местной политической элиты вокруг Президента В.В. Путина и его централизаторского курса. Вещё большей степени этот вопрос прозвучал после возвращения государства к тем фундаментальным проблемам территориального развития, на которые в 1990-е гг. не хватало ни финансовых, ни административных ресурсов. Окрепший Центр обратил взор на периферийные регионы, в числе которых оказался и Дальний Восток. По приоритетности для Москвы он постепенно занял второе место после Кавказа.

Подъём дальневосточной политики был медленный и трудный, прежде всего потому, что его условием было преодоление системных проблем в самом государственном управлении. Это отчётливо видно в дискуссиях начала 2000-х гг.: «контраст» во взглядах на регион между теми, кто смотрел на Дальний Восток как бы «со стороны», и теми, кто был непосредственно в силу занимаемой должности включён в его проблематику.

2001-й год. «Байкальский экономический форум», посвящённый восточной политике России, охватывает проблемы Сибири и Дальнего Востока. Председатель Думы Красноярского края А.В. Усс в начале своего выступления сформулировал вопрос, подразумевающий отрицательный ответ: «Есть ли у нас сегодня целостный и обобщённый образ будущего Сибири и Дальнего Востока?»³⁸⁵. С учетом новой исторической ситуации «...основные ценности... создаются не природой, а интеллектом... Огромные пространства Сибири и Дальнего Востока вместо прежнего богатства создали нам дополнительные проблемы в виде северного завоза, поддержания жизнеспособности протяжённых транспортных путей и так далее... То, что было нашим преимуществом, к сожалению, стало для нас обузой». Далее он говорил о необходимости

«придать новую ценность пространствам Сибири и Дальнего Востока, теперь уже в категориях постиндустриального мира», посетовав попутно, что «федеральные институты государственной власти фактически отказались от проектирования для Сибири и Дальнего Востока образа будущего»³⁸⁶.

Директор Института экономики и ОПП СО РАН академик В.В. Кулешов к проблеме развития Востока подошёл с более практической стороны, отметив, что он традиционно развивался на основе суперпроектов, но за последние 10 лет были утрачены механизмы и опыт их реализации³⁸⁷. И, конечно же, любая перспектива развития такого огромного пространства требует денег. Президент Ассоциации региональных банков России А.В. Мурлычёв указал на их отсутствие в российской экономике. Если капитал всей банковской системы на тот момент составлял около 6 млрд долл. (а это уровень примерно одного крупного западного банка), то рассчитывать на их участие в подъёме восточных территорий было бессмысленно. А.В. Мурлычёв призвал искать альтернативные источники финансирования, выдвинув фантастический вариант — «...разработать соответствующий комплекс агитационно-пропагандистских и психологических мер для того, чтобы привлечь деньги населения»³⁸⁸.

Итак, исторический переход к постиндустриальному типу экономики, обесценивающий пространства, и в этом контексте — что же делать с Сибирью и Дальним Востоком при отсутствии идей, денег и способности государства реализовывать суперпроекты? Отсутствие хорошо проработанных инвестиционных проектов и общего представления о том, какое место должен занимать регион в стратегии развития России, традиционные сомнения в необходимости развивать эту территорию, новообретённая неуверенность в общей способности государства реализовывать масштабные программы — вот политический и интеллектуальный фон формирования современной дальневосточной политики.

Представители власти, вовлечённые в формирование и реализацию дальневосточной политики, вынуждены были отталкиваться не от абстрактных категорий, а от реальных проблем каждодневного управления. Проблемы развития Дальнего Востока обсуждались на совещании, которое проходило во Владивостоке в 2002 г. Открыл его Президент В.В. Путин. В своем выступлении он признал, что традиционные проблемы региона были усилены системными сбоями в государственном управлении. В.В. Путин четко обозначил цель дальневосточной политики Москвы — добиться финансовой самообеспеченности этой территории на основе интеграции в общероссийское и мировое социально-экономическое пространство³⁸⁹. Из этого следует, что Центр рассматривал регион, прежде всего, как бремя, хотя Президент отме-

тил «огромное стратегическое значение» Дальнего Востока, его «...гигантский и... не всеми осознанный и недооценённый ресурсный потенциал»³⁹⁰. Именно во Владивостоке были намечены основные меры по развитию региона: модернизация транспортной и энергетической инфраструктуры, достижение энергетической независимости за счёт строительства новых дорог, аэропортов, нефтяных и газовых трубопроводов. Дальневосточная политика Москвы образца 2000-х гг. продолжала линию середины 1970-х — конца 1980-х гг. и базировалась на стремлении сократить издержки управления регионом, в идеале — уравновесить расходы и доходы от обладания этой территорией.

На этом совещании произошло публичное расставание Москвы с иллюзиями 1990-х гг. по поводу того, что российские или иностранные инвесторы смогут заменить государство в развитии дальневосточной территории. Такое признание прозвучало из уст первого заместителя Председателя Правительства В.Б. Христенко: «Поддержание и развитие инфраструктуры транспорта и энергетики в первую очередь является исключительной прерогативой федерального центра, потому что если это не будут делать федеральный центр и крупные российские корпорации, контролируемые государством, то вкладываться в инфраструктуру, исходя из стратегических и макрорегиональных интересов, не сможет, не захочет никто — ни местные власти, ни частные компании, ни даже наши уважаемые геополитические соседи»³⁹¹.

Нельзя сказать, что государство и корпорации не вкладывали средства в регион. А.И. Улюкаев, глава Министерства финансов — ведомства, которое было главным «врагом» дальневосточных губернаторов, напоминал: «...доля налогового дохода, который собирает округ (ДВФО. — *Примеч. А.Е. Савченко*) в консолидированный бюджет России — это 4,3 процента, а его доля в фонде распределения — 11 процентов». По данным В.Б. Христенко, в 2002 г. на развитие дальневосточного топливно-энергетического комплекса из федерального бюджета выделено 57% от общего объема федеральных инвестиций в ТЭК, правда сумма была незначительной — 1,8 млрд руб. РАО «ЕЭС России» на объекты Дальнего Востока и Забайкалья в том же году направило около 62% своих инвестиционных ресурсов. Министр путей сообщения С.О. Франк сообщил, что на модернизацию аэропортов Дальнего Востока в 2002 — 2003 гг. выделено около половины всех расходов государства на эти цели³⁹². С одной стороны, подтверждался приоритет пространственного развития, но это лишь на первый, обманчивый взгляд, который не должен ввести нас в заблуждение. Учитывая незначительность сумм инвестиций, как и крайне бедный бюджет Российской Федерации того периода, региональный приоритет скорее свидетельствовал о низкой инвестиционной активности в целом по стране. На-

пример, достройка Бурейской гидроэлектростанции в Амурской области была едва ли не единственной в этом ряду.

Это ещё раз напоминает нам о важности общероссийского контекста истории Дальнего Востока в соответствии с тем, что происходило в регионе и чем жила страна. Дальневосточная политика начала 2000-х будучи делом государства отражала общие проблемы государственного управления: были не только «системные сбои», о которых говорил Президент, но и специфические трудности, связанные с особенностями региона, для которого требовались нестандартные решения.

Первой проблемой стал дефицит ресурсов, который сам по себе требовал делать выбор и выделять приоритеты в региональной политике. Эти две проблемы В.Б. Христенко выделял в качестве главных. Но приоритеты почти всегда отражают чьи-то интересы: прежде всего центральной, региональной и ведомственной бюрократии. Не случайно на упрёк хабаровского губернатора В.И. Ишаева в том, что финансирование Татарстана и Башкирии в федеральных целевых программах многократно (в 45–25 раз) превышает долю Дальнего Востока (в пересчёте на душу населения регион занимал последнее место с показателем 70 руб. на человека), Президент ответил — «...это результат исполнения известного тезиса о том, что нужно брать суверенитета столько, сколько можно»³⁹³. Привилегированное положение поволжских республик было «бонусом» за их возвращение в общероссийское правовое поле. Задача воссоздания целостности государственного управления отодвигала далеко на задний план приоритеты пространственного развития.

В 2002 г. были определены, а в более длинной ретроспективе вновь подтверждены цели региональной политики, озвучены принципиальные проблемы как региона, так и самой системы государственного управления территориальным развитием. Но быстрого перелома не произошло. Фактически те же цели и проблемы были повторены Президентом через четыре года — в 2006 г. на заседании Совета Безопасности. Правда, здесь уже чувствуется новая ситуация — отстроенная в основных чертах вертикаль управления государством, возросшие организационные и экономические возможности страны. Теперь проект развития региона Президент видел в качестве «пилотного», опыт реализации которого «можно позднее использовать и при планировании программ для развития других территорий Российской Федерации»³⁹⁴.

2006 год можно считать переломным в дальневосточной политике, которая обретает отчётливую восходящую траекторию не только в плане риторики политических лидеров, но и в плане реальных мер в развитии территории. Государство начало вкладывать деньги в регион, который единственный в стране закончил кризисный 2009 г. с эконо-

мическим ростом (общероссийский ВВП «просел» на 8%, в Дальневосточном Федеральном округе рост около 0,4%, это мало, но всё же рост). Объём инвестиций в 2009 г. составил 616 млрд руб., что на 9,2% больше к уровню 2008 г., при снижении по стране на 17,6% (для сравнения — 616 млрд руб. — примерно 20 млрд долл., или весь Федеральный государственный бюджет РФ 1999 г.). За десятилетие (2002–2012) инвестиции в Дальневосточный федеральный округ увеличились в 13,3 раза, составив более триллиона руб.³⁹⁵ Только в рамках подготовки Владивостока к саммиту АТЭС было вложено 679,3 млрд руб. за четыре года³⁹⁶, причем основные деньги, которые вкладываются в регион, — государственные, прямо или опосредованно³⁹⁷.

Отдельного внимания заслуживает подготовка г. Владивостока к саммиту АТЭС 2012 г. Этот проект сам по себе является концентрированным выражением дальневосточной политики 2000-х гг.: её стремлений, проблем и противоречий. В нём сошлось всё: и чисто демонстрационные эффекты для внутрироссийского и международного «пользования», и стремление решить стратегические задачи региона, и попытка России «уравновесить» свою европейскую геополитическую ориентацию азиатско-тихоокеанским направлением. Здесь проявилась традиционная российская практика — решение масштабных задач решительным броском, путём мобилизации финансовых и управленческих ресурсов. Общий фон подготовки г. Владивостока к саммиту был скорее негативным, свидетельствуя, что государство остаётся едва ли не единственным дееспособным актором развития Дальнего Востока. Вот характерный пример — среди опрошенных в 2008 г. экс-градоначальников Владивостока не нашлось ни одного, кто бы верил в реализацию планов, заявленных на 2012 г.: В. Николаев — мэр города с 22 июля 2004 г. по 20 февраля 2008 г.: «Ещё ничего нет, а уже все что-то делят, поэтому и в стагнации... будет обидно, если наши мечты не сбудутся»³⁹⁸. Б. Фадеев — мэр города с 1990 г., в 2008 г. — заместитель управляющего филиала «Дальневосточный» ОАО «Альфа-Банк»: «...мне представляется, не стоит вводить в заблуждение, сегодня ни у кого нет заинтересованности в развитии Дальнего Востока и Приморья в частности. ...Такой масштаб строительства во Владивостоке, с его рельефом не поднять»³⁹⁹. Е. Блинов — мэр с 15 июля 1990 по февраль 1992 г., на вопрос, что вы связываете с саммитом? — ответил: «...Не расстраивайте меня! Ничего не связываю. В своё время мы возили в Москву проект моста на мыс Чуркин. Теперь другие возят другие проекты. Возить им не перевозить»⁴⁰⁰.

Пессимизм бывших чиновников в отношении Владивостока (совершенно не оправдавшийся!) выглядит удручающим на фоне сомнений экспертов не столько в эффективности дальневосточной полити-

ки, сколько в необходимости таковой. Некоторые эксперты (назовём их столичными либералами) в такой политике видят расточительство ресурсов: «Серьезную проблему для развития страны, причем не только пространственного, представляют собой северные и восточные территории, где происходит активная депопуляция. ...В Центре не осознают (или отказываются осознать) масштаб и долговременность происходящих сдвигов, равно как и их последствий — экономических и геополитических. В действительности для решения этих проблем требуется стратегия свертывания активного экономического пространства»⁴⁰¹. Следуя этой позиции, регион надо не развивать, а наоборот, «сворачивать» деятельность, попутно обеспечивая возможности для переезда дальневосточников на запад страны. Вторит им и известный исследователь, эксперт, а с недавних времён ещё и политик В.Л. Иноземцев, который смотрит на эту проблему с иного угла зрения. В декабре 2009 г. он обращался к читателям со страниц газеты «Известия» с вопросом — «...а зачем сегодня развивать этот регион? Чтобы произвести и продать за рубеж еще больше ресурсов? ...Зачем облегчать наполнение бюджета сырьевой рентой, демотивирующей развитие промышленности?»⁴⁰² Авторы влиятельного журнала «Эксперт» оценили строительство моста на о-в Русский и Дальневосточного федерального университета как «...фантастические по объему и нецелесообразности инвестиции»⁴⁰³.

Дальневосточная политика 2000-х гг. в некотором смысле — это политика «вопреки» российским экономическим реалиям и социально-демографическим тенденциям. Она формировалась, прежде всего, волей конкретных лиц (Президента, полномочного представителя Президента в Дальневосточном федеральном округе и дальневосточных губернаторов) при отсутствии согласия среди бюрократии, экспертного сообщества и просчитанных экономических результатов.

Всё это порождает сомнение — а не является ли современная дальневосточная политика Москвы некоей игрой в «великую державу», политическим ходом для укрепления за руководством страны имиджа «государственников»? Более того, не свидетельствует ли она о том, что разговоры о модернизации экономики остаются всего лишь разговорами, а на деле за фасадом масштабных дальневосточных проектов скрывается стремление увеличить экспорт сырья путём обретения новых рынков сбыта и вовлечения в оборот новых месторождений?⁴⁰⁴

Безусловно, имеется определённая традиция, в рамках которой политические лидеры считают хорошим тоном указывать на стратегическую значимость Дальнего Востока, на необходимость особого внимания к этой территории, о её важной роли во взаимодействии со странами Азиатско-Тихоокеанского региона. Соблазна продемонстрировать стратегическое мышление не избежали многие советские и

российские руководители, слишком часто их заявления не подтверждались последующими реальными делами. Наиболее характерные примеры: намерения Н.С. Хрущёва превратить Владивосток в «русский Сан-Франциско», попытки брежневского руководства создать новый индустриальный пояс вдоль Байкало-Амурской магистрали, гигантская программа развития Дальнего Востока, принятая по итогам поездки М.С. Горбачёва по региону в 1986 г.

Вполне вероятно и присутствие чисто политических мотивов. В связи с этим представляет интерес версия, согласно которой саммит АТЭС является политическим ходом В. Путина в связи с его возвращением в президентское кресло. Встреча мировых лидеров на о-ве Русском выступает здесь как первая крупная внешнеполитическая акция вновь избранного Президента, способствуя его легитимации в глазах мирового сообщества. Об этом ещё в начале 2007 г. писал владивостокский журналист В. Авченко⁴⁰⁵. Тогда одним из авторов этой книги данная версия была воспринята как экзотическая⁴⁰⁶, однако время подтвердило правоту В. Авченко. Но это не значит, что мы имеем дело лишь с политическими расчётами, оно свидетельствует о необходимости аналитически разделить конъюнктурные и стратегические задачи, выявить их пересечения, взаимоусиления и противоречия.

В активной дальневосточной политике существует «окно» возможностей для развития всей страны. Это увидел Н.С. Хрущёв, провозгласил и сделал первые шаги М.С. Горбачёв, а приступили к реализации президенты В.В. Путин, Д.А. Медведев. Также и идея «Большого Владивостока» не конъюнктурна и имеет прочный геополитический фундамент, которым является осознание необходимости повесно присутствовать и участвовать в культурных, экономических и политических процессах Азиатско-Тихоокеанского региона.

Вместе с тем способ развития территории с помощью конъюнктурно-политического мега-проекта (саммит АТЭС во Владивостоке, Олимпиада в Сочи) является отражением слабости Российского государства. Это то, что Дж. Скотт назвал «миниатюризацией совершенствования и управления»: из-за трудности или невозможности осуществить масштабные преобразования во всей стране, государство концентрирует усилия и ресурсы в нескольких образцовых «точках»⁴⁰⁷. Вместе с тем, вероятно, это единственная реальная возможность «прорваться» через системные проблемы государственного управления, среди которых сложность с определением приоритетов. Озвученные на весь мир обязательства подготовить город к саммиту в чётко установленные сроки (2012) дисциплинировали бюрократию и не позволили этому проекту расплыться в ведомственных согласованиях.

Напрашиваются параллели с началом – серединой 1960-х гг. и второй половиной 1980-х гг., но они не являются прямыми. Активизация дальневосточной политики в 2000-е гг. развивалась по несколько иной логике. В то время в России были и другие особые территории, где в первую очередь требовалась демонстрация стратегических способностей власти. Это, прежде всего, Северный Кавказ. Дальний Восток также сначала привлек внимание Москвы не мнимыми или реальными возможностями, а больше своими проблемами. Цели, сформулированные во Владивостоке в 2002 г., и по настоящее время остаются ориентирами для дальневосточной политики Центра. И если мы возьмём финансовую часть программы подготовки к саммиту АТЭС 2012 г., то увидим, что она более чем наполовину состоит из мероприятий, озвученных в 2002 г.: строительство газового трубопровода, аэропорта, реконструкция существующих и строительство новых дорог, т.е. в «политическую конъюнктуру» были «вложены» и стратегические задачи: развитие транспортной инфраструктуры, обеспечение энергетической базы Дальнего Востока.

О серьёзных намерениях развивать регион свидетельствует повестка дня саммита АТЭС 2012 г., где из четырёх приоритетных задач как минимум две имели отношение к региону: формирование надёжных транспортно-логистических цепочек; интенсивное взаимодействие для обеспечения инновационного роста⁴⁰⁸. Ещё весомее Дальний Восток «прозвучал» на Деловом саммите АТЭС, где из восьми тем секционных заседаний пять имели отношение к Дальнему Востоку: 1). Экономическая интеграция: преимущества и побочные эффекты; 2). Устойчивая энергетика: экономические перспективы, инфраструктура как основа устойчивого роста; 3). Перспективность удалённых регионов; человеческие ресурсы как основа развития⁴⁰⁹.

Мы уже знакомы с основными факторами дальневосточной политики, и поэтому нас не должно удивить, что параллельно с ростом экономических и административных возможностей государства росли и его амбиции на востоке. Во-первых, воплощались всё более масштабные проекты: создание Дальневосточного федерального университета, модернизация Байкало-Амурской магистрали, строительство космодрома «Восточный» и судостроительного комплекса в г. Большой Камень – и это далеко не полный перечень. Во-вторых, ориентация на решение хронических проблем Дальнего Востока дополняется стремлением реализовать его потенциальные возможности. Например, министр по развитию Дальнего Востока и полномочный представитель Президента в ДВФО В.И. Ишаев в активной дальневосточной политике видит средство достижения Россией темпов экономического роста на уровне 6–8% в год⁴¹⁰. Ещё более яркий пример находим в послании

Президента В.В. Путина (первом после возвращения на президентский пост), где впервые за всю историю Президентских посланий Дальний Восток «прозвучал» не как проблема, а как потенциал и перспектива страны: «В XXI веке вектор развития России – это развитие на восток. Сибирь и Дальний Восток – это наш колоссальный потенциал... И сейчас мы должны это всё реализовать. Это возможность занять достойное место в Азиатско-Тихоокеанском регионе, самом энергично, динамично развивающемся регионе мира». Несколько ранее на президиуме Госсовета президент говорил об «исторической миссии наших поколений», которая состоит в том, «...что мы должны обеспечить ускоренное, устойчивое развитие этих территорий с тем, чтобы и сами эти территории развивались эффективно и чтобы они стали важнейшим фактором процветания и роста могущества России в целом»⁴¹¹.

Но кроме факторов подъёма дальневосточной политики нам известны и факторы её спада. Историческая цикличность в развитии региона позволяет предположить, что за этим подъёмом весьма вероятен спад (см. приложения 1, 2, 3). Вместе с тем реализуемые в настоящее время проекты позволяют увидеть и более благоприятный сценарий – перед регионом открывается перспектива, если не преодоления, то сглаживания этих циклов. Мощная инфраструктура для экспорта углеводородов, Дальневосточный Федеральный университет, космодром «Восточный» наряду с оформлением специальных институтов развития (Министерство по развитию Дальнего Востока, Фонд развития Востока России) могут стать долговременными факторами высокой значимости региона вне зависимости от изменчивой экономической, внутренней ситуации и геополитической конъюнктуры. Однако не может не настораживать, что в течение десяти лет (на самом деле намного дольше, для наглядности «замкнули» период двумя мероприятиями, где Президент В.В. Путин выступал с программными установками по развитию Дальнего Востока в 2002 г. во Владивостоке и 2012 г. – на заседании Президиума Государственного Совета по вопросам развития Дальнего Востока и Забайкалья) государство пыталось решить в общем-то одни и те же проблемы: остановка депопуляции, развитие транспортной и энергетической инфраструктуры. В настоящее время, когда проблемы Дальнего Востока не ограничиваются жёстким дефицитом ресурсов, но благоприятствует геополитика, как никогда, многое зависит от эффективности государственного управления.

- 1 Пивоваров Ю.С. Ещё раз об элитах в русской истории // Россия и современный мир. 2010. №4. С. 34.
- 2 Песков В.М. Кризис сталинизма: Рождение и крах «оттепели» (1946 – 1964) // Очерки истории общественных движений и политических партий России / под. ред. В.В. Романова. Хабаровск: Изд-во Хабар. гос. пед. ин-та, 1993. С. 273.
- 3 Дерлугьян Г. Адепт Бурдые на Кавказе: Эскизы к биографии в миросистемной перспективе: авториз. пер. с англ. М.: Издат. дом «Территория будущего», 2010. С. 87.
- 4 Там же. С. 88.
- 5 Пихоя Р.Г. Советский Союз: история власти. 1945 – 1991. Изд. 2-е, испр. и доп. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2000. С. 130 – 131.
- 6 Яковлев А. Омут памяти: От Столыпина до Путина. В 2-х кн. Книга первая. М.: Вагриус, 2001. С.255.
- 7 Пихоя Р.Г. Советский Союз: история власти... С. 130–131.
- 8 Там же. С.256–257.
- 9 Крамола: Инакомыслие в СССР при Хрущеве и Брежневе. 1953–1982 гг.: Рассекреченные документы Верховного суда и Прокуратуры СССР /сост. В.А. Козлов, О.В. Эдельман, Э.Ю. Завадская. М.: Материк, 2005. С. 36.
- 10 Там же. С. 26.
- 11 Мемуары Никиты Сергеевича Хрущёва // Вопр. истории. 1995. № 5–6. С. 92.
- 12 РГАСПИ. Ф. 556. Оп. 14. Д. 29. Л. 102.
- 13 Мир после войны: дальневосточное общество в 1945 – 1950-е гг. / под. общ. ред. В.Л. Ларина; отв. ред. А.С. Ващук. Владивосток: Дальнаука, 2009. С. 438 – 439. (История Дальнего Востока России. Т.3, кн. 4).
- 14 Там же. С. 427.
- 15 РГАСПИ. Ф. 556. Оп. 14. Д. 8. Л. 42.
- 16 Там же. Л. 43–44.
- 17 ГАПК. Ф. П-68. Оп. 6. Д. 267. Л. 155; Ф. 26. Оп. 33. Д. 155. Л. 12; Д. 87. Л. 23; Д. 983. Л. 24.
- 18 Безик И.В. Приморье: Времена «оттепели». 1953–1964 гг. Книга первая. Владивосток: Морской гос. ун-т, 2007. С. 6–26.
- 19 РГАСПИ. Ф. 556. Оп. 14. Д. 38. Л. 6.
- 20 Яковлев А.Н. Указ. соч. С. 172.
- 21 Ващук А.С. Социальная политика в СССР и её реализация на Дальнем Востоке (1945 г. – конец 80-х годов): дис. ... д-ра ист. наук. Владивосток, 1998. С. 269.
- 22 РГАСПИ. Ф. 556. Оп. 14. Д. 38. Л. 8.
- 23 Там же.
- 24 Постановление июльского (1955 г.) Пленума ЦК КПСС «О задачах по дальнейшему подъёму промышленности, техническому прогрессу и улучшению организации производства» /Классики теории государственного управления: Управленческие идеи в России / Фак. гос. упр. МГУ им. М.В. Ломоносова. М.: Рос. полит. энциклопедия (РОССПЭН), 2008. С. 603 – 610.
- 25 Там же. С.608.
- 26 XX съезд Коммунистической партии Советского Союза: стеногр. отчёт. М.: Гос. изд-во полит. лит., 1956. Т. 2. С. 58.
- 27 Там же. С. 58–59.

- 28 РГАСПИ. Ф. 556. Оп. 14. Д. 47. Л. 29, 30, 38, 39, 128, 129.
- 29 ГАРФ. Ф. 5451. Оп. 67. Д. 17. Л. 13–45.
- 30 ГАРФ. Ф. А-262. Оп. 8. Д. 1509. Л. 99–105; Оп. 5. Д. 4542. Л. 10–20; Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. В 5 т. М., 1968. Т. 4. С. 200–210.
- 31 Решения партии и правительства... Т. 4. С. 244–249.
- 32 Постановление февральского (1957 г.) Пленума ЦК КПСС «О дальнейшем совершенствовании организации управления промышленностью и строительством» /Классики теории государственного управления: Управленческие идеи в России; Фак. гос. упр. МГУ им. М.В. Ломоносова. М.: Рос. полит. энциклопедия (РОССПЭН), 2008. С. 611 – 615.
- 33 Цикулин В.А. История государственных учреждений СССР. 1936–1965 гг. М., 1966. С. 55.
- 34 Региональная политика Н.С.Хрущева. ЦК КПСС и местные партийные комитеты. 1953–1964 гг. М.: РОССПЭН, 2009. С.469, 471, 474, 490.
- 35 Колесников Н.И. Они правили областью. Южно-Сахалинск: Сахалин. центр документации новейшей истории, 1995. С. 76.
- 36 Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1962. № 52. С. 812.
- 37 Новожилов В.В. Закономерности развития системы управления социалистическим хозяйством / Классики теории государственного управления: Управленческие идеи в России. М.: Рос. полит. энциклопедия (РОССПЭН), 2008. С. 634, 637.
- 38 Там же. С. 650.
- 39 ГАРФ. Ф. 5451. Оп. 61. Д. 13. Л. 91; Ф. 5475. Оп. 33. Д. 1036. Л. 20; ГАРФ. Ф. А-262. Оп. 5. Д. 5999. Л. 76.
- 40 Там же.
- 41 ГАРФ. Ф.А-262. Оп. 8. Д. 1507. Л. 34–34 об.
- 42 Народное хозяйство РСФСР в 1961 году. М., 1962. С. 414.
- 43 Там же.
- 44 Там же.
- 45 Пихоя Р.Г. Указ. соч.С. 210 – 211.
- 46 Дюверже М. Политические партии / пер. с фр. Л.А.Зиминой. Изд. 4-е. М.: Академический проект; Трикста, 2000. С.97.
- 47 Цит. по: Фокин А.А. «Коммунизм не за горами»: образы «светлого будущего» в СССР на рубеже 1950–60-х годов // Образы времени и исторические представления: Россия – Восток – Запад / под. ред. Л. П. Репиной. М.: Кругъ, 2010. С. 332–366.
- 48 Программа Коммунистической партии Советского Союза. Принята XXII съездом КПСС (Москва, 17–31 октября 1961 г.) // КПСС. Программы и Уставы КПСС. М.: Политиздат, 1969. С.143–144.
- 49 РГАНИ. Ф. 5. Оп. 31. Д. 181. Л. 5.
- 50 Фокин А.А. Указ. соч. С. 338.
- 51 Там же. С. 365.
- 52 РГАНИ. Ф. 5. Оп. 31. Д. 181. Л. 6.
- 53 РГАСПИ. Ф.556. Оп. 14.Д. 49. Л. 114, 116, 119, 214.
- 54 Там же. Л. 114.

1.4. ГОСУДАРСТВО В ПОИСКАХ НОВОЙ СТРАТЕГИИ БЕЗОПАСНОСТИ...

- 55 См.: Ващук А.С. Социальная политика в СССР и её реализация на Дальнем Востоке (1945 г. – конец 80-х годов)... С. 482 – 483.
- 56 РГАСПИ. Ф.556. Отдел партийных органов по РСФСР. Оп. 14. Д. 143. Л. 8.
- 57 Там же. Д. 28. Л. 25.
- 58 Там же. Л. 38.
- 59 Там же. Л. 46–47.
- 60 Там же. Л. 165.
- 61 Колесников Н.И. Указ. соч. С. 76, 86.
- 62 ГАПК. Ф. П-68. Оп. 28. Д. 354. Л. 28; Д. 359. Л. 19.
- 63 РГАНИ. Ф. 5. Оп. 31. Д. 81. Л.42
- 64 Устав Коммунистической партии Советского Союза // XXII съезд Коммунистической партии Советского Союза: стеногр. отчёт. М.: Госполитиздат, 1962. Т.3. С.344.
- 65 Там же. С. 348.
- 66 КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК. М. Т. 9. С. 295 – 296.
- 67 Пихоя Р.Г. Указ. соч. С. 219 – 220.
- 68 Там же. С. 222.
- 69 Клечковская Л.Г. Органы народного контроля в условиях развитого социализма (1966 – 1975 гг.): дис. ...канд. ист. наук. Владивосток, 1980. С. 20–40.
- 70 Дюверже М. Политические партии. С.327 – 328.
- 71 Там же. С.327 – 328.
- 72 Ливен Д. Российская империя и её враги: с XVI века до наших дней. М.: Европа, 2007. С. 517.
- 73 Азиатская Россия в геополитической и цивилизационной динамике. XVI – XX века / В.В. Алексеев, Е.В. Алексеева, К.И. Зубков, И.В. Побережников и др. М.: Наука, 2004. С. 140.
- 74 Мир после войны: дальневосточное общество в 1945 – 1950-е гг. С. 90.
- 75 Там же. С. 86 – 87.
- 76 Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключённых СССР с иностранными государствами. М., 1960. Вып. 17–18. С. 257 – 260.
- 77 Марголин А. Б. Проблемы народного хозяйства Дальнего Востока. М.: Изд-во АН СССР, 1963. С. 14–15.
- 78 Минакир А.П. Экономика регионов: Дальний Восток. М.: Экономика, 2006. С. 155.
- 79 Вывод сделан на основе источников: ГАРФ. Ф. 374. Оп. 31. Д. 5811. Л. 102; Абрамова Н.В. История социально-экономического развития Дальнего Востока СССР в освещении буржуазной периодики (1965–1985 гг.). Владивосток, 1989. С.41.
- 80 Абрамова Н.В. Международное торгово-экономическое сотрудничество Дальнего Востока России (1965 – 1985 гг.) в освещении зарубежных авторов // История Дальнего Востока России (вторая половина XIX – XX в.) в освещении отечественной и зарубежной историографии: сб. науч. ст. Владивосток: Дальнаука, 2008. С. 41.
- 81 Народное хозяйство РСФСР в 1964 году. М., 1965. С. 46; Промышленность РСФСР (1915–1977 гг.): Стат. сб. М., 1978. Т. 1. С. 33.
- 82 Безик И.В. Указ соч. С. 86 – 87.

- 83 Васильев Е.А., Поликанов В.А. Проблемы большого Владивостока. Владивосток, 1961. С.7.
- 84 Безик И.В. Указ. соч. С. 86.
- 85 Там же. С. 89.
- 86 Там же.
- 87 О частичных изменениях в Уставе // КПСС в резолюциях... Т.9. С. 36.
- 88 Приморская краевая организация КПСС в период развития и совершенствования социалистического общества. Владивосток, 1987. С. 351.
- 89 Вашук А.С. Социальная политика в СССР и её реализация на Дальнем Востоке (середина 40 – 80-х годов XX в.). Владивосток: Дальнаука, 1998. С. 141.
- 90 Программа Коммунистической партии Советского Союза. Принята XXII съездом КПСС (Москва, 17–31 окт. 1961 г.) // КПСС. Программы и Уставы КПСС. М.: Политиздат, 1969. С. 378.
- 91 Вашук А.С. Социальная политика в СССР и её реализация на Дальнем Востоке... (середина 40–80-х годов XX в.). С. 145.
- 92 Брежнев Л.И. Отчётный доклад Центрального комитета КПСС XXIII съезду Коммунистической партии Советского Союза // XXIII съезд Коммунистической партии Советского Союза. 29 марта – 8 апр. 1966 г.: стеногр. отчёт. В 2 т. М.: Политиздат, 1966. Т.1. С. 99.
- 93 Там же. С. 48.
- 94 О «сетях доверия» // Тилли Ч. Демократия. М.: Ин-т обществ. проектирования, 2007. С. 102–106.
- 95 Медведев Р. Личность и эпоха: Политический портрет Л.И. Брежнева. Кн. 1. М.: Изд-во «Новости», 1991. С. 277.
- 96 Дерлугьян Г. Адепт Бурдые на Кавказе... С. 91.
- 97 См.: Вашук А.С. Социальная политика в СССР и её реализация на Дальнем Востоке (1945 г. – конец 80-х годов)... С. 464 – 466.
- 98 См.: Косова Л.Б. Нереализованные возможности: механизмы мобильности в советском и постсоветском обществе // Общественные науки и современность. 2009. № 6. С. 98.
- 99 Галкин А.А. Место перестройки в истории России // Прорыв к свободе: О перестройке двадцать лет спустя (критический анализ). М.: Альпина Бизнес Букс, 2005. С. 71.
- 100 Песков В. М. Переход от попыток реформ к стагнации. Эволюция или революция? // Очерки истории общественных движений и политических партий России / под ред. В.В. Романова. Хабаровск: Изд-во Хабар. гос. пед. ин-та, 1993. С. 292; Дерлугьян Г. Адепт Бурдые на Кавказе... С. 91.
- 101 Рабочие, вместе с семьями в 1966 г. составляли 75,4% населения, а численность самих рабочих увеличилась за семилетку на 14 млн. чел. См.: Брежнев Л.И. Отчётный доклад Центрального комитета КПСС XXIII съезду Коммунистической партии Советского Союза // XXIII съезд Коммунистической партии Советского Союза. 29 марта – 8 апр. 1966 г.: стеногр. отчёт. В 2 т. М.: Политиздат, 1966. Т.1. С. 49.
- 102 Пихоя Р.Г. Указ. соч. С. 330.
- 103 Бри М. Региональные политические режимы и системы управления // Россия регионов: трансформация политических режимов. М: Изд-во «Весь мир», 2000. С. 61–109.

- 104 Поездка Л. И. Брежнева по Сибири и Дальнему Востоку. Март–апрель 1978. М.: Политиздат, 1978. С. 31–34, 53; Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. М., 1979. Т. 12. С. 251–253.
- 105 Чёрный А.К. Остаюсь дальневосточником. Хабаровск: «Этнос – ДВ», 1998. С. 424.
- 106 Цит. по: Гайдар Е.Т. Гибель империи: Уроки для современной России. 2-е изд., испр. и доп. М: Российская политическая энциклопедия, 2007. С. 136.
- 107 Брежнев Л.И. Отчётный доклад Центрального комитета КПСС XXIII съезду коммунистической партии Советского Союза // XXIII съезд Коммунистической партии Советского Союза. 29 марта – 8 апр. 1966 г.: стеногр. отчёт. В 2 т. М.: Политиздат, 1966. Т.1. С. 51.
- 108 Азиатская Россия в геополитической и цивилизационной динамике... С. 523.
- 109 Там же. С. 524.
- 110 Песков В.М. Переход от попыток реформ к стагнации. С. 295.
- 111 Азиатская Россия в геополитической и цивилизационной динамике... С. 525.
- 112 Щербак А.Н. «Нефтяное проклятие» политического развития // Нефть, газ, модернизация общества / под общ. ред. Н.А. Добронравина, О.Л. Маргания. СПб.: Экономическая школа ГУ – ВШЭ, 2010. С. 32.
- 113 Тарасов П. В. О перспективах развития и размещения производительных сил Дальнего Востока // Вопросы экономики Дальнего Востока: тез. докл. и сообщ. на секции экон. наук Совета ДВ филиала СО АН СССР по итогам исслед. и науч.-организац. работы. Владивосток, 1965. С. 20.
- 114 Фонов А.Г. Россия: от мобилизационного общества к инновационному. М.: Наука, 1993. С. 102–103.
- 115 Ващук А.С. Социальная политика в СССР и её реализация на Дальнем Востоке (1945 г. – конец 80-х годов)... С. 266.
- 116 РГАСПИ. Ф. 556. Оп. 14. Д. 251. Л. 23 – 26.
- 117 Там же. Л. 23.
- 118 Там же.
- 119 Там же. С. 25.
- 120 Ващук А.С. Социальная политика в СССР и её реализация на Дальнем Востоке (1945 г. – конец 1980-х годов)... С. 393.
- 121 Брежнев Л.И. Отчётный доклад Центрального комитета КПСС XXIII съезду Коммунистической партии Советского Союза. // XXIII съезд Коммунистической партии Советского Союза. 29 марта – 8 апр. 1966 г.: стеногр. отчёт. В 2 т. М.: Политиздат, 1966. Т.1. С. 61.
- 122 XXIII съезд Коммунистической партии Советского Союза. 29 марта – 8 апр. 1966 г.: стеногр. отчёт. В 2 т. М.: Политиздат, 1966. Т.1. С. 237.
- 123 ГАРФ. Ф. 262. Оп.8. Д. 4964. Л. 296–297; Д. 5458. Л. 8–15.
- 124 Деревянко А.П. Строительство Байкало-Амурской железнодорожной магистрали (1974–1984 гг.): ист. опыт: дис. ... д-ра ист. наук. Владивосток, 1984. С. 88.
- 125 Ващук А.С. Социальная политика в СССР и её реализация на Дальнем Востоке (1945 – конец 1980-х гг.)... С. 398.
- 126 Левин М. Советский век / пер. с англ. В. Новикова, Н. Копелянской. М.: Изд-во «Европа», 2008. С. 344.
- 127 Коллинз Р. Предсказания в макросоциологии: случай советского коллапса // Время мира. Новосибирск, 1998. Вып. 1. С. 252.

- 128 Рябченко Н.П. КНР – СССР: годы конфронтации (1969 – 1982). Владивосток: Дальнаука, 2006. С. 11.
- 129 Там же. С. 138.
- 130 Солженицын А.И. Письмо вождям Советского Союза // Стратегия России. 2008. № 8. URL: http://sr.fondedin.ru/new/fullnews.php?subaction=showfull&id=1220117809&archive=1220353357&cnsnshow=news&start_from=& (дата обращения: 17.09.2012).
- 131 Амальрик А. Просуществует ли Советский Союз до 1984 года? URL: <http://www.vehl.net/politika/amalrik.html> (дата обращения: 17.09.2012).
- 132 Тилли Ч. Принуждение, капитал и европейские государства. 990 – 1992 гг. М.: Издат. дом «Территория будущего», 2009. С. 285.
- 133 Бескомпромиссно, наступательно // У карты Тихого океана. Владивосток, 1983. № 6. С. 4.
- 134 Азиатская Россия в геополитической и цивилизационной динамике... С. 149 – 150.
- 135 Маергойз И.М. Уникальность экономико-географического положения советского Дальнего Востока и некоторые проблемы его использования в перспективе // Вестник Московского университета. Серия 3: Географические науки. 1974. № 4. С. 5.
- 136 Там же.
- 137 Гладышев А.Н. Близкий Дальний Восток. М.: Сов. Россия, 1975. С. 33.
- 138 Гайдар Е.Т. Долгое время. Россия в мире: очерки экономической истории. М.: Дело, 2005. С. 337.
- 139 Чичканов В.П. Дальний Восток: стратегия экономического развития. М.: Экономика, 1988. С. 156.
- 140 Абрамова Н.В. Указ. соч. С. 228 – 229.
- 141 Бакланов П.Я. Дальневосточный регион России: проблемы и предпосылки устойчивого развития. Владивосток: Дальнаука, 2001. С. 19.
- 142 Межотраслевые связи и народнохозяйственные пропорции Восточной Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1974. С. 232 – 305.
- 143 Минакир П.А. Экономика регионов: Дальний Восток. С. 177.
- 144 Славкина М.В. Триумф и трагедия: Развитие нефтегазового комплекса СССР в 1960–1980-е годы. М.: Наука, 2002. С. 152.
- 145 Постановление ЦК КПСС о строительстве Байкало-Амурской железнодорожной магистрали. 8 июля 1974 г. // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК. Т. 12. М.: Политиздат, 1986. С. 437.
- 146 Деревянко А.П. Указ. соч. С. 11.
- 147 Азиатская Россия в геополитической и цивилизационной динамике... С. 532.
- 148 ГАХК. Ф. 35. Оп. 112. Д. 169. Л. 20.
- 149 Северомуйский тоннель // Бамтоннельстрой. URL: <http://www.bamts.ru/pro/madepro/severomuisky.php> (дата обращения: 17.09.2012).
- 150 Основные задачи развития народного хозяйства СССР на 1976 – 1980 // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК. Т.13. 1976–1980. М.: Изд-во полит. лит., 1987. С.77.
- 151 КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК. Т.13. М.: Изд-во пол. лит., 1987. С. 432 – 434.
- 152 ГАХК. Ф. 35. Оп. 112. Д. 139. Л.3.

- 153 Чичканов В.П. Дальний Восток: стратегия экономического развития. С. 70.
- 154 Отчёт Центрального комитета КПСС XXVI съезду Коммунистической партии Советского Союза и очередные задачи партии в области внешней и внутренней политики: доклад Генерального секретаря ЦК КПСС тов. Л.И. Брежнева // XXVI съезд Коммунистической партии Советского Союза: стеногр. отчёт. М.: Изд-во полит. лит., 1981. С.72.
- 155 Ващук А.С. Социальная политика в СССР и её реализация на Дальнем Востоке (1945 г. – конец 1980-х годов)... С. 155.
- 156 ГАХК. Ф. 35. Оп. 113. Д. 150. Л. 108.
- 157 Минакир П.А. Экономика регионов: Дальний Восток. С. 186 – 188.
- 158 Чичканов В.П. Указ. соч. С. 22.
- 159 Ващук А.С. Социальная политика в СССР и её реализация на Дальнем Востоке (1945 г. – конец 1980-х годов)... С. 393.
- 160 Азиатская Россия в геополитической и цивилизационной динамике... С. 549 – 551.
- 161 Постановление ЦК КПСС о строительстве Байкало-Амурской железнодорожной магистрали. 8 июля 1974 г. // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК (1898 – 1986). Т. 12. 9-е изд. М.: Политиздат, 1986. С. 438.
- 162 Поездка Л.И. Брежнева по Сибири и Дальнему Востоку. Март–апрель 1978 г. М.: Политиздат, 1978. С. 31 – 34.
- 163 Там же. С. 34.
- 164 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 147. Д.1369. Л. 163.
- 165 Там же. Л. 164 – 168.
- 166 Политический доклад Центрального Комитета КПСС XXVII съезду Коммунистической партии Советского Союза: доклад Генерального секретаря ЦК КПСС тов. Горбачёва М.С. // XXVII съезд Коммунистической партии Советского Союза: стеногр. отчёт. М., 1986. С. 23.
- 167 См.: Шубин А.В. Золотая осень, или Период застоя. СССР в 1975 – 1985 гг. М.: Вече, 2008. 352 с.
- 168 Горбачёв М.С. Проигравший победитель. URL: www.gorby.ru (дата обращения: 17.09.2012).
- 169 Коллинз Р. Указ. соч. С. 261.
- 170 Власова О. Теория развитого капитализма: (Интервью с Крейгом Калхуном) // Эксперт. 2006. №7. С. 74.
- 171 См.: Харви Д. Краткая история неолиберализма. М.: Поколение, 2007. 288 с.; Кревельд Мартин Ван. Расцвет и упадок государства / пер. с англ. под ред. Ю. Кузнецова и А. Макеева. М.: ИРИСЭН, 2006. 544 с.; Валлерстайн И.В. После либерализма. М., 2003. С. 47; Фурсов А. Кошмар светлого будущего. URL: http://www.interlos.ru/2007/04/25/andrej_fursov_koshmar_svetlogo_budushhego.html (дата обращения: 17.09.2012).
- 172 Фурсов А.И. Мифы перестройки и мифы о перестройке // Социологические исследования. 2006. №1. С. 32.
- 173 Андропов Ю.В. Избранные речи и статьи. М. Изд-во полит. лит., 1983. С. 224.
- 174 Там же. С. 225.
- 175 Горбачёв М. С. Избранные речи и статьи. М.: Политиздат, 1987. Т. 2. С. 140.
- 176 Гайдар Е.Т. Гибель империи: Уроки для современной России. С. 136.

- 177 Власть и реформы: От самодержавной к Советской России / Б.В. Ананьич, Р.Ш. Ганелин, В.М. Панеях. М.: Олма-Пресс Экслибрис, 2006. С.699.
- 178 Бурдые П. Социология политики. М.: SOCIO-LOGOS, 1993. С. 221.
- 179 Горбачёв М.С. Понять Перестройку... Почему это важно сейчас? М.: Альпина Бизнес букс, 2006. С. 55.
- 180 Чёрный А.К. Край свершений и мужества. М.: Советская Россия, 1982. С. 238.
- 181 Ломакин В.П. Приморье: вчера, сегодня, завтра. М.: Изд-во полит. лит., 1981. С. 109.
- 182 Валовой Д.В. Экономика в человеческом измерении: очерки-размышления. М.: Политиздат, 1988. 384 с.
- 183 Верт Н. История Советского государства. М., 1992. С. 450.
- 184 Там же. С. 454.
- 185 Шубин А.В. Истоки Перестройки. М., 1997. С. 67.
- 186 Ващук А.С. Социальная политика в СССР и её реализация на Дальнем Востоке (1945 г. – конец 80-х годов)... С. 393.
- 187 Дан Медовников. Как русские ученые меняли приоритеты // Эксперт. 2009. №29 (667). 27 июля. URL: http://www.expert.ru/printissues/expert/2009/29/interview_kak_menyalis_prioritety/ (дата обращения: 17.09.2012).
- 188 Моисеев Н.Н. Размышления о современной политологии. М.: Изд-во МНЭ-ПУ, 2000. С. 15.
- 189 Горбачёв М.С. Понять Перестройку... С. 15.
- 190 Коллинз Р. Указ. соч. С. 252.
- 191 Там же.
- 192 Гайдар Е.Т. Гибель империи: Уроки для современной России. С. 201.
- 193 Ливен Д. Указ. соч. С.517.
- 194 Гайдар Е.Т. Указ. соч. С. 201.
- 195 Шубин А.В. Истоки Перестройки. М., 1997. С. 63.
- 196 Горбачёв, М.С. Понять Перестройку... С. 30.
- 197 Шубин А.В. Парадоксы Перестройки: упущенный шанс СССР. М.: Вече, 2005. С. 16.
- 198 Там же. С. 10.
- 199 Шубин А.В. Истоки перестройки. С. 37.
- 200 Пихоя Р.Г. Указ. соч. С. 394.
- 201 Хмурый сентябрь 1983 года // Свободная мысль. 2008. № 10. С. 148.
- 202 Заявление Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР Ю. В. Андропова // Свободная мысль. 2008. № 10. С. 153.
- 203 Шубин А.В. Парадоксы Перестройки... С. 16 – 18.
- 204 Там же. С. 18.
- 205 ГАПК. Ф. П-68. Оп.115. Д. 570. Л. 28.
- 206 Мак-Нил У. В погоне за мощью: Технология, вооружённая сила и общество в XI – XX веках. М., 2008. С. 423.
- 207 Горбачёв М.С. Избранные речи и статьи. М.: Изд-во полит. лит., 1987. Т. 4. С. 25.
- 208 Там же. С. 25 – 26.
- 209 ГАПК. Ф. П – 68. Оп. 117. Д. 257. Л. 21.
- 210 Там же. Л. 22.
- 211 Там же. Оп.115. Д. 557. Л. 1 – 2.
- 212 Там же. Оп. 117. Д. 257. Л. 23.

- 213 Бескомпромиссно, наступательно // У карты Тихого океана. Владивосток, 1983. № 6. С. 3.
- 214 Распад СССР: документы / сост. А.В. Шубин. М., ИВИ РАН, 2006. С. 23.
- 215 Турчин П. В. Историческая динамика: На пути к теоретической истории: пер. с англ. М.: Изд-во ЛКИ, 2007. С. 46–69.
- 216 Распад СССР: документы / сост. А.В. Шубин. М., ИВИ РАН, 2006. С. 24.
- 217 Песков В.М. Переход от попыток реформ к стагнации.. С. 282 – 312.
- 218 Чёрный А.К. Край свершений и мужества. 1982.С. 433 – 434.
- 219 ГАХК. Ф.35. Оп. 112. Д. 175. Л. 46.
- 220 Там же. Л. 47 – 48.
- 221 Там же. Л. 48.
- 222 Там же. Л. 46.
- 223 Григорьев К.А. Перекаты судьбы. Владивосток: Изд-во «Усури», 1997. С. 199.
- 224 Перестройка неотложна, она касается всех и во всём: сб. материалов о поездке М.С. Горбачёва на Дальний Восток, 25 – 31 июля 1986 г. М.: Политиздат, 1986. С.57.
- 225 Основные направления развития народного хозяйства СССР на 1976–1980 годы // XXV съезд Коммунистической партии Советского Союза: материалы XXV съезда КПСС. М.: Политиздат, 1976. С. 168.
- 226 Тарасов П.В. О перспективах развития и размещения производительных сил Дальнего Востока // Вопросы экономики Дальнего Востока: тез. докл. и сообщ. на секции экон. наук Совета ДВ филиала СО АН СССР по итогам исслед. и науч.-орг. работы. Владивосток, 1965. С. 16 – 20.
- 227 ГАПК. Ф. 26. Оп. 37. Д. 681. Л. 26.
- 228 Перестройка неотложна, она касается всех и во всём... С.59.
- 229 Там же. С.37–38.
- 230 Там же. С.43, 50.
- 231 Пихоя Р.Г., Соколов А.К. История современной России: кризис Коммунистической власти в СССР и рождение новой России. Конец 1970-х – 1991 гг. М.: Российская полит. энциклопедия; Фонд Первого Президента России Б.Н. Ельцина, 2008. С. 164.
- 232 Чёрный А.К. Указ. соч. С. 443–445.
- 233 Горбачёв М.С. Понять Перестройку... С. 87 – 88.
- 234 См.: Чёрный А.К. Указ. соч. С. 445; Минакир П.А. Указ. соч. С. 190 – 194.
- 235 Перестройка неотложна, она касается всех и во всём... С.13.
- 236 Там же. С.13
- 237 Там же. С.14.
- 238 Там же.
- 239 Перестройка неотложна, она касается всех и во всём... С.93.
- 240 Хорев Б.С. Региональная политика в СССР (экономико-географический подход). М.: Мысль, 1989. С. 25.
- 241 Горбачёв М.С. Жизнь и реформы. М: Новости , 1995. Кн. 1. С. 405.
- 242 Амурская областная организация КПСС: 1899 – 1986 гг. (хроника). Благовещенск: Амур. отд-ние Хабар. кн. изд-ва, 1986. С. 255.
- 243 Перестройка неотложна, она касается всех и во всём... С.15 – 18.
- 244 ГАПК. Ф. П-68. Оп. 117. Д. 241. Л. 21.

- 245 Там же. Л. 108.
- 246 ГАХК. Ф.П-35. Оп. 115. Д. 79. Л.54.
- 247 Минакир П.А. Указ. соч. С. 193.
- 248 Там же. С. 195.
- 249 Шубин А.В. Парадоксы Перестройки... С. 62.
- 250 См.: Мау В.А. Экономика и власть: Политическая история экономической реформы в России, 1985 – 1995 гг. М.: «Дело Лтд», 1995. С. 15; Шубин А.В. Парадоксы Перестройки... С. 46, 62.
- 251 Минакир П.А. Указ. соч. С. 190.
- 252 Горбачёв М.С. Понять Перестройку... С. 40 – 41.
- 253 Горбачёв М.С. Избранные речи и статьи. М.: Политиздат, 1987. Т. 4. С. 89.
- 254 Микульский К.И., Роговин В.З., Шаталин С.С. Социальная политика КПСС. М.: Политиздат, 1987. С.18.
- 255 ГАПК. Ф. 26. Оп. 37. Д. 599. Л. 13.
- 256 Мау В.А. Экономика и власть... С. 15.
- 257 Горбачёв М.С. Избранные речи и статьи. С. 216.
- 258 РФАСПИ. Ф. 606. Оп. 1. Д. 2956. Л. 33, 40.
- 259 Там же. Л. 38.
- 260 Горбачёв М.С. Понять Перестройку... С. 166.
- 261 ГАПК. Ф. П–68, Оп. 117. Д. 771. Л. 1 – 186.
- 262 Там же.
- 263 Там же. Л. 4 – 5.
- 264 Там же. Л. 20 – 23.
- 265 Там же. Л. 22 – 30.
- 266 Шубин А.В. Парадоксы Перестройки... С. 77.
- 267 Там же. С. 208.
- 268 Горбачёв М.С. Понять Перестройку... С. 87 – 88.
- 269 Там же. С. 40 – 41.
- 270 Там же. С. 88.
- 271 Крыштановская О. Анатомия российской элиты. М., 2004. С. 182–186; Гаман-Голутвина О.В. Политические элиты России: Вехи исторической эволюции. М., 1998. С. 338.
- 272 Буянов Е.В. Амурский обком КПСС (1948 – 1991) // Вестн. Амур. гос. ун-та. Серия: Гуманитарные науки. 2004. Вып. 26. С. 63.
- 273 Ващук А.С. Социальная политика СССР и ее реализации на Дальнем Востоке (1945 г. – конец 1980-х годов)... С. 379.
- 274 Стародубровская И.В., Мау В.А. Великие революции: от Кромвеля до Путина. Изд. 2-е, доп. М: Вагриус, 2004. С. 125.
- 275 ГАХК.Ф. П–35. Оп. 117. Д. 285. Л.59, 60, 61, 64, 65, 71.
- 276 Там же.
- 277 ГАПК. Ф-68. Оп. 117. Д. 831. Л. 13, 24, 65.
- 278 См.: ГАХК. Ф-35. Оп. 117. Д. 312. Л. 61; Д. 313. Л. 21.
- 279 Шубин А.В. Парадоксы Перестройки... С. 399 – 400.
- 280 См.: Стародубровская И.В., Мау В.А. Указ. соч. С. 318.
- 281 ГАПК. Ф. П-68. Оп. 117. Д. 428. Л. 29.
- 282 Там же. Оп. 115. Д. 1022. Л. 13–16, 23.
- 283 ГАХК. Ф. П-35. Оп. 117. Д. 430. Л. 252 – 255.

1.4. ГОСУДАРСТВО В ПОИСКАХ НОВОЙ СТРАТЕГИИ БЕЗОПАСНОСТИ...

- 284 Там же. Л. 237 – 238.
- 285 Там же. Д. 529. Л. 100, 102
- 286 Ветчинкин В.И. Рынок и территория. Благовещенск: АмурКНИИ ДВО АН СССР, 1991. С. 6.
- 287 Как жить России: Встречи, беседы, интервью Председателя Верховного Совета РСФСР Бориса Николаевича Ельцина во время поездки по Дальнему Востоку // Дальний Восток. 1990. № 12. С. 7.
- 288 Там же. С. 3.
- 289 ГААО. Ф. П-1. Оп. 70. Д. 1. Л. 6.
- 290 ГАХК. Ф. 35. Оп. 117. Д. 516. Л. 7.
- 291 Там же. Л. 8, 24.
- 292 Бри М. Региональные политические режимы... С.76.
- 293 Авен П. Во главе ФСБ Чубайс принёс бы не меньше пользы, чем на приватизации // Интервью журналу Форбс. URL: <http://www.forbsrussia.ru/interview/45328-petr-aven-vo-glave-fsb-chubais-prines-ne-menshe-polzy-chem-na-privatizatsii> (дата обращения: 05.04.2010).
- 294 Иванов В. Путин и регионы: Централизация России. М.: Изд-во «Европа», 2006. С. 18.
- 295 Ельцин Б. «Сколько сможете проглотить...» // Несостоявшийся юбилей: Почему СССР не отпраздновал своего 70-летия? М.: ТЕРРА, 1992. С. 380 – 381.
- 296 Иванов В. Указ. соч. С. 18 –19.
- 297 Шубин А.В. Парадоксы перестройки... С. 434.
- 298 ГАРФ. Ф. 10121. Оп. 1. Д. 143. Л. 7.
- 299 См.: Бри М. Указ. соч. С. 95; Мау В.А. Указ. соч. С. 45–46.
- 300 Ишаев В. И. Особый район России. Хабаровск: Кн. изд-во, 1998. С. 119, 123–124.
- 301 Дерлугьян Г. Адепт Бурдые на Кавказе... С. 438.
- 302 Шляпентох В. Современная Россия как феодальное общество: Новый взгляд на постсоветскую эру: пер. с англ. М.: СТОЛИЦА-ПРИНТ, 2008. С.162.
- 303 ГААО. Ф. Р-2286. Оп. 1. Д. 22. Л. 33, 34.
- 304 ГАРФ. Ф. 10121. Оп.2. Д. 151. Л. 10, 36.
- 305 ГАХК. Ф. Р-2061. Оп. 1. Д. 362. Л.36.
- 306 Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию РФ. «Порядок во власти – порядок в стране». 1997 год. URL: http://www.intelros.ru/2007/02/05/poslanie_prezidenta_rosii_borisa_elcina_federalnomu_sobraniju_rf_poriadok_vo_vlasti_poriadok_v_strane_1997_god.html (дата обращения: 01.05.2010).
- 307 ГАПК. Ф. 1694. Оп. 1. Д. 638. Л. 76.
- 308 Там же. Л. 78.
- 309 ГАХК. Ф. Р-2061. Оп. 1. Д. 362. Л. 10.
- 310 Марченко Г., Мачульская О. Регионы России: справочник. М.: Журнал Эксперт, 1997. С. 11.
- 311 Млечин Л.М. Формула власти: от Ельцина к Путину. М.: Изд-во Центрполиграф, 2000. С. 518.
- 312 Эпоха Ельцина / Ю.М. Батурич и др.. М.: Вагриус, 2001. С. 741.
- 313 Савченко А.Е. Взаимоотношения Центра и регионов в России в 1990-е гг. (на примере регионов юга Дальнего Востока) // Россия и АТР. Владивосток, 2010. № 2. С. 108 – 117.

- 314 Стародубровская И.В., Май В.А. Указ. соч. С. 308.
- 315 McFaul, Michael (1997), «When Capitalism and Democracy Collide in Transition: Russia's „Weak“ State as an Impediment to Democratic Consolidation», Working Paper. No. 1 – источник: Томпсон У. Снежная Венесуэла? «Ресурсное проклятие» и политика России // Прогнозис. 2008. № 1(13). С. 153; Каппелли О. «До-современное» государственное строительство в постсоветской России // Прогнозис. 2009. № 1. С. 138.
- 316 Волков В.В. Силовое предпринимательство: экономико-социологический анализ. М.: Издат. дом ГУ ВШЭ, 2005. 350 с.
- 317 Послание Президента России Владимира Путина Федеральному Собранию РФ: 2000 год. URL: [http://www/intelros.ru/2007/01/17/poslanie_prezidenta_rossii_vladimira_putina_federalnomu_sobraniju_rf_2000_god.html](http://www.intelros.ru/2007/01/17/poslanie_prezidenta_rossii_vladimira_putina_federalnomu_sobraniju_rf_2000_god.html) (дата обращения: 17.09.2012).
- 318 Шеллинг Т. Стратегия конфликта. М.: ИРИСЭН, 2007. С. 35.
- 319 Тилли Ч. Указ. соч. С. 150 – 157.
- 320 ГАРФ. Ф. 10104. Оп. 1. Д. 2. Л. 162 .
- 321 Евангелиста М. Геополитика и будущее Российской Федерации. URL: <http://www.archipelag.ru/geopolitics/osnovi/supposition/future/> (дата обращения: 17.09.2012).
- 322 Стенограмма парламентских слушаний «О состоянии государственной региональной политики в Российской Федерации и ее правового регулирования» 25 октября 2007 года. С. 10–14. URL: <http://www.council.gov.ru/events/parliament/item/90/> (дата обращения: 17.09.2012).
- 323 Каррер д'Анкос Э. Евразийская империя: История Российской империи с 1552 г. до наших дней. М.: РОССПЭН, 2007. С. 310.
- 324 Трейвиш А., Шупер В. Теоретическая география, геополитика и будущее России // Свободная мысль. 1992. № 12. С. 31–32.
- 325 Ишаев В. И. Указ. соч. С. 252.
- 326 Послание Президента Российской Федерации Федеральному собранию. М, 1999. С. 14.
- 327 См.: Бакланов П.Я. Дальневосточный регион России: проблемы и предпосылки устойчивого развития. Владивосток: Дальнаука, 2001. С. 19; Концептуальные вопросы программы государственной поддержки экономики Дальнего Востока в условиях перехода к рынку: науч. докл. Хабаровск, 1992. С. 3–4.
- 328 Бакланов П.Я. Указ. соч. С. 19.
- 329 Ильин М. Российский Дальний Восток в геополитической системе координат азиатско-тихоокеанского региона. URL: http://www.archipelag.ru/gu_mir/ostrov-rus/far-east/coordinate-system/ (дата обращения: 11.05.2010).
- 330 Фридман Л.А. Россия в мировом экономическом пространстве // Аналит. вестник. М., 1994. № 4. Июль. URL: http://council.gov.ru/inf_sl/bulletin/item/204/index.html (дата обращения: 11.05.2010).
- 331 Моисеев Н.Н. Размышления о современной политологии. М.: Изд-во МНЭ-ПУ, 2000. С. 177.
- 332 Минакир П.А. Указ. соч. С. 213.
- 333 Как жить России: Встречи, беседы, интервью Председателя Верховного Совета РСФСР Бориса Николаевича Ельцина во время поездки по Дальнему Востоку // Дальний Восток. 1990. № 12. С. 3.

- 334 Утро России. Владивосток. 1993. 21 янв.; Мы придаём важное значение Дальнему Востоку: Интервью посла Индии в России // Утро России. 1993. 10 апр.
- 335 По сеньке ли шапка? // Утро России. 1991. 15 авг.
- 336 Утро России. Владивосток, 1992. 19 нояб.
- 337 Латкин С. Времена несбывшихся надежд. Откровения учёного о жизни и экономике. Владивосток, 2005. С. 96 – 100.
- 338 Ларин В.Л., Плаксен Е.А. Приморье: перспективы развития через призму общественного мнения // Россия и АТР. Владивосток. 1993. № 1. С. 6.
- 339 Кривченко А.А. Схватка над пропастью. Записки губернатора. Благовещенск: ООО Издательская компания «РИО», 2005. С. 263.
- 340 ГААО. Ф. Р-2286. Оп. 1. Д. 1. Л. 44 – 45; Д. 9. Л. 113 – 114.
- 341 Ишаев В.И. Особый район России. Хабаровск: Кн. изд-во, 1998. С. 58.
- 342 Гайкин В.А. Евразийское пространство в XXI в. и проект «Туманган» // Российский Дальний Восток и интеграционные процессы в странах АТР: политико-экономические, социально-культурные проблемы: материалы VI междунар. науч.-практ. конф. 12 дек. 2008 г. Владивосток: Морской гос. ун-т им. адм. Г.И. Невельского, 2009. С. 54.
- 343 ГАПК. Ф. Р-1694. Оп. 1. Д. 624. Л. 113.
- 344 Там же. Ф. П-68. Оп. 117. Д. 1108. Л. 57.
- 345 Там же. Л. 57, 58.
- 346 Там же. Ф. Р-1694. Оп. 1. Д. 97. Л. 5.
- 347 Минакир П.А. Указ. соч. С. 373.
- 348 ГААО. Ф. Р-2286. Оп.1 Д.6. Л. 143–144.
- 349 Писаренко Н. Внешнеэкономические связи Хабаровского края и КНР // Перспективы Дальневосточного региона: население, миграция, рынки труда. М.: Гендальф, 1999. С. 82.
- 350 ГААО. Ф. Р-2286. Оп. 1. Д. 7. Л. 103 – 104.
- 351 Моисеева Л.А., Вашук А.С. История предпринимательства на Дальнем Востоке России в конце XX – конце XXI в. Владивосток: Дальнаука, 2006. С. 265.
- 352 ГАПК. Ф. 1694. Оп. 1. Д. 53. Л. 94; Д. 139. Л. 63.
- 353 Там же. Д. 53. Л. 95 – 96.
- 354 Там же. Л. 98.
- 355 Там же. Д. 139. Л. 88.
- 356 Наздратенко Е.И. Нам необходима стабильность. URL: <http://fishnews.ru/mag/articles/4727> (дата обращения: 15.03.2010).
- 357 Минакир П.А. Указ. соч. С. 321.
- 358 Ремнев А.В. Россия Дальнего Востока: Имперская география власти XIX – начала XX веков: монография. Омск: Изд-во Омск. гос. ун-та, 2004. С. 504.
- 359 Шумпетер Й.А. Капитализм, Социализм и Демократия: пер. с англ. М.: Экономика, 1995. Гл. 7. Процесс «созидательного разрушения». URL: http://libertarium.ru/lib_capsocdem_7 (дата обращения: 15.06.2010); Райнерт Э. Забытые уроки прошлых успехов. URL: http://www.expert.ru/printissues/expert/2010/01/zabutue_uroki_proshluy_uspehov/ (дата обращения: 10.07.2010).
- 360 Регионы России в переходный период. М.: Российский союз промышленников и предпринимателей, Экспертный ин-т, 1993. С. 17–18. Копия доклада доступна: ГАПК. Ф. 1694. Оп. 1. Д. 158. Л. 37–115.
- 361 Там же. С. 79–80.

- 362 ГАРФ. Ф. 10121. Оп. 2. Д. 28. Л. 73.
- 363 Там же. Л. 42 – 45.
- 364 ГАПК. Ф. 1694. Оп. 1. Д. 267. Л. 58 – 59.
- 365 Бляхер Л.Е. Политические мифы Дальнего Востока // Полис. 2004. № 5. С.32.
- 366 ГАХК. Ф. Р-2061. Оп. 1. Д. 176. Л. 145–147. Д. 259. Л. 8.
- 367 ГААО. Ф. Р-2286. Оп. 1. Д. 97. Л. 46.
- 368 ГАПК. Ф. Р-1694. Оп. 1. Д. 278. Л. 29 – 30.
- 369 Перспективы Приморского края в условиях перехода к рынку в свете геостратегических и экономических интересов России. М.: Наука, 1994. С. 3.
- 370 Необходимость здравого смысла: (Беседа писателя В.М. Тыцких с главой администрации Приморского края Е.И. Наздратенко) // Дальний Восток. 1994. № 11. С. 16.
- 371 Перспективы Приморского края в условиях перехода к рынку... С. 5 – 13.
- 372 Там же. С. 58.
- 373 ГАПК. Ф. 1694. Оп. 1. Д. 46. Л. 51.
- 374 Там же. Д. 155. Л. 13.
- 375 Солник С. «Торг» между Москвой и субъектами федерации о структуре нового Российского государства: 1990 – 1995 // Полис. 1995. №6. С. 95 – 107.
- 376 Федеральная целевая программа экономического и социального развития Дальнего Востока и Забайкалья на 1996 – 2005 годы. Хабаровск, 1996. С. 5.
- 377 Там же. С. 6.
- 378 Там же. С. 9.
- 379 Там же.
- 380 Там же. С. 13.
- 381 Там же. С. 40 – 41.
- 382 Ишаев В.И., Минакир П.А. Дальний Восток России: реальности и возможности экономического развития. Хабаровск: ДВО РАН, 1998. С. 3, 133.
- 383 Прокапало О.М. Социально-экономический потенциал субъектов федерации российского Дальнего Востока. Хабаровск: Изд-во Хабар. гос. техн. ун-та, 1999. С. 3.
- 384 Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. Время мира / пер. с фр. Л.Е. Куббеля. 2-е изд. М.: Изд-во «Весь Мир», 2007. Т.3. С. 502.
- 385 Аналитический вестник: материалы Байкальского экон. форума. М., 2001. № 1. С. 9.
- 386 Там же. С. 10–13.
- 387 Там же. С. 15.
- 388 Там же. С. 28–29.
- 389 Стенографический отчёт о совещании по проблемам социально-экономического развития Дальневосточного федерального округа. 23 августа 2002 г. URL: http://archive.kremlin.ru/appears/2002/08/23/1620_type63378type63381_29304.shtml (дата обращения 17.09.2012).
- 390 Там же.
- 391 Там же.
- 392 Там же.
- 393 Там же.
- 394 Путин В.В. Вступительное слово на заседании Совета Безопасности. 20 декабря 2006 года. Москва, Кремль. Доступно: <http://archive.kremlin.ru/text/>

- appears/2006/12/115648.shtml (дата обращения: 07.08.2013).
- 395 Попов А., Чернышев С. Мертвый Восток // Эксперт. 2012. № 27. URL: <http://expert.ru/expert/2012/27/mertvuyij-vostok/media/148999/> (дата обращения: 17.09.2012).
- 396 Официальный сайт счётной палаты Российской Федерации. URL: <http://www.ach.gov.ru/ru/news/04072012/> (дата обращения: 05.07.2012).
- 397 Попов А., Чернышев С. Указ.соч.
- 398 Золотой Рог. 2008. № 20. С.4.
- 399 Там же. № 22. С.8.
- 400 Там же. № 23. С.5.
- 401 Липман М., Петров Н. Россия-2020: сценарии развития // Рабочие материалы. 2012. №1. С. 31.
- 402 Китайский марш // Известия. 2009. 22 дек. URL: <http://izvestia.ru/news/356770> (дата обращения: 17.09.2012).
- 403 Попов А., Чернышов С. Указ. соч.
- 404 Подобные сомнения, в частности, были высказаны известным в России исследователем и политиком В. Л. Иноземцевым в интервью газете «Известия». См.: Китайский марш // Известия. 2009. 22 дек. URL: <http://izvestia.ru/news/356770> (дата обращения: 17.09.2012).
- 405 Авченко В. АТЭС: перевод на Русский... // Владивосток. 2007. 23 янв. URL: http://vladnews.ru/2083/Glavnoe/ATES_perevod_na_Russkij_V-Primorje_mogut_rojavitsa_atomnaja_elektrostancija_aluminijevyj_zavod_i_igarnaja_zona (дата обращения: 17.09.2012).
- 406 Савченко А.Е. Саммит АТЭС-2012: перспективы Владивостока и условия их достижения // Таможенная политика России на Дальнем Востоке. 2008. № 2. С. 46.
- 407 Скотт Дж. Благими намерениями государства: Почему и как проваливались проекты улучшения условий человеческой жизни. М.: Университет. книга, 2005. С. 399 – 400.
- 408 Приоритетные задачи АТЭС–2012. URL: <http://rus.apec2012.ru/docs/about/priorities.html> (дата обращения: 17.09.2012).
- 409 Деловой саммит АТЭС во Владивостоке // Агентство стратегических инициатив. URL: <http://www.asi.ru/announces/2077/> (дата обращения: 17.09.2012).
- 410 Интервью В.И. Ишаева журналу Эксперт // Эксперт. 2012. №35. (817). URL: <http://expert.ru/expert/2012/35/v-moskve-dolznyi-ponyat-chno-myi-nichego-neprosim> (дата обращения: 17.09.2012).
- 411 См.: Заседание президиума Госсовета по вопросам развития Дальнего Востока и Забайкалья от 29.11.2012 // Президент России – официальный сайт. URL: <http://президент.рф/news/16990> (дата обращения: 12.12.2012).

Глава 2

СПЕЦИФИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ БЕЗОПАСНОСТИ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ

2.1. ИНТЕГРАЦИЯ САХАЛИНА И КУРИЛЬСКИХ ОСТРОВОВ В СОВЕТСКУЮ СОЦИАЛЬНО- ПОЛИТИЧЕСКУЮ СИСТЕМУ КАК ОСОБОЕ НАПРАВЛЕНИЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА (1945–1949 гг.)

2 сентября И.В. Сталин в своем обращении к советскому народу обосновал официальную позицию по вопросу присоединения территорий, отметив, что агрессия со стороны Японии началась еще в начале XX в., когда после проигранной русско-японской войны (1904–1905) Россия потеряла Южный Сахалин. Советский вождь сделал акцент на том, что «Япония ставит себе задачу отторгнуть весь ее Дальний Восток», но, заявил он, Южный Сахалин и Курильские острова отойдут к Советскому Союзу и отныне будут служить не средством отрыва СССР от океана и базой японского нападения на наш Дальний Восток, а средством прямой связи Советского Союза с океаном и базой обороны страны от японской агрессии¹. В этом документе была намечена роль территории в общей стратегии безопасности СССР.

После окончательного решения судьбы Южного Сахалина и Курильских островов в течение 1945 – начала 1947 г. была полностью ликвидирована прежняя политическая система и структура власти губернаторства Карафутто. В конце сентября 1945 г. при штабе 2-го Дальневосточного фронта, который переместился в Тойохару, было образовано Управление по гражданским делам. Его возглавил

Д.Н. Крюков, командированный на Южный Сахалин с группой советских работников. Он был вызван в Москву для встречи с И.В. Сталиным, А.Н.Косыгиным, А.И. Микояном и с другими членами правительства, где на высоком уровне решались вопросы безопасности и интеграции территории в советскую социально-политическую и экономическую систему². В результате было принято решение об административном устройстве и введении советских законов (Постановление Совета Народных Комиссаров СССР №263 от 2 февраля 1946 г.), которые завершились постепенным переходом властных полномочий от военных к гражданской администрации. Тактической особенностью новых органов власти на Южном Сахалине было сотрудничество до конца 1945 г. с аппаратом чиновников бывшего губернаторства Карафуто.

Процесс интеграции Южного Сахалина и Курильских островов в политическую систему СССР историками подробно описан³, однако в контексте концепции книги важно акцентировать внимание на нескольких аспектах. Во-первых, начальник гражданского управления одновременно становился заместителем командующего Дальневосточным военным округом. В аппарат управления назначались главным образом партийные сотрудники (они составили 91,4%)⁴. Во-вторых, достаточно быстро была решена задача организации здесь контрольно-репрессивных органов: в первую очередь созданы органы НКВД и НКГБ, затем аппарат судов. На совещании у Председателя Совнаркома РСФСР А.Н. Косыгина было принято решение обязать прокуратуру СССР, Народный комиссариат юстиции и НКВД ускорить создание судебных органов на территории Южного Сахалина⁵. В апреле 1946 г. вышел Указ Президиума Верховного Совета СССР «О порядке избрания судов и рассмотрение судами дел в Южно-Сахалинской области»⁶. До избрания на территории Южно-Сахалинской области Советов депутатов трудящихся народные суды и областной суд избирались исполнительным комитетом Хабаровского краевого Совета депутатов трудящихся. Уголовные и гражданские дела независимо от времени преступления или возникновения правоотношений расследовались и разрешались на территории Южно-Сахалинской области в порядке и на основании уголовного, гражданского и процессуального законодательства СССР и РСФСР. Все вынесенные японскими судами приговоры и решения по уголовным и гражданским делам, не приведенные в исполнение и по которым осужденные продолжали отбывать наказание, назначенное японскими судами, подлежали пересмотру в соответствии с советским законодательством⁷. К сентябрю 1946 г. во всех 11 районах южной части Сахалина были созданы опергруппы НКВД/НКГБ, организована борьба с уголовной преступностью, а также розыск находившихся на нелегальном положении отдельных чиновни-

ков и чинов бывшей японской армии. Проводились акции по розыску и изъятию укрываемого оружия. Для обеспечения социально-политической безопасности была организована охрана побережья Южного Сахалина погранвойсками НКВД, а также важнейших промышленных объектов и железнодорожного транспорта. Важной задачей стала организация на Южном Сахалине пожарной охраны⁸. Пожары на территории бывшего губернаторства были настоящим бедствием для вновь прибывшего и оставшегося корейского населения. Например, в сентябре 1946 г. в г. Красногорске сильный пожар уничтожил до половины зданий. В 1948 г. в Сахалинской области произошло 264 пожара, сгорело 226 жилых домов, 72 общественных и 34 производственных зданий. В январе 1949 г. трагедия произошла в г. Долинске — в сгоревшем общежитии ремесленного училища, которое располагалось в ветхом помещении, погибло 16 учеников. Погорельцев приходилось расселять за счет еще большего «уплотнения» жильцов⁹.

Основополагающим документом, на основе которого территория интегрировалась в социально-экономическое советское пространство, стал Указ Президиума Верховного Совета СССР от 2 февраля 1946 г. «О национализации земли, банков, промышленных и коммунальных предприятий, железнодорожного и водного транспорта и средств связи Южного Сахалина и Курильских островов». В соответствии с этим Указом устанавливалось, что на данной территории вся земля с ее недрами, лесами и водами является государственной собственностью, т.е. всенародным достоянием. Тем самым была ликвидирована частная собственность как социальная угроза социалистическим отношениям в СССР, национализированы предприятия, имевшие более 10 рабочих, и сельскохозяйственные, имевшие свыше 50 га земли. Собственностью государства стали объекты энергетического и коммунального хозяйства, больницы, аптеки, учебные заведения, кинотеатры, театры, а также дома, хозяева которых бежали с южной части Сахалина. Национализацию в ведущих отраслях экономики органы власти завершили в конце апреля 1946 г. После выделения Южно-Сахалинской области из состава Хабаровского края и образования самостоятельной области произошла реорганизация органов прокуратуры, которые стали подчиняться непосредственно Прокурору РСФСР¹⁰.

Стратегическим мероприятием по обеспечению социально-политической безопасности на вновь присоединенных территориях стало переименование населенных пунктов и географических объектов, а также согласование сухопутных и морских карт. С этой целью был организован процесс поэтапного выселения японцев и заселения территории советскими людьми.

2.2. СПЕЦИФИКА ОБЕСПЕЧЕНИЯ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ НА СЕВЕРО-ВОСТОКЕ И САХАЛИНЕ

На территории Северо-Востока СССР при использовании в огромных масштабах принудительного труда развивалась горнорудная промышленность, которая имела важнейшее военно-оборонное значение до начала Великой Отечественной войны. По добыче золота Магаданская область (Дальстрой) занимала ведущее место в СССР и 4-е в мире после ЮАР, Канады и США¹¹. История Дальстроя имеет статус самостоятельного направления в отечественной историографии, о чем подробно и всеохватывающе написано А.И.Широковым¹². Однако проблема социально-политической безопасности на востоке страны с учетом её функционирования специально в отечественной литературе не рассматривалась.

После окончания войны вопросы управления в «комбинате особого назначения» являлись предметом озабоченности советского руководства, в основе которой лежал прагматизм сталинской политической элиты: обеспечить на основе принудительного труда большие масштабы добычи золота и других ценных металлов, имеющих стратегическое значение. В данном разделе книги акцентируется внимание только на аспектах, раскрывающих политические меры, направленные на устранение угроз, которые, по мнению власти, могли привести к дестабилизации или уже создали кризисную обстановку. Безусловно, в документах речь шла об обязательном выполнении любой ценой производственных планов. В отечественной литературе утвердился вывод, что после войны наступил период производственного кризиса промышленно-лагерной системы Дальстроя¹³, аспекты преодоления которого составляют содержание стратегии обеспечения социально-политической безопасности в СССР.

Одной из мер преодоления послевоенного кризиса руководство избрало изменение методов поощрения вольнонаемных работников и заключенных Дальстроя. С 1949 г. начались изменения, связанные с переводом заключенных на гарантированную оплату в лагерях за исключением Особого лагеря №5 МВД СССР и осужденных к каторжным работам, в отношении которых действовал специальный приказ МВД СССР от 17 августа 1949 г. Для этих контингентов был установлен 10-часовой рабочий день, не считая перерыва на обед. В 1948–1949 гг. проведена серия реорганизаций в системе управления¹⁴.

Однако в связи с усилением репрессий и ростом общей преступности в стране поток заключенных на Колыму усилился. Реализация производственных задач заставила управленческий аппарат менять методы организации труда заключенных: объективно требовались расконвоированные рабочие, что и было сделано. Их численность в Дальстрое достигла 36 013 чел¹⁵. Проблемы снабжения заключенных элементарной одеждой и питанием усиливали дестабилизацию, связанную с утратой контроля над содержанием уголовников¹⁶. Существующий уровень преступности в послевоенном Советском Союзе, в том числе и на Дальнем Востоке¹⁷, а также ужесточившаяся карательная политика режима привели к тому, что лагеря стали наполняться в большинстве своем уголовниками, осужденными на длительные сроки¹⁸. Во многом это стало результатом отмены смертной казни в СССР в 1947 г. Историки Г.М. Иванова и А.И. Широков справедливо считают, что в той ситуации наблюдался политико-правовой парадокс: «...по сути дела, верховная власть, отказываясь от применения смертной казни как исключительно высшей меры наказания, вовсе не ставила цели смягчить карательную политику в целом, а наоборот, стремилась ужесточить путем введения широкого применения наказания — лишения свободы»¹⁹. И как гипотезу можно поддержать тезис об экономической подоплеке — фактор необходимости увеличения принудительной силы. К этому можно добавить демографический фактор, влияние которого после войны резко увеличилось.

Постепенно Дальстрой стал одним из мест преимущественной концентрации уголовников, о чем заявил в марте 1950 г. начальник Дальстроя И.Г. Петренко: «Колыма как отделенный участок нашей Родины предназначен для группировки наиболее опасных преступников с тем, чтобы они могли быть исключены от общения с людьми в труде»²⁰. На территории остро встали проблемы охранной деятельности.

К 1950 г. положение в лагерях Дальстроя потребовало особого внимания Министерства внутренних дел, направившего в сентябре специальную комиссию, которая признала катастрофическое положение в «системе». Массовые побегии из лагерей уголовников, лагерный бандитизм²¹ заставили руководство МВД изменить приоритеты: перед управлением Дальстроя главной была поставлена задача наведения порядка в ущерб производственной.

Состояние ГУЛага на Колыме превращалось в угрозу дестабилизации общественного порядка в регионе. Требования руководства МВД не выходили за традиционные рамки и сводились к установлению жесткой дисциплины, выполнению установленных инструкций. Были приняты меры по усилению охраны: военизированная охрана комплектовалась из солдат срочной службы, удельный вес которых был до-

веден до 75,2%²². Офицерский состав пополнили за счет выпускников училищ МВД и школ младших лейтенантов г. Магадана. Все подразделения были перевооружены автоматическим оружием, проводились войсковые операции по «прочесу» местности, уничтожались бандитские группировки, действовавшие в поселках и на трассах. Однако карательно-репрессивные органы с большим трудом контролировали обстановку на территории Дальстроя.

Центр в лице МВД решил навести порядок путем реорганизации Дальстроя в главное управление лагерей и строительства Дальнего Севера МВД СССР²³. Новый приказ (май 1952 г.) содействовал поглощению Севвостлагеря Дальстроем²⁴. Но этого было мало для решения главной задачи – увеличения объемов производства и преодоления начавшегося кризиса лагерной структуры. Последовала очередная проверка Советом Министров СССР деятельности Дальстроя, и по итогам 1953 г. комиссия признала деятельность «комбината» неудовлетворительной²⁵. Смена «лагерного контингента» за счет увеличения уголовников обернулась не только проблемой, но и угрозой дестабилизации всего лагерного сектора экономики. С 1 января 1953 г. «комбинат особого назначения» перестал получать государственные «дотации» на добычу золота²⁶, т.е. в распределении государственных финансов произошли крупнейшие изменения. Положение в Дальстрое представляло как экономическую, так и социально-политическую угрозу, усиливая криминальную обстановку на Дальнем Востоке²⁷.

Таким образом, вопрос о дальнейшей судьбе Дальстроя оказался одним из главных в правительственных кругах, но он решался уже в условиях борьбы за власть после смерти Сталина между «политическими наследниками». По всей вероятности, один из активных претендентов на роль первой личности в государстве Л.П. Берия, занимавший тогда одновременно посты председателя Совета министров и министра внутренних дел, намеривался укрепить свои позиции, переложив вину на тех, кого уже не было в живых, предложил свой вариант преодоления послевоенного кризиса. 17 марта 1953 г. в соответствии с ранее принятым решением Совета министров СССР и ЦК КПСС он внес на рассмотрение Совмина проект постановления «О передаче из МВД производственно-хозяйственных и строительных организаций»²⁸. 18 марта Дальстрой как производственно-хозяйственная структура был передан из системы МВД в Министерство металлургической промышленности, а входившие в состав Дальстроя лагподразделения сконцентрированы в ведении ГУЛага, который в свою очередь 2 апреля 1953 г. из МВД был передан в ведение Министерства юстиции²⁹. Эти события предшествовали Указу об амнистии 1953 г., положившей начало новой волне смены рабочей силы на Северо-Востоке СССР.

В.Б. Пастухов называет Берия первым послесталинским модернизатором³⁰. Аргументируя свою позицию, он ссылается на воспоминания Молотова и Судоплатова. По некоторым сведениям, Берия в полемике о судьбе Германии готов был обменять идеологические ценности на «нейтралитет» Германии. Однако такой подход в понимании остальных руководителей был настоящей угрозой социалистическим ценностям. Л.П. Берия для преодоления кризиса предлагал вариант экспорта сырья и потребительских товаров. По мнению вышеупомянутого автора, Берия обладал стратегическим талантом и незаурядной смелостью и в силу занимаемого им места в правительстве лучше всех знал о социально-экономической ситуации в стране, в том числе в лагерном секторе. По некоторым сведениям, он говорил о необходимости ликвидации ГУЛага, считая труд заключенных малопродуктивным.

Представляется, что ближе к истине в трактовке этой личности и его предложений подошел Г. Дерлугьян, заявивший: «Берия олицетворял альтернативную траекторию диктатуры развития. Гипотетически он мог превратиться в государственно-капиталистического диктатора, пойдя на политическую разрядку с Западом и перенацелив созданный потенциал страны на экспорт сырья и трудоемких потребительских товаров»³¹. Северо-Восток как территория, имевшая огромное значение в добыче природных ресурсов, играл в этих планах далеко не последнюю роль. Тем не менее 27 марта 1953 г. Президиум Верховного Совета СССР издал Указ «Об амнистии». Затем было принято новое политическое решение – постановление Совмина СССР (от 21.04.1954) о передаче Главного управления исправительно-трудовых лагерей и колоний из Министерства юстиции снова в МВД СССР, а Дальстрой структурно входил в состав Министерства цветной металлургии СССР при сохранении принципа единоначалия. Были проведены реорганизации лагерей строгого режима и лагподразделений общего режима³². Дальстрой постепенно из зоны строгого режима превращался в хозяйствующий субъект.

Таким образом, события на Северо-Востоке страны выходили за рамки регионального масштаба, а сама территория была объектом особого управления и формирования трудовых ресурсов, а также поддержания социально-политического порядка, которые и составляли основное содержание деятельности по обеспечению социально-политической безопасности. Хотя в первой половине 1950-х гг. значительные государственные ресурсы были задействованы для сохранения системы принудительного труда, но среди политиков зрело понимание, что серьезные проблемы в лагерном секторе экономики составляют опасность для всей существующей системы.

После устранения Берии и снятия Маленкова с поста Председателя Совмина центр власти вновь сосредоточился в ЦК КПСС. В высших эшелонах продолжалась скрытая от общества перманентная борьба за лидерство и шла постоянная перегруппировка «единомышленников». В борьбе за лидерство среди сталинских политических наследников были разыграны две «козырные карты». Первая — критика личности Сталина. Вторая — заявления соперников о необходимости поднять жизненный уровень трудящихся. Вторую «карту» как эстафету первым начал использовать Г.М. Маленков, который в свое время критиковал Воскресенского, высказавшего идею обратить внимание на производство товаров народного потребления. Н.С. Хрущев повторил этот же прием с Маленковым. Он смог умело воспользоваться двумя приемами одновременно, уловив настроения аппарата и всего общества, вышедшего из войны. О сталинском прошлом начал говорить критически еще до XX съезда партии, и надо заметить, на периферии.

На фоне политических перемен во властных органах вопрос о Дальстрое во внутренней политике продолжал оставаться серьезной проблемой. Его влияние на Северо-Востоке стало быстро ослабевать после становления партийных и советских органов в связи с образованием Магаданской области. Дальстрой превращался в производственный главк, а главную угрозу для продолжения его деятельности теперь составлял массовый исход населения из региона. Кризис горной промышленности второй половины 1940-х — начала 1950-х гг. мог дестабилизировать социально-политическую обстановку не только в регионе, но и в стране в целом, и вопрос о развитии Северо-Востока приобрел масштабы государственного значения.

Как установил А.И. Широков, руководство оказалось растерянным и дезориентированным³³. В конце 1950-х гг., когда происходила смена состава «рабочей силы» и формировались трудовые коллективы, произошло сокращение добычи золота, олова и вольфрама на Колыме — основы экономики и всей жизни Магаданской области. Тогда среди управленческой элиты появились разные взгляды на дальнейшую судьбу Колымы, например точка зрения, которую назвали теорией «затухания Колымы»³⁴.

Подобная ситуация складывалась во второй половине 50-х гг. и на Камчатке, когда речь шла о перспективах главной отрасли области — рыбной промышленности. Некоторые экономисты и хозяйственные руководители считали, что не стоит вкладывать большие средства на развитие северно-восточных территорий, в том числе и на Камчатку. Сторонники этой точки зрения отмечали, что во Владивостоке создается мощный флот и средства следует направить туда, а природные ресурсы прилегающих к полуострову морей осваивать экспедиционным методом³⁵.

Дискуссии о развитии Северо-Востока перешли в научную среду – к проблемам и перспективам освоения этих территорий были привлечены лучшие научные кадры. Большое значение имела позиция академика С.Г. Струмилина. По его инициативе в 1955 г. на Северо-Восток СССР была послана комплексная экспедиция по изучению территории во главе с академиком Д.И. Щербаковым. Собранные материалы засвидетельствовали, что регион имеет предпосылки для совершенствования хозяйственной инфраструктуры. Выводы и результаты экспедиции оказали влияние на разработку стратегического направления, в частности на определение дальнейших геолого-поисковых работ, наращивание добычи золота, олова, вольфрама³⁶, а также на развитие социально-бытовой инфраструктуры в регионе.

После чрезвычайных условий послевоенных лет восстановления народного хозяйства научная интеллигенция и политики активно стали обсуждать вопросы повышения уровня жизни населения, проживавшего на Дальнем Востоке. Обсуждение вопроса закрепления трудовых ресурсов на Северо-Востоке стало одним из начальных моментов разработки концепции стирания территориальных различий – главного направления внутренней политики, которая получила доктринальное оформление в Программе КПСС.

В конце 50-х гг. одним из центров, где обсуждались эти проблемы, стал Научный совет Государственного комитета по труду и заработной плате. Была создана специальная группа по изучению и упорядочению льгот в районах Крайнего Севера и отдельных местностях, приравненных к районам Крайнего Севера. Одним из экспертов, который активно занимался дальневосточными проблемами, был С.В.Славин. В 1957 г. в специальной записке в Научный совет он в концентрированной форме изложил основные положения и особенности активной социальной политики для освоения территории. Предлагая использовать опыт Аляски и Северной Канады, он выступил фактически против сторонников «теории затухания» Колымы и Камчатки. Ученый совет при Комитете по труду и заработной плате после проведенных дискуссий сформулировал рекомендации об усилении развития социально-бытовой сферы в районах Северо-Востока. Документ был направлен в Совет Министров СССР³⁷. В 1961 г. Славин опубликовал монографию «Промышленное и транспортное освоение Севера СССР». Это были первые шаги к политическому признанию необходимости повышать уровень жизни населения на Северо-Востоке страны, чтобы обеспечить социально-политическую стабильность.

После образования самостоятельной Камчатской области (1956) вопрос о развитии полуострова требовал стратегических решений, определявших его перспективы. В 1957 г. было проведено первое ре-

гиональное совещание «по развитию производительных сил» области, в котором приняли участие ученые Академии наук СССР, представители ряда министерств, партийно-советские и хозяйственные руководители. Это совещание внесло свою лепту в исход борьбы двух точек зрения политической и научной элиты, которых условно можно обозначить как «отраслевики» и «государственники». Рекомендации ученых составили исходную базу для разработки планов развития территорий с 1959 г. по 1970-е гг. Перспективное планирование развития территорий Дальнего Востока фактически превращалось в одно из основных направлений стратегии социально-политической безопасности, хотя такого термина тогда политики не употребляли.

В этом противостоянии «отраслевики» проиграли, а победили «государственники», которые видели в социально-экономическом развитии северно-восточных территорий способ получения природных ресурсов для страны в целом и усиления демографического потенциала всего Дальневосточного региона. В конечном результате вырисовывалась социально-политическая стабильность, способствовавшая усилению геополитических позиций страны в условиях обострения отношений с Китаем. Партноменклатурная система, составлявшая основу механизма управления территориями, хотя и с большими трудностями, смогла обеспечить переход от гулаговского типа хозяйствования к административно-командному, что составило важнейшее условие социально-политической безопасности СССР.

Некоторые руководители Дальстроя даже продолжали разделять оптимизм относительно расширения производственных мощностей на территории. «Дни Дальстроя были сочтены, – отмечает А.В. Поляков, – а его руководство в технико-экономическом докладе о перспективах развития в 1956–1970 гг. планировало перейти в 6-й пятилетке полностью на использование вольнонаемной рабочей силы ...построить и ввести в эксплуатацию молибденовый, свинцово-цинковый, ртутный и титановый комбинаты, сдать в эксплуатацию прииски «Каральвеем», «Аньюский», «Ичувеем», «Палеваам»³⁸. Но в целом планы развития добычи золота и других ценных металлов на Северо-Востоке с учетом всех дискуссий стали осторожно оптимистическими, и эти прогнозы оказались верными. Удельный вес золота, добытого Дальстроем в 1955 г. (44,1 т), составил 37,9% от общесоюзной добычи³⁹.

Дальстрой в своей деятельности, несмотря на всевозрастающий приток вольнонаемных рабочих, которые в последующее десятилетие (60-е гг.) обеспечили доиндустриализацию Колымы, все-таки вынужден был использовать в период реорганизаций несколько десятков тысяч заключенных. На начало 1956 г. количество заключенных составило 35,4 тыс. чел.⁴⁰ ГУЛАГ не сразу был расформирован, а шло сокращение

его подразделений⁴¹. Большинство руководителей Дальстроя трезво оценивали новую политическую линию и много времени уделяли проблеме привлечения вольнонаемных работников, обращая внимание на материальное стимулирование и выплаты надбавок⁴².

Фактически в конце 50-х – начале 60-х гг. была осуществлена государственная программа смены состава населения на Северо-Востоке страны путем вербовки вольнонаёмных. В 1956 г. с предприятий Дальстроя уволилось 62% вольнонаёмных, выехало 25 450 чел. Дефицит рабочей силы рассматривался руководством как угроза всему производственному процессу. В 1951–1955 гг. Дальстрой израсходовал на «вербовку» кадров 487 млн руб.⁴³ Были задействованы огромные финансовые и организационные ресурсы. Для организации вербовки Дальстрой имел 8 отделений по стране: Ленинградская область (г. Ленинград), Украинская ССР (г. Киев с уполномоченными в г. Ворошиловграде), Харьковская, Сталинская, Днепропетровская, Одесская области; Белорусская ССР (г. Минск); Казахская ССР (г. Алма-Ата); Новосибирская, Свердловская, Челябинская, Ростовская области. Уполномоченные Дальстроя по вербовке работников находились также в г. Таллине, Тульской области, Башкирской АССР, Алтайском крае, Воронежской области и др. География территорий, где шел оргнабор, была очень широкой и охватывала преимущественно регионы, в которых добывались полезные ископаемые и действовали центры подготовки специалистов. Однако закреплению специалистов на длительные сроки препятствовали крайне дискомфортные условия труда и быта.

Начавшаяся перестройка управления промышленностью – переход на совнархозы (1957) – предоставила сторонникам индустриального развития отдаленных территорий возможности для активного обсуждения вопроса о дальнейшем промышленном освоении Дальневосточного региона, в том числе Северо-Востока страны. В 1957 г. в Магаданской области был образован экономический административный район, а на базе горнопромышленных управлений создано отраслевое Горное управление совнархоза⁴⁴. 1957 год – это последний год существования системы Дальстроя и Севвостлага на Колыме и Чукотке.

Укрепление демографического потенциала Дальнего Востока советская политическая элита в период хрущевских реформ оценивала как достижение важнейшей социально-политической цели на этой территории. После ликвидации управленческой структуры Дальстроя вопросы материального стимулирования миграционного притока решались правительством не всегда последовательно, фактически советское руководство использовало сценарий оперативного исправления складывавшихся ситуаций.

В 1958 г. группа работников Комитета по труду и заработной плате (Аганбегян, Дьяконов, Малютин и др.) направила в Совет Министров СССР материалы. Основная концепция решения проблемы состояла в ликвидации так называемого «разнобоя» поясных (территориальных коэффициентов) и северных льгот⁴⁵. 20 января 1959 г. Совет Министров принял Постановление «Об утверждении районных коэффициентов к заработной плате работников цветной и черной металлургии и Воркутинского цементного завода». В Магаданской области вводился коэффициент 1,5; на Камчатке – 1,3 (районы Усть–Улимский, Ухтинский, Троицко–Печерский, Ижемский, Усть–Усинский, Кожвинский, Интинский, а также районы южнее полярного круга)⁴⁶.

Следующим мероприятием, имевшим значение для развития территории, стала поддержка политическим руководством дальнейшего комплексного изучения Северо–Востока. Центр рассматривал развитие науки в отдаленном регионе страны как особое направление во внутренней политике. В Магадане в 1960 г. решением правительства был создан Северо–Восточный комплексный научно–исследовательский институт в составе Сибирского отделения АН СССР. Это было знаковым событием не только в политике освоения природных ресурсов территории, но и в стратегии ликвидации различий в развитии периферии и центра.

В годы «оттепели» основные направления развития территорий обсуждались на региональных совещаниях, которым ЦК КПСС и правительство придавали большое политическое значение. Так, развитие Магаданской области в генеральной перспективе рассматривалось в сентябре 1959 г. на региональном совещании, в работе которого приняли участие члены АН СССР С.А. Христианович, А.А. Трофимук, И.П. Герасимов, Н.Н. Некрасов, П.Ф. Швецов, В.А. Кузнецов, Г.А. Хельквист, а также ученые научно–исследовательских институтов, представители Министерства геологии, Министерства транспортного строительства, Госплана СССР. В разработке перспективных планов участвовали ученые Москвы, Ленинграда, Новосибирска, Якутска и Владивостока. Против теории «затухания» золотодобычи на Колыме выступал известный ученый Э.Б. Ахназаров. Будучи практиком до 1962 г., он разрабатывал проекты повышения эффективности освоения рассыпных месторождений и в целом эффективности золотодобывающей отрасли⁴⁷.

Следует обратить внимание на исторический факт, что в 60–70-е гг. XX в. геологоразведочные работы правительство включило в отрасли материального производства. Управленцы считали, что дальнейшее развитие горнорудной промышленности в Магаданской области обязательно приведет к ликвидации создавшихся народнохозяйственных

диспропорций, к изменениям в рациональном размещении профилирующего и обслуживающего производства, будет преодолена техническая отсталость в отраслях специализации, а также реализован комплекс мероприятий, который создаст современную для тех лет социально-бытовую инфраструктуру⁴⁸. Процесс переподчинения многих структурных звеньев Дальстроя отраслевым министерствам сопровождался усилением роли партийных и советских органов власти, которые проводили социальную политику на местах, направленную на закрепление населения.

Для обеспечения территориального управления в Магаданской области было выделено два экономических района (Колымо-Магаданский и Чукотский), объединенных общностью исторических условий, наличием изолированных внутрирайонных транспортных сетей и особенностями географического положения. В состав Колымо-Магаданского района вошла большая часть городских поселков области.

План экономического выравнивания регионов реализовывался на базе индустриализации и ускорения урбанизации. Этот курс был распространен и на территорию Чукотского экономического района, где тогда имелось всего 10 поселков городского типа, в них проживало 74,5% населения района. Начало промышленного освоения природных ресурсов Чукотского экономического района, как известно, было положено в 1940 г., примерно на 10 лет позднее появления первых золотодобывающих предприятий Колымо-Магаданского района. Индустриализация и урбанизация должны были обеспечить реализацию задачи постепенного выравнивания территориального экономического и социального развития. В Чукотском экономическом районе промышленно-транспортные узлы совпадали с поселениями коренных народов, что создавало определенные условия для вовлечения коренного населения в промышленное производство.

В формировании единого советского образа жизни политическая элита видела не только путь к экономической стабильности в регионе, но и залог модернизации общественных отношений – ликвидацию социальных различий, не предвидя многих других социальных последствий. Планы ускоренной урбанизации, выражавшиеся в благих намерениях советского государства – в краткие сроки модернизировать культуру и быт местного населения согласно нормам образа жизни в индустриальном поселке или городе, дали крайне противоречивые результаты⁴⁹. С одной стороны, переход коренных народов к новым формам организации труда, типам жилища, получения образования, т.е. процесс унификации стандартов жизни, шел с большими трудностями финансирования и сопровождался социальными осложнениями; с другой – небольшие города и промышленные поселки на Северо-

Востоке страны, пополнявшиеся мигрантами, становились центрами дальнейшего освоения природных богатств и социально-политической стабильности в 60-е гг. XX в. Они являлись «точками опоры» доиндустриализации, которую власть проводила на базе специализации, кооперирования и комбинирования производства.

Что касается утверждения позиции так называемых «государственников» на местах, то здесь немаловажное значение имел личностный фактор: на пост Первого секретаря в Магаданской области вместо «государственника» П.Я. Афанасьева удачно пришел также «государственник» С.А. Шайдуров, для которого горная промышленность была родной стихией. По свидетельству современников, сторонники «затухания Колымы» среди работников отдельных предприятий вызывали у него личную неприязнь.

В конце 50-х – начале 60-х гг. XX в. в Центре окончательно утвердилось мнение о необходимости доиндустриализации отдаленного района страны как основы стирания территориальных социальных различий. Эта политика в Магаданской и Камчатской областях не была слепым отражением простого оптимизма Центра – усилить значение региона в решении государственных задач, а также надежд научной интеллигенции и руководителей региона, что планы семилетки станут временем преодоления отставания социально-бытовой сферы от производственной. И те, и другие ориентировались на демографические возможности реализации политики и численный рост жителей в области.

В определенной степени эти надежды опирались на возникшую благоприятную демографическую тенденцию и уже имевшиеся результаты прибытия рабочих из других регионов. Население Магаданской области стало пополняться новыми потоками: прибывшими как по договорам, так и по направлению партийных и комсомольских организаций, а также специалистами, направленными по распределению после окончания учебных заведений. Например, в истории комсомольских молодежных наборов значится «13 эшелонов добровольцев», прибывших из Москвы. 12 июля 1956 г. пароход «Иван Кулибин» доставил в бухту Нагаево первый отряд добровольцев. Комсомольский призыв того года дал предприятиям Магадана 7,5 тыс. чел. (за пять месяцев). Партийное руководство и правительство избрали модель формирования трудовых ресурсов, которая соответствовала политике дальнейшей индустриализации региона и обеспечения социально-политической безопасности СССР.

В результате миграции происходило обновление кадров, сохранение на Севере трудоспособного населения. За счет прибывавших работников обогащался не только производственный опыт северян, но и усиливалось настроение «жить как в центре». Политика правительства

по отношению к Северо-Востоку была определенной прелюдией разработки стратегии стирания территориальных различий, нашедшей свое идеологическое признание в Третьей Программе КПСС.

2.3. ПОЛИТИЧЕСКОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ КАК СТРАТЕГИЯ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ

Применение концепции социально-политической безопасности в региональной истории позволяет выделить две задачи, на которых было сосредоточено внимание советского руководства во второй половине XX в., хотя варианты и акценты решений менялись. Первая задача – социальная, когда после войны органы власти пристальное внимание уделяли сфере трудовых отношений, а также боролись с явлениями, которые в их понимании были опасными для социалистических порядков; вторая – политическая: предмет особой озабоченности руководства составляло регулирование отношений со своей социальной базой, т.е. армией советских управленцев. Решение этих задач обеспечивало безопасность политической системы. Но если первая была на поверхности советских реалий, то вторая – корпоративной и чаще всего скрывалась от общества, хотя была не менее важной для власти.

Во внутренней политике второй половины 1940–1950-х гг. вопросы, связанные с организацией труда, выдвигались на передний план работы руководителей всех рангов и партийных организаций. На любом предприятии, в колхозе партийным организациям, даже в самых отдаленных уголках страны, отводилась не только функция контроля, но и организация различных починов, трудовой инициативы. Поддержка передовиков различными способами была неотъемлемым элементом советских трудовых отношений. Такая модель организации труда изначально носила мобилизационный характер, в основе его лежал принцип тотального контроля за занятостью населения, дисциплиной и всеми формами соцсоревнования. Милитаризация трудовых отношений в годы войны на несколько лет вперед определила производственную и повседневную жизнь советских людей.

Дальний Восток отличался тем, что значительная часть трудовых ресурсов вовлекалась в производственную деятельность через гула-

говский сектор, с довоенных лет самыми крупными трудовыми структурами были северо-восточные лагеря Дальстроя. Принудительный принцип в таких подразделениях составлял основу взаимоотношений между администрацией и трудовым коллективом, а также межличностных отношений в них. Специфика трудовых отношений существовала во многих отраслях — добыче золота, угля, в строительном и лесном производстве.

На Северо-Востоке, как и в целом по стране, сохранялось действие законов и указов военного времени. Работа транспорта рассматривалась правительством как стратегия обеспечения государственной безопасности, что было закреплено военным положением на железнодорожном, морском, речном транспорте. Жесткое закрепление рабочих и служащих за предприятиями рассматривалось основным условием безопасности его функционирования. Рабочий день составлял свыше 8 часов, часто использовались сверхурочные часы работы. Так, на Дальнем Востоке контроль за соблюдением законов и всех инструкций по труду на железнодорожном транспорте осуществляли военные трибуналы Амурской и Дальневосточной железной дороги. Самовольный уход с работы квалифицировался как дезертирство (УК РСФСР, ст. 19-27 п. «Г»).

Согласно Указу 15 апреля 1943 г. лицо, работавшее на железнодорожном производстве, считалось мобилизованным «закрепленным за железнодорожным транспортом». Очень тяжело приходилось женщинам, которые имели грудных детей. В конце 1945 — начале 1946 г. начались первые шаги по смягчению наказаний за дезертирство. Настроение, что война закончилась и можно смягчить наказания, прослеживалось у ряда работников трибунала, прокуратуры и хозяйственников⁵⁰. Подсудимых чаще стали направлять на исправительно-трудовые работы, некоторым давали условное наказание. Например, под контролем Военного трибунала Амурской железной дороги трудилось 37 281 чел., из них 35,2% женщины, 45,1% подростки до 18 лет. Осуждено было в первом полугодии 1945 г. 324 чел., т.е. 9 чел. приходилось на 1 тыс. работавших; в первом полугодии 1946 г. — 374 чел., т.е. 10 чел. на 1 тыс. работавших, но в целом число осужденных «за дезертирство» уменьшилось на 13%⁵¹. В 1947 г. на 1 тыс. работавших на предприятиях, находившихся под контролем военного трибунала Амурской железной дороги по соблюдению военной дисциплины, было осуждено 4 чел. Среди 90 чел., осужденных за дезертирство, оказалось 15 женщин и 7 подростков 16—17 лет. После вынесения приговора по условному наказанию рабочие направлялись в отдел той же железной дороги и возвращались на работу, а трибунал следил за порядком их использования.

В 1946–1947 гг. в практике многих руководителей на местах прослеживалось стремление работать методами военного времени, использовать карательные меры, полагая, что они будут способствовать повышению производственной дисциплины. Нередко в целях собственной безопасности руководители не хотели знать истинных причин невыхода на работу, не разбирались со случаями неявки по уважительным причинам, а передавали материалы в суд. Так, начальник шахты Октябрьской на Сахалине необоснованно подал документы в суд на рабочего, тогда как он в тот день работал в забое. Директор рыбокомбината «Рейдовый» на Сахалине оформил материалы в суд на двух рабочих, несмотря на то, что они в тот день работали, но не были отмечены в таблице. Начальник шахты «Южно-Сахалинская» необоснованно предал суду 80 рабочих. В ходе расследования прокуратурой было установлено, что руководство не создало рабочим надлежащих жилищных условий, регулярно задерживало зарплату⁵². Из числа рассмотренных дел народными судами Сахалинской области за 1948 г. был оправдан 871 чел., что составляло 12,5% к общему числу поданных дел⁵³. Для послевоенного времени это был внушительный показатель. Оправдательных приговоров могло быть намного больше, если бы не установка сверху максимально наказывать нарушителей трудовой дисциплины и прогульщиков. Освобождались от ответственности только не отмеченные даже в малейших нарушениях.

Определенная часть прогулов на предприятиях Дальнего Востока была своеобразной внутренней реакцией людей на условия труда и не всегда отражала отношение к работе. Чаще всего рабочие не выходили на работу из-за отсутствия спецодежды, иногда причиной была невыплата заработной платы, поэтому многим приходилось в рабочие часы идти на рынок продавать вещи и т.д.⁵⁴ Чаще всего прогулы совершали лица, прибывшие по оргнабору⁵⁵, а также выпускники ФЗО и ремесленных училищ⁵⁶. Возрастной состав привлеченных в 1950 г. за прогулы в Приморье показывает, что большинство их совершала молодежь в возрасте 18–25 лет. На их долю приходилось 67,8% всех прогулов⁵⁷. Схема, по которой «молодое пополнение трудовых резервов» включалось в процесс труда на предприятиях региона, была стандартной. Как правило, каждый мастер старался любыми способами избавиться от «балласта», а если молодого специалиста все-таки оставляли в коллективе, то с условием, что он будет работать на разряд ниже, присвоенного ему в ФЗО. В результате такого отношения к молодым рабочим многие из них совершали прогулы и самовольно покидали производство. Так, в Комсомольске-на-Амуре из прибывших 1103 чел. молодых рабочих на завод № 199 с 1949 по 1953 г. осталось только 249 чел., остальные 845 чел. ушли с завода⁵⁸.

Таблица 2

Численность прогулов на предприятиях Хабаровского края

Наименование предприятия	2-е полу- годие, прогулы	1951 г., само- вольный уход	1-е полу- годие, прогулы	1952 г., само- вольный уход
Завод «Амурсталь»	171	32	410	20
Завод №199	805	34	969	55
Завод минавиац. пром.	214	34	384	46
Стройтрест №6	112	10	236	37
Амурстальстрой	нет	данных	224	12
Завод им. Молотова	61	12	46	12
Завод им. Орджоникидзе	10	1	28	-
Завод им. Кагановича	31	19	22	8
Завод им. Кирова	20	44	40	11
Завод им. Горького	118	12	142	6

Таблица составлена на основе источника: ГАХК. Ф. П-35. Оп. 38. Д. 29. Л. 248.

Правительство осознавало, что законы военного времени должны быть пересмотрены, но переход к более лояльному трудовому законодательству оказался долгим. С октября 1945 г. военные трибуналы в рассмотрении дел перешли на более мягкие процессуальные нормы. 7 марта 1947 г. Совет Министров СССР смягчил уголовную ответственность за самовольное оставление места работы от 2 до 4 месяцев заключения, тогда как раньше за этот вид правонарушения полагалось 5 — 8 лет по Указу от 26 декабря 1941 г. Позднее, 31 мая 1948 г., уголовная ответственность по этой статье была отменена⁵⁹. Таким образом, целых три года после войны коллективы предприятий и организаций работали фактически в условиях организации труда, мало чем отличавшихся от военного времени. Судебная же ответственность была отменена только в 1951 г. Указом от 14 июля «О замене судебной ответственности рабочих и служащих за прогул, кроме случаев неоднократного и длительного прогула, мерами дисциплинарного и общественного воздействия».

Задача партийных управленцев заключалась в том, чтобы в крайние сроки из тех, кто приехал с мотивацией улучшить свое материальное положение, сформировать производственные коллективы.

Так, в 1946 – 1951 гг. сахалинской номенклатуре приходилось очень много работать по установлению советских трудовых порядков. В июле 1948 г. III Пленум обкома ВКП(б) рассмотрел вопрос «О деятельности областной партийной организации в выполнении пятилетнего плана в четыре года»⁶⁰. Появились и первые герои социалистического труда.

Контроль за дисциплиной был одной из главных задач парт-организаций, но анализ трудовой дисциплины по-прежнему оставался важнейшей функцией прокурорского надзора. Органы прокуратуры на крупных промышленных предприятиях проводили проверки, вносили представления в партийно-советские органы по вопросам трудового законодательства. Однако после принятия вышеназванного Указа о послаблении наказаний за нарушение трудовой дисциплины число прогулов и самовольных уходов на некоторых предприятиях возросло. Это случилось на пяти из десяти крупнейших предприятий Хабаровского края (см. табл.2).

В первом полугодии 1951 г. на предприятиях Хабаровского края было совершено 1062 прогула и 388 самовольных уходов, во втором полугодии – 1541 прогул. Отмена наказаний военного времени в условиях пополнения дальневосточных предприятий кадрами из орграбочих дала такой своеобразный результат. В первом полугодии 1952 г. увеличение количества прогулов на предприятиях было связано с тем, что с октября 1945 г. военные трибуналы в рассмотрении дел переходили на процессуальные нормы мирного времени⁶¹. В адрес руководителей предприятий все чаще отправлялись документы, в которых указывалось, что они не заботятся о создании инфраструктуры, нет приемлемых условий для жизни, не удовлетворяются потребности в детских садах, яслях, школах.

В основном привлекались за дезертирство неквалифицированные рабочие, но были и инженерно-технические работники. Дела о нарушении трудовой дисциплины составляли значительную часть рассматриваемых в суде. На их долю в 1946–1947 гг. приходилось 15–16% от числа получивших наказание за нарушение трудовых правил. Например, в народном суде Райчихинска дела о самовольном уходе с работы составляли 42%. Всплеск нарушения трудовой дисциплины был связан с тем, что в угольную промышленность в основном направлялись рабочие ранее судимые, они прибыли в Райчихинск по амнистии (Указ от 10.01.1947 г.)⁶². В органы милиции Хабаровского края за третий квартал 1953 г. поступило из народных судов 414 определений на розыск лиц, обвиняемых по Указу Президиума Верховного Совета ССР от 14 июля 1951 г., во втором полугодии этого же года их поступило 201. Наибольшее количество самовольных уходов наблюдалось на предприятиях

городов Николаевска, Комсомольска, Советской Гавани, Лазовского и Нанайского районов⁶³. Ситуация с нарушениями трудовой дисциплины рассматривалась на бюро крайкома КПСС Хабаровского края. Было принято постановление «О состоянии трудовой дисциплины на предприятиях города Комсомольска-на-Амуре» (9.05.1953). Проверка выявила, что среди нарушителей трудовой дисциплины были и члены партии, и руководящие работники. На заводе №199 в первом полугодии 1953 г. совершили прогулы 22 коммуниста и 83 комсомолец; на заводе №126 в числе прогульщиков оказались два заместителя начальника цеха и два старших мастера⁶⁴.

Материалы многочисленных проверок на Дальнем Востоке, жалобы трудящихся в органы прокуратуры наглядно показывают, что большинство руководителей действовали привычными методами военных лет. Проверки из Центра не могли скорректировать такие недостатки и постоянно указывали на отсутствие действенных профилактических мер в системе охраны труда. Причины мотивов нарушений дисциплины сводились к двум основным: бытовая неустроенность и недовольство условиями труда на производстве⁶⁵. Постоянная проблема — достать самое необходимое для жизни (продовольствие) приводила к систематическим нарушениям трудовой дисциплины. «Пошел на базу, так как в поселке продуктов долгое время не было» — эта фраза часто встречается в объяснении причин прогулов среди работников отдаленных угольных, лесозаготовительных, рыболовецких предприятий. В крупных городах и поселках городского типа чаще всего фигурирует неудовлетворенность заработной платой и организацией труда.

Проблема дисциплины остро стояла на предприятиях Сахалина, что было в определенной степени связано с качеством оргнабора в рыбную, угольную, лесную промышленность Сахалина. В угольной промышленности за первые пять месяцев 1952 г. зафиксировано 2026 прогулов — в 2,5 раза больше, чем это было в предшествующие 5 лет⁶⁶.

Таким образом, демилитаризация трудовых отношений проходила постепенно, но возникали новые проблемы. Особенность времени состояла в том, что в борьбе с нарушениями трудовой дисциплины руководство предприятий опиралось на послевоенную трудовую активность работающих членов предприятий.

В послевоенный период сложилось своеобразное деление функций: контроль за трудовой дисциплиной осуществляли карательные органы, а организация различных трудовых инициатив была прерогативой первичных партийных организаций. Политическое руководство смогло использовать такие внутренние резервы, как трудовой энтузиазм и принцип преобладания государственных интересов над личны-

ми. Трудовая дисциплина и трудовые инициативы напрямую связаны с важнейшим показателем работы – производительностью труда. За годы войны во многих отраслях народного хозяйства этот показатель резко снизился. В послевоенное время такое положение сохранялось. Правительство в четвертой пятилетке планировало увеличить производительность труда в 1950 г. по сравнению с довоенным уровнем на 36%. Традиции трудового энтузиазма довоенного и военного времени широко воспроизводились на Дальнем Востоке за счет механизма так называемой социально-политической «эстафеты». Трудовой энтузиазм дальневосточников отражал общую тенденцию в умонастроениях советских людей: война позади и только труд обеспечит улучшение жизни. По всей стране продолжились традиции соцсоревнований. Многие коллективы транспорта и других отраслей, тысячи бригад вовлекались в различные формы соревнования. Партийные организации и все областные, краевые печатные органы формировали основную ценность – добросовестный труд. При этом создавались благоприятные условия для стахановцев, что давало возможность поддерживать образцы и примеры трудового энтузиазма. Среди новых починов были «перевыполнения личных пятилетних планов», с таким предложением выступил А. Семенов на Хабаровском судоремонтном заводе.

В 40-е – начале 50-х гг. партийные органы разработали систему «воспитания отстающих рабочих» с целью выполнения норм. Началось шефское движение над теми, кто их не выполнял. Метод «круговой поруки» на предприятиях с выделением лидеров в рабочих коллективах имел психологический эффект и позволял перевыполнять нормы. Одновременно рабочие транспорта Дальнего Востока откликнулись на идеологический призыв соревноваться за экономию угля и сокращение простоев⁶⁷. В 1948 г. экипаж сейнера «Зея» рыбокомбината «Тафуин» Приморского края при плане вылова рыбы в 4 тыс. ц обязался выловить в течение 1948 г. 12 тыс. ц и вызвал на соцсоревнование рыбокомбинат «Зарубино». В Приморье в соревнование рыбаков-многотысячников в 1950 г. включились 43 команды капитанов сейнеров, 140 шкиперов, 12 неводных бригад с общим количеством рабочих свыше 2 тыс. чел. Итогом стали 43 млн руб. сверхплановых накоплений.

Поскольку экономика Сахалина и Курил была включена в советскую хозяйственную систему, эти островные зоны вошли в «Закон о пятилетнем плане восстановления и развития народного хозяйства», и формирующиеся коллективы из переселенцев всеми идеологическими способами вовлекались в соревнования.

В дальнейшем правительство пошло на изменения в области организации труда, так как уже не могло опираться только на репрессивные меры, которые исчерпали себя. Истощение физических сил общества и

явный спад трудового энтузиазма вынудили правительство пойти на принятие ряда мер социального характера.

Основными методами достижения ситуации «солидарности» в СССР, т.е. предотвращения всяких «антиобщественных» явлений, были регулирование доли рабочих в партийных организациях на всех предприятиях, а также контроль над заработной платой и расходами. В целом стабильность общественных отношений советского типа достигалась благодаря симбиозу принципов технократизма и прагматизма, которые были прочно «упакованы» в оболочку идеологии. После войны руководство практически эксплуатировало базу безграничного доверия «трудящихся», которая была создана в условиях культа личности Сталина и тоталитарного политического режима. В регионе реализация всех мероприятий отличалась лишь идеологическим оформлением – Дальний Восток имел имидж военного форпоста. Образ военного форпоста выполнял важную функцию в реализации централизованной распределительно-нормированной социальной политики в регионе и, составляя идейную основу кадровой политики на востоке, способствовал, чтобы общественные отношения с определенным типом социального неравенства продолжали развиваться; в свою очередь они также цементировались идеологией. Но по многим позициям мероприятия, обеспечивавшие социально-политическую безопасность на Дальнем Востоке, проходили в русле общих мероприятий.

В 1950-е – первой половине 1960-х гг. советское руководство сосредоточило внимание общества на борьбе с так называемыми антиобщественными явлениями, паразитами общества (бродяги, молодые бездельники-тунеядцы и люди, занятые индивидуальным трудом). Власти считали, что они угрожали развитию коммунистических отношений, поэтому их выселяли из городов без судебного решения. В 1951 г. правительство сочло необходимым издать закон, по которому «антиобщественные элементы» приговаривались народным судом к пяти годам ссылки⁶⁸. Правда, как утверждает Ш. Фицпатрик, РСФСР пять месяцев отсутствовала в списке республик, издававших законы о паразитизме⁶⁹. В 1957 г. (в условиях хрущевской «оттепели») начали разрабатывать новый законопроект, который расширил содержание определения «антиобщественных, паразитических» элементов⁷⁰. Кроме нищих, бродяг под действие закона попадали также люди, зарабатывавшие на жизнь незаконными, с точки зрения социалистических ценностей, способами (теневой рынок), включая и тех, кто работал на государственных предприятиях. Закон дебатировался в высших органах власти, но в закрытом порядке. Была создана Комиссия Полянского, работавшая с августа по октябрь 1960 г., которая, исследуя различные стороны антиобщественного поведения советских людей,

пыталась разработать способы его искоренения. В результате как меньшее зло власть стала рассматривать нищету и бродяжничество. Комиссию больше всего беспокоило распространение «нетрудовых доходов». Но эта тема уже была вынесена на страницы советской прессы и организовывались дискуссии⁷¹.

Приблизительно в то же время изменился характер действий Комиссии Полянского, проявились попытки ввести законодательство против «паразитов» общества, что свидетельствовало о намерениях усилить важность идеологической мобилизации населения в борьбе с ними. Повсеместно комсомольские организации, в том числе во Владивостоке, Находке и Хабаровске, начали борьбу против западного влияния, в частности против стиляжничества. В этих мероприятиях по охране советских порядков партийные власти всех уровней широко апеллировали к трудовым мотивациям и государственным приоритетам советских людей и находили в обществе поддержку. В 1961 г. вышел Указ Президиума Верховного Совета РСФСР (от 4 мая) и Постановление Совета Министров РСФСР (от 4 сентября) «Об усилении борьбы с лицами, уклоняющимися от общественно полезного труда»⁷². Согласно им за такие виды доходов, как поступления от земельных участков (если человек только жил на этот вид источника) или от сдачи в аренду жилой площади, предусматривали определенные меры наказания. В 1960-е гг. органы милиции ориентировались на централизованные установки ведения борьбы с тунеядцами, с теми, кто не был занят в общественном производстве. На Дальнем Востоке были случаи, когда выселялись люди, «не занятые общественно полезным трудом», за пределы своего края и области. К тунеядцам причислялись и руководители религиозных сект. Так, в 1962 г. в Приморском крае было выявлено 1675 чел., которые подлежали выселению в Читинскую область⁷³, а также уточнен порядок выселения паразитических элементов, но он не оправдал себя. В 1964 г. в крае было привлечено к уголовной ответственности 1214 неработающих граждан, в том числе и женщины «легкого поведения» (проституция тогда не признавалась), 148 тунеядцев и 516 бродяг⁷⁴. Борьба с лицами, уклонявшимися от общественно полезного труда, отличалась от предыдущей кампании только тем, что главным ответственным за ее проведение сделали МВД. Поэтому милиционеры выявляли, сажали и отправляли в суды, а затем в ссылку всех граждан, ведущих антиобщественный образ жизни. Общественные суды проводили лишь в редких случаях. В итоге участие общественности в этой кампании по большей части было фикцией⁷⁵. Законы и указы о выселении паразитических элементов перестали работать уже в 1965 г., высылка была заменена привлечением к труду по месту жительства.

В период реформ хрущевское руководство пыталось усилить партийный контроль и поставить его над государственным как инструмент политической безопасности. Ноябрьский Пленум ЦК КПСС 1962 г. законодательно (рассматривая в рамках советской политической культуры) закрепил право партийных организаций осуществлять регулирование системы госконтроля. 27 ноября постановлением пленума «О развитии экономики СССР и перестройке руководства народным хозяйством» был создан единый Комитет партийно-государственного контроля ЦК КПСС и Совета Министров СССР (КПГК)⁷⁶. Предполагалось использовать общественную инициативу для исполнения директив партии и правительства на местах⁷⁷. На Дальнем Востоке начались проверки расходов сырья, строительных материалов, правильности использования денежных средств и сельскохозяйственных угодий. Работа органов Госконтроля широко освещалась в прессе⁷⁸.

Однако не только борьба против антиобщественных элементов входила в общую систему мер укрепления общественных отношений. В СССР был установлен контроль и порядок отчетности за численными изменениями разных групп общества. Инструкции, спущенные центральными органами, являлись важнейшим политическим инструментом контроля за социальной дифференциацией советского общества. В 1950 – 1960-е гг. сформировался партийно-бюрократический механизм реализации политических установок, важную функцию выполняло партийное наказание⁷⁹.

Управление социальными процессами в СССР во второй половине XX в. было основным способом обеспечения социальной безопасности. Контроль касался не только регулирования количественных характеристик класса управляющих и класса управляемых, но и повышения размеров заработной платы, установления разных типов льгот, нормирования потребления и даже определенного стиля жизни. Несмотря на догматизм основного идеологического постулата о «трехчленке» советского общества, политическая верхушка не могла не замечать меняющиеся ценностные ориентиры и динамику внутригрупповых отношений, а также рост материальных потребностей в обществе.

Используя систему указов и постановлений, ЦК КПСС пытался контролировать все слои общества, включая свою социальную базу – советских, партийных, государственных чиновников и руководителей-хозяйственников. До середины 60-х гг. номенклатурные кадры, работавшие в регионе, стремились строго соблюдать установленные при Сталине правила поведения. К тому же введенные ранее нормы борьбы со «злоупотреблениями служебным положением» способствовали воспитанию целой плеяды руководителей-государственников в Дальне-

восточном регионе, для которых исполнение, партийная дисциплина составляли стиль жизни.

Таким руководителем был В.Е. Чернышёв, Первый секретарь Приморского крайкома КПСС (май 1959 – март 1969 г.), один из немногих номенклатурных работников такого ранга и единственный на Дальнем Востоке, кому было присвоено звание Героя Советского Союза (за личное мужество и отвагу, успешное руководство партизанским движением в Белоруссии). В.Е. Чернышёв был человеком большого природного ума и эрудиции, высоких душевных качеств, огромной силы воли, целеустремленности. Он любил и ценил людей⁸⁰, много сделал, чтобы появилось и реализовалось Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О строительстве «Большого Владивостока». При нем началось возведение мощного комплекса строительной индустрии, в короткие сроки были построены заводы железобетонных конструкций, домостроительные комбинаты, электростанции, жилые дома. Вступили в строй заводы «Радиоприбор» и «Инструментальный», началась электрификация Дальневосточной железной дороги, заложена экономическая база для развития рыбодобывающей и рыбоперерабатывающей промышленности Дальнего Востока, получили развитие цветное, химическое и деревообрабатывающее производства. В воспоминаниях современников В.Е. Чернышёв предстает как человек-легенда, государственный, руководитель со своей системой подбора и расстановки кадров и стилем работы⁸¹.

Примером ответственного отношения к своему делу и государственного менталитета является П.А. Леонов (Первый секретарь Сахалинского обкома КПСС, 1960 г. – декабрь 1978 г.)⁸². Отличительной чертой его стиля руководства, обеспечивавшего выполнение планов и правительственных заданий, была жесткая самодисциплина, постоянные выезды в районы и контроль за нижестоящими кадрами. Велика роль Леонова при разработке постановлений ЦК КПСС и Совмина СССР «О мерах по ускорению развития производительных сил Сахалинской области» (3 сентября 1964 г.); «О мерах по дальнейшему развитию производительных сил Дальневосточного экономического района и Читинской области» (8 июля 1967 г.).

С 1953 г. началась деятельность в Приморском крае К.И. Барсукова, прибывшего на Дальний Восток по направлению ЦК КПСС. В 1954–1960 гг. он был Первым секретарем Находкинского горкома партии. Ему напрямую приходилось сталкиваться с решением вопросов, обеспечивавших социально-политическую безопасность города. В 1954–1956 гг. Находка отличалась от других городов высокой численностью заключенных и вербованных. Как Первый секретарь горкома КПСС, он смог направить деятельность партийной организации

в созидательное русло. Строились крупнейшие предприятия: Находкинский судоремонтный завод, торговый порт и многие объекты социально-культурного назначения. В 1960 г. К.И. Борсуков был избран секретарем Приморского краевого комитета КПСС по промышленности, а с 1964 г. как председатель Краевого совета профсоюзов много сделал, чтобы добиться дополнительных средств от ВЦСПС на развитие культурно-оздоровительной базы. Его опыт руководителя проявился и на хозяйственной работе в 1971–1980 гг. на посту заместителя начальника треста Приморскуголь⁸³.

В 60-е гг. высокодисциплинированные, честные руководители с государственным менталитетом обеспечивали функционирование предприятий торгово-распределительной системы. Одним из них был А.П. Батиевский. После окончания Великой Отечественной войны работал в системе приморского Рыболовпотребсоюза в должности бухгалтера, ревизора. В 1958 г. с отличием закончил Иркутскую межобластную двухгодичную школу Роспотребсоюза, в 1959 г. назначен директором Второго Владивостокского горпищеторга, затем директором гастронома и председателем правления «Рыбкоопа». За трудовую деятельность отмечен многочисленными почетными грамотами, отличительными знаками: за многолетний добросовестный труд, за рационализаторский подход к организации труда, за высокие показатели и достижения в руководимых им подразделениях. На всех должностях проявил себя как честный, принципиальный, инициативный работник⁸⁴.

Кадровая проблема возникла во второй половине 1960-х гг. Изменение руководящего состава на местах часто проходило через аппаратную борьбу за посты, за влияние в «команде». Внутренняя социально-политическая опасность начала вырваться в недрах хрущевских реформ, что было осознано командой, пришедшей к власти после политического верхушечного переворота 14 октября 1964 г. Хотя прямо об этом не говорилось в документах, а было облечено в форму критики действий Хрущева и необходимости восстановления единых партийных органов. На Президиуме ЦК КПСС после снятия Н.С.Хрущева с официальной формулировкой «в связи с преклонным возрастом и ухудшением состояния здоровья» был взят курс на стабильность, которая выразилась в восстановлении института единства партийных, советских и других органов на территориях. Однако реставрация старых порядков была лишь внешней видимостью восстановления прежних номенклатурных норм. XXIII съезд КПСС (1966) изъясил из Устава партии положение об обязательной ротации состава выборных партийных кадров, в том числе секретарей партийных комитетов. В Уставе КПСС осталось лишь упоминание «о систематическом обновлении партийных» органов, одновременно усилилась установка политического Центра ориен-

тироваться на принцип «преемственности партийного руководства». И повсеместно в регионах началась борьба с текучестью руководящих кадров, что особенно проявилось в практиках долголетних «правлений» многих Первых секретарей.

К середине 1970-х гг. в механизме восходящей мобильности доминировали новые явления: «длина» номенклатурной карьеры возросла почти в три раза. Потенциальный функционер-карьерист мог надеяться занять вожделенный пост лишь к 50-ти годам. Кроме того, в регионах сократилась вариативность карьер, появился некий «пропускной пункт», через который надо было обязательно пройти, чтобы быть допущенным к высокостатусным позициям. Роль этой «точки входа» в большую карьеру играла должность руководителя среднего звена — только в этой позиции потенциальный номенклатурщик становился видимым в системе и мог быть выбран для дальнейшего продвижения⁸⁵. Этот вывод Л.Б. Косовой подтверждается анализом биографических справок дальневосточной политической элиты и согласуется с другим, полученным на основе также биографических справок (см. табл.3). Во-первых, постепенно в страте руководителей увеличивалась доля местных кадров. Во-вторых, примерно треть номенклатурщиков начинали свою трудовую биографию как рабочие, но шансов попасть в элиту непосредственно из рабочих было очень мало. Это были передовики, «выдвинутые по разнарядке» центральных органов, основному правилу советской политической культуры. В эту группу входили также рабочие, которые попали на выборные должности в Советы разного уровня.

В силу необходимости подкрепления идеологического лозунга «рабочий класс является главной политической силой советского общества» в аппараты райкомов и горкомов направлялись рабочие. Например, на Сахалине в 1969 г. в такие структуры было направлено 30 рабочих⁸⁶, но к 80-м гг. эта традиция постепенно разрушалась.

СССР демонстрировал общую социально-политическую тенденцию, проходившую в период быстрого «самовоспроизводства» бюрократии, — рост расходов на ее содержание. Этот факт отмечен специалистами Госплана СССР вскоре после утверждения Л.И. Брежнева на посту генсека. Осенью 1966 г. под председательством руководителя Госплана СССР Н. Байбакова была создана комиссия по экономии государственных средств. Попытки членов комиссии найти способы экономии расходов государственной администрацией выглядели для тех лет очень смело. Сначала предлагалось сократить административные расходы до 1015 млн руб., но после длительного политического торга его участники согласились на 905,3 млн руб. Управленцы большинства союзных и республиканских министерств не хотели никаких измене-

Таблица 3

Характеристика дальневосточной элиты (первые, вторые секретари, председатели исполкомов, их заместители и некоторые руководители отраслевых отделов крайкомов) в 1960-х – 1991 г.⁸⁷

№№		1960-е г.	1970-е гг.	1980 – 1991-е гг.
	Всего исследовано биографических материалов (чел.)	11	18	51
1	Образование	10	18	
	Средне-специальное	4	2	
	Высшее, из них:	7		
	техническое, сельскохозяйственное	6	14	35
	ВПШ, учителя, юристы	1	2	16
2	Стартовая должность – Центр–регион, в т.ч.:	11		
	местные кадры	5	9	50
	из центра	4	3	1
	путь ДВ – Центр – ДВ	2	6	
3	Стартовая должность, в т.ч.*			
	ВПШ	6	7	
	ИТР	4	9	33
	рабочие	-		7
	с.-х. рабочие	-	1	1
	юристы, учителя, журналисты	1		10
	служба в армии	1	1	
4	Начало трудовой деятельности по возрасту			
	до середины 50-х гг.	10	7	1
	после середины 50-х гг.	1	11	41
	конец 50-х – 60-е гг.	-	2	9
5	Годы рождения			
	1910–1920 гг.	11	8	
	1921–1941 гг.	-	10**	24
	1941–1950 гг.			27

* к категориям «служба в армии», «после ВПШ» одновременно относится один и тот же человек.

** преимущественно 1928–1939 гг.

ний. Об этом информировал правительство известный эксперт и глава Управления по труду в Госплане Н. Роговский⁸⁸. Комиссия хотела упразднить 512700 позиций в административно-управленческой системе, но было сокращено лишь незначительное число чиновников⁸⁹.

Высшее политическое руководство во главе с Брежневым, пытаясь привлечь внимание общества к проблеме наведения порядка и дисциплины и тем самым укрепить к себе доверие широких слоев, после верхушечного переворота решило переименовать органы контроля. Они стали именоваться органами Народного контроля⁹⁰. В 1966 г. Комитет народного контроля даже предлагал упразднить некоторые привилегии высших чинов управленцев и бил тревогу о том, что за пять лет численность административных кадров возросла на 24%, составив в общей сложности 7 млн чел., а фонд заработной платы возрос до 13 млрд руб.⁹¹

Народный контроль в СССР играл значимую роль будучи одним из самых эффективных механизмов влияния в эпоху плановой экономики. Народные контролеры отслеживали выполнение хозяйственных договоров, качество товаров и услуг, влияли на руководителей предприятий. Из воспоминаний И.П. Воронова: «Все руководители были осведомлены о функциях и правах НК, с нами считались, потому что, еще раз подчеркну, Народный контроль имел право принимать решения об отстранении руководителя от должности. ...Все руководители уделяли внимание письмам и предложениям граждан. Наверное, все-таки была у нас демократия»⁹².

В регионах особенно быстро росла сеть различных снабженческих организаций и соответственно увеличивалась численность «снабженцев» – управленцев, которые обладали множеством ресурсов, на что обращали также внимание члены комитета. Кроме того, комитет составил список различных льгот, которыми чиновники наделили себя, подсчитав стоимость каждой категории услуг в рублях. Постепенно деятельность комиссии Байбакова, занимавшаяся «ликвидацией убытков», приняла менее агрессивную форму – занялась разработкой мероприятий по экономии государственных средств. Но проведенная кампания не привела к сокращению управленческого слоя, в том числе на Дальнем Востоке.

Политический класс напоминал «слоёный пирог», как, впрочем, всё советское общество. Верхушка правящего класса в СССР была немногочисленной – составляла где-то 2500 чел. Если выделить правящую партийную элиту, то ее численность была сравнительно небольшой – около 1 тыс. чел.⁹³ Сюда входили члены Политбюро, главы партийных аппаратов на центральном и республиканском уровне и партийные секретари обкомов и крайкомов.

После утверждения у власти брежневской когорты постепенно менялась номенклатура должностей и увеличивалась общая численность бюрократии. Управленцы были представлены в основном двумя группами: лица, занятые в партийных, государственных, профсоюзных и комсомольских органах; руководители предприятий и организаций, колхозов, совхозов, капитаны судов, их заместители, начальники подразделений, смен, цехов, мастера, прорабы и т.д. Непосредственно численность номенклатуры в краевых и областных партийных аппаратах Дальнего Востока колебалась в интервале 8800–9000 тыс. чел. Например, номенклатура Амурского обкома КПСС в 1970 г. составляла 1563 чел.⁹⁴

В СССР на 15 сентября 1970 г. весь административный аппарат составлял 15% от общего числа трудящихся⁹⁵, тогда как в начале 1960-х гг. – всего 5%. На Дальнем Востоке удельный вес всех управленцев в общем составе занятого населения был выше, чем в среднем по стране. Если в 60-е гг. он колебался в интервале 7–15%, то в 1970-е гг. административно-управленческий аппарат составлял 9,5–15,3%, в 1985 г. – 16%. Например, в 1970 г. численность этого слоя в Приморье насчитывала 73 628 чел., из этого числа – руководители предприятий и учреждений и их заместители – 18 774 чел. Непосредственное начальство составляло около 26% от краевого административно-управленческого аппарата.

Управленцы учитывались органами статистики по профессиональному и отраслевому составу. В 70-е гг. усложнились формы статистической отчетности, что еще больше затрудняет точное определение численности административно-управленческого аппарата. Например, форма «8а», учитывавшая эту группу, включала директоров, заведующих, заместителей, инженеров (кроме выполнявших конструкторскую и технологическую работу), а также другие должностные и профессиональные категории, даже секретарей, уборщиц, курьеров, если они работали в заводском административном здании. Если инженер «сидел» в фабричном административном здании и занимался планированием, то он входил в управленческий аппарат, но если непосредственно в цеху, то нет. Материальное положение служащих могло зависеть от территории проживания и отраслевой занятости.

По мере увеличения численности и усложнения состава управленческого слоя наблюдались изменения в системе приоритетов, в том числе и среди работников партийного аппарата: росло значение материального вознаграждения. Постепенно политический Центр утрачивал функцию тотального контроля распределения партийно-государственных средств. Из районного партийного звена райкомов партии в крайкомы и обкомы стали поступать многочисленные письма

с просьбами расширить не только ставки номенклатурных работников, но повысить им заработную плату. В 1970 г. с такими письмами в Приморский крайком КПСС обращались руководители Кировского, Иманского, Красноармейского райкомов. Приморский крайком КПСС неоднократно «выходил на Управление делами ЦК КПСС с вопросами о дополнительных штатах освобожденных партийных работников». В Приморье было установлено 13 новых партийных должностей, ставки их утверждались Управлением ЦК КПСС⁹⁶. В целом фонд заработной платы номенклатурным работникам в Приморье был увеличен. Как показывает вся технология переписки руководящих партийных органов с соответствующими отделами ЦК КПСС, одной из главных привилегий партийного и советского аппарата на местах была легальная возможность через письменное обоснование повысить должностные оклады разным группам политически господствующего класса, а также увеличить свою численность.

В соответствии с Постановлением ЦК КПСС в 1971–1975 гг. на территории Хабаровского края были образованы новые партийные органы: Ванинский райком КПСС, Ленинский и Центральный райкомы КПСС. Амурский райком партии в г. Комсомольске-на-Амуре преобразовали в городской комитет КПСС. В связи со строительством Байкало-Амурской железнодорожной магистрали Центр увеличил численный состав аппаратов Верхнебуреинского и Комсомольского райкомов КПСС⁹⁷.

Одной из основных ценностей советского управленца, как и в любой другой политической системе, являлся карьерный рост. Этот принцип формировал неформальную среду окружения руководителей, был главным «двигателем» изменения статуса в иерархии властных отношений и определял, прежде всего, доступность к ресурсам при распределении материальных благ в виде набора привилегий, а также к получению или улучшению жилищных условий и должностных окладов. Повсеместно личный статус управленца мог меняться при определенных жизненных обстоятельствах как за счет умения понравиться партийным руководителям, способностей корректно проявить идеологические взгляды, так и благодаря своим профессиональным успехам или образованию.

Многие номенклатурные работники 70–80-х гг., в том числе первые секретари-дальневосточники, достигли карьерного роста благодаря накоплению производственного опыта, начиная со среднего звена руководителя, и в дальнейшем – управления большими трудовыми коллективами.

По мере усложнения технологических процессов, численного роста занятых на предприятиях политическая элита стала обращать

особое внимание при назначении своей креатуры на образовательный уровень личности, тем самым поощряя рост образования. С 60-х гг. в карьерном продвижении местных кадров стала набирать силу новая ценность – иметь высшее образование. Многие из тех, кто прошел путь карьерного роста и работал в аппаратах крайкомов и обкомов, в основном имели высшее или среднее специальное образование. Так, в Приморье к 1970 г. среди секретарей горкомов и райкомов партии 98% имели высшее и неполное высшее образование. На Сахалине из 52 секретарей горкомов и райкомов КПСС 51 чел. тоже был с высшим образованием и только один – с незаконченным высшим. Все 18 председателей горрайисполкомов имели высшее образование, 10 чел. из них – инженерно-техническое⁹⁸. В Амурской области почти 99% партийной бюрократии получили высшее или неполное высшее образование. Из 1563 работников, входивших в номенклатуру обкома партии, более 1 тыс. имели высшее или незаконченное высшее образование⁹⁹. Такая же тенденция наблюдалась в Хабаровском крае¹⁰⁰. В 70-е гг. советская идеологическая верхушка оставила «рудимент» прошлых лет – партийно-политическое образование. Значительная часть партийной бюрократии имела его или дополнительно проходила обучение в Высшей партийной школе. Такое образование являлось частью «системы подбора, воспитания и расстановки кадров», однако оно становилось дополнением к высшему, чаще всего техническому образованию. Первый секретарь Камчатского обкома КПСС Д.И. Качин (1971–1986) начинал профессиональную карьеру с тралмастера; в своем воспоминании-интервью показал общую тенденцию тех лет: «В советское время была продуманная система подбора, воспитания и расстановки кадров. Видимо, в моем избрании в 1961 г. после окончания учебы в Высшей партийной школе при ЦК КПСС в возрасте 30 лет секретарем парткома предприятия области немаловажную роль сыграло то обстоятельство, что я по профессии инженер-механик ведущей отрасли (рыбной. – *Ред.*)»¹⁰¹. Сведения по партийному образованию становились важными в политической карьере, рассматривались как фактор стабильности режима. В 60–80-е гг. социальные изменения в составе политического господствующего класса в регионе значительно опережали мероприятия Центра по их регулированию.

Хотя политическое руководство поощряло рост образовательного уровня бюрократии, но в большей степени это был саморегулирующийся процесс – вызов эпохи и самооценность. Постепенно функция партийных органов – непосредственный контроль за повышением образования – отмирала. На протяжении предшествующего длительного времени властные органы проводили специальные меры, даже репрессии, чтобы эта группа как культурный слой стала обеспечивать идео-

логическую солидарность в СССР и одновременно выполняла профессиональную деятельность.

Советская интеллигенция в рамках духовной деятельности органически совмещала две функции – научно-образовательную и идеологическую, по мере развития знаний разделялась профессионально на самостоятельные сферы, что фиксировалось учетными статистическими формами. На Дальнем Востоке численность специалистов с высшим образованием стала расти с конца 50-х гг., увеличившись в 1,9 раза в 60-е гг. При общем росте всех дипломированных специалистов в 60–80-е гг. в 3,7 раза численность работников с высшим образованием повысилась в 4 раза, а со средним специальным образованием – в 3,5 раза. По переписи 1959 г. на 1 тыс. служащих в РСФСР приходилось 863 чел. с высшим и средним образованием, на Дальнем Востоке соответственно 876 чел., в 1970 г. – 943 чел., 1979 г. – 979 чел.¹⁰² В 60–70-е гг. не просто возрастала ценность высшего образования в обществе, акцент делался на экономические специальности, что также поощрялось специальными партийными постановлениями¹⁰³. Но параллельно в число престижных профессий входили, как и в конце 50-х гг., требующие инженерно-технического образования. ИТР представляли самую многочисленную группу специалистов – почти 47%. В начале 60-х гг. дальневосточная статистика не выделяла счетных работников и экономистов, но в середине 80-х гг. их насчитывалось уже около 139 тыс. чел.¹⁰⁴ Одновременно менее престижным становится партийно-политическое образование. Общая численность специалистов с высшим образованием в регионе росла, но образовательный уровень руководителей промышленных предприятий на юге Дальнего Востока оказался несколько ниже, чем по России¹⁰⁵. Но другой показатель – численность специалистов с высшим и средним образованием, работавших в народном хозяйстве, в расчете на 1 тыс. чел. был выше среднереспубликанского. Дальний Восток к концу советской эпохи по уровню образования занятых в народном хозяйстве находился на третьем месте в РСФСР¹⁰⁶.

Таким образом, в социальных перемещениях в рассматриваемый период значительно возрастала роль интеллигенции, составлявшей около 40% занятого населения на Дальнем Востоке, хотя в 1979–1989 гг. темпы ее роста несколько замедлились¹⁰⁷.

В период 70-х – начала 80-х гг. особенно проявилось стирание различий в образовательном уровне управленцев Центра и периферии. В 50-е гг. партноменклатурная элита в отдаленном регионе по уровню образования отставала от столичной, уже с 60-х гг. это различие постепенно уменьшалось. В целом образовательный уровень региональной политической верхушки соответствовал принятым стандартам и

нормам. Например, численность ответственных работников Амурского обкома КПСС на 1 января 1990 г. составляла 68 чел., из них 65 чел. имели высшее образование и только 27 чел. получили высшее партийно-политическое образование. Примерно такая же ситуация была в остальных обкомах и крайкомах. Однако к концу советской эпохи ответственные работники в регионе в основном были выходцами из рядов инженеров, педагогов и экономистов. На Сахалине более 50% секретарей горкомов и райкомов партии являлись экономистами-инженерами и специалистами сельского хозяйства¹⁰⁸; в Приморье 77% входящих в номенклатуру крайкома – специалистами промышленности и сельского хозяйства¹⁰⁹. Такие изменения отражали реальности урбанистического процесса в регионе и последствия кадровой политики, свидетельствуя о том, что в самой номенклатурной системе на смену руководителям-«идеологам» пришли «технократы». К середине 80-х гг. примерно 1/3 номенклатурных работников была в возрасте до 40 лет¹¹⁰, в эти годы начался процесс сокращения прохождения потенциального партийного и советского руководителя по всем этапам карьерной лестницы. Такая тенденция с одной стороны свидетельствовала о том, что традиции номенклатурной системы переродились; с другой – анализ возраста функционеров показывает, что их юность приходилась на годы «оттепели» и время формирования приоритета материальных ценностей, связанных с процессом урбанизации.

Рост образовательного уровня господствующего класса на Дальнем Востоке явился закономерным результатом кадровой политики. Руководящие работники продвигались достаточно быстро по служебной иерархии – от номенклатуры райкома до номенклатурного работника крайкома или обкома¹¹¹. Если в 1960-х гг. партноменклатура в регионе (первые, вторые секретари, председатели облисполкомов и другие руководящие должности) формировалась как за счет приезжих назначенцев, так и местных (примерно в равных пропорциях), то в 70–80-е гг. такие руководящие должности в основном стали занимать местные кадры. Типичный путь карьеры местного руководителя прошел В.Г. Беспалов, комсомолец 1964–1984 гг., ставший уже в постсоветский период депутатом Законодательного Собрания Приморского края, при этом оставаясь в рядах КПРФ¹¹². К числу местных кадров, сделавших стремительную партийную карьеру, можно отнести Первого секретаря Магаданского обкома КПСС (1978–1986 гг.) Н.И. Малькова. После окончания Владивостокского мореходного училища он получил специальность инженера-судоводителя, трудился на торговых судах Дальфлота, был избран секретарем партийной организации Дальневосточного морского пароходства и вся его трудовая деятельность была связана с партийной работой¹¹³. В Магадане он, как известно, начал

с кадров, укрепляя райкомы в основном за счет инструкторов обкома партии. Не все работники аппарата охотно соглашались поменять областной благоустроенный центр на далекий, например Омсукчан, но у Первого разговор был короткий. В те годы местные остряки характеризовали его стиль емкой шуткой: «Запустили малька на страх магаданским китам». Вспоминают Н.И.Малькова по-разному: «Кто-то хвалит, кто-то обвиняет в том, что он ломал чужие судьбы, не задумываясь. Был чрезмерно требователен и даже жесток»¹¹⁴.

К 80-м гг. сохранились главные инструменты номенклатурного механизма: контроль и элемент управления местными кадрами – перевод в центральный аппарат КПСС или в аппарат министерства, столичного ведомства (к моменту падения советской власти и ухода с исторической арены КПСС как ведущей политической силы из бывших руководящих работников в Москве сформировалось приморское землячество).

В 70-е гг. режим вступил в стадию саморазрушения, перестав заботиться об идеологической устойчивости социальной базы в регионах как факторе своей политической безопасности. Аппараты органов власти и учреждений подбирались по принципу землячества, личных знакомств¹¹⁵ и т.д. Падение исполнительской дисциплины – первый признак разрушения советских политических порядков. Эта тенденция вышла на поверхность уже в 70-е гг., и высшее политическое руководство, располагая информацией, не могло не видеть плодов своей деятельности. Так, перед празднованием 50-летия со дня образования СССР состоялся Пленум ЦК КПСС. После отчета Байбакова (Госплан СССР), заявившего, что план 1972 г. не выполнен и не будет выполнен план 1973 г., Л.И. Брежнев произнес большую речь (она известна по дневникам А. Черняева). Он привел вопиющие факты низкой производительности труда, незавершенности строительства, низкого качества промышленной продукции. Закончил свою речь вопросом: «Что же это такое? Лень, безответственность, головоунытие, преступление?»¹¹⁶ Тогда руководство еще предпринимало попытки преодолеть ситуацию, опасную для экономики страны, создавая партийные комиссии, предоставляя им право контроля за деятельностью администрации предприятий. Но политическая верхушка свела всю управленческую деятельность лишь к критике отдельных руководителей. Так, в Дальневосточном регионе на бюро крайкомов и обкомов довольно часто критиковалась ситуация, когда «...отдельные руководители не оправдывали доверия коммунистов, трудящихся, нарушали партийную и государственную дисциплину, теряли чувство партийной скромности, свои личные интересы ставили выше общественных»¹¹⁷. Это было признанием краха кадровой политики и идеологии, обеспечивавших безопасность политического режима. Критика была пережитком, при-

шедшим из предшествующего времени, и не могла быть действующим инструментом наведения порядка. Становилось все сложнее управлять социальной базой – бюрократией и в целом обществом. Стремительный рост разрыва между теорией коммунизма и результатами реальной жизни особенно ярко проявлялся на востоке страны.

В рамках основных постулатов марксистско-ленинской доктрины развития общества все труднее становилось интерпретировать нарастающие кризисные явления¹¹⁸ и скрывать за идеологическими лозунгами свои материальные интересы. В годы перестройки в регионе стали проявляться первые признаки падения престижности труда партийного функционера, особенно на уровне секретарского корпуса первичных партийных организаций, хотя некоторые партийные руководящие должности по-прежнему считались престижными. Но в условиях стремительно нарастающего кризиса на местах большие и малые партийные посты уже не прельщали энергичных и предприимчивых людей. В партийных структурах начала проявляться текучесть номенклатурных кадров, дальневосточные реалии соответствовали общесоюзным тенденциям. В Амурской области состав секретарей городских и районных комитетов партии за три года (1986–1988) поменялся на 96%, а работников областного аппарата и освобожденных секретарей парторганизаций – на 34%. В 1989 г. в Хабаровском крайкоме КПСС из 129 заполненных номенклатурных вакансий сменилось почти 15% аппаратчиков. В 1990 г. из числа 228 ответственных работников аппарата горкомов, райкомов КПСС сменяемость составила 21,1%, а из 149 освобожденных секретарей парткомов, партбюро первичных партийных организаций, включая секретарей с правами райкомов, – 47,6% от этой численности. В Приморье в 1990 г. из 174 первичных организаций 32 (52,4%) сменили первых секретарей. В Еврейской автономной области корпус секретарей первичных партийных организаций обновился за год наполовину¹¹⁹.

Кадровые перестановки, предпринятые М.С.Горбачевым, не могли изменить положения дел. На места прежних руководителей приходили прошедшие путь номенклатурного работника либо быстро овладевшие демократической риторикой, либо демонстрировавшие «новый» демократический стиль поведения. Например Л.В.Шарин, ставший с июля 1985 г. Первым секретарем Амурского обкома КПСС, «...в начале своей деятельности немало удивлял амурчан тем, что стоял в очереди в магазине, жил некоторое время в гостинице, где собственноручно нарезал хлеб и огурцы на скромных трапезах с обслуживающим персоналом»¹²⁰.

Увеличение управленческого аппарата являлось не единственной характеристикой состояния советского общества. В 70-е гг. происходили самые динамичные изменения в так называемом резерве попол-

нения органов управления — во Всесоюзной комсомольской организации. Во взрослую жизнь входили комсомольцы, формирование стиля поведения которых пришлось на период разрушения аскетических норм жизни и расширения информационного кругозора. Поездки за рубеж и знакомство с потребительскими ценностями, развитой системой социально-бытовых услуг, высоким качеством товаров и их многообразием были катализатором укрепления роли материальных ценностей в советском обществе. Но во второй половине 60-х — в 70-е гг. это проходило на фоне различных политизированных акций молодежи, в том числе и на востоке России¹²¹.

ЦК КПСС шел по пути сохранения проверенных методов партийно-административного управления, в частности, пытался укрепить вертикаль «Центр—территория—предприятие», но все его действия привели лишь к расширению управленческого аппарата. Прежде всего, увеличилось количество министерств, к середине 80-х гг. XX в. в России насчитывалось более 100 союзных, 800 республиканских министерств, а численность управленческого аппарата достигла 18 млн чел., на содержание которых ежегодно тратилось более 40 млрд руб. (в 1985 г. расходы государственного бюджета на народное хозяйство составляли 55 млрд 413 млн руб.¹²²). В РСФСР один управленец приходился в среднем на 4 рабочих и соответственно на 4,8 рабочих в районах Дальнего Востока¹²³.

Таким образом, понимание советской элитой безопасности привело к увеличению численности политического класса в регионе. Но если аппарат ЦК КПСС мог еще в определенной степени контролировать численные изменения, то система идеологического и политического контроля исполнительности на местах активно разрушалась. Менялся и стиль поведения номенклатуры, отношение ее к труду и к установленным партийным нормам. Стиль «коллективного обсуждения», вошедший активно во времена Л.И. Брежнева, постепенно разрушал личную ответственность, которая была главной характеристикой управленцев и аппаратчиков 50-х гг. и фактором безопасности системы.

В конце 70-х — середине 80-х гг. наблюдался определенный пик падения дисциплины среди различных групп управленцев, в том числе и ее номенклатурной части. Но при этом расходы на содержание аппарата управления за 1975—1980 гг. возросли на 30% и составили 7% от национального дохода¹²⁴. Дисциплинарные меры по наведению порядка, которые на ранних этапах сохраняли систему, уже не могли остановить нарастающей деструктивной тенденции. Так, в Приморском крае в 1984 г. административными органами и комитетами народного контроля к ответственности привлекалось 517 руководителей-коммунистов¹²⁵. В крае, где значительная часть руководящих кадров была представлена работ-

никами морского транспорта, падение дисциплины проявлялось особенно ярко. На судах Востокрыбхолодфлота в 1985 г. по сравнению с 1981 г. в 2,5 раза увеличилось количество случаев провоза контрабандных товаров. Каждый третий нарушитель дисциплины — «лицо командного состава». За 1980—1985 гг. на морском транспорте были освобождены от занимаемой должности «как не обеспечившие руководства или скомпрометировавшие себя» 31 капитан и первый помощник капитана судов заграничного Дальневосточного и Приморского пароходств, 35 капитанов и первых помощников предприятий рыбной промышленности (они входили в номенклатуру бюро крайкома партии). В 1984—1985 гг. в Приморье из рядов партии исключили за злоупотребление служебным положением 43 руководителя¹²⁶, в 1985 г. в Хабаровском крае — 605 чел., 21% за «...морально-бытовое разложение, пьянство и хулиганство, 27% — за уголовные преступления, растраты и хищения, 21% — за нарушение партийной, государственной и трудовой дисциплины»¹²⁷, 40 руководителей номенклатуры крайкома КПСС привлечены к партийной ответственности. За 1986 г. и три месяца 1987 г. к партийной ответственности за различные проступки было привлечено 380 руководителей из числа «первых лиц», в том числе 83 чел., входивших в номенклатуру Хабаровского крайкома КПСС. За 1985—1986 гг. в крае сменилось 56% секретарей партийных организаций, из них каждый второй проработал на этой должности не более года, 58 секретарей освобождены за недостойное поведение¹²⁸.

Однако тенденция падения исполнительской дисциплины в партийном и административно-управленческом аппарате нарастала. Одновременно наблюдалось и другое явление — стремление к незаконным источникам повышения материального благополучия (отсюда рост преступности в экономической сфере). Такие негативные тенденции становились более явными, превращаясь в основной фактор разрушения распределительной социальной системы в стране в целом и на отдельных территориях, в частности. Чувство самосохранения заставило политиков сделать некоторые шаги по наведению порядка в системе управления. На январском 1987 г. Пленуме ЦК КПСС вопрос о «перерождении кадров» приобрел особую злободневность, руководство вынуждено было вынести на обсуждение общества факты «серьезных нарушений партийной этики» и даже «преступных действий» со стороны руководителей многих республик, краев и областей страны¹²⁹.

Ретроспективный анализ проблем общества в рамках концепции социально-политической безопасности был бы неполным, если не остановиться на политике по отношению к так называемым «вассальным группам», которые по официальной отчетности по одним формам входили в группу служащих, по другим — в административно-управ-

ленческий аппарат. По мнению В. Радаева, это специалисты, младший персонал, непосредственно обслуживавшие номенклатуру, в том числе и в Дальневосточном регионе (консультанты, референты, секретари-машинистки и др.). К ним можно отнести также работников физического труда в «престижных» учреждениях, в хозяйственных подразделениях партийных и советских органов. Они обслуживали номенклатуру, занимая особое место в распределительной системе. Исполнитель из этой группы был ближе к распределению социальных благ, чем любой мелкий руководитель из слоя управленцев, например начальник небольшого предприятия, начальник цеха или кассир в аэропорту¹³⁰.

Особое место в социальных отношениях 70–80-х гг. было отведено представителям специализированного аппарата распределения: работникам материально-технического снабжения, в том числе и работникам исполнительного труда (кладовщики, продавцы, грузчики и т.д.). Так, «Система Госснаба по функциям и значимости в структуре правительства СССР была мощной властью государства на втором, если не на первом месте, после Госплана СССР, — пишет в своих мемуарах бывший начальник Сахалинглавснаба В.И. Белоносов. — Это было государство в государстве. Постановление Госснаба СССР в пределах своей компетенции обладало силой нормативного акта правительства»¹³¹. Формально большинство специализированного аппарата распределения были простыми исполнителями чужой воли, но фактически они находились ближе всех к материальным ценностям и не лишены группового социального эгоизма. По абсолютной численности эта группа в СССР за 25 лет, начиная с 60-х гг., увеличилась в 22,8 раза, её удельный вес в структуре занятых на Дальнем Востоке вырос к 1985 г. до 10%, а в 1965 г. составлял 8,8%¹³². Значительная масса людей стремилась в сферу торговли, общественного питания, где можно было получить доступ к дефицитным товарам и продуктам. Численность занятых в этой сфере в Приморье и Амурской области в 1975 г. увеличилась на 50%, а в целом в народном хозяйстве края — на 40%¹³³. Хотя правительство и было озабочено наступающей новой опасностью — расширением «теневой экономики» и проникновением ее в различную социальную среду, но остановить распространение оказалось неспособным. В ее орбиту втягивались все регионы. Так, на территории Приморского края и Магаданской области более половины совершенных преступлений во второй половине 1980-х гг. были имущественные, в том числе и так называемые экономические¹³⁴.

В 1960 — 80-х гг. регулирование социальных процессов, направленное на стабильность общественных отношений, не смогло остановить саморазрушения политически господствующего класса. Самой яркой характеристикой стало нарастание общих союзных тенденций на

Дальнем Востоке, типичных для всей страны. Специфика разрушения советских социально-политических устоев в регионе заключалась в том, что этот процесс будучи зеркальным отражением внутренней политики проявлялся преимущественно в количественном измерении.

-
- 1 Обращение Председателя Совета Народных Комиссаров СССР к народу от 2 сентября 1945 г. // Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны, 1941–1945. М.: Политиздат, 1983. Т.2. С.443–444.
 - 2 Савельева Е.И. От войны к миру: (Гражданское управление на Южном Сахалине. 1945 — 1947 гг.) // Сахалин, Курилы: на рубеже веков: сб. ст. Южно-Сахалинск, 2002. С. 24.
 - 3 Мир после войны: дальневосточное общество в 1945–1950-е гг. Владивосток: Дальнаука, 2009. С.51–55. (История Дальнего Востока. Т.3, кн.4); История Сахалина и Курильских островов с древнейших времен до начала XXI столетия: учеб. пособие для студентов высших учебных заведений региона по специальности «История» / отв. ред. М.С. Высоков. Южно-Сахалинск: Сахалин. кн. изд-во, 2008. С.454–473; Ким И.П. Развитие территорий, присоединенных к СССР после Второй мировой войны (Восточная Пруссия, Южный Сахалин, Курильские острова, 1945 — первая половина 1949 г.: дис. ...канд. ист. наук. Южно-Сахалинск, 2010. 255 с.
 - 4 Ким И.П. Развитие территорий, присоединенных к СССР после Второй мировой войны... С. 97.
 - 5 СЦДНИ. Ф.20. Оп. 1. Д.12. Л.33–34.
 - 6 Ким И.П. Указ. соч. С.91.
 - 7 Там же. С.103.
 - 8 ГАРФ. Ф. 9401. Оп.2. Д.134. Л.166.
 - 9 Мир после войны... С.345.
 - 10 ГАРФ. А-461. Оп. 12. Д. 198. Л.18.
 - 11 Бацаев И.Д. Очерки истории Магаданской области (начало 20-х — середина 60-х гг. XX в.). Магадан: СВКНИИ ДВО РАН, 2007. С. 160.
 - 12 Широков А.И. Государственная политика на Северо-Востоке России в 1920–1950-х гг.: опыт и уроки истории. Томск: Изд-во Томского ун-та, 2009. С 14.
 - 13 Бацаев И.Д. Особенности промышленного освоения Северо-Востока России в период массовых политических репрессий (1932 — 1953). Дальстрой: Магадан: СВКНИИ ДВО РАН, 2002. С.124–190; Широков А.И. Указ. соч.С.324 — 446; Зеляк В.Г. Пять металлов Дальстроя: история горнодобывающей промышленности Северо-Востока России в 30–50-х гг. XX в. М.: Кордис, 2004. С.145.
 - 14 Бацаев И.Д. Очерки истории Магаданской области... С.86–87; Широков А.И. Указ. соч. С. 146 — 149.
 - 15 Там же. С. 152.
 - 16 Бацаев И.Д. Особенности промышленного освоения... С.149 — 169.
 - 17 Мир после войны... С.440–467.
 - 18 Там же. С. 165.

- 19 Иванова Г.М. История ГУЛага, 1918 — 1958: социально-экономический и политико-правовой аспекты. М: Наука, 2006.
- 20 Цит. по: Широков А.И. Указ. соч. С. 351.
- 21 См.: Бацаев И.Д. Особенности промышленного освоения ... С149–157.
- 22 Там же. С. 171.
- 23 Приказ МВД. № 00454 // История сталинского ГУЛага: конец 1920-х — первая половина 1950-х годов: собр. документов в 7 т. Т. 2. С. 386–391.
- 24 Шулубина С.А. Система Севвостлага.1932–1957: дис. ...канд. ист. наук. Томск, 2003. С. 152.
- 25 Там же.
- 26 Бацаев И.Д. Очерки истории Магаданской области... С. 88.
- 27 Мир после войны... С.454–457.
- 28 См.: ГУЛГ: Главное управление лагерей. 1918–1960 / под ред. А.Н. Яковлева; сост. А. Кокурин, Н. Петров. Серия: Россия. XX век: документы. М.: Изд-во: Международный фонд «Демократия», 2002. С.786–788.
- 29 Цит. по: Широков А.И. Указ. соч. С.352.
- 30 Пастухов В.Б. «Перестройка»: Революция и контрреволюция в России. 2-е изд. // Полис. 2010. №1. С.10–11.
- 31 Дерлугьян Г. Адепт Бурдые на Кавказе: Эскизы к биографии в миросистемной перспективе: авториз. пер. с англ. М.: Издат. дом: «Территория будущего», 2010. С. 88.
- 32 См.: Широков А.И. Указ. соч. С.340 – 341; Бацаев И.Д. Особенности промышленного освоения... С.131 – 175.
- 33 Широков А.И. Указ. соч. С.332 – 333.
- 34 Восточный форпост. Магадан, 2002. №2–3; Смолина Т. Шайдуров Сергей Афанасьевич // Жизнь, отданная Северу. Магадан, 2005. С.127.
- 35 Годы созидания и свершений: Интервью с Первым секретарем Камчатского обкома КПСС (1971–1986 гг.) Д.И. Качиным // Камчатка во второй половине XX в. (воспоминания современников). М.: Молодая гвардия, 2005. С.15.
- 36 Шилов Н.А. Роль Российской академии наук в освоении Северо-Востока России // Колымские вести. Магадан: Северо-Вост. науч. центр ДВО РАН, 1999. № 4. С.3.
- 37 ГАРФ. Ф. 5451. Оп.61. Д.9653. Л.106–108.
- 38 Поляков А.В. Золото Северо-Востока: (к 70-летию образования треста «Дальстрой») // Колыма. Магадан: Северо-Восточный науч. центр ДВО РАН, 2001. №4. С.53–57.
- 39 Зеляк В.Г. Указ. соч. С. 180.
- 40 Там же. С. 271.
- 41 Ващук А.С. Заработная плата и социально-бытовые условия вольнонаемных работников Дальстроя (1945 – 1957 гг.) // История освоения Россией Приамурья и современное социально-экономическое состояние стран АТР: материалы междунар. науч.-практ. конф. Комсомольск-на-Амуре, 4–5 окт. 2007 г. Комсомольск-на-Амуре, 2007. Ч. 1. С. 199 – 207.
- 42 ГАМО. Ф.21. Оп.5. Д.58. Л.74.
- 43 Там же.
- 44 Поляков А.В. Указ. соч. С.53.
- 45 ГАРФ. Ф. 9593. Оп. 3. Д.333. Л.38

- 46 Там же. Оп. 3. Д. 863. Л.13.
- 47 Ахназаров Э.Б. Пути повышения эффективности использования основных фондов золотодобывающей промышленности // Проблемы развития производительных сил Северо-Востока СССР. Магадан: СВКНИИ, 1963. Вып.7. С. 61–77.
- 48 Шайдунов С.А., Шило Н.А. Основные направления развития производительных сил Магаданской области в генеральной перспективе // Проблемы развития производительных сил Северо-Востока. С.3–21.
- 49 См.: Бацаев И.Д. Агропромышленный комплекс Северо-Востока России. 1954 – 1991 гг. (Этапы развития, особенности, эффективность). Магадан: СВКНИИ ДВО РАН. 2001; Мир после войны... С. 625–659.
- 50 ГААО. Ф. 183. Оп. 15. Д. 18. Л. 30.
- 51 Там же. Д. 25. Л. 42.
- 52 СЦДНИ. Ф. П-4. Оп. 155. Д. 4. Л. 13.
- 53 Там же. Оп. 1. Д. 554. Л. 77–83.
- 54 ГАПК. Ф. 1210. Оп. 1. Д. 10. Л. 57.
- 55 Там же.
- 56 ГАХК. Ф. П-35. Оп. 38. Д. 29. Л. 247.
- 57 ГАПК. Ф.1210. Оп. 1. Д. 10. Л. 57.
- 58 ГАХК. Ф. П-35. Оп. 41. Д. 9. Л. 286.
- 59 Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. М., 1968. Т. 3. С. 45–46.
- 60 Леонов Н.В. Очерк истории Сахалинской организации КПСС. Южно-Сахалинск: Дальневост. кн. изд-во, 1975. С. 157.
- 61 ГААО. Ф. 183. Оп. 15. Д. 12. Л. 20.
- 62 Там же. Ф. 559. Оп. 1. Д. 11. Л. 18.
- 63 ГАХК. Ф. П-35. Оп. 41. Д. 25. Л. 204.
- 64 Там же. Д. 9. Л. 282.
- 65 СЦДНИ. Ф. П-4. Оп. 155. Д. 4. Л. 13.
- 66 Там же.
- 67 Очерк истории Хабаровской краевой организации КПСС (1900–1978 годы). Хабаровск: Кн. изд-во, 1979. С. 271.
- 68 Указ Президиума Верховного Совета СССР от 23 июля 1951 г. «О мерах борьбы с антиобщественными и паразитическими элементами» / Зима В.Ф. Голод в СССР: происхождение и последствия. М.: Ин-т российской истории РАН, 1996. С. 181.
- 69 Фицпатрик Ш. Паразиты общества: бродяги, молодые бездельники и частные предприниматели мешали коммунизму в СССР // Советская социальная политика: сцены и действующие лица, 1940–1985 / под ред. Е.Ярской-Смирновой и П.Романова. М.: ООО «Вариант», ЦСПГИ, 2008. С. 225.
- 70 Законопроект «Об усилении борьбы с антиобщественными, паразитическими элементами» // Советская Россия. 1957. 21 авг.
- 71 Фицпатрик Ш. Паразиты общества... С.229–231.
- 72 ГАПК.Ф.533.Оп.1.Д. 45. Л. 7–8.
- 73 Там же. Ф.26. Оп. 33. Д.735. Л.3.
- 74 Там же. Ф. 533. Оп. 1. Д.48. Л. 26; Д.45. Л.7–10.

- 75 Жирнов Е. Паразиты на шее трудящихся //Законы XX века. №19–20 (1006–1007). 11.05–20.05.2011 /URL: <http://www.zib.com.ua/ru/3234.html> (дата обращения: 12.10.2011).
- 76 КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК (1898 – 1986). Т.8. 8-е изд. М.: Политиздат, 1972. С.394.
- 77 Титов В. Протестные настроения в общественном мнении граждан РСФСР во второй половине XX века (на примере 1950 – 1960-х годов). Иркутск, 2005. С.122.
- 78 Клечковская Л.Г. Органы народного контроля в условиях развитого социализма (1966–1975 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Владивосток, 1980. С.40–60.
- 79 См.: Вашук А.С. Социальная политика в СССР и ее реализация на Дальнем Востоке (1945 г. – конец 80-х годов): дис. ... д-ра ист. наук. Владивосток, 1998. С. 160–202, 370–387.
- 80 Жизнь как легенда: Воспоминания современников о Василии Ефимовиче Чернышове: сб. воспоминаний. (Народная издательская программа «Новая книга»). Владивосток: Морской гос. ун-т им. адмирала Г.И.Невельского, 2005. С.6–59; Роль Первого секретаря в реализации политики хозяйственного освоения советского Дальнего Востока в 60-е годы XX в. // Россия на Тихом океане: Роль личности в становлении российской государственности и проблемы безопасности: (Шестые Крушановские чтения, 2009 г.). Владивосток, 2011. С. 150–152.
- 81 Там же.
- 82 Кузин А.Т. Деятельность П.А. Леонова на посту руководителя Сахалинской области // Россия на Тихом океане: роль личности в становлении российской государственности и проблемы безопасности: (Шестые Крушановские чтения, 2009 г.). Владивосток: Дальнаука, 2011. С.154–159.
- 83 Личный архив Е.К. Пилилян (дочери К.И. Барсукова); И прошел он войну до победного дня // Шахтер. Владивосток: Приморскуголь, 1995. №17. 5 мая.
- 84 Личный архив О.А. Батиевской (дочери А.П. Батиевского).
- 85 Там же.
- 86 Леонов П.А., Панькин И.В., Белоусов И.Е. Область на островах: краткий очерк истории развития экономики и культуры, деятельности партийных организаций Сахалинской области. Южно-Сахалинск, 1970. С.363.
- 87 Информационный бюллетень. №22. «Документы рассказывают» (Из истории Амурской области и г. Благовещенска). 2-й вып. Благовещенск: Управление по делам архивов Администрации Амурской области, 1998. Май. С.3–27; Вашук А.С. Социальная политика в СССР и ее реализация на Дальнем Востоке (1945 г. – конец 80-х годов): дис. ...д-ра ист. наук. Владивосток, 1998. Приложение 2: Биографические справки и социально-политические портреты дальневосточной номенклатуры. С.464–485; Буянов Е.В. Политическая элита Дальнего Востока России (1980-е – 1990-е годы). Благовещенск, 2002. С. 3–55; Жизнь, отданная Северу. Магадан, 2005. С. 123–133; ГАПК. Ф.П-68. Оп.114. Д. 441. Л.3,4, 11–14, 46; Д.438. Л. 1–9, 41; Д.188. Л.1–4,10,24,38,49; Д.73. Л. 1 а–5, 18, 33, 38; Оп 3. Д.601. Л. 1–1 об., 3–4, 24–25; Оп.31. Д.111. Л.1–8, 16–17, 20–21; Д.383. Л.1–4; Д.240. Л.1–4, 10; ЦХСД МО. Ф.П-21. Оп. 4. Д.35. Л. 9; Д. 31. Л. 1–21; Д.32. Л.1–2; Оп.7. Д.31. Л. 11–11об., 35–35об.

- 88 Левин М. Советский век. М.: Изд-во Европа, 2008. С.557.
- 89 Там же. С.563–565.
- 90 Ведомости Верховного Совета СССР. 1965. № 49. Ст.718.
- 91 Левин М. Указ. соч. С.565.
- 92 Контролерам вернут полномочия // Народный контроль. URL: http://www.nk-ural.ru/news/news_97.html (дата обращения: 10.10.2011).
- 93 Левин М. Указ. соч. С.546–547.
- 94 ГАПК. Ф.131. Оп. 19. Д.44. Л.1–1об.
- 95 Левин М. Указ. соч. С.546.
- 96 ГАПК. Ф.П-68. Оп. 50. Д.120. Л.12–17.
- 97 Очерк истории Хабаровской краевой организации КПСС... С.310.
- 98 Леонов П.А. Очерк истории Сахалинской организации КПСС. Южно-Сахалинск, 1975. С.262.
- 99 Амурская правда. Благовещенск, 1971. 12 февр.
- 100 История Дальнего Востока СССР. Макет. Кн. 10. Советский Дальний Восток в период совершенствования развитого социалистического общества в СССР (1959–1970 гг.). Владивосток, 1979. С.143.
- 101 Камчатка во второй половине XX века. (Воспоминания современников). М.: Молодая гвардия, 2005. С.9.
- 102 Борчанинова В.Е. Социальная структура населения Дальнего Востока России (60–80-е годы). Владивосток: Дальнаука, 1992. С.118.
- 103 См.: Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. 1968. Т.6. С.7–11, 225–233; Макаренко В.Г. Высшая техническая школа на Дальнем Востоке России (середина 60-х – 80-е годы XX в.). Владивосток, 2002. С.39, 42, 59, 63, 74.
- 104 Макаренко В.Г. Высшая техническая школа... С.113.
- 105 Там же. С.101.
- 106 Показатели социального развития Амурской области. Благовещенск: ЦСУ РСФСР. Статуправление Амурской области. 1990. С.33.
- 107 Борчанинова В.Е. Социальная структура населения Дальнего Востока России... С.104.
- 108 ГАО. Ф.П-1. Оп.69. Д.108. Л.1–2; Леонов П.А. Указ. соч. С.262.
- 109 ГАПК. П-68. Оп.115. Д.424. Л.11.
- 110 Точных данных по всем крайкомам и обкомам нет, приведенные цифры являются расчетными.
- 111 Леонов П.А. Указ. соч. С.264; Очерк истории Хабаровской краевой организации КПСС... С.312; Приморская краевая организация КПСС в период развития и совершенствования социалистического общества (60–80-е годы). С.218–219; Белоносов В.И. Сахалин: 1963 – 2000 годы // Краеведческий бюллетень. Южно-Сахалинск, 2000. № 4. С.121–123; Губернаторы Сахалина. Южно-Сахалинск: Архивный отдел Администрации Сахалинской области, 2000. С. 245–281; Руководители Хабаровского края (1938–1988 гг.) / сост. Е.Б.Бакшеева, О.И. Иванова, Н.А.Соловьева. Хабаровск, 1998. С.28–52; Летопись Амурской области. Благовещенск: ООО «Издательская компания «РИО», 2003. Т. 3. С. 92–104; Буянов Е.В. Политическая элита Дальнего Востока России (1980 – 1990-е годы). Благовещенск, 2002. 60 с.
- 112 Беспалов В.Г. Воспоминания. URL <http://www.pkokprf.ru/Info/7000> (дата обращения: 02.07.2010).

- 113 Фатеев В. Мальков Николай Иванович // Жизнь, отданная Северу. Магадан, 2005. С.128–129.
- 114 Там же. С 129.
- 115 См.: Крыштановская О.В., Радзиховский Л.А. Каркас власти: опыт политологического исследования // Вестн. РАН. 1993. Т.63. №2. С.94–100.
- 116 Черняев А. Совместный исход: дневник двух эпох. 1972–1991 гг. М.: РОССПЭН, 2010. С.30.
- 117 Приморская краевая организация КССС в период развития и совершенствования социалистического общества (60–80-е годы). Владивосток: Дальневост. кн. изд-во, 1979. С.88.
- 118 См. соответствующие разделы, посвященные социально-экономическим процессам.
- 119 Буянов Е.В. Государственное строительство на юге Дальнего Востока России в 1990–1997 гг. Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 1998. С.43–44.
- 120 Там же.
- 121 Молодежь и политика: фотографии, факсимиле, плакаты и рисунки по истории студенческой политизированной самодеятельности на востоке России (1961–1991): документальный сборник / сост. А.Г. Борзенков. Новосибирск, 2003. 204 с.
- 122 Народное хозяйство РСФСР в 1985 г.: стат. ежегодник. М.: Финансы и статистика, 1986. С.378.
- 123 Борчанинова В.Е. Социальная структура населения Дальнего Востока России... С.113.
- 124 Шубин А.В. Золотая осень, или Период застоя СССР в 1975–1985: (Тайны советской эпохи). М.: Вече, 2008. С.130.
- 125 ГАПК. П-68. Оп.115. Д.424. Л.11.
- 126 Приморская краевая организация КПСС... С.213.
- 127 Тихоокеан. звезда. Хабаровск, 1986. 25 янв.
- 128 ГАХК. Ф.35. Оп. 115. Д.1. Л.39, 44.
- 129 Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС. 27–28 января 1987 г. М., 1987. С.13.; Нарушение ленинских принципов кадровой политики партии // На пороге кризиса: нарастание застойных явлений в партии и обществе. М.: Политиздат, 1990. С.105–123.
- 130 Шубин А.В. Золотая осень, или Период застоя СССР. С. 132–133; Ванюков Д.А. Эпоха Застоя. М.:ООО «Издательство Мир книги», 2008. С.39–43.
- 131 Белоносов В.И. Сахалин: 1963 – 2000: (воспоминания) // Краеведческий бюллетень. 2000. № 4. С.121–123.
- 132 Ващук А.С. Социальная политика в СССР и ее реализация на Дальнем Востоке (середина 40 – 80-х годов XX в.). Владивосток: Дальнаука, 1988. С.147.
- 133 Приморье в девятой пятилетке. Владивосток: ЦСУ РСФСР, Стат. управление Приморского края, 1976. С.61–62; Амурская область в 1980 году. Благовещенск: ЦСУ РСФСР, Стат.управление Амурской области, 1980. С.181.
- 134 Изменения преступности в России: криминологический комментарий: статистика преступности. М., 1994. С.20; Народное хозяйство Приморского края в 1991 г. Владивосток, 1992. С.122; Народное хозяйство Магаданской области за 1980–1991 годы. Магадан, 1992. С.85; Недостачи, хищения и порча товарно-материальных и других ценностей в Магаданской области за 1988 г. Магадан, 1989. С.3.

Глава 3

БОРЬБА С ПРЕСТУПНОСТЬЮ В ДАЛЬНЕВОСТОЧНОМ РЕГИОНЕ КАК СТРАТЕГИЯ ОБЕСПЕЧЕНИЯ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ (середина 1940-х – 1991 г.)

3.1. ПОСЛЕДСТВИЯ ВОЙНЫ И СОВЕТСКАЯ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ СИСТЕМА В БОРЬБЕ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ НА ДАЛЬНОМ ВОСТОКЕ (1946 г. – середина 1950-х гг.)

Окончание Второй мировой войны ознаменовало собой не только надежду на улучшение жизни, но и повлияло на новые факторы роста преступности как в стране, так на Дальнем Востоке. В обществе сохранялись накопившиеся напряженность и агрессия, силовые методы разрешения личных проблем. За время войны и послевоенные годы произошел существенный рост преступности. Так, с 1940 по 1947 г. проявление бандитизма в СССР увеличилось в 5,4 раза, грабежей и разбоев – в 2,4 раза. Наибольший рост этих преступлений пришелся на 1944 – 1947 гг.¹ Выход из состояния социально-психологической напряженности оказался длительным и болезненным. В этих условиях преступность представляла собой одну из угроз для общества и власти, снижение которой стояло в числе первостепенных задач.

После восстановления министерской системы в марте 1946 г. министром внутренних дел СССР стал С.Н. Круглов, министром государственной безопасности СССР – В.Н. Меркулов. Власти всех уровней осознавали масштабы бандитизма и действий повстанческих формирований, угрозу обществу со стороны уголовной преступности и ро-

ста хищений социалистической собственности. Вся оперативная информация по происшествиям в регионах направлялась в центральные органы МВД и госбезопасности. Государство на послевоенные вызовы ответило усилением мер по охране общественного порядка и личной безопасности граждан СССР, организацией проведения паспортной системы, обеспечением изоляции преступников. Особое значение придавалось борьбе с детской беспризорностью и безнадзорностью. Правительство вынуждено было давать соответствующим органам специальные задания по содержанию и охране военнопленных и интернированных, привлечению их на различные виды работ.

Основная миссия по борьбе с преступностью традиционно лежала на «плечах» органов внутренних дел. Реформа государственного управления произошла и в местных ОВД. Правительство усиливало кадровый состав, надеясь на то, что структурные изменения будут способствовать мобилизации сил в борьбе с преступностью. В 1946 г. Управление НКВД Приморского края было преобразовано в Приморское краевое управление МВД СССР². Аналогичные мероприятия проводились и в Хабаровском крае, куда кроме собственно Хабаровского края входили территории будущих самостоятельных областей — Амурской, Камчатской, Сахалинской и Магаданской (в современных границах). Но если «материковые» области Хабаровского края имели слаженную структуру внутренних дел, то на присоединенной территории Южного Сахалина и Курильских островов в 1945 г. лишь создавались новые структуры. Приказом генерал-лейтенанта М. Шередега, начальника МВД Сахалинской области, 17 мая 1947 г. было создано единое сахалинское МВД с дислокацией в г. Южно-Сахалинске. К этому времени штат сотрудников уголовного розыска насчитывал 90 чел. Первым начальником был назначен старший лейтенант милиции М.И. Кондратюк, его первым заместителем — лейтенант милиции Ф.Ф. Брагин. В структуру отдела входило несколько подразделений: 1-е отделение — по борьбе с убийствами и кражами; 2-е — по борьбе с кражами; 3-е — по борьбе с хулиганством, мошенничеством и половыми преступлениями; 4-е — по борьбе с детской преступностью, а также следственное отделение и группа служебного собаководства. Отделения уголовного розыска были созданы во всех районах островной области³.

Борьба с преступностью в послевоенные годы была направлена на достижение стабильности в обществе, но идеологический фактор в условиях тоталитарного режима был определяющим. Тотальной проверке подвергались возвращавшиеся из плена или эвакуации как «запятнавшие» себя контактом с заграницей. Вчерашние военнопленные и некоторые другие категории репатриантов попадали в ИТЛ или рабочие батальоны, где отбывали и отработывали свои «сроки». По отноше-

нию к ним допускалось и производилось уголовное преследование по статье 58-1 б УК РСФСР от 1934 г.

Другим «вызовом» для государства стала необходимость преодоления демографических потерь (27,5 млн чел.), и правительство внесло некоторые изменения в законодательство, пойдя путем запретов. Так, были запрещены аборты. В системе уголовного наказания отменялась смертная казнь⁴, и максимальное наказание составляло 25 лет лагерей, хотя уже в январе 1950 г. высшая мера наказания была восстановлена по отношению к изменникам родины, шпионам, подрывникам-диверсантам⁵.

Уголовное наказание, особенно длительное, использовалось не только как политико-идеологический инструмент, но и как способ укрепления распределительной системы. В новых постановлениях ЦК ВКП (б) и Совета Министров СССР и указах* предусматривалось наказание за хищения государственного и общественного имущества лишением свободы до 25 лет. Ужесточая эту меру, правительство пыталось решать двуединую задачу – снижение преступности в целом и обеспечение некоторых отраслей народного хозяйства принудительным трудом. В СССР в 1939 г. на 100 тыс. населения численность лиц, приговоренных к разным срокам лишения свободы, составила 581,5 чел., в 1946 г. – 713,5 чел., 1947 г. – 853,4 чел., 1948 г. – 624,2 чел., 1949 г. – 540,7 чел.⁶

Обеспечение социальной стабильности на Дальнем Востоке требовало учета его пограничного положения и значительной удаленности от центра страны при слабой заселенности. Определенные проблемы создавала и высокая концентрация учреждений пенитенциарной системы.

Государство в Дальневосточном регионе, как и в целом по стране, столкнулось с образованием уголовных банд. Безусловно, там, где прошла война, количество преступлений, совершаемых такими группами, было выше, чем на бывших тыловых территориях. Число банд на Дальнем Востоке (338) было сопоставимо с численностью банд в Сибири, на Урале и Приуралье (в совокупности 377). Но в регионе их насчитывалось в три раза больше, чем в Средней Азии и Казахстане (110)⁷. В июле 1948 г. в Магаданской области совершили групповой побег 12 заключенных, убив двух дежурных, забрав револьвер с боевыми патро-

* Постановление ЦК ВКП (б) и Совета Министров СССР «О мерах по обеспечению сохранности хлеба, недопущения его разбазаривания, хищения и порчи» от 27 июня 1946 г., Постановление Совета Министров СССР «Об усилении борьбы со спекуляцией» от 13 сентября 1946 г., указы Президиума Верховного Совета СССР «Об уголовной ответственности за хищения государственного и общественного имущества» от 4 июня 1947 г., «Об усилении охраны личной собственности граждан».

нами, винтовки. Вооружившись, они совершили налет на помещение взвода Северного отряда ВСО, убили и разоружили дежурного взвода, а затем скрылись в сопках. Силами оперативных работников уголовного розыска, военизированной охраны и конвойных войск МВД в течение 12 дней (июль – август 1948 г.) эта банда была ликвидирована⁸.

Политика принудительного трудоустройства провоцировала социальный протест. Например, в Хабаровском крае сформировалась группа из бывших военнопленных. С октября 1945 г. в Оборском леспромпхозе (район им. Лазо) трудился 24-й отдельный рабочий батальон численностью 984 чел. и 10 офицеров. В 1946 г. администрация объявила, что они являются постоянными рабочими и домой не будут отпущены. В ответ около половины состава батальона перестали выходить на работу и занялись сбором и торговлей орехами. Ситуация выходила из-под контроля, и секретарь райкома района им. Лазо М. Щелканов вынужден был докладывать секретарю Хабаровского крайкома Р.К. Назарову, что «...командный состав батальона сжился с бойцами, совместно пьянствуют... Из 984 чел. 145 чел. дезертировало, а из оставшихся 839 чел. 50% не работают, занимаются сбором орехов и продажей их в г. Хабаровске». Среди так называемых «орешников» были отмечены случаи избиений и даже убийства⁹. Понадобились специальные мероприятия, чтобы навести порядок в батальоне.

Органы внутренних дел приступили к борьбе с бандитизмом на территории вновь образованной Южно-Сахалинской области. Банды имели вооружение, что усиливало у населения страх и требовало принятия особых мер по их ликвидации. Весной 1946 г. в 50 км от пос. Котон (Победино, ныне входит в состав Смирныховского городского округа) и на территории Томаринского района с помощью местных жителей из числа корейского населения были обнаружены и уничтожены замаскированные в лесу японские склады и тайники с большим количеством стрелкового оружия, боеприпасов и обмундирования. В 1946 г. органы ликвидировали 13 вооруженных банд численностью 60 чел., состоявших из бывших японских военнослужащих и членов военизированных формирований (отрядов Боётэй). К высшей мере наказания приговорили 4 чел., остальных – на срок от 6 до 25 лет¹⁰.

Если в западных приграничных районах СССР ситуация отличалась высокой концентрацией бандитизма и грабежей, связанных с наличием антисоветских формирований, в крупных центральных городах – с действиями уголовных банд, то на Дальнем Востоке положение обострялось большой численностью и плотностью исправительно-трудовых лагерей, использованием уголовного элемента на стройках, леспромпхозах. В июне – июле 1947 г. на территорию северных райо-

нов Амурской области (Верхне-Буреинский и Селемджинский) была направлена большая партия бывших заключенных. Администрация предприятий и органы милиции контролировали ситуацию, но все равно происходили серьезные конфликты, вынуждавшие бойцов применять оружие¹¹.

О ежедневных трудностях противодействия преступности и бандитизму вспоминает один из сотрудников Камчатского уголовного розыска И.И. Олейник: «Работать было трудно, сутками не приходил домой. Была большая преступность – бандитизм, разбои, кражи»¹².

Специфика послевоенной ситуации отличалась тем, что в советском уголовном праве (УК 1926 г.) различий между политическим и уголовным бандитизмом не было. Но с 1947 г. карательные органы стали проводить юридические различия между ними, что отразилось на методах и специфике органов противодействия этим явлениям. Так, борьба с политическим бандитизмом передавалась в ведение МГБ, с уголовным – в ведение МВД. В июне 1947 г. последовало переустройство всех карательных органов. С этой целью выделялись дополнительные помещения, транспортные средства, другое имущество и деньги. Политическое руководство страны особое внимание уделяло укреплению органов на периферии, повышению квалификации кадров. В Саратове и Сортавале (Карелия) открыли две специальные школы. В системе высшего военного-технического образования обеспечивалось 180 дополнительных мест в год для подготовки кадров в управления по борьбе с бандитизмом. Эти учебные центры готовили кадры для всех регионов страны.

Государственное управление по борьбе с бандитизмом (ГУББ), созданное в начале войны, представляло разветвленную структуру, специальные подразделения применяли особые методы для подавления социального и политического бандитизма. Спецподразделения проводили сбор информации об общественных настроениях населения или оппозиционно настроенных группах (разведка), создав широкую сеть осведомителей, которых также внедряли в эти группы (агентурная работа). Некоторые недавно рассекреченные документы позволяют судить о масштабах деятельности осведомителей. На 1 января 1952 г., как следует из доклада заместителя начальника управления уголовного розыска МВД полковника милиции Кирова, «...благодаря 10 473 осведомителям в СССР было раскрыто 2 504 преступлений и произведено 3713 арестов, в том числе 27 – за убийства, 150 – за грабежи, 1524 – за воровство и хищения, 710 – за другие преступления»¹³.

Специфическим вызовом послевоенного времени оказалась высокая концентрация воинских частей в Дальневосточном регионе и рост количества преступлений, совершавшихся военнослужащими в отношении гражданского населения. Представители местных органов

власти могли действовать лишь пассивными методами, в частности, обращались к командованию с просьбой навести порядок на подведомственной им территории. Так, на Сахалине председатель Томаринского райисполкома просил перевести войсковую часть из села Белинского в другой район. В 1948 г. Д.Н. Мельник писал командующему Дальневосточным военным округом Н.И. Крылову и министру Вооруженных сил Н.А. Булганину: «...за последнее время распушенность отдельных военнослужащих в некоторых воинских частях дошла до прямого терроризирования гражданского населения. Как это ни странно, у нас (имеется в виду Сахалин. – *Ред.*) человек в военной форме в ночное время вызывает у рабочих и служащих беспокойство за жизнь и свое имущество. Несмотря на проведение в последнее время целого ряда мероприятий, факты возмутительного поведения военнослужащих продолжают». За первые шесть месяцев 1948 г. на территории Сахалинской области военнослужащими было совершено более 100 различных преступлений, в том числе 9 бандитских налетов, 20 убийств, 17 грабежей, 80 краж». Как правило, такие преступления «провоцировались пьянством»¹⁴. Послевоенное состояние общества, в частности «комплекса силы», на несколько лет вперед определило необходимость сохранения военных законов. Сложная обстановка складывалась в городах Дальнего Востока. Так, из 600 преступлений, зафиксированных в Хабаровском крае, 2/3 совершены в самом Хабаровске. В декабре 1946 г. бюро Хабаровского горкома проанализировало ситуацию и приняло экстренные меры, но они дали лишь временный результат¹⁵.

Послевоенная нищета выталкивала на Дальний Восток одних людей в поисках лучшей доли, других – быстрых и больших заработков, третьих – в стремлении скрыться от закона. Государство оказалось в противоречивой ситуации. С одной стороны, оно всеми средствами пыталось привлечь население на Дальний Восток *, а с другой – через систему организованных миграций в регион попадали «случайные» люди, которые в силу определенных условий не имели права использовать преференции организованных форм переселения. Так «расширялось» поле деятельности для работников органов МВД. Полковник Семенов из управления МВД по Сахалинской области в 1947 г. докладывал в обком и облисполком: «Среди прибывших по оргнабору 143 уголовника, 74 государственных преступника, 488 злостных неплательщиков алиментов»¹⁶. В 1948 г. наблюдался рост прибытия на Сахалин людей с судимостью и преступников-рецидивистов. За три летние месяца 1948 г. (пик завоза переселенцев) рост преступности, например в Сахалинской области, составил 27,9%. По заклю-

* Об этом подробно описано во второй части книги.

чению работников органов милиции, вербованные совершали больше преступлений, чем корейцы и японцы¹⁷. Аналогичная картина была и в других регионах Дальнего Востока. Так, начальник УВД Камчатки В.А. Меринов, вспоминая будни тех лет, писал: «Своим самоотверженным трудом работники милиции обезвреживали преступников, приезжавших на Камчатку в числе вербованных и другими путями»¹⁸.

Массовое прибытие организованных мигрантов и преимущественное их проживание в общежитиях, домах барачного типа были «провоцирующим фактором» роста хулиганских проявлений в регионе. Хулиганство стало распространенным явлением и новым «вызовом» обществу и государству. За годы войны численность осужденных за хулиганство снизилась, но после войны наблюдалась тенденция роста, являясь признаком разрушения социального порядка, а также далеко не стопроцентного влияния идеологического контроля. На территории Амурской области в 1945 г. по статье «хулиганство» было направлено в суд всего 73 дела, привлечены к уголовной ответственности 91 чел., а в 1946 г. — 222 дела и 304 чел. соответственно. Особенно это явление получило широкое распространение в Хабаровске и Комсомольске-на-Амуре. В Нижне-Амурской области* количество хулиганских преступлений возросло в 1952 г. по сравнению с 1951 г. в 2,6 раза. В целом за два года (1951 — 1952) в Хабаровском крае было осуждено за хулиганство 1 729 чел. На Камчатке в 1949 — 1952 гг., где численность населения была незначительной, ежегодно суды выносили приговоры в отношении 66 — 70 чел. В некоторых районах Дальнего Востока властям с большим напряжением удавалось контролировать обстановку¹⁹.

Массовое прибытие так называемых орграбочих на Дальний Восток увеличивало предпосылки для усиления «антиобщественных элементов» (по терминологии тех лет — бродяг, нищих и др.), борьба с которыми была главным направлением по укреплению социально-политической безопасности во всех регионах страны под лозунгом искоренения пережитков капитализма**. К «антиобщественным элементам» причислялись нищие, бродяги, алкоголики, наркоманы, проститутки, все, кто, по мнению партийных и советских органов, являлись «пережитками капитализма». По сути, их «выкорчевывание» из советской повседневности представляло особый фронт борьбы с

* Нижне-Амурская область простиралась от райцентра Охотска в сторону Николаевска-на-Амуре до 120 км, в сторону Магадана — до 200 км и в глубь тайги — до 120 км.

** В советском уголовном праве преступность рассматривалась как пережитки капитализма, считая, что в социалистическом обществе причин для ее роста нет.

преступностью. В послевоенные годы нищенство и бродяжничество были обыденным явлением. Разрушенные дома и предприятия, поиск потерянных членов семьи вынуждали людей вырабатывать собственный механизм адаптации к новым социально-бытовым условиям. По некоторым оценкам, их количество в СССР доходило до 2–3 млн чел. По мере удаления общества от войны и преодоления ее последствий, советское руководство считало, что их в стране не должно быть. В 1951 г. (с разницей в несколько дней) вышли Постановление Совета Министров СССР (от 19 июля 1951 г. № 2590–1264с) «О мерах по ликвидации нищенства в Москве и Московской области и усилению борьбы с антиобщественными, паразитическими элементами» и Указ Верховного Совета СССР (от 23 июля 1951 г.) «О мерах борьбы с антиобщественными, паразитическими элементами», которые определили порядок борьбы с нищенством и бродяжничеством. В 1952 – 1954 гг. под руководством МГБ повсеместно была проведена кампания против этого явления, причем задачей акции было не полное искоренение, а сокращение численности нарушителей с двух-трех миллионов до полумиллиона. По закону 1951 г. народный суд вправе был приговорить нарушителей к пяти годам ссылки с обязательной трудовой отработкой. И эти превентивные меры дали определенные положительные результаты.

В Советском Союзе существовал устойчивый порядок наказания в административном порядке. Эту категорию правонарушителей без судебного разбирательства и решения суда выселяли из городов. Для Дальнего Востока такое выселение имело особое значение. Во-первых, согласно Постановлению СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 1 февраля 1938 № 612-132сс Приморский и Хабаровский края, Камчатская и Сахалинская области были отнесены к территориям, где установлен режим запретной пограничной зоны²⁰, т.е. государство не всем желающим разрешало селиться в этих районах. Несколько позже вышел приказ МГБ № 00108 от 14 февраля 1952 г., согласно которому в г. Владивостоке запрещалось проживать реэмигрантам, бывшим военнопленным, пособникам фашистов, в том числе отбывшим наказание²¹.

Война способствовала накоплению «отрицательной энергии» у подростков и молодежи. Для Дальнего Востока этот «вызов» войны оказался типичным, как и для всей страны. Так, в г. Комсомольске-на-Амуре около половины преступлений составляло хулиганство, которое совершалось рабочей молодежью. На втором месте в структуре преступлений, совершаемых молодежью, были кражи личного имущества. Среди привлеченных к уголовной ответственности отмечены и комсомольцы, и члены ВКП(б), хотя удельный вес последних незначительный. В целом 68% всех совершенных хулиганских действий в городах и

промышленных поселках приходилось на рабочую молодежь, 33% – на лиц от 26 до 40 лет. Большинство из них прибывали в порядке «вербовки» и проживали в общежитиях. В 1947 г. рост преступности обозначился среди учащихся трудовых резервов Приморского края. В некоторых школах ФЗО подростки попадали под влияние преступников²².

«Вызовом» социалистической системе распределения была так называемая экономическая преступность. Сложная экономическая ситуация, разруха и тотальный дефицит товаров повседневного спроса способствовали тому, что имущественные преступления стали неотъемлемой составляющей советской послевоенной действительности. По данным А.И. Гурова, в структуре общей преступности преступления против жизни и здоровья составляли 1/3, имущественные – 2/3, из них самым распространенным видом оказались кражи, на долю которых приходилось более 40%, в том числе более 65% – личных вещей. Высокий удельный вес занимали хищения государственного имущества (из магазинов – 31%, с промышленных предприятий – 25%, со складов и баз – 33%), совершавшиеся работниками указанных мест²³.

Вторая мировая война, впрочем, как и другие войны в истории человечества, обусловила появление в СССР трофейного имущества. Экономические условия того времени способствовали растаскиванию трофейного имущества теми, кто имел к нему доступ. Противостоять этому явлению не могло даже созданное в СССР Главное управление советским имуществом за границей. Высшие воинские чины были замешаны в этом деле, в их числе оказался генерал-лейтенант К. Телегин.

В 1946 г. Комиссия партийного контроля при ЦК ВКП(б) вскрыла факты продажи имущества с военного склада (№ 512) советскими работниками после его ликвидации в г. Биробиджане и на территории Южного Сахалина. Трофейным отделом фронта были учтены незначительные запасы продовольственных и промышленных товаров, да и сроки учета крайне затянулись. В 1947 г. в ходе оперативной работы МВД совместно с Министерством госконтроля проводили выборную проверку универмагов, входивших в систему Главсобоунивермагторга в Москве, имевших филиалы в Берлине и Хабаровске. В «трофейной секции» Хабаровского универмага обнаружили недостачу на 13 млн 699 тыс. руб. Факты хищения в системе Хабаровского управления военторга были вскрыты в 1950 – 1952 гг.

Следует отметить, что проблема усиления контроля над расходованием государственных средств в СССР обозначилась в довоенные годы с появлением союзно-республиканского Народного Комиссариата государственного контроля (НКГК СССР). Кроме того, 16 марта 1937 г. в составе Управления рабоче-крестьянской милиции было создано

Отделение по борьбе с хищениями социалистической собственности, спекуляцией и взяточничеством (ОБХСС). В годы войны велась борьба с расхитителями промтоваров, продуктов первой необходимости (хлеб, соль, спички, керосин, табак и т.д.). Особые функции контроля и наказания выполняли военные трибуналы Амурской и Дальневосточной железных дорог. С 1949 г. органы милиции должны были охранять специальные объекты Министерства машиностроения, а с октября 1952 г. на них возлагалось руководство вневедомственной охраной промышленных, строительных предприятий и организаций общественного питания.

В военные годы повысилась роль специализированного аппарата распределения, особенно тех, кто распределял скудные пайки и остродефицитные товары, в том числе работников предприятий общественного питания. Контролирующие и репрессивные органы усилили охрану государственной собственности. Однако экономические преступления в различных проявлениях не были остановлены, а в 1945 – 1946 гг. даже выросли. По данным Министерства госконтроля, складывалась весьма «черная» картина массового воровства.

Имущество расхищалось не только на базах, в магазинах и предприятиях, но и в лагерях, где содержались военнопленные, особенно на юге Дальнего Востока. Последствия войны оказались еще одним испытанием для распределительной системы, для общества и органов, обеспечивавших установленный порядок. Чаще всего предметами воровства были предназначенные военнопленным продукты питания, реже – постельные принадлежности, что связано с их отсутствием в свободной продаже. О масштабности этого явления свидетельствует рост числа осужденных. В 1947 г. осудили 388 тыс. чел., т.е. в 3 раза больше, чем в 1939 г. В 1945 г. в ЦК ВКП(б) с пометкой «для Политбюро» поступило письмо от заведующего отделом партийной жизни, секретаря партбюро газеты «Тихоокеанская звезда» (г. Хабаровск) С.Е. Кузьменко, в котором были изложены многочисленные факты хищений в «Главхлебе» и некоторых МТС Амурской области. Проверку осуществил заведующий организационным отделом ЦК ВКП(б) Шамберг. Он, изучив вопрос, доложил Г.М. Маленкову, что «факты, указанные в письме, освещены правильно».

Усиление наказаний за кражи государственной собственности и личного имущества (на срок до 25 лет) подкреплялось идейными замыслами И.В. Сталина. Он считал, что создаваемая в течение 30 лет система должна обрести окончательный облик социализма и достичь такого уровня, который позволил бы перейти к регулированию абсолютно всех социально-экономических процессов, заменить рынок и торговлю системой обмена и распределения. Но для этого необходи-

мо было истребить усилившиеся в годы войны негативные явления — «расхищение и разбазаривание государственной и социалистической собственности (колхозов)». С подобными действиями И.В. Сталин отождествлял окончательное уничтожение почвы для капитализма (крупный шаг к коммунизму). В советском уголовном законодательстве некоторые замыслы вождя даже нашли свое отражение. Перспективы развития общества Сталин связывал с решающим ударом по корыстным интересам руководящего слоя чиновничества, неисчезающим должностным преступлениям, возлагая надежды на ротацию кадров. Именно после войны должностные преступления достигли 20–22%, а в некоторых краях и областях Дальнего Востока превышали 25%. Достижение предполагаемого идеала обеспечивалось и уголовно наказуемыми мерами в виде статей по должностным преступлениям. Рост экономических преступлений в советском обществе свидетельствовал о кризисе распределительно-нормативной модели, что было одной из главных угроз всему социально-экономическому порядку.

Хищения нередко были связаны с таким явлением, как спекуляция. Политическое руководство видело выход из сложившейся ситуации в усилении репрессивных мер и развертывании широкомасштабной ревизионной деятельности во всех регионах страны, куда направлялись постоянные бригады ревизоров, а на местах органы милиции проводили рейды по выявлению спекулянтов. В 1945 г. в Хабаровском крае за спекуляцию к уголовной ответственности привлекли 447 чел., у них конфисковали золота и денег на сумму 378,5 тыс. руб., хлебпродуктов — 13,4 тыс. кг, масла сливочного — 762 кг, промтоваров — на 106,8 тыс. руб. Результаты работы ревизоров становились основным источником для проведения репрессивных мер по отношению к нарушителям советских порядков.

Под особый контроль органов ОВД на Дальнем Востоке была поставлена деятельность карточных и учетно-карточных бюро. Повсеместно в стране стали внедрять агентов и осведомителей. Однако для определенных людей карточная система не стала преградой на пути совершения неблагоприятных дел, напротив, возникали новые формы получения «прибыли», раскрытые на Сахалине, в Хабаровском и Приморском краях. Среди задержанных в 1946 г. за «злоупотребление и спекуляцию» карточками 28,2% составляли представители специализированного аппарата распределения (уполномоченные по выдаче карточек на предприятиях и работники карточных и контрольно-учетных бюро). Наибольшее количество махинаций совершалось с карточками. Это и превышение заказов на печатание карточек, и изготовление фальшивых талонов. Таким образом, каждый осужденный в Приморье похитил 9 кг хлеба, 1,5 кг масла, 2,7 кг мяса, промтоваров на сумму 358 руб.;

в Хабаровском крае соответственно хлеба — 30 кг, масла — 1,7 кг, товаров на сумму 239 руб., денег — 846 руб. Из общего числа привлеченных к уголовной ответственности 60–70% приходилось на сотрудников торгующих предприятий и 30–40% на низкооплачиваемых рабочих и служащих, занятых в отраслях пищевой и легкой промышленности.

В конце 1940-х — начале 1950-х гг. складывалась парадоксальная ситуация: с одной стороны, у спекулянтов приобретались остродефицитные товары и продукты, а с другой — граждане обращались к властям с требованием остановить «спекуляцию». Так, в многочисленных официальных докладных записках, направлявшихся в Центр, указывалось, что «жителей Хабаровского края волнует усилившаяся спекуляция, о чем трудящиеся пишут в своих письмах и заявлениях в правительство и в ЦК нашей партии». При встречах работников милиции с трудовыми коллективами хабаровчане чаще всего задавали вопросы: почему милиция плохо ведет борьбу со спекулянтами, а также с хулиганами и нарушителями общественного порядка. Рабочие-дальневосточники говорили о необходимости проведения в клубах показательных судов над преступниками.

Подобное общественное мнение формировалось в русле советской традиции. В начале 1950-х гг. правительство, осознавая угрозу устоям распределительной системы, вынуждено было принять 11 постановлений и других документов, направленных на борьбу с хищениями социалистической собственности. На Дальнем Востоке масштабы хищений были не меньше, чем по стране. В 1951 г. в Хабаровском крае к уголовной ответственности привлечено 300 чел., работавших в торговле и потребкооперации. Необходимо отметить и такую «особенность»: если до войны экономические преступления, т.е. хищения государственной и общественной собственности в СССР, были чисто мужским делом (в 1939 г. 90,2 % всех привлеченных по этим статьям — мужчины), то в годы войны 45,6% приходилось на женщин. С приходом мужчин с фронта это соотношение несколько изменилось, однако в 1952 г. доля женщин, привлеченных по статьям «За нанесение ущерба государственной собственности», оказалась в 2 раза больше, чем в 1939 г. Причем в отношении женщин применялись более мягкие меры наказания. Если мужчину за совершение такого преступления могли приговорить к смертной казни, то женщину — максимально к 25 годам лишения свободы. Так государство показывало свой гуманизм, а заодно решало задачу восстановления демографического потенциала.

В начале 50-х гг. работники ОБХСС сосредоточили внимание на выявлении таких форм хищений, как получение незаконных премий, различные комбинации приписок при начислении заработной пла-

ты, списание материальных ценностей и продукции за счет убытков. В поле зрения органов ОБХСС и секретарей ЦК ВКП(б) находилась такая структура, как «Колымснаб». В 1950 г. только по Средне-Канскому району в прокуратуру было направлено 114 материалов о растратах и хищениях на сумму 1 млн 76 тыс. руб. Общие убытки по «Колымснабу» составили в 1948 г. 34,4 млн руб., в 1949 г. — 25,3 млн руб., в 1950 г. — 11,8 млн руб., в 1951 г. — 5 млн руб., 1952 г. — 83,3 млн руб. (в 1952 г. сумма резко возросла не только за счет растрат, но и прошлых убытков, снижения цен, прямых списаний от стихийных бедствий)²⁴. Несмотря на жесткие меры, а также постоянные проверки на территории Дальстроя, органам МВД остановить хищения не удавалось. Приходилось бороться с воровством в золотодобывающей отрасли. В послевоенное время в условиях тотального дефицита продуктов и промтоваров появилась незначительная группа людей, задачей которых было не обеспечить себе и своей семье сносное существование, а суметь спрятать незаконно нажитое. В этом случае подходило золото — товар, который не обесценивается, не занимает много места и достаточно дорогой.

Колымский край с довоенного времени известен богатыми золотonosными месторождениями, которые привлекали множество как приезжих, так и бывших заключенных. Похищенное золото активно скупалось и переправлялось в другие районы страны. Ужесточение наказаний не останавливало «страждущих» совершать преступление. Нередко скупщики предлагали выкупить золото у шоферов проезжающих машин по цене 10 руб. за 1 грамм²⁵.

Советская правоохранительная система в первое послевоенное десятилетие была сформирована таким образом, чтобы через усиление репрессивной составляющей оказывать противодействие преступности. Несмотря на это, в стране, в том числе и на Дальнем Востоке, крайне высоким был уровень и уголовных, и экономических преступлений. Этому способствовала общая нищета. Дальний Восток отличался более высоким уровнем преступности, так как криминогенная обстановка складывалась под влиянием высокой концентрации лагерей пенитенциарной системы, воинских частей, различных категорий мигрантов, занятых в рыбодобывающей, лесозаготовительной и других отраслях. В борьбе с послевоенной преступностью велико значение оперуполномоченных и участковых: оперуполномоченные несли ответственность за своевременное выявление и раскрытие преступлений, участковые способствовали профилактике преступлений (как служба они появились только в середине 1970-х гг.).

3.2. ЛИБЕРАЛИЗАЦИЯ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА БОРЬБУ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ В ДАЛЬНЕВОСТОЧНОМ РЕГИОНЕ (середина 1950-х – 1970-е гг.)

На Дальнем Востоке наследие «вызова» послевоенных лет отличалось высоким уровнем преступности. Политическое руководство СССР обозначило борьбу с преступностью одним из главных средств достижения безопасности социалистического общества, но достичь снижения уровня всех ее видов (экономической, уголовной и против общественного порядка) к началу 1950-х гг. не удалось.

В условиях борьбы за власть после смерти И.В. Сталина началось реформирование советской системы управления. Каждый претендент на пост главы государства (Л.П. Берия, Г.М. Маленков и Н.С. Хрущев) стремился объявить о необходимости перемен, пытаясь реабилитироваться за участие в политических репрессиях 1930-х – начала 1950-х гг. Так, Л.П. Берия начал с либерализации уголовной системы – создания комиссий и следственных групп по пересмотру дел, находившихся в производстве МВД (дело «врачей», «авиаторов» и др.). По его инициативе в апреле были выпущены многие подследственные по пересматриваемым делам. 26 марта 1953 г. Берия выступил с рядом предложений, главные из которых были направлены на реформирование системы МВД – МГБ*, в том числе о необходимости широкой амнистии (только в отношении «уголовников»). А на следующий день (27 марта) вышел указ Президиума Верховного Совета СССР «Об амнистии», согласно которому подлежало освобождению свыше трети заключенных в СССР²⁶. К середине марта 1953 г. в лагерях Дальстроя (без учета «особо опасных государственных преступников») содержалось 145 405 заключенных²⁷, в Амурской области – 16 979 чел.²⁸

В соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 27 марта 1953 г. и приказом МВД, Министерства юстиции и Генеральной прокуратурой СССР (№08/012/85 от 28 марта 1953 г.) в исправительно-трудовых лагерях и колониях начался процесс освобождения по установленному порядку. По ст. 1 Указа подлежали освобождению осужденные

* Л.П. Берия предложил передать лагеря и колонии из МВД в ведение Министерства юстиции (кроме особых лагерей для политических заключенных), ограничить сферу применения принудительного труда в экономике и отказаться от нерентабельных «великих строек коммунизма», пересмотреть сфабрикованные дела, отменить пытки при проведении следствия.

на срок до пяти лет включительно. Например, из лагерей УСВИТЛа* согласно Указу в течение 1953 г. было освобождено 76 тыс. чел. (53 % от общей численности заключенных). В первые месяцы этой кампании вышли на свободу 48 тыс. чел., в том числе 485 воров-рецидивистов²⁹.

Независимо от срока наказания освобождались женщины, имеющие детей в возрасте до 10 лет, и беременные, несовершеннолетние, мужчины, достигшие 55 лет и женщины 50 лет, а также лица, страдающие тяжелым недугом³⁰. В Амурской области (на 1 апреля 1953 г.) из исправительно-трудовых лагерей и колоний освободили 8 987 чел. (53,5%), в том числе женщин, имеющих детей в возрасте до 10 лет – 493 чел., беременных женщин – 59, несовершеннолетних – 39, мужчин старше 55 лет – 198, женщин старше 50 лет – 83, больных неизлечимым недугом – 333 чел.³¹

Амнистия не распространялась на лиц, осужденных на срок свыше пяти лет за контрреволюционные преступления, бандитизм, умышленные убийства и крупные хищения социалистической собственности³².

Оставшиеся в лагерях Дальстроя заключенные восприняли амнистию весьма своеобразно: распространенной их реакцией стал отказ выходить на работу. За 9 месяцев (с марта по декабрь 1953 г.) «выводы на работу», по терминологии тех лет, например на прииске «Одинокий», составили 37%, «Пятилетка» – 49%, «Бурхала» – 49,% и т.д.³³

Массовая амнистия заключенных, отбывавших наказание за уголовные преступления, привела к резкому ухудшению криминогенной обстановки в стране. Значительная их часть, в том числе рецидивисты, «осела» в Магаданской области и Хабаровском крае. Опасная ситуация сложилась на территории, подведомственной Дальстрою. Лагерный бандитизм в первой половине 1950-х гг. создал атмосферу страха не только для вольнонаемных работников, но и коренного населения. Разгул бандитизма и хулиганства выплеснулся на территорию Хабаровского и Приморского краев. Член ВКП(б) Хромов писал Г.М. Маленкову: «Почему сегодня в нашем передовом социалистическом обществе существует такое массовое зло, как воровство, грабеж и убийства. Почему в больших городах в 23–24 часа опасно ходить, а во Владивостоке, Находке в 21–22 часа, не говоря уже о Магадане (центр Колымы), где в 20–21 час ежедневно грабят, раздевают и убивают. Здесь прямо профессия ...Прошу немедленно ввести расстрел бандитам, вора и грабителям ...прошу ввести крайний террор». Патология страха у населения Дальнего Востока усилилась в середине 1950-х гг., в то время как в некоторых центральных районах она стала снижаться³⁴.

* УСВИТЛ – Управление Северо-Восточных исправительно-трудовых лагерей.

В Хабаровском крае с 27 марта по 30 октября 1953 г. оказалось 14 520 чел. из числа амнистированных. На Дальнем Востоке наблюдался всплеск преступности, разбойных нападений, случаев хулиганства и краж государственного и личного имущества, особенно в городах Хабаровске, Комсомольске-на-Амуре и Советской Гавани. Руководители органов внутренних дел этих городов в своих докладных сообщали в вышестоящие организации, что причиной ухудшения криминогенной обстановки стала концентрация преступников, бежавших из КПЗ, тюрем и лагерей. Все силы правоохранительных органов были направлены на охрану порядка. В октябре 1953 г. к уголовной ответственности из числа амнистированных привлекли 479 чел., арестовали 123 чел. Из всех раскрытых преступлений в крае 20,4% пришлось на долю, совершенную этой категорией. На всплеск преступности правительство отреагировало жесткими мерами. 30 апреля 1954 г. вышел Указ Президиума Верховного Совета СССР, по которому предусматривалось применение смертной казни в отношении лиц, совершивших умышленное убийство при отягчающих обстоятельствах. Тяжелая криминальная ситуация наблюдалась также на территории Амурской области, где в 1954 г. увеличилось количество совершенных особо тяжких преступлений – краж и грабежей с государственных объектов³⁵.

В борьбе с преступностью Г.М. Маленков и Н.С. Хрушев ориентировались на организационные меры, считая, что перераспределение полномочий между МВД и другими силовыми ведомствами будет способствовать улучшению работы этих структур и наведению порядка. В марте 1953 г. было признано целесообразным объединить органы МВД и МГБ в одно ведомство – МВД СССР, хотя через год, 12 марта 1954 г., ЦК КПСС принял новое постановление о выведении органов госбезопасности из системы МВД, а решение вопросов госбезопасности передано созданному в структуре Совета Министров соответствующему комитету. Таким образом, проблема государственной безопасности и после смерти Сталина отождествлялась с задачами устранения как внутренних, так и внешних угроз социализму.

Однако процесс реформирования органов правопорядка дал меньший результат, чем рассчитывали реформаторы. Скрытой от населения задачей реформирования органов внутренних дел было стремление сделать их подконтрольными первому лицу государства Н.С.Хрущеву³⁶. К 1955 г. по сравнению с 1954 г. уровень преступности в СССР возрос на 13%³⁷. Безусловно, проведенная амнистия уголовных преступников согласно Указу 27 марта 1953 г. имела свои последствия: в последующие годы значительная часть освобожденных вновь оказалась в местах лишения свободы³⁸. В 1957 г. рост преступности в СССР по сравнению с предшествующим годом составил 16,9%, в 1958 г. – 29,9%³⁹.

Социальной угрозой общественному порядку оставался высокий уровень молодежной преступности. К середине 1950-х гг. выросло поколение, чье детство пришлось на военные годы. Предоставленные сами себе (их матери работали по 10 – 12 часов в день, а отцы погибли на фронте), они «сбивались» в группы, влияя на дальнейший рост преступности в регионе. Например, на Сахалине в 1955 г. к уголовной ответственности в возрасте от 14 до 18 лет привлекли 132 чел., в 1956 г. – 192⁴⁰; в Хабаровском крае в 1956 г. – 477 чел., или 10% от числа всех привлеченных⁴¹; в Приморье в 1957 г. – 14% несовершеннолетних⁴².

В числе мер по противодействию детской преступности в стране повсеместно проводился учет и ликвидация детской беспризорности⁴³. Партийные органы в борьбе с молодежной преступностью сделали ставку на профилактические и воспитательные меры, возложив их на органы народного образования (Постановление Совета Министров РСФСР «О мерах улучшения работы среди детей вне школы и предупреждения детской безнадзорности» от 4 октября 1957 г. и Закон СССР (от 24 декабря 1958 г.) «Об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в СССР»)⁴⁴. Но в Дальневосточном регионе, как и в других регионах, удалось лишь приостановить это деструктивное социальное явление⁴⁵. Всплеск молодежной преступности в виде хулиганских поступков увеличивался растущей алкоголизацией населения, в том числе среди не достигших 18 лет. Советское руководство вновь ответило политической мерой. 19 декабря 1956 г. Президиум Верховного Совета РСФСР принял Указ «Об ответственности за мелкое хулиганство» (по которому предусматривался арест от 3 до 15 суток), не сыгравший особой роли в снижении хулиганства, поэтому напряженность в обществе сохранялась.

Правительство в надежде победить уголовную преступность по-прежнему делало ставку на реорганизацию, усилив роль местных структур. В октябре 1956 г. МВД и милиция были объединены. Милиция получила двойное подчинение – и министерству, и местным Советам, органы внутренних дел реорганизованы в отделы внутренних дел исполкомов Советов. В результате управления милиции были упразднены, а ряд служб – управление уголовного розыска, БХСС, ГАИ, паспортный отдел, отдел службы и другие подразделения милиции – вошли в состав УВД крайисполкомов как самостоятельные службы⁴⁶. В январе 1957 г. при Советах повсеместно были образованы комиссии по социалистической законности и охране общественного порядка – легитимный надзорный орган за действиями милиции.

На Дальнем Востоке после разукрупнения Хабаровского края и создания новых самостоятельных областей – Магаданской и Камчат-

ской — были образованы новые управления внутренних дел. Началось комплектование и усиление кадров, в том числе руководящих. В составе Магаданского областного управления МВД было 60 чел. Начальником Управления МВД был назначен генерал внутренней службы 3-го ранга Н.В. Власов. В области действовали отделение милиции г. Магадана и шесть районных отделов. Учитывая специфику условий Севера, в районных отделах милиции вводилась должность каюра. На службе состояло 58 собак, из них 12 розыскных и 46 ездовых. После упразднения Дальстроя в январе 1957 г. УМВД по Дальстрою стало именоваться Управлением внутренних дел Магаданского горисполкома⁴⁷.

Реформаторы во главе с Н.С. Хрущевым сделали многое, чтобы расширить полномочия прокуратуры, роль которой в выполнении главной функции — надзора за исполнением законности в период 1930-х — начала 1950-х гг. — существенно снизилась, а в области надзора за ОГПУ, НКВД и ИТУ сведена к нулю. В 1955 г. вышли Постановления ЦК КПСС «О мерах по дальнейшему укреплению социалистической законности и усилению прокурорского надзора» (19 января 1955 г.) и Положение «О прокурорском надзоре в СССР» (24 мая 1955 г.), утвержденные Указом Президиума Верховного Совета СССР, на основе которых главная функция прокуратуры — надзор — была восстановлена⁴⁸. Это было первое партийное решение за последние 30 лет, которое ориентировало все государственные и советские органы на укрепление законности в стране. Принятые документы являлись превентивной мерой для устранения риска нарушения законности во всех регионах страны и были направлены на стабилизацию социально-политической обстановки в СССР, в том числе по линии управленческих взаимоотношений Центр — регион.

На Дальнем Востоке усиление краевых, областных, городских и районных прокуратур сопровождалось кадровым укреплением. В этот процесс была включена Магаданская область, штат аппарата которой достиг 30 чел., из них оперативных работников — 17 чел., технических — 13 чел. Это был значительный по численности штат прокуроров по тем временам, вызванный высокой концентрацией учреждений пенитенциарной системы на Северо-Востоке. Первым областным прокурором стал А.А. Беляев (1953 — 1957), но весной 1957 г. его сменил Ф.Л. Кравцов, который до своего назначения работал заместителем прокурора Хабаровского края⁴⁹.

Кроме усиления оперативного контроля со стороны прокуратуры за действиями карательно-репрессивных органов в рамках либерализации политического режима руководство страны декларировало принцип гуманизации к заключенным, проявлявшийся во внимании к бытовому обустройству колоний. Работникам прокуратуры вменялись

обязательные проверки мест содержания осужденных в исправительно-трудовых лагерях. Прокуроры выявляли пребывание в колониях необоснованно осужденных, факты нарушения со стороны лагерной администрации режима и условий содержания, а также трудового законодательства в отношении заключенных⁵⁰. Таким образом, в Дальневосточном регионе органы внутренних дел и учреждения пенитенциарной системы были поставлены под прокурорский надзор. Эта мера не только усиливала доверие населения к власти, но и способствовала укреплению стабильности в обществе в конце 1950–1960-х гг.

Кроме этих изменений в регионах, в том числе дальневосточном, прошло реформирование судебной системы и органов юстиции, направленное на увеличение их значимости в борьбе с преступностью в республиках, краях и областях^{*51}. В результате очередного административно-территориального деления на Дальнем Востоке создавались новые или обновлялись прежние краевые и областные суды. С 1947 г. стал действовать Сахалинский областной суд, с августа 1948 г. – Амурский областной суд, с декабря 1953 г. – Магаданский областной суд. В 1954 г. была ликвидирована постоянная сессия Хабаровского краевого суда в г. Магадане. В 1956 г. устанавливалась новая структура краевых и областных судов, что было связано с ликвидацией Министерства юстиции.

Организационные перестройки сказались на новом понимании советской элитой явления преступности. До середины 1950-х гг. она рассматривалась в СССР как пережиток капитализма, но уже в 1957 г. у советских юристов появилась другая точка зрения. Одним из первых ее сторонников стал А.А. Пионтковский. Он, возражая против того, что преступление – это деяние, всегда посягающее на классовые отношения, считал: «следует различать антагонистические и неантагонистические общественные противоречия; совершение трудящимися отдельных преступлений... является выражением неантагонистических общественных противоречий, эти преступления посягают не на отношения между классами, а на всякого рода иные общественные отношения»⁵².

Эта точка зрения не только распространилась в научных кругах, но оказалась основополагающей при разработке «Основ уголовного законодательства СССР» (1958). В новых «Основах...» сужалась и смягчалась ответственность за деяния, не представлявшие большой опасности для государства и общества. Смягчение наказаний в СССР в первые годы

* 31 мая 1956 г. Министерство юстиции СССР было упразднено, а его функции переданы соответствующим министерствам союзных республик. И только в 1971 г. оно опять восстановлено.

реформ привело к некоторому сокращению показателей преступности в среднем по стране. Однако в 1959–1961 гг. в РСФСР вновь обозначилась тенденция роста: в 1960 г. — на 5,9%, а в 1961 — на 34,7%⁵³.

Дальний Восток отражал общероссийскую тенденцию, хотя уровень уголовной преступности превышал среднереспубликанские показатели⁵⁴. На рубеже 1950 — 1960-х гг. в регионе, как и в РСФСР, увеличилось количество совершаемых преступлений. Например, в Хабаровском крае в 1960 г. уровень преступности превысил показатели 1959 г. на 11%⁵⁵, а во Владивостоке — на 20%⁵⁶.

В годы лидерства Н.С. Хрущёва были предприняты попытки снизить преступность и стабилизировать социальную обстановку в городах и районах с опорой на широкие массы населения*. Начало этой кампании положило Постановление ЦК ВЛКСМ от 23 июня 1954 г., которое обязывало комсомольцев повсеместно создавать бригады содействия милиции (БСМ). Но внедрение этой инициативы проходило неравномерно и с большими трудностями. Кроме того, установленные руководством планы дискредитировали во многом идею добровольности. Молодые аппаратчики должны были отчитываться о количестве привлеченных дружинников. Например, комсомольские организации Хабаровского края обязывались выделить для несения службы в БСМ 2,5 тыс. чел., но реальные цифры оказались в 3,5 раза меньше (всего 775 чел.). К тому же комсомольцы, которые записывались в БСМ, долго не задерживались в их составе. В Комсомольске-на-Амуре числилось всего 585 чел. (на 1 июня 1954 г.), практически участвовала незначительная часть из них⁵⁷.

И тогда ЦК КПСС решает активизировать эту форму своим политическим ресурсом, принимая в марте 1959 г. Постановление ЦК КПСС и СМ СССР «Об участии трудящихся в охране общественного порядка в стране». Призывая общественность включиться в охрану советского правопорядка, перед дружинниками ставилась задача выявлять пьяных на улицах, предотвращать распитие спиртных напитков в общественных местах, предупреждать хулиганские проявления и мелкие преступления. Дальневосточные партийные организации начали активное формирование добровольных народных дружин (ДНД), хотя были факты добровольно-принудительного порядка создания отрядов дружинников. В 1959 г. на территории Приморского края действовало 909 ДНД, насчитывавших более 26 тыс.

* Массовое привлечение населения к охране общественного порядка в виде бригад содействия милиции (БСМ) широко применялось в послевоенные годы. Однако после смерти И.В. Сталина значение общественности как средства охраны стало резко падать.

дружинников⁵⁸. Через пять лет (в 1964 г.) их количество достигло 1143, охватив 51 620 чел.⁵⁹ В г. Хабаровске первая дружина была образована на заводе им. С. Орджоникидзе. В 1967 г. в Хабаровском крае численность дружинников выросла в 9 раз по сравнению с 1959 г., а количество отрядов до 942, в составе которых насчитывалось 39 961 чел.⁶⁰ В Еврейской автономной области на 1 июня 1959 г. действовало 5 ДНД и 240 дружинников, к концу 1961 г. — 125 ДНД численностью 3920 чел.⁶¹ Со временем сложилась и практика выходов на дежурства группами по 2 — 3 чел. Как правило, в больших городах за тем или иным заводом или фабрикой закреплялась территория на протяжении 2 — 3 остановок общественного транспорта. Так, в г. Владивостоке территория от остановки Луговой до центра была закреплена за Дальзаводом, район площади Окатовой — за «Радиоприбором», за заводом «Изумруд» — район ул. Русской и т.д. Несмотря на отрицательное отношение некоторой части общества, получившее распространение с конца 1960-х гг., такая практика действовала до середины 1980-х гг.

Политическое руководство 1960—1980-х гг. стремилось сохранять социально-политический порядок, применяя соответствующие меры воспитательного характера к людям с наклонностями к девиациям. Одной из таких форм вовлечения общественности в борьбу с явлениями, несшими, по мнению власти, угрозу основам социалистического образа жизни, стали товарищеские суды. (В СССР история общественных судов началась с 30-х гг. XX в.⁶²). В 1950—1960-х гг. предметом разбирательства в товарищеских судах стали дела о порчах, хищениях и «разбазаривании» общественного имущества. Государство возложило на товарищеские суды задачу пропаганды сознательной трудовой и исполнительской дисциплины, которая к этому времени явно начала падать. В этом отношении Дальний Восток не был исключением⁶³. Товарищеские суды рассматривали дела о мелкой спекуляции, мелком хулиганстве, самогоноварении и другие малозначительные преступления⁶⁴. Значение товарищеских судов как общественно-политической меры воспитания, направленной на формирование личности и укрепление общественного порядка, было крайне неоднозначным. В вопросах поднятия трудовой дисциплины, снижения прогулов и борьбы с пьянством на производстве современники считали их более-менее эффективными, но в борьбе с другими мелкими, малозначительными преступлениями эффект часто был обратный. Попытка народных судов действовать в направлении гуманизации иногда доходила до крайности. Так, в 1959 г. народный суд Верхне-Буреинского района обязал коллектив Умальтинского рудника, несмотря на его протесты, взять на поруки Б. и Т., совершивших убийство. Такие факты были характерны не только для Дальнего Востока. В целом по стране под ответ-

ственность трудовых коллективов только за второе полугодие 1959 г. на поруки были переданы 116 чел., совершивших умышленные убийства, 222 чел., обвиненных в изнасиловании, и 577 – за разбойные нападения⁶⁵. В Приморском крае в 1960 г. и первый квартал 1961 г. избежали суда 961 чел. (материалы дел передали для рассмотрения в товарищеском суде⁶⁶). В Хабаровском крае с 1959 по 1961 г. товарищеские суды рассмотрели дела в отношении 1485 лиц, совершивших уголовные преступления, и 2120 правонарушителей⁶⁷. К ноябрю 1961 г. в Хабаровском крае действовало более 1050 товарищеских судов⁶⁸. В среднем каждое десятое преступление направлялось для рассмотрения в товарищеских судах⁶⁹. Но злоупотребление этой формой «воспитания» заставило правительство после 1961 г. ограничить передачу коллективам дел, допускались слушания только в отношении лиц, совершивших незначительные преступления и впервые⁷⁰.

Очередным «вызовом» для общества и фактором разрушения распределительно-нормированной системы, а также увеличения событий деструктивного характера становится рост другой категории «антиобщественных элементов» в СССР – тунеядцев и пьяниц. Государство отреагировало на это явление «обновлением» закона 1951 г. В 1957 г. закон был переработан и издан для общественного и ведомственного обсуждения. Под его действие попадали не только нищие, бродяги и тунеядцы, но и две новые группы населения: люди, зарабатывавшие на жизнь неофициальными способами, а также имевшие независимо от трудоустройства теневые источники дохода; в эту группу входила молодежь, которая не работала, но общалась с иностранцами и занималась «фарцовкой»*. В отличие от закона 1951 г. обновленный разрешал административное выселение на основании решений трудовых и других коллективов. Новый закон не всеми был встречен в обществе с одобрением и вызвал протест со стороны некоторых юристов. Резко высказался по этому поводу заместитель председателя Верховного суда РСФСР Г. Анашкин. Он полагал, что разрешение приговаривать обвиняемых к ссылке неюридическими органам означало узурпацию юридической функции, а это противоречило ст. 131 Конституции РСФСР, гласившей, что аресты могут совершаться по решению суда или с санкции прокурора. На противоречивость такой нормы данного закона принципу социалистической законности указал и сотрудник Министерства иностранных дел Н.С. Патоличев, который подчеркивал, что положение об обязательной работе ссыль-

* Фарцовка – это нелегальная продажа вещей иностранного производства. Фарцовщики – молодежь в возрасте, как правило, до 30 лет – являлись проводниками идеологии развития потребительского общества.

ных противоречит международной конвенции принудительного трудоустройства⁷¹. Подобные протесты носили единичный характер, но они способствовали отсрочке применения данного закона, который был доработан и в 1961 г. вступил в действие, а также нашел отражение в УК РСФСР.

Советский Дальний Восток, отличавшийся учреждениями пенитенциарной системы и оседанием в регионе после амнистии людей, склонных к девиантному поведению (по терминологии тех лет «асоциальных элементов»), входил в число территорий повышенного социального риска. Для сотрудников милиции это означало увеличение интенсивности работы, особенно при приеме предприятиями на работу «вербованных», значительная часть которых не отличалась особым рвением к труду. Обеспокоенные такими фактами специалисты сельскохозяйственного отдела Хабаровского края в 1959 г. писали в Главное управление по сельхозпереселению и органы милиции: «В результате вместо настоящих тружеников колхозного производства, изъявивших желание переселиться в восточные районы ...отбирались и переселялись во многих случаях семьи ...не способные к физическому труду, ни в какой степени не связанные с сельским хозяйством, много раз менявшие место жительства, неоднократно уже переселявшиеся, а в отдельных случаях лица, которые использовали переселения для ведения паразитического образа жизни»⁷².

Анализ дальневосточных практик, обеспечивавших общественный порядок, показал, что власти адекватно воспринимали исходившие риски от криминальной ситуации, которая возникала в «пиковые» периоды перемещения людских потоков. Генеральный прокурор СССР Р.А. Руденко в своем письме в ЦК КПСС отмечал: «...массовые стройки охвачены волной практически безнаказанного хулиганства, всплески которого приходились на дни выплат заработной платы и прибытия новичков» (июль 1958 г.)⁷³. Среди перечисленных районов был назван и Дальний Восток.

Подтверждением к высказыванию Р.А. Руденко является рост совершенных преступлений в краях и областях региона. В 1957 г. в Приморском крае было совершено 4 876 преступлений, что на 7,5% больше по сравнению с 1956 г. Количество грабежей, краж государственного и личного имущества и изнасилований выросло соответственно на 14% (2 586 случаев)⁷⁴. С началом строительства «Большого Владивостока», когда на стройки города привлекались рабочие из других регионов, в 1959 г. рост преступности за год составил 20%, в том числе разбойных нападений – 31,2%, тяжких телесных повреждений – 42,1%, изнасилований – 14,6%⁷⁵. Во Владивостоке 14 и 22 августа 1960 г. произошли массовые драки, зачинщиками которых стали прибывшие строители, в

каждой из них участвовало свыше 100 чел.⁷⁶ Это был нетипичный случай по численности участников, но конфликты среди прибывших происходили нередко, поэтому органы милиции держали под контролем обстановку в периоды массового прибытия мигрантов.

В партийно-государственной стратегии обеспечения общественного порядка наблюдалось стремление власти опереться на профилактические меры в борьбе с другим социальным пороком – пьянством. ЦК КПСС, располагая соответствующей информацией, вынужден был признать распространение пьянства в СССР угрозой социалистическому обществу, хотя это было сделано публично не сразу. С алкоголизацией населения власти боролись как административными, так и репрессивными методами, которые были зафиксированы в политических документах. На основании Постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР №1365 «Об усилении борьбы с пьянством и о наведении порядка в торговле крепкими спиртными напитками» от 15 декабря 1958 г.,⁷⁷ запрещалась продажа алкоголя в розлив. Противодействие пьянству находило поддержку в обществе: «...алкоголиков надо лечить физическим трудом и длительной изоляцией. За это будут голосовать все, кто в какой-то степени сталкивался с этой категорией людей»⁷⁸, – сообщалось в одном из писем во властные органы. Наряду с подобными мнениями высказывались и другие предложения. Так, в письме пенсионера А.К. и К.Т. предлагалось вычитать из заработка находившихся на лечении на содержание детей и нетрудоспособных членов семьи⁷⁹. И эти идеи получили свою реализацию в 70 – 80-х гг. Органам милиции была дана команда выслеживать пьяных на улицах. Только в одном Хабаровском крае в 1960 г. сотрудники ОВД и дружинники подобрали на улицах 13 537 чел., в 1961 г. – 25 200 чел. Медицинские вытрезвители появились практически во всех городах Дальнего Востока и даже в некоторых рабочих поселках.

Непредвиденным явлением для «коллективного руководства», пришедшего к власти после смерти Сталина, стал быстрый рост экономической преступности. Бедность на периферии населения была массовой, и мелкое воровство на предприятиях, в колхозах и совхозах оставалось распространенным явлением. Руководство страны, продолжая курс либерализации наказаний в части соотношения тяжести преступления и наказания, пошло на смягчение наказания за незначительные хищения. Но в условиях трудного материального положения подавляющей части населения это не привело к снижению хищений. В 1950-х гг. преступления против государственного и общественного имущества представляли одну из угроз государственной безопасности.

Новым фактором, способствовавшим сохранению экономической преступности, стала реформа управления 1957 г. Либерализация уго-

ловного наказания не оказала эффекта, на которое рассчитывало политическое руководство. Для обеспечения нужных показателей на всех уровнях стали использоваться неформальные практики, например блат (получение нужных товаров и услуг благодаря личным связям) и приписки («очковтирательство» — заведомый обман по политической терминологии тех лет). На этом фоне обычными стали дефицит и возникновение сопутствующей деструктивной нормы поведения — вынос продукции с предприятий. В быту появился термин «несуны» — практически всеобщее мелкое хищение⁸⁰.

Среди населения Дальнего Востока незаконные источники пополнения личного (семейного) бюджета были также распространены. Контрольные и репрессивные органы считали борьбу с этим явлением важнейшим направлением поддержания порядка, которая в деятельности органов ОБХСС приняла будничной и повседневный характер, завершаясь по большей части возбуждением уголовного дела. В Приморье в 1957 г. по статьям «хищения государственного имущества» органы правопорядка возбудили 849 дел. В 1956—1957 гг. в суд было направлено 710 дел, по которым привлекли к уголовной ответственности 1 200 чел. Размеры хищений были разные — от мелких до крупных. Например, на предприятии «Востокрыбхолодфлот» в 1957 г. сумма похищенного составила около 3,2 млн руб., на перевалочной базе военторга ТОФ и ОРСа — 239 тыс. руб. Общая сумма ущерба достигла 6,1 млн руб. С целью возмещения ущерба государству сотрудники правоохранительных органов изыски ценностей и наложили арест на имущество обвиняемых на сумму 2,6 млн руб.⁸¹ В 1955 г. в Хабаровском крае экономические преступления раскрыли в 16 торговых организациях Управления военной торговли; ущерб от растрат и хищений составил 9,5 млн руб., в 1956 г. почти 11 млн руб., в УРСе Министерства лесной и бумажной промышленности и Крайрыболовпотребсоюзе — 17,2 млн и 14,4 млн руб. соответственно⁸². Несмотря на предпринимаемые меры, в том числе и специальные постановления бюро крайкома КПСС (1960, 1961), проведенный прокуратурой анализ показал, что «хищения социалистической собственности» только за один год выросли на 11—12%. В Дальневосточном геологическом управлении, на Бикинском кирпичном заводе также отмечались хищения⁸³. В особо крупных размерах совершали один — два человека: в 1957 г. главный бухгалтер столовой № 14 (г. Находка) присвоила 100 тыс. руб., заведующий Спасским книготоргом — 108 тыс. руб., кассир-инкассатор ОРСа Ханыхезского леспромхоза — 53 тыс. руб.⁸⁴

Работники правоохранительных органов признавали это устойчивое явление большой опасностью для общества, ведущей к дестабилизации распределительно-нормированной системы, а центральные

и региональные власти пытались привлечь внимание нижестоящего партийного аппарата чаще всего в виде докладных или использовали трибуну совещаний. Прокурор Приморского края Кононенко писал Первому секретарю края В.Е. Чернышёву: «Растраты и хищения не снижаются... В системе Крайпотребсоюза выросли по сравнению с первым полугодием 1959 г. до 124%, а в УРСе Совнархоза более чем в 2 раза»⁸⁵.

В газете «Известия» (5 августа 1959 г.) были опубликованы факты незаконного получения премии работниками Дальзавода от заказчиков, минуя бухгалтерию. Созданная комиссия совнархоза с участием работников органов народного контроля подтвердила правильность изложенного в газете. Совнархоз отстранил директора А.В. Лаврова от занимаемой должности, так как «...он знал и не принимал мер — на заводе продолжали антигосударственную практику»⁸⁶, в которой были заинтересованы обе стороны. Заказчикам не нужно было стоять годами в очереди, ожидая выполнения заказа, а рабочие получали стабильный дополнительный доход без каких-либо налоговых отчислений государству. Естественно, директор не хотел рушить эту систему, терять заказчиков и снижать трудовой стимул рабочих в условиях постоянной текучести кадров. Если бы «не сигнал» через газету «Известия» (статья «Премия? Нет, взятка») в соответствующие инстанции, то все осталось бы по-прежнему. Автор статьи умолчал лишь о том, что подобные случаи были и на других предприятиях Дальнего Востока. Такие явления не только размывали социалистическую идеологию, но подрывали экономическую базу, снижая поступление доходов в бюджет государства.

Истинными причинами быстрорастущих темпов экономических преступлений были системные последствия распределительных отношений в СССР, а также результат внутреннего размывания партийно-государственной идеологии, происходившие на фоне острой нехватки необходимых потребительских товаров. Со стороны некоторых городских и районных прокуратур, отделов милиции и народных судов были случаи квазилиберализма, когда безосновательно освобождали от уголовной ответственности лиц и «передавали их на поруки коллективов»⁸⁷. Однако причины этих негативных явлений не были адекватно оценены партноменклатурной элитой. Традиционно рост хищений списывался на недоработку кадрового вопроса⁸⁸.

Массовые хищения в организациях, с одной стороны, способствовали росту дефицита продуктов питания и промышленных товаров широкого потребления, с другой — благоприятствовали спекуляции. Совокупность и взаимосвязь этих двух процессов в итоге разрушали основы распределительной системы в СССР. Спекуляция стала вечным спутником хищений или возникавшей теневой экономики в регионах. Как первое, так и второе вызывали недовольство населения и раздра-

жение у работников правоохранительных органов: «В то время, когда спекулянты в городах края... нарушают нормальную государственную торговлю, причем многие из них действуют совершенно открыто и тем самым вызывают возмущение граждан»⁸⁹. Борьба с этой угрозой социальному порядку велась традиционными политическими мерами, т.е. принятием очередных указов (Указ Верховного Совета РСФСР «О борьбе с открытой мелкой спекуляцией» от 12 сентября 1957 г., от 27 апреля 1959 г. «О дополнении Указа Президиума Верховного Совета РСФСР от 12 сентября 1957 года «Об ответственности за мелкую спекуляцию»⁹⁰).

Одной из причин дальнейшего распространения спекуляции на Дальнем Востоке являлось расширение торговых контактов между СССР и Японией, откуда взамен природных ресурсов поступали товары легкой промышленности. Через крупные порты Приморья (Владивосток, Находка), Хабаровского края (Ванино, Советская Гавань), Сахалина (Южно-Сахалинск, Холмск, Корсаков и др.), Камчатки (Петропавловск-Камчатский) поступали одежда, обувь, ткани, предназначавшиеся для торговой сети разных регионов страны. Товары шли сначала на товарно-промышленные базы портов, откуда они не только распределялись согласно разнарядке, но и распродавались «своим людям» или «надежным магазинам»*, часть из них вскоре оказывалась на местных рынках, но уже по другим ценам. Борьба со спекуляцией в регионе велась активно, как и по всей стране, но численность задержанных лиц за мелкую спекуляцию не снижалась: в Приморском крае в 1958 г. было задержано 285 чел., 1959-м — 287 чел., в 1960 г. — 364 чел.⁹¹

Во второй половине 1950-х—начале 1960-х гг. в структуре преступности на Дальнем Востоке самыми распространенными были кражи личного имущества граждан. В 1957 г. по линии уголовного розыска из 5 163 чел., привлеченных к уголовной ответственности в Приморье, каждый четвертый (1 300 чел.) состоял в грабительских и воровских шайках, численность которых достигала 528⁹². В Хабаровском крае за 1956—1958 гг. рост краж личного имущества граждан составил почти 30%⁹³. На борьбу с этим видом преступлений были направлены усилия оперуполномоченных и участковых.

В условиях либерализации для обеспечения социально-политической безопасности власть стала ориентироваться на проведение профилактических мер (лекции, беседы, рейды). Одновременно правительство проводило курс на повышение материального положения дальневосточников как фактора, способствующего снижению криминогенности.

* Цена не завышалась: за такое преступление наказание могло быть суровым и имущество подлежало конфискации.

Дальнейшие преобразования правоохранительной системы шли с учетом действия нового уголовного кодекса. 13 января 1960 г. Президиум Верховного Совета СССР принял Указ «Об упразднении Министерства внутренних дел СССР». Курс на децентрализацию обусловил передачу некоторых служб и функций министерствам внутренних дел союзных республик. Обновился и кадровый состав в регионах*, повысился престиж профессии милиционера**. В то же время (1962–1963 гг.) в уголовный кодекс было внесено около 50 изменений, направленных на ужесточение уголовного законодательства⁹⁴. Расширение полномочий органов внутренних дел сопровождалось усилением контроля над МВД со стороны прокуратуры. В Хабаровском крае прокуратура обеспечила привлечение к уголовной ответственности 89,5% лиц, нарушивших закон. В 1962 г. по делам о хищениях и растратах социалистической собственности, привлечении к уголовной ответственности несовершеннолетних внесено 71 представление⁹⁵.

После принятия «Закона о судеустройстве» (27 октября 1960 г.) в регионах упразднилась система участковых народных судов и вводились районные (городские) суды⁹⁶. На краевые (областные) суды были возложены все функции по руководству и контролю за деятельностью нотариата. Основной объем судебной работы приходился на районные суды (70 – 85% всех раскрытых дел).

В 1961 г. органы власти Дальнего Востока выполняли Указ «О тунеядцах»⁹⁷, но его реализация проходила с трудностями⁹⁸. Не сразу все предупрежденные о последствиях применения Указа в Хабаровском крае приступили к трудоустройству (только 38,3%). В отношении 498 чел. (15,5%) были применены санкции по выселению, в том числе 456 чел. – по постановлению народных судов. Некоторых выселили без оснований, в том числе женщин, имевших малолетних детей, а также выпивающих, но без прогулов на работе. По г. Охотску таких оказалось 7 чел., по протесту прокурора их выселение было отменено⁹⁹.

* На Дальнем Востоке УВД возглавляли в Хабаровском крае П.В. Никитин (1961 – 1973), в Магаданской области – С.Г. Сазоненко (1959 – 1961), К.Л. Макеев (1961 – 1970), на Камчатке В.Е. Волков (1962 – 1966).

** 26 сентября 1962 г. официально был установлен День советской милиции 10 ноября, в наше время – День работника Внутренних дел. 12 октября 1963 г. была введена медаль «За отличную службу по охране общественного порядка», 23 октября 1963 г. учреждено Красное знамя, которым награждались республиканские, краевые, областные и городские гарнизоны милиции, высшие и средние специальные учебные заведения Министерства охраны общественного порядка (МООП) РСФСР. В 1964 г. введен знак «Отличник милиции».

Для Дальнего Востока этот Указ сыграл негативную роль, поскольку он стал территорией вселения «тунеядцев из Московской, Волгоградской, Ульяновской областей, Ставропольского края»; «оседали» и выселенные из городов Хабаровского края. Их направляли в Ульчский, Комсомольский, Амурский, Тугуро-Чумиканский, Аяно-Майский, им. Полины Осипенко, им. Лазо, Вяземский и Охотский районы. С 1 мая 1961 по 1 марта 1964 г. по Указу в этих районах находилось 1 243 чел. Таким образом, в период лидерства Н.С. Хрущева сохранялась традиция выселения и исправления трудом тех, кто нарушал советские социальные нормы, трудоустраиваясь в лесной, строительной и сельскохозяйственной отраслях народного хозяйства. Но большинство прибывавших в край продолжали вести привычный образ жизни: выселенные по Указу совершили в 1962 г. 57 преступлений, в 1963 г. — 161¹⁰⁰. В конечном итоге Указ от 4 мая 1961 г. по борьбе с паразитическими элементами не решил главной проблемы — ликвидации «паразитов» общества. Вторая попытка ликвидировать это явление была предпринята в 1970 г., когда стали создаваться приемники-распределители для лиц, задержанных за бродяжничество или попрошайничество. К ним власти применяли сугубо административные меры, которые в дальнейшем были заменены штрафом, а в случае повторения — лишением свободы по решению суда на основании ст. 209 УК РСФСР. Так, на Камчатке предупреждение о недопустимости ведения паразитического образа жизни получили 713 чел., за уклонение от трудоустройства к уголовной ответственности привлекли 74 чел.¹⁰¹

В 1960-е гг. советское руководство продолжало противостоять таким преступлениям, как хищение, растрата и злоупотребление служебным положением, мошенничество, спекуляция, приписки, предпринимательская деятельность. Масштабы этих деструктивных явлений были оценены политическим руководством страны на уровне национальной угрозы, о чем свидетельствует принятие 5 мая 1961 г. Указа «Об усилении борьбы с особо опасными преступлениями»¹⁰², в том числе и с хищениями государственного или общественного имущества в особо крупных размерах (свыше 10 тыс. руб.)¹⁰³. За хищение в особо крупных размерах суд мог назначить преступнику наказание вплоть до смертной казни. В целях устрашения проводились показательные процессы, в 1961–1963 гг. было вынесено 163 смертных приговора¹⁰⁴.

Однако в экономической сфере даже суровостью наказания не могли остановить рост количества преступлений, ибо их динамика была обусловлена неспособностью советской плановой экономики функционировать в заданных государством правовых рамках. Поэтому в 1960–1970-х гг. нарушение не считалось преступлением, если его цель квалифицировалась не как личное обогащение, а как издержки эконо-

мической практики. Но чаще всего в поле зрения власти попадали факты, связанные с незаконными источниками обогащения.

Основной формой предотвращения экономических преступлений в СССР по-прежнему были разного рода проверки и ревизии контролирующих органов и ОБХСС. В бытность совнархозов такие проверки осуществляли специально созданные комиссии. Документальная ревизия, проведенная на одном из крупнейших комбинатов Амурского совнархоза «Дальвостуголь» и подотчетных ему предприятиях, выявила серьезные нарушения финансовой дисциплины. Было установлено, что «руководство недостаточно бережно отнеслось к расходованию государственных средств», производило незаконные командировки так называемых «толкачей» по вопросам отгрузки и продвижения грузов. Порой проверки приводили к крайностям: незаконными были признаны и меры социальной поддержки своих работников. Например, предприятия предоставляли транспорт для перевозки рабочих к месту работы и обратно или расходовали средства на оплату концертов и демонстрацию фильмов в клубах. Особо проверялись сведения по исполнению финансовой дисциплины. По эксплуатации жилищно-коммунального хозяйства «Дальвостугля» за девять месяцев 1957 г. перерасход составил 286 тыс. руб.¹⁰⁵ Но в этих случаях никаких серьезных репрессивных мер по отношению к руководителям не принимали: ревизоры посчитали расходы как экономические издержки. В 1960–1970-е гг. подобные прецеденты возникали все чаще и чаще. Этот процесс разрушал основы распределительной системы и усиливался прямыми формами разворовывания государственной собственности. Почти треть всех смертных приговоров (несколько сотен ежегодно) в стране выносилось за коррупцию в особо крупных размерах или за нелегальную предпринимательскую деятельность¹⁰⁶.

Одним из факторов роста хищений стал кризис подбора кадров. Как правило, лица, занимавшие высокие посты, являлись членами КПСС. Неформальные практики привели к тому, что в начале 1970-х гг. 90% советских управленцев, совершавших экономические правонарушения, отделялись лишь партийными взысканиями¹⁰⁷. Без правонарушений в советской экономической системе было трудно управлять, и это стали понимать многие государственные и партийные деятели. Секретарь Приморского крайкома КПСС Г.Н. Балакин на одном из совещаний признался: «У нас в крае осуждено более двух тысяч человек за хищения. Можно судить еще столько же»¹⁰⁸. Такая ситуация объяснялась тем, что вышестоящие инстанции, во-первых, получали определенный «процент» с махинаций, а во-вторых, не хотели подставлять себя, давая отрицательную характеристику ответственным работникам.

Государство не могло справиться с экономическими преступлениями, так как они были зеркальным отражением системных противоречий. К тому же в условиях либерализации ослабла дисциплина и в отделах БХСС: дела заводились, а расследование по ним или не проводилось, или к нему приступали не ранее чем через 3–6 месяцев. Дальневосточная практика богата на такие примеры. В 1964 г. следователю Г. поступило агентурное дело «Больной», в котором «разрабатывались» 3 чел. (Вневедомственная охрана отделения милиции порта Находка). Но следователь даже не познакомился с этим делом и сдал его в архив. Необоснованно были прекращены два агентурных дела «Нахлебники» (Яковлевское районное отделение милиции). Из 12 агентурных дел, заведенных в Уссурийском городском отделении милиции, только 9 чел. были привлечены к уголовной ответственности (причем дела группового характера)¹⁰⁹.

В экономическую преступность втягивались не только управленцы, но и люди, занятые исполнительским трудом. После войны в стране действовали небольшие кооперативы. Они изготавливали одежду, обувь, восполняя дефицит повседневных товаров в сети госторговли. В конце 1950-х гг. государство пошло на их ликвидацию. Правоохранительные органы инициировали их проверку, в результате которой было установлено, что источниками поступления материалов для производства товаров были хищения на госпредприятиях. В 1960-х гг. в теневом секторе экономики участвовало около 10 млн чел., а объем в денежном выражении — 5 млрд руб.¹¹⁰ Одновременно появилась когорта состоятельных людей, привлекая внимание не только правоохранительных структур, но и криминального мира¹¹¹. Появление «теневых» миллионов создало условия для зарождения коррупции.

Освободившаяся от кооператоров ниша вскоре была заполнена новой категорией «антиобщественных элементов» — фарцовщиками, занимавшимися мелкой спекуляцией. Их противозаконная деятельность на Дальнем Востоке имела материальную основу. Советские моряки из-за границы привозили одежду, обувь и др. в основном для собственного пользования, частично товары повышенного спроса продавали «своим», а они — на барахолках. Самая известная «барахолка» на Дальнем Востоке располагалась во Владивостоке в районе Голубиной Пади (между остановками транспорта Гоголя — Фуникулер). Продавцы рисковали быть привлеченными к уголовной ответственности, но занимались этим антиобщественным по тем временам ремеслом. По советскому уголовному законодательству 1960 г. это занятие влекло наказание в виде лишения свободы на срок до двух лет с конфискацией имущества или без нее. Спекуляция в виде промысла, а также в крупных размерах наказывалась лишением свободы на срок от двух до семи

лет с конфискацией имущества. Менее опасной для государственной экономики считалась мелкая спекуляция, за которую суды назначали исправительные работы сроком до одного года или штрафом до двухсот рублей с конфискацией предметов спекуляции (ст. 154). Но меры, направленные на борьбу со спекуляцией в условиях растущего дефицита потребительских товаров, давали результат лишь в виде наказания отдельных личностей.

Спекуляция как явление при социалистической системе представляла вид социального паразитизма. Под ее влиянием деформировалась материальная сфера, мировоззрение различных социальных групп в ущерб для советского общества, размывался идеологический принцип социальной справедливости¹¹². Это была явная угроза существующему социальному порядку. Тем не менее по мере повышения жизненного уровня и принятых мер по противостоянию разным видам преступлений в конце 1950-х – в первой половине 1960-х гг. удалось снизить общий уровень преступности. В 1961 г. в СССР регистрировалось 406 преступлений и 370 осужденных на 100 тыс. населения. В 1965 г. эти показатели оказались еще ниже – 328 преступлений и 249 осужденных на 100 тыс. населения. Некоторая демократизация правосудия в этот период сочеталась с идеологическими заявлениями об «искоренении» преступности. Однако на Дальнем Востоке количество совершенных преступлений в расчете на 100 тыс. населения по-прежнему оставалось высоким. В 1963 г. коэффициент преступности в РСФСР составлял менее 400 преступлений, в Приморье – 478, в Хабаровском крае – 516, Амурской области – 417, Камчатской области – 622, Магаданской области – 650, Сахалинской области – 676 преступлений¹¹³.

С приходом к власти в 1964 г. Л.И. Брежнева систему управления вновь стали реформировать, и МВД не стало исключением. Было восстановлено централизованное управление органами милиции в масштабе страны. 26 июля 1966 г. Президиум Верховного Совета СССР принял Указ о создании союзно-республиканского Министерства охраны общественного порядка СССР. Продолжая курс, взятый на поднятие престижа службы в милиции, 25 ноября 1968 г. Министерству охраны общественного порядка СССР было возвращено прежнее наименование – Министерство внутренних дел СССР. Соответственно Управление охраны общественного порядка исполкомов краевых и областных Советов депутатов трудящихся переименовали в Управление внутренних дел краевых, областных исполкомов Советов депутатов трудящихся*. Однако, как и во времена Хрущёва, реорганизации органов управления не могли остановить разрушение нравственных устоев общества, стремление определенной части получать легким способом источники дохода для «хорошей жизни».

Ответом Министерства внутренних дел СССР на информацию, поступавшую из регионов об участившихся кражах на складах, предприятиях и магазинах, вынудило руководство страны издать приказ «О создании ночной милиции и усилении охраны объектов народного хозяйства работниками милиции, вводимыми взамен сторожей и бригадиров обходных постов вневедомственной охраны» (11 декабря 1970 г.)¹¹⁴. Соответствующие структурно-штатные изменения были проведены и на Дальнем Востоке.

Правительство вновь обратило внимание органов милиции на необходимость усилить меры по борьбе с экономическими преступлениями. В русле такой политики 1 января 1964 г. в городском УВД г. Хабаровска был организован Отдел по борьбе с хищениями социалистической собственности и спекуляцией (ОБХСС). Кроме того, организованы другие новые отделы, которые строили свою работу на принципах разрешения: разрешительной работы, отдел лицензионно-разрешительной работы (ЛРР), они осуществляли контроль над оборотом оружия, взрывчатых веществ, контролировали частную детективную и охранную деятельность. Аналогичные мероприятия были проведены и в других управлениях внутренних дел Дальнего Востока.

В 1970-е гг. Центр ориентирует руководство МВД на активные меры по предупреждению преступности, указывая на необходимость усилить ведение профилактической работы. В структуре УВД появились новые службы. Например, в декабре 1971 г. в Хабаровском УВД были созданы специальные приемники для содержания лиц, подвергнутых административному аресту за мелкое хулиганство. На базе организационно-инспекторских управлений МВД – УВД были созданы Штабные подразделения ОВД, а в октябре 1971 г. – Штаб УВД Хабаровского крайисполкома. Отдел профилактики занимался индивидуальной профилактикой, в него вошли отдел и инспекция по делам несовершеннолетних. С 1973 г. во всех городах и поселках городского типа Дальнего Востока стали действовать опорные пункты, где кроме дружинников обязательное дежурство вели несколько сотрудников ОВД и инспектор по делам несовершеннолетних.

* В новую структуру МВД СССР вошли Управление административной службы милиции, Управление уголовного розыска, Управление по борьбе с хищениями социалистической собственности и спекуляцией, Управление государственной автомобильной инспекции, Управление специальной милиции, Управление транспортной милиции. В Центральном аппарате на базе контрольно-инспекторского отдела создается подразделение со штабными функциями – Организационно-инспекторское управление.

В 1974 г. в регионах создавались Управления уголовного розыска УВД крайисполкомов и облисполкомов. В их структуру вошли отделы по раскрытию преступлений против личности, имущественных преступлений, по борьбе с наркоманией, по розыску преступников и без вести пропавших. Таким образом государство реагировало на новые виды преступлений и проявления антисоциального поведения. Одновременно на Дальнем Востоке происходила смена руководящего состава органов УВД*.

В 1977 г. с принятием новой Конституции власти еще раз акцентировали внимание общества на то, что при принятии тех или иных мер и решений законность превыше всего. На основании Конституции началась разработка Закона «О прокуратуре СССР», принятого 30 ноября 1979 г.¹¹⁵ Последующие кардинальные преобразования в Прокуратуре начнутся только в августе 1991 г. Важным направлением в деятельности прокуроров, как и прежде, оставался контроль за законностью принимаемых решений не только судьями, но и должностными лицами. В 1972 г. в Приморском крае прокурорами было отменено 383 необоснованных постановлений об отказе в возбуждении уголовных дел; в 1973 г. рассмотрено 1848 жалоб, из них 1181 — по уголовным делам, 346 протестов, в том числе 171 — по уголовным делам; в 1975 г. проведены 302 проверки, по результатам которых вынесено 271 представление.

В 1975 г. прокуроры Хабаровского края провели 863 проверки, по результатам которых внесли 520 представлений об устранении вы-

* УВД на Дальнем Востоке возглавляли в Хабаровском крае П.В. Никитин (1961 — 1973), в Магаданской области С.Г. Сазоненко (1959 — 1961), К.Л. Макеев (1961 — 1970), Б.И. Минаев (1970 — 1980); в Приморском крае — О.А. Яковлев (1961 — 1971), А.Н. Дронов (1971 — 1976), В.А. Текутьев (1976 — 1979); в Еврейской автономной области — Н.А. Коробенков (1964 — 1968), В.И. Хиров (1968 — 1976), П.С. Шишкин (1976 — 1979); на Камчатке — В.Е. Волков (1962 — 1966), С.Л. Шевченко (1966 — 1969), Г.В. Дарузе (1969 — 1974), В.М. Соколов (1974 — 1983). На Дальнем Востоке краевые и областные прокуратуры возглавляли в Приморском крае Н.А. Баженов (1961 — 1967), М.И. Гужавин, В.К. Комаров, участник Великой Отечественной войны на Дальнем Востоке. В Амурской области в должности областного прокурора трудились И.А. Зубов (1964 — 1967), фронтовик В.А. Орлов (1967 — 1973). Много лет возглавляли областную прокуратуру на Сахалине В.И. Царев (1944 — 1961) и А.В. Осипов (1963 — 1968), А.Н. Смирнов (1968 — 1973), Г.И. Иванцов (1973 — 1979). В течение 15 лет (с 1957 г. по 1973 г.) возглавлял прокуратуру Магаданской области Ф.Л. Кравцов, который до этого назначения работал заместителем прокурора Хабаровского края. В 1973 г. прокурором области был назначен И.И. Винокуров. В период его работы из деревянного барака прокуратура области переехала в новое кирпичное двухэтажное здание.

явленных нарушений, опротестовали 403 незаконных правовых акта. В отношении 350 должностных лиц были приняты дисциплинарные и административные меры наказаний. Выполняя свои функции, прокуроры края обеспечили поддержку государственного обвинения по 3 704 уголовным делам (52,3% от всех рассмотренных дел) и опротестовали приговоры как необоснованные в отношении 115 чел.¹¹⁶

Однако на Дальнем Востоке работникам прокуратуры не всегда удавалось добиться результативности, что отражалось на доверии общества к органам надзора, безусловно, со стороны людей, попавших в сложные жизненные ситуации. В Магаданской области в первой половине 1970-х работники прокуратуры несвоевременно выявляли на предприятиях молочной, мясной и местной промышленности факты нарушения сроков установления нового оборудования (которое простаивало годами), а также не могли остановить выпуск некачественной продукции на ряде предприятий¹¹⁷. Прокуроры участвовали в профилактической и просветительской работе посредством бесед и лекций в основном на темы о хулиганстве, вреде и последствиях пьянства и др.¹¹⁸ Только за один год (1972) было прочитано для населения 2 612 лекций и докладов, 587 выступлений на различных предприятиях с информацией о состоянии преступности, разъяснением действующего законодательства.

С принятием в 1977 г. Конституции СССР вышел новый Закон «О Верховном суде СССР» (30 ноября 1979 г.). Народному суду как основному и низовому звену советской судебной системы отводилась функция установления справедливого наказания — выполнять важную роль в сохранении доверия государству. Общество надеялось на повышение качества работы судов, и многие суды оправдывали надежды граждан. Так, в областном суде Амурской области число отмененных и измененных приговоров народных судов до 1956 г. составляло 25–30%, к 1986 г. «брак» сократился до 8–5%. В 1978 и 1980 гг. Верховный суд РСФСР не отменил и не изменил ни одного приговора областного суда, хотя были обжалованы или опротестованы около 90 приговоров.

Такой успех в немалой степени зависел от человеческого фактора, когда в судебной системе трудились люди, преданные делу. В 1956 — 1987 гг. председателем Амурского суда был И.В. Ненахов, закаливший свой характер в годы Великой Отечественной войны, о чем говорят его награды (орден «Отечественной войны I степени» и медали «За отвагу», «За оборону Москвы», «За победу над Германией»). В 1955 г. в прокуратуру пришла Н.С. Виноградова (по распределению Вильнюсского государственного университета) на должность секретаря отдела по надзору за органами милиции. В 1977 г. она была утверждена членом Президиума краевого суда, а через четыре года стала пред-

седателем Приморского краевого суда, который возглавляла с 1981 по 1994 г. Указом Президента Российской Федерации Н.С. Виноградовой в 1993 г. присвоено почетное звание «Заслуженный юрист Российской Федерации»¹¹⁹.

Во второй половине 1960—1970-х гг. власть продолжала принимать меры по предотвращению угрозы обществу, исходившей от такой формы девиантного поведения граждан, как хулиганство. Органы власти в Дальневосточном регионе фиксировали тенденцию его роста. В Хабаровском крае к уголовной ответственности за хулиганство в 1961 г. было привлечено 1 261 чел., в 1967 г. — 2 680 чел.¹²⁰ В 1971 г. в Камчатской области было зарегистрировано 2671 преступление, 24% от их числа были по статье за хулиганство¹²¹. Хулиганство как форма социальной деградации охватило все регионы страны, в том числе Магаданскую область и Приморский край.

Правительство ответило усилением репрессивной составляющей наказания. В 1966 г. вышел Указ Верховного Совета СССР «Об усилении ответственности за хулиганство», в котором были выделены три степени тяжести этого преступления. Виновных наказывали лишением свободы на срок от шести месяцев до одного года или штрафом. Злостное хулиганство, содеянное с сопротивлением органам милиции, влекло наказание в виде лишения свободы от 1 до 5 лет; особо злостное хулиганство с применением оружия — от 3 до 7 лет¹²². В декабре 1971 г. по стране стали создавать специальные приемники при органах внутренних дел для содержания лиц, подвергнутых административному аресту (до 15 суток) за мелкое хулиганство¹²³. К арестованным применяли и меры трудового перевоспитания (этот сюжет показан в знаменитой комедии Л. Гайдая «Операция Ы и другие приключения Шурика»), одновременно воздействуя психологическими средствами на нарушителей советских порядков. Партийным и профсоюзным организациям рекомендовали использовать различные приемы сатиры, давать публичные характеристики типа «Они позорят наш коллектив». Кроме того, партийные и комсомольские активисты вместе с работниками милиции проводили антиалкогольные кампании, организовывали регулярные патрулирования ДНД. Правительство осознавало социальную опасность «зеленого змия» как для производства, так и социальной стабильности, хотя это признание проявлялось не столько на общественном уровне, сколько в статистической отчетности. Политическое признание этого явления произошло только в 1985 г. с началом горбачевской антиалкогольной кампании.

В 1960 г. потребление алкоголя в пересчете на каждого жителя РСФСР составило 10 л/год¹²⁴. Дальний Восток входил в число территорий, где алкоголизация населения была настоящей угрозой раз-

рушения нравственных и семейных устоев*. Потребление алкоголя в Хабаровском крае в 1965 г. составляло 24,6 л/год¹²⁵; в ЕАО потребление алкогольных напитков выросло за 5 лет (с 1972 по 1976 г.) на 40 тыс. декалитров и составило 36,7 л/год (в 1972 г. — 33 л/год)¹²⁶. На Камчатке в 1967 г. населению было продано в магазинах 297 358 декалитров, за 8 месяцев 1968 г. — 352 917. Потребление официально купленных алкогольных напитков в 1967 г. достигло 20,2 л/год, 1968 г. — 23,9 л/год на человека¹²⁷. Реальный уровень объема потребления был еще выше, так как официальной статистике крайне трудно учесть объемы потребления напитков домашней выработки — самогона и браги.

Столь ужасающая картина по многим регионам страны вынудила руководство страны принять экстренные меры, но снова запретительного характера. В 1972 г. вышли Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 16 мая 1972 г. «О мерах по усилению борьбы против пьянства и алкоголизма» и Указ Президиума Верховного Совета от 19 июня 1972 г. «О мерах по усилению борьбы против пьянства и алкоголизма», которые запрещали повсеместную продажу алкогольных напитков; их реализация могла осуществляться только в специализированных магазинах. Медвытрезвители работали «с полной загрузкой»: пьяных собирали по улицам и доставляли в специальные медучреждения. В 1972 г. в Приморском крае было доставлено в вытрезвители 64 тыс. чел.¹²⁸, в 1975 г. — более 80 тыс.¹²⁹ В 1979 г. в крае впервые было выявлено и взято на учет 10 тыс. алкоголиков¹³⁰.

В Хабаровском крае в 1966 г. после выхода в свет Указа по борьбе с преступностью в медвытрезвители поместили 54,4 тыс. чел.¹³¹, в 1970 г. — почти 46 тыс.; в 1972 г. из 53,8 тыс. доставили в вытрезвители 43,6 тыс., 1980 г. — 47,8 тыс. чел.¹³² На Камчатке в 1974 г. с улиц двух городов (Петропавловска-Камчатского и Елизова) сотрудники милиции доставили около 20 тыс. чел.¹³³ В отдельные годы меры борьбы с пьянством даже давали временные результаты, снижая уровень хулиганства. В 1960-х гг. в Приморском крае в структуре преступности число привлеченных к уголовной ответственности по ст. 206 УК РСФСР составляло 50%, в начале 1970-х гг. — около 17%, а в 1977 г. — 11,5%¹³⁴.

По причине пьянства и невыходов на работу потери рабочих человеко-дней были колоссальными, что наносило ощутимый ущерб экономике. Это стало постоянным предметом разбирательств на партийно-хозяйственных активах и производственных совещаниях. На профсоюзных конференциях звучала озабоченность и со стороны

* По данным Всемирной организации здравоохранения, депопуляция нации начинается с приема 8 л/год.

рядовых рабочих. В Приморском крае в 1975 г. прогулы совершили 33 тыс. рабочих, непроизводственные потери рабочего времени составили около 530 тыс. человеко-дней¹³⁵. Сотрудники правоохранительных органов на разного рода совещаниях говорили, что пьянство чаще всего было причиной аварийности на производстве. К концу 70-х гг. советское общество фактически подошло к пониманию алкоголизации как национальной угрозы. Чаще всего анализ влияния «зеленого змия» шел на конкретных примерах (рост прогулов и аварийности на производстве, снижение производительности труда). Во Владивостокском морском порту в 1978 г. по этой причине от аварийных происшествий материальный ущерб превысил 300 тыс. руб.¹³⁶

Тяжелым социальным последствием пьянства был и рост преступности, что постоянно тревожным рефреном проходило по аналитическим отчетам. В алкогольном опьянении совершалось 60 – 70% всех преступлений в регионе, и до 90% относилось к категории тяжких и особо тяжких (убийства и покушения на убийства, нанесение тяжких телесных повреждений, изнасилования). Почти 100% бытовых преступлений совершалось на почве пьянства.

Борьбу с этим явлением власть вела двумя способами: принудительное помещение по решению суда в лечебно-трудовые профилактории (ЛТП) (ст. 62 УК РСФСР), в которых лечение сочеталось с трудовым перевоспитанием; привлечение к уголовной ответственности за незаконное изготовление, хранение и сбыт алкогольной продукции (самогоноварение) (ст. 158 УК РСФСР). Согласно статданным с момента повсеместного открытия ЛТП наблюдался рост «лечившихся». Так, в Приморье в 1972 г. на лечение по решению суда было направлено 312 чел., в 1973 г. – 712 чел.¹³⁷ В структуре осужденных доля «алкоголиков» в 1972 г. составляла 0,8%, в 1973 г. – 3%. Однако массовость этого явления была значительно шире. В Хабаровском крае в 1977 г. местные власти открыли 5 наркологических кабинетов. В г. Амурске на учете у нарколога стояло 374 чел. В ЕАО функционировало наркологическое отделение на 100 койко-мест¹³⁸, на лечение в 1977 г. получили «направление» 821 чел., в 1978 г. – 869 чел.¹³⁹

В 1960-е гг. в обществе впервые заговорили о необходимости борьбы с распространением наркотических средств. В рамках реализации уголовной политики в УК РСФСР предусматривалось наказание за изготовление, хранение, сбыт и применение наркотических средств (ст. 224–226 УК РСФСР). Употребление наркотиков населением на Дальнем Востоке также было установлено органами милиции, хотя их распространение носило сезонный характер, поскольку здесь произрастает сырье для его изготовления. Рост числа потребителей наркотиков происходил под влиянием общей криминальной культуры. Но были

и специфические факторы, такие как заимствование у аборигенного населения (нанайцев), у которых это явление было элементом традиционной культуры. Кроме того, на Дальнем Востоке служили в рядах армии призывники из Средней Азии (узбеки, таджики), у которых, как и у нанайцев, «курительная» наркомания являлась частью этнической культуры. Но в 60-е гг. наркомания как национальная угроза еще не сформировалась. Это были лишь отдельные эпизоды. Так, из восьми дальневосточных краев и областей потребление наркотиков было только в трех – Приморском и Хабаровском краях и Сахалинской области, а число привлеченных к уголовной ответственности в 1961 г. – 31 чел., в 1964 г. – 38 чел.¹⁴⁰

Во Владивостоке 9 сентября 1960 г. состоялось межведомственное совещание работников прокуратуры, суда, милиции, на котором начальник УВД Приморского края С.И. Затолокин поднял вопрос о распространении наркомании среди заключенных, находившихся на общем режиме¹⁴¹. Наибольшее количество преступлений, связанных с употреблением наркотиков в регионе, регистрировалось на Сахалине (в 1961 г. – 22 случая, в 1963 г. – 38, в 1964 г. – 28 случаев), но в основном это были корейцы¹⁴².

На Сахалине у сотрудников органов внутренних дел не было достаточного представления о специфике наркомании среди корейцев, поскольку островная территория после войны активно заселялась представителями восточнославянских этносов. Не владея информацией об этнобытовых особенностях населения, органы внутренних дел не могли быстро принимать какие-либо меры: не проводились мероприятия по выявлению и уничтожению посевов опийного мака, индийской и южной чуйской конопли, которые выращивались на сопках в Сахалинской области¹⁴³. Органы правопорядка отставали в своей работе от темпов распространения наркомании.

Однако отдельные сотрудники уже тогда начали бить тревогу, обращаясь в центральные органы власти, и озвучивали вопросы о необходимости принудительного лечения наркоманов. В начале 70-х гг. этот социальный порок был признан угрозой обществу, что прослеживается в Указе Президиума Верховного Совета РСФСР «О принудительном лечении и трудовом перевоспитании больных наркоманией» (от 25 августа 1972 г.) и Постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по усилению борьбы с наркоманией» (от 13 июля 1976 г.)¹⁴⁴. Документы ориентировали сотрудников ОВД на оценку реального масштаба этого бедствия. На примере Приморского края можно увидеть, с какой скоростью увеличивалась численность наркоманов. В 1971–1972 гг. в крае к уголовной ответственности привлекли по 1 чел., в 1973–1974 гг. – по 3 чел., а с 1975 по 1986 гг. – с 16 до 1762 чел.¹⁴⁵

В Хабаровском крае в течение 1976–1979 гг. дополнительно открыли 5 наркологических пунктов, «специализировавшихся» на выявлении наркоманов, в том числе на судоремонтно-судостроительном заводе, заводе стройдеталей и конструкций, мясокомбинате, СМУ аэропорта, спецкомендатуре №2; на базе треста «Промреконструкция» было открыто лечебное отделение на 60 коек. Установление жесткого контроля за распространением наркотиков в Хабаровском крае в конце 70-х гг. дало положительный результат¹⁴⁶. Наряду с мерами уголовного преследования за распространение и употребление наркотиков в СССР применялось административное наказание в виде штрафов. Однако главную миссию в борьбе с наркоманией государство видело в лечении людей, страдающих этим пороком.

В 70-е гг., как и в 60-е, власти пытались противодействовать росту преступности профилактическими мерами и путем вовлечения общественности в мероприятия по борьбе с преступлениями против общественного порядка в форме добровольных народных дружин. Однако зреющий идеологический кризис привел к обесцениванию столь важных начинаний. Это было типично как для Центра, так и периферии. Партийным органам важно было отчитаться формальными показателями о численности вовлеченных членов или проведенных рейдах, о чем свидетельствует анализ статистики¹⁴⁷.

В позднесоветский период власть продолжала использовать и другие апробированные формы привлечения общественности к проблеме сокращения преступности, в частности, делая ставку на воспитательный момент – товарищеские суды. Подобная форма получила законодательное оформление в Указе Президиума Верховного Совета РСФСР «Об утверждении Положения о товарищеских судах и Положения об общественных советах по работе товарищеских судов» (от 11 марта 1977 г.)¹⁴⁸. Власти надеялись, что товарищеские суды станут превентивной мерой борьбы с преступностью – за счет расширения общественного ресурса к проблемам законопослушного поведения граждан. Однако процесс развивался совсем не так, как предполагали инициаторы: по мере воспитательной функции стали появляться факты злоупотребления этой формой общественного порицания. В 1972 г. в Хабаровском крае из 8 515 чел., совершивших преступление, освободили от уголовной ответственности 1 503 чел., передав материалы в товарищеские суды¹⁴⁹. В Приморье в 1978 г. в товарищеских судах рассмотрели 16 411 дел в отношении 19 001 чел., в том числе по делам, связанным с пьянством, – 4 182 чел., с совершением мелких хищений – 2 872 чел. и мелким хулиганством – 2 341 чел.¹⁵⁰

Кризис идеологии и социально-политических отношений в СССР вызвал резкое увеличение случаев злоупотребления служебным по-

ложением. Такой терминологией пользовались политики при характеристике нарастающей коррупции к середине 1970-х гг., однако тогда в основном расследовались крупные дела в республиках Средней Азии («хлопковое» дело)¹⁵¹. На Дальнем Востоке как части РСФСР таких громких дел не было, но процветало явление, которое квалифицировалось УК РСФСР как «хищение государственного или общественного имущества» (см. табл. 4).

Таблица 4

**Численность привлеченных к уголовной ответственности по статьям
УК РСФСР о хищениях социалистической собственности (ст. 89-101)
с указанием суммы ущерба в 1967 – 1970 гг.**

		1967		1970	
		чел.	руб.	чел.	руб.
1.	Амурская область	705	239 293	685	198 042
2	Камчатская область	246	134 673	332	113 441
3	Магаданская область	346	244 758	344	1 547 855
4	Приморский край	1 313	422 922	1 534	314 550
5	Сахалинская область	551	267 013	719	171 718
6	Хабаровский край	1 237	385 871	1 233	337 172

Таблица составлена Л.А. Крушановой на основании: ГАРФ. Ф. А–461. Оп. 11. Д. 1960. Л. 6 об., 86 об., 142, 194 об., 214 об., 168 об.; Д. 2395. Л. 6 об., 85 об., 141 об., 194 об., 214 об., 266 об.

Численность лиц, участвовавших в хищениях госимущества, возросла. В деструктивный процесс втягивалось все больше и больше членов дальневосточного сообщества, хотя сумма похищенного снизилась: в Амурской области – на 17,3%, Камчатской – на 15,7%, Сахалинской – на 35,7%, в Приморье – на 25,7%, в Хабаровском крае – на 12,7%. Данные показывают, что в регионе «воровали по мелочи». Резкий скачок масштабов воровства произошел в Магаданской области – в 6,3 раза. Можно предположить, что такой рост масштабов хищений связан с ведущей отраслью Северо-Востока – золотодобычей. В 1974 г. бригада Прокуратуры РСФСР после проверки в Магаданской области констатировала, что в области возросло количество хищений и недостач в организациях государственной торговли, в системе «Облрыболовпотребсоюза», на предприятиях молочной, мясной, местной и пищевой промышленности. Особенно крупными были хищения на предприятиях золотодобывающей промышленности. Так, в 1972 г. на «Северовостокзолото» похитили золота на 688 тыс. руб., в 1973 г. – на 725 тыс. руб.¹⁵² Разворовывание государственного имуще-

ства, хотя и расценивалось политиками и обществом как угроза социально-политической стабильности, однако партийные, комсомольские и правоохранительные органы не могли противостоять разрушению нравственных устоев и идеологических ценностей. Чем больше людей участвовало в хищениях государственного имущества, тем чаще власти озвучивали необходимость более активно вовлекать общественность в борьбу с преступностью. Наибольшему нравственному разрушению были подвергнуты социально-профессиональные группы, стоявшие у вершины распределительной системы, независимо от отраслей производства и должностей.

Одним из методов борьбы с хищениями было традиционное исключение из рядов КПСС. Дальневосточные источники изобилуют такими документами. Так, в 1976 г. за присвоение государственных средств из партии был исключен заместитель директора Приморской филармонии П., за попытку присвоения денег – продавец Владивостокского горплодоовощторга Ч., за обман пассажиров и присвоение государственных средств в сумме 1303 руб. – работники ресторанов станции Владивосток Б. и Л.¹⁵³ В 1970-е гг. исключение из партии означало еще и конец карьеры. Такие люди испытывали трудности в последующем трудоустройстве, так как руководители любого уровня предпочитали не идти против решения партии.

Продолжали функционировать органы народного контроля¹⁵⁴, но их деятельность носила информационный характер для возбуждения дел или увольнений. В ходе проверок в 1973 – 1974 гг. Генеральная прокуратура РСФСР установила, что вопрос о привлечении к ответственности должностных лиц ставился редко по сравнению с 60-ми годами. В 1973–1974 гг. по инициативе органов прокуратуры к уголовной ответственности за приписки и выпуск некачественной продукции так и не был привлечен ни один ответственный работник. За 9 месяцев 1974 г. проведено свыше 500 общенадзорных проверок, по итогам которых к материальной, дисциплинарной и административной ответственности привлекли 52 должностных лица¹⁵⁵. Для тех лет практика негласного табу на привлечение к уголовной ответственности руководящих лиц, членов КПСС, была распространенной. Разрыв между декларируемыми идеалами в политических документах и повседневными реалиями вёл к разрушению советских устоев жизни, а также к предпосылкам социально-политического кризиса 1980-х гг. Центр видел угрозы, связанные с разрушением управленческого потенциала в регионе, но уже не мог контролировать этот процесс. Например, в Приморском крае за шесть месяцев 1979–1980 гг. было выявлено 816 должностных лиц, которые «злоупотребляли своей должностью», из них 38 чел. отстранили от занимаемой

должности, 50 чел. привлекли к материальной ответственности, 15 чел. — к уголовной, а остальные (713 чел.) получили дисциплинарные и партийные взыскания¹⁵⁶.

Управленческие ресурсы истощались. Создавались благоприятные условия для зарождения организованной преступности, о чем свидетельствует дальневосточный материал. В составе преступлений резко увеличились корыстные мотивы, сопровождаемые насилием. В середине 1970-х гг. во Владивостоке появилась одна из первых организованных преступных групп, известная сегодня как «третья смена». «Третьесменщики» «специализировались» на грабежах и разбоях, шантаже и угрозах в отношении участников «теневой экономики», контрабандистов (чаще всего моряки торгового флота), фарцовщиков, коррумпированных чиновников. «Третья смена» имела связи с работниками правоохранительных органов, масштаб угрозы советским порядкам и отношениям увеличивался за счет внутреннего фактора — «социальной коррозией», разъедавшей изнутри правоохранительную систему. Члены преступных групп путем шантажа, подкупа, уничтожения улик, использования коррумпированных связей либо уходили от уголовной ответственности, либо получали минимальные сроки наказания¹⁵⁷. Но политическое осознание опасности этого явления как национальной угрозы придет к руководству страны только в 1989 г.

В 1970-е гг. менялось отношение людей к спекуляции как социальному и экономическому явлению. Если в 1960-х гг. реакция населения и правоохранительных органов на спекулянтов была негативной, то в 1970–1980-х гг. «барахолки» стали не просто местом, где перепродавались товары повышенного спроса, но и формой времяпровождения выходного дня. Считалось нормальным или хорошим тоном, если 3–4 раза в год на «черном рынке» что-нибудь покупалось. Отношение к спекуляции со стороны общества и государства менялось от десятилетия к десятилетию. Снижалось количество «пойманных»¹⁵⁸, но общее число «спекулянтов» увеличивалось на фоне смягчения наказания¹⁵⁹. Вместо сроков лишения свободы все чаще наказание назначалось в виде штрафов. Иногда дальневосточные власти проводили показательные процессы. «Пойманных» на «черных рынках» студентов во время продажи товаров кроме штрафов наказывали и сообщениями по месту учебы, где им сначала выносили выговор. Если же они попадались вторично, то исключали из вуза. В последнем случае «вчерашние» студенты шли работать в торговлю, занимаясь тем, что им было хорошо знакомо.

В 1970-е гг. власть по-прежнему считала, что превентивной мерой борьбы с преступностью должна быть профилактика. Это особенно проявлялось в работе с трудными подростками. Правительство пошло

на расширение полномочий инспекторов детских комнат милиции¹⁶⁰, принятые меры были адекватным ответом на советские деструктивные реалии*. Среди лиц, совершивших уголовные преступления и привлеченных к уголовной ответственности, на самую молодую и самую малочисленную возрастную группу приходилось в среднем около 20% преступлений¹⁶¹. В середине 1970-х гг. каждое седьмое преступление в Приморье совершалось лицами, не достигшими совершеннолетия¹⁶². В Хабаровском крае к уголовной ответственности в 1967 г. привлекли 1 267 подростков¹⁶³, в 1969 г. – 1 272, в 1970 г. – 1 456 чел. Наибольший рост преступности наблюдался в Индустриальном районе г. Хабаровска, в г. Комсомольске-на-Амуре. В Еврейской автономной области рост подростковой преступности составил в 1970 г. 21% по сравнению с 1969 г., причем в Биробиджане она увеличилась на 60%. В таких районах, как Аяно-Майский и Полины Осипенко, – в 3 раза, в Нанайском районе – в 4 раза¹⁶⁴.

В Хабаровском крае в 1970 г. подростки участвовали в совершении 5 умышленных убийств, в 27 случаях нанесения телесных повреждений, 3 случаях грабежей государственного имущества, 87 – грабежей личной собственности, 170 – краж государственного имущества, 431 – краж личной собственности граждан, 291 – хулиганских проявлений разной степени тяжести, 10 чел. – в изнасиловании и 161 – в других преступлениях. Почти каждый пятый подросток осуждался за совершение повторных преступлений¹⁶⁵. В определенной мере росту такой тенденции способствовала общая либерализация уголовного законодательства, отсутствие судебной практики по применению наказаний в отношении несовершеннолетних, безосновательное освобождение их от уголовной ответственности, а также фактор статистики, отражающий изменение правил регистрации уголовных преступлений и других происшествий.

Из всего числа приморских подростков, привлеченных к уголовной ответственности и судимых в 1974–1979 гг., от 39,4% (в 1979 г.) до 45,4% (в 1976 г.) совершили преступления в нетрезвом состоянии. По данным на 1975 г., в административном порядке за употребление ал-

* В Указе Президиума Верховного Совета СССР от 15 февраля 1977 г. «Об основных обязанностях и правах инспекций по делам несовершеннолетних, приемников-распределителей для несовершеннолетних и специальных учебно-воспитательных учреждений по предупреждению безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» законодательно закреплялись обязанности и права инспекций по делам несовершеннолетних, приёмников-распределителей для несовершеннолетних, специальных учебно-воспитательных учреждений по предупреждению безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних.

когда алкогольные напитки были наказаны 1 063 подростка, в том числе 91 школьник, 300 учащихся ПТУ, 543 работающих и 129 подростков без определенных занятий¹⁶⁶. В Хабаровском крае в 1975 г. в медвытрезвитель доставили 417 подростков, в 1976 г. — 385 чел.¹⁶⁷ В 1971 г. в состоянии алкогольного опьянения совершили преступления 47% подростков, в 1972 г. — 40%¹⁶⁸. Удельный вес не работавших и не учившихся несовершеннолетних, совершивших преступления, в 1970 г. достиг 12,7% (в 1969 г. — 12,1%)¹⁶⁹, в 1980 г. — 12,7%, в 1981 г. — 13,8%¹⁷⁰. Подростки воспроизводили «взрослое» поведение, принимая пьянство как элемент повседневной жизни, снижалась степень их осознания последствий антиобщественных действий.

Завершая анализ реакции власти на негативные явления в обществе и мер по противодействию преступности в середине 1950–1970-х гг., можно сделать некоторые обобщения. Элементы новизны мероприятий соответствовали политическим и социально-экономическим изменениям. Последовавшие реформы после смерти И.В. Сталина способствовали либерализации уголовного законодательства, принятию нового кодекса — уход из советской практики несудебного лишения свободы. Новое руководство сделало ставку на организационные меры в развитии правоохранительных институтов. Но реорганизации, проведенные в правоохранительных органах как инструмент снижения преступности, оказались не столь эффективными по сравнению с тем, на что рассчитывали власти разных составов. Идеология, стремление по-прежнему опираться на преимущества социализма сужали основания для объективной оценки причин роста преступности во всех регионах страны. Дальний Восток входил в число территорий, где многие показатели преступности были выше среднереспубликанских. Рост таких социальных проблем, как хулиганство, туеядство, превращавшиеся в образ жизни определенной части населения, хищения государственного имущества, алкоголизация и первые ростки наркомании, постепенно подтачивал устои советских отношений и обострял внутренние противоречия. Ужесточение законодательства по борьбе с алкоголизацией и наркотизацией также не принесло желаемых результатов.

3.3. БОРЬБА ОРГАНОВ ВЛАСТИ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ КАК СТРАТЕГИЯ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ (1980 – 1991 гг.)

В начале 1980-х гг. политическое руководство страны озабочилось растущей преступностью в СССР и проявило стремление понять её характер. В 1982 г. в СССР численность заключенных составляла 1 678 623 чел., или 622,4 чел. на 100 тыс. населения, тогда как в 1961 г. – 360 034 и соответственно коэффициент – 406 чел.¹⁷¹ В то же время по идеологической традиции были обозначены и задачи обществоведов в области изучения развития советских отношений. Новый политический лидер Ю.В. Андропов, пришедший на должность Генерального секретаря ЦК КПСС в 1982 г., обнародовал новые идеи, воплощение которых должно было укрепить советские общественные отношения: в центр своей стратегии он поставил задачу обеспечения социально-политической безопасности советского общества. Эти идеи не отличались новизной, но после брежневского периода, когда партийные и государственные органы уже привыкли к формализму и «правильной» отчетности, курс по ужесточению дисциплины и наведению порядка в стране, в том числе по борьбе с пьянством, многим функционерам показался новым. Активизацию законов в советском обществе, борьбу с обманом государства, воровством и взяточничеством новый лидер считал важнейшей задачей устранения угроз развитию социалистического общества. Понимание ситуации в стране бывшего шефа КГБ было близко к ее реалиям, которые отражались статистикой, и, естественно, она была в распоряжении у Андропова. По мере того как нарастали трудности в распределительных отношениях и проявлялись признаки социально-экономического кризиса в СССР, увеличивался коэффициент преступности. Если в 1961–1965 гг. на 100 тыс. населения старше 14 лет было зарегистрировано 480 преступлений, то в 1966 – 1980 гг. соответственно 664, т.е. прирост составил 63%¹⁷².

На первом этапе Андропов поручил соответствующим органам заняться чисткой управленческого аппарата, в том числе его сокращением, борьбой с хищениями и взяточничеством среди чиновников высшего ранга. Генеральный секретарь ЦК КПСС заявил о необходимости развития экономики, но при этом поставил под сомнение утверждение Л.И. Брежнева, которое содержалось в отчетном докладе ЦК КПСС на XXIV съезде КПСС (1971 г.) о построении в СССР развитого социали-

стического общества и переходе к созданию материально-технической базы коммунизма¹⁷³.

Информационный кругозор бывшего председателя КГБ о преступности, проникшей во все общественные сферы, определил незамедлительное принятие решений. В декабре 1982 г. был снят с должности министра внутренних дел СССР Щелоков, и на его место назначен В.В. Федорчук. Вместе с ним в МВД пришли 150 работников КГБ. Было возбуждено уголовное дело против начальника ХОЗУ МВД СССР Калинина и еще нескольких его подчиненных. Они были осуждены в 1985 г. Их деятельность подверглась тотальной проверке, ущерб в итоге оценили в 67,1 тыс. руб. Эта найденная нами цифра на момент исследования позволяет судить о масштабе злоупотреблений в МВД при Щёлокове¹⁷⁴. Однако в литературе и воспоминаниях современников присутствует мнение, что Андропов и его группа сводили со Щёлоковым свои счёты, и этот тезис нуждается в дальнейшем изучении.

В целом центральная власть и местные органы располагали достаточной информацией, свидетельствующей о растущих масштабах хищений, особенно в торговле, в том числе и по отдельным регионам. Эти сведения часто становились объектом докладных записок на имя Первых секретарей и предметом специальных заседаний крайкомов и обкомов в регионе. Органы внутренних дел, выполняя свои профессиональные функции – выявление расхитителей, пытались привлечь внимание общества к этой проблеме. Фактически, это было продолжением советских традиций второй половины 1960-х гг., когда повсеместно создавались органы народного контроля. В Хабаровском крае только за 4 дня в апреле 1981 г. (в канун майских праздников) совместными усилиями ОВД и общественности выявлены в 12 магазинах спрятанные мясопродукты, колбасные изделия, сливочное масло, сыры, конфеты, икра лососевая, лимоны, яблоки и винно-водочная продукция. После разбирательства продукты «выбрасывали» в продажу (этот советский термин емко отражает суть явления) в тот же день или днём позже. Проверяющие также установили факты продажи водки по завышенной цене. Виновных привлекли по статье «мелкая спекуляция» и наказали штрафом¹⁷⁵.

Работники советских, партийных и правоохранительных органов в условиях нарастающего товарного дефицита уделяли повышенное внимание работе госторговли. Соккрытие товаров, продажа их по завышенным ценам и некачественной продукции были явлением повседневных будней многих точек торговли. Одна часть обывателей приспособилась к таким нормам, другая продолжала возмущаться, в основном обращаясь к власти. Неслучайно на втором месте по количеству обращений (после «жилищных» писем) стояли жалобы на работу торго-

вых организаций. Местные руководители реагировали различными способами. Так, директоров и товароведов магазинов, в которых часто продавцы нарушали правила торговли (КоАП РСФСР, ст. 146–157) заслушивали на заседаниях контролирующих органов и в зависимости от обстоятельств наказывали (устный выговор и с занесением в личное дело, понижение в должности).

Особое внимание правоохранительные органы уделяли массовым хищениям в торгующих организациях. В 1983 г. в Хабаровском крае к уголовной ответственности привлекли 1623 чел., участвовавших в хищениях товаров и продукции на сумму 1 150 тыс. руб., в том числе в сельском хозяйстве – 161 тыс. руб., потребкооперации – 116 тыс. руб. и т.д., каждый из привлеченных к уголовной ответственности похитил государственного имущества у общества на 708 руб. Эта сумма равнялась трехмесячной средней зарплате работающего в крае.

Среди всех зарегистрированных преступлений на территории Приморского края и Магаданской области более половины составляли имущественные. Более 50% от общей суммы выявленных недостатков (преступление против социалистической собственности, ст. 92 или 93 УК) и порчи ценностей (ст. 98, 99 УК) приходилось на долю работников материально-технического снабжения¹⁷⁶. Рост хищений, охвативший все регионы страны, был следствием целого комплекса факторов, но власть не хотела это признавать или не считала опасностью на уровне угрозы. Одной из причин были катастрофически быстрые темпы разрушения идеологии и распространение двойных стандартов у значительной части управляющего сословия. Идеологические запреты как инструмент-регулятор порядка для многих управленцев, а также людей, занятых исполнительским трудом, все чаще и чаще становились социально-политическим пережитком. Распределительно-нормированная система для работников материально-технического снабжения и торговли при слабеющем контроле со стороны различных контролирующих органов и растущем дефиците потребительских товаров оказалась благоприятной средой для повседневного бытового воровства независимо от территории проживания.

Следующий Генсек ЦК КПСС К.У. Черненко, приступивший к своим обязанностям после Андропова в 1984 г., также считал необходимым дать оценку состоянию советского общества и ориентировать обществоведов на изучение трудностей, нараставших в обществе: «...Наше обществоведение призвано исследовать такие вопросы первостепенного теоретического и практического значения, как природа и виды противоречий, характерных для современного этапа развития советского общества, порождающие их объективные и субъективные факторы». Продолжая свой тезис, К.У. Черненко подчеркивал, что нельзя «списы-

вать все имеющиеся трудности и негативные явления на «пережитки прошлого» в сознании людей»¹⁷⁷.

Продолжавшийся рост преступности в СССР администраторы пытались остановить развитием системы наказания – лишением свободы за преступления, ужесточением уголовного законодательства. Обеспечение этого направления безопасности в регионе исходило от жестко централизованной системы. В судебной практике утвердилась точка зрения, что лишение свободы является универсальным средством исправления и перевоспитания всех осужденных. Инициатива Н.А. Щёлокова, проявленная еще при Андропове, разрешить осужденным на сроки не более трёх лет за нетяжкие преступления отбывать наказание вне мест лишения свободы, т.е. по месту своего жительства и работы, но с публичным оглашением приговора, удержанием части зарплаты в пользу местного бюджета и, разумеется, с жестким увеличением срока за новые правонарушения, не была поддержана в Политбюро. Но определенные эксперименты в СССР проводились. Первоначально эта мера была реализована частично через введение так называемой «химии»: в 70–80-е гг. людей, совершивших нетяжкие преступления, направляли принудительно на народнохозяйственные стройки*. Кроме того, обязательное привлечение к труду распространялось и на лиц, отбывавших наказание условно, о чем свидетельствовал вышедший 12 июня 1970 г. Указ Президиума Верховного Совета СССР¹⁷⁸.

Повышенная требовательность к правоохранительным органам в годы лидерства Андропова сразу же отразилась на статистике учтенной преступности в СССР в виде прироста на 21,7%. В 1984 г. с уходом «требовательного вождя» показатели учтенной преступности снизились, но судимость (дела предшествующего года) возросла на 5,3%¹⁷⁹. В Приморье с 1978 по 1984 г. рост преступности составил 77,2%, а судимости – 73,1%¹⁸⁰. Советское общество все больше и больше двигалось по линии деструктивности в сфере законопослушания и девиантности. Государство отвечало расширением системы тюремного

* С середины 1960-х гг. в пос. Большой Камень (ныне город) действовала исправительно-трудовая колония, силами заключенных было построено в 70–80-х гг. не менее 50% жилого фонда. Аналогичная картина была и в Спаске-Дальнем, где на строительстве цементного завода трудились осужденные, отбывавшие наказание в ИТК. Применялся труд «химиков» и на строительстве Приморского горно-химического предприятия в Дальнегорске (Тетюхе) еще в начале 1960-х гг., позже переименованного в объединение «Бор». Таким образом, советское руководство решало одновременно несколько задач: соблюдало принцип неотвратимости наказания, смягчало проблему дефицита трудовых ресурсов и при этом пополняло городские или районные бюджеты.

наказания. Если в 1979 г. в РСФСР было осуждено 915 934 чел., в 1984 г. – 1 288 462 чел.¹⁸¹

Дальний Восток входил в число территорий, где угрозы со стороны преступности нарастали катастрофически быстрыми темпами

Таблица 5

**Динамика и коэффициент преступности на
Дальнем Востоке в 1963–1991 гг.**

	1963		1970		1991	
	чел.	коэф.*	чел.	коэф.	чел.	коэф.
Дальний Восток	24 524		30 608		140 353	
Приморский край	7181	478	9219	535	55 763	2424
Хабаровский край	6429	516	8706	646	35 361	1910
Амурская область	3158	417	2648	333	16 638	1549
Камчатская область	1575	622	1725	599	8 509	1799
Магаданская область	1911	650	2420	686	9 003	1686
Сахалинская область	4270	676	5890	956	15 079	2101

* Количество преступлений на 100 тыс. чел.

Таблица составлена: ГАРФ. Ф. А-461. Оп. 11. Д. 2395. Л. 5, 85, 141 об., 194 об., 213 об., 266 об.; Ф. 8131. Оп. 32. Д. 7027. Л. 11, 17, 20, 73, 105, 164; Все-союзная перепись населения 1970 г. URL: http://demoscope.ru/weekly/ssp/gus70_reg1.php (дата обращения: 17.01.2013); Статистический ежегодник. М.: Статистика, 1965. С. 14, 26; Дальний Восток России: экономическое обозрение. Приложение / под ред. П.А. Минакира. М.: Прогресс-комплекс, Экопрос, 1993. С. 8; Преступность и правонарушения (1990 – 1994): стат. сборник. М., 1995. С.21.

Анализ таблицы показал, что с 1963 по 1991 г. преступность выросла с 5 до 8 раз, а коэффициент – с 3,5 до 6 раз. Максимально быстро по двум показателям рост произошел в Приморье, наименьшими темпами в абсолютных показателях – в Магаданской области, а коэффициент значительно вырос в Амурской области.

Советские общественные отношения саморазрушались под влиянием растущих масштабов хищений государственной собственности. По сравнению с отдельными годами 1970-х гг. этот показатель увеличился: в 1982 г. на 5%, 1983 г. – на 7,6%, 1984 г. – на 6,8%, в 1985 г. – на 9,2%. Органы правопорядка не могли остановить нараставший, как снежный ком, процесс перехода государственной собственности в личную соб-

ственность за счет всех форм хищений. Распределительно-нормированная система в виде материальных ресурсов в 1980 г. составила 42,1 млн руб., в 1985 г. — 72 млн руб.¹⁸² В РСФСР удельный вес так называемых корыстных преступлений в общей структуре всех зарегистрированных случаев составлял в 1986 г. — 51%, в 1990 г. — 63%¹⁸³, что свидетельствовало о полнейшей неспособности государственного аппарата предотвратить крах советской распределительной социальной системы.

Дальневосточный регион входил в число территорий, где угроза обвала советской системы распределения за счет хищений нарастала быстрыми темпами. Например, в 1985 г. в Хабаровском крае к виновным в недостачах, хищениях и бесхозяйственности предъявлено 1540 исков на сумму более 1,5 млн руб., что в 1,5 раза больше, чем в 1982 г.; 432 чел. было приговорено к административной ответственности. В 1983 г. за хищения и воровство численность лишенных свободы составила 60% от всех привлеченных к уголовной ответственности¹⁸⁴. В процесс хищений втягивались люди независимо от профессии. К длительным срокам заключения была приговорена группа сопровождавших груз с Хабаровского винзавода, совершивших хищения в особо крупных размерах¹⁸⁵; в Сахалинской области в 1986 г. — 383 хищений на общую сумму 153 166 руб.¹⁸⁶, т.е. 643 руб. похитил каждый участник преступлений. Безусловно, нельзя причины распространения хищений сводить главным образом к девиантным наклонностям россиян. Существовали объективные причины, которым правоохранительные органы не могли противостоять, нарастал дефицит потребительских товаров.

Кризис на потребительском рынке в Дальневосточном регионе проявлялся весьма остро, сказывались последствия неразвитости отраслей, производивших товары широкого потребления, и большое отставание сельскохозяйственного производства от нужд населения*. В свободной продаже часто отсутствовали мясо, колбасы, фрукты, другие продукты. «Ситуация» дефицита на фоне разложения идеологии, всенарастающий разрыв между громкими партийными заявлениями и социально-бытовыми реалиями, кризис системы управления создали «питательную среду» для увеличения различных форм правонарушений в торговле. Службы ОБХСС УВД дальневосточных краев и областей оценивали масштабы социальной угрозы и расширяли зону своих проверок не только за счет штатных и внештатных сотрудников, но и привлечения общественных ресурсов — народных контролеров.

* По производству товаров народного потребления в 1985 г. Дальний Восток занимал 43-е место (Приморский край), 73-е (Магаданская область), 59-е место по производству мяса, 11-е — молока и 4-е — масла. См.: Вашук А.С. Социальная политика в СССР... С. 178.

В борьбе с мелкой спекуляцией проверкам подвергались не только магазины, но и сельхозрынки. Так, во втором – третьем кварталах 1981 г. в г. Хабаровске с целью выявления фактов хищения и спекуляции сельхозпродукции сотрудники ОБХСС задержали 186 чел.; из числа проверенных во втором квартале 28 чел. не имели права заниматься торговлей*. Подвергались административным наказаниям торговавшие на рынках жители Грузинской и Армянской ССР, которые нарушали свои республиканские законодательства о запрете вывоза сельхозпродукции за пределы республики. За продажу по завышенной цене картофеля жителей г. Хабаровска Н.С. и Е.Д. привлекли к ответственности за спекуляцию. Отправляясь в служебную командировку, житель Таджикской ССР А.К. купил около 40 кг репчатого лука за 0,8 руб., а в Хабаровске продавал по 4 руб. за килограмм, за что заплатил штраф. Были задержаны торговцы и с более крупными партиями лука и чеснока¹⁸⁷. В ходе рейдов 1981 г. в г. Хабаровске работники ОБХСС изъяли и сдали в торговую сеть 20 кг грецкого ореха, 25 кг персиков, 15 кг помидоров, 50 кг сухофруктов и т.д.¹⁸⁸

Однако, как показывает анализ практики наказания за спекуляцию, в 1980-х гг. изменилось отношение власти к мелкой спекуляции. Она стала считаться преимущественно административным правонарушением. Тем не менее власти некоторых городов пытались перенести такие «черные» несанкционированные рынки, где перепродавались промтовары, подальше от города. В 1970-х гг. крупнейшую «барахолку» из Владивостока перенесли в район ст. Аэропорт, недалеко от г. Артема¹⁸⁹. За четыре года (с 1978 по 1981 г.) количество фактов спекуляции сократилось на 40% (131 случай в 1978 г., 78 случаев в 1981 г.)¹⁹⁰. Промтоварные «черные» рынки были закрыты в Иркутске, Улан-Удэ, Благовещенске и перенесены на значительное расстояние от городов. Однако так рьяно боролись со спекуляцией не везде. С 1950-х гг. в г. Находке функционировал второй по значимости в крае «черный рынок» (действует и сегодня). В начале 1980-х гг. с открытием Восточного Порта статус «главной барахолки» Дальнего Востока перешел к рынку, расположившемуся около порта.

Послабления наказания за спекуляцию и дефицит товаров повседневного спроса в 1980-е гг. способствовали росту спекуляции. Проблема отсутствия в госторговле яркой и красивой одежды, модных очков и сумок, женской и мужской косметики и возможность приобретения их на «черных» рынках, безусловно, не могла решиться путем проведения рейдов¹⁹¹. В 1980-х гг. «вчерашние» юнцы-фарцовщики становились лица-

* В 1970 – 1980-х гг. заниматься продажей сельхозпродукции могли только владельцы земельного участка.

ми, ведущими незаконную предпринимательскую деятельность. Во второй половине 1980-х гг. советский «черный рынок» превратился в целую систему с разделением труда и ролей, с доходами в десятки тысяч рублей.

В СССР зарождалась и набирала обороты новая социальная группа, идеологически не вписывавшаяся в советскую систему ценностей. Используя предпринимательскую «жилку», фарцовщики искали возможность «достать» товар. Одни контактировали с иностранцами, выменивали у них вещи, другие (моряки заграничавания), рискуя закрытием визы, привозили чаще всего небольшими партиями вещи и отдавали их на реализацию молодым предприимчивым людям, третьи выступали посредниками между моряками и молодыми предприимчивыми людьми; четвертые использовали свои возможности (сотрудники гостиниц, ресторанов, практиканты интерклубов и т.д.).

Правоохранительные органы, а в некоторых случаях и органы государственной безопасности подобному явлению уделяли не менее пристальное внимание, чем хищениям в госторговле. На «карандаш» брали работников торговли, задержанных за продажу товаров по завышенным ценам, приобретенных в магазинах, сотрудников оптовых баз, студентов вузов, особенно языковых факультетов, моряков заграничавания, чьи члены семьи были задержаны за спекуляцию. В таком случае следовали санкции – привлечение к административной или уголовной ответственности, наказание штрафом. Обязательно «сигнализировали» по месту работы или учебы; сотрудников торговых организаций могли уволить, а студентов отчислить из вуза. Несмотря на столь жесткие меры, снизить количество занимавшихся перепродажей товаров по завышенным ценам не удавалось. Наиболее жесткие меры государство применяло в отношении моряков заграничавания. Имея возможность привозить наиболее востребованные товары, в своих действиях они были ограничены таможенным и уголовным кодексами. Тем не менее некоторые из них нарушали закон.

Однако в годы перестройки, с ростом кооперативного движения и тотальным дефицитом товаров повседневного спроса их перепродажа, (если не носила оптового характера) перестала властями рассматриваться как спекуляция, хотя данная статья из уголовного кодекса РФ не исчезла. Таким образом, в советском государстве действовали специфические двойные стандарты: с одной стороны, власть давала возможность имущей части населения выбирать, с другой – предприимчивым людям в рамках разумного зарабатывать на этом.

Другой угрозой социальной стабильности и развитию советских отношений политическая элита по-прежнему считала наличие асоциальных элементов. Спецификой тех лет, особенно в годы лидерства Ю.В. Андропова, стала очередная кампания по выявлению асоциаль-

ных элементов, к которым причисляли нарушителей трудовой дисциплины и уклонявшихся от работы в общественном производстве. Новшеством андроповских акций было периодическое дежурство сотрудников милиции около кинотеатров, промышленных и продуктовых магазинов, где выявляли людей, которые в рабочее время посещали магазины. Сотрудники милиции вследствие таких акций в СССР в 1983 г. выявили 390 тыс. взрослых людей, не занятых в общественном производстве¹⁹². Кампания по борьбе с нарушениями трудовой дисциплины в андроповском стиле прекратилась после его смерти, но проблемы, поднятые Андроповым, перешли в новый этап истории – годы Перестройки. После того как с середины 1960-х гг. было отменено выселение асоциальных элементов, в отношении них стала применяться судебная репрессия. В 1980-е гг. правоохранительные органы относились к «тунеядцам» более лояльно, чем в 1970-е гг. Так, в Хабаровском крае в Ульчском районе за 9 месяцев 1983 г. выявили всего 43 тунеядца, которых обязали трудоустроиться, но позже стало известно, что 7 чел. по-прежнему нигде не работали. Однако со стороны ОВД и прокуратуры профессионального интереса к ним не проявили. Аналогичная ситуация была в Ванинском, Комсомольском, Солнечном, Нанайском, Верхне-Буреинском и других районах Хабаровского края¹⁹³. Проверки, проведенные в период с марта по июль 1986 г. силами сотрудников ОВД и общественности, выявили 466 бродяг, 8457 нарушителей паспортного режима, 1046 тунеядцев, из них нетрудоустроенными оставались 339 чел., но к уголовной ответственности привлекли всего 65 чел.,¹⁹⁴ к концу года – 136 чел.¹⁹⁵ В Приморье в 1978 г. за ведение паразитического образа жизни (ст. 209 УК РСФСР) было осуждено 139 чел.,¹⁹⁶ 1984 г. – 1254 чел.,¹⁹⁷ 1986 г. – 221 чел.¹⁹⁸; в Сахалинской области в 1984 г. – 540 чел., 1985 г. – 495 чел.¹⁹⁹ В Петропавловске-Камчатском во время проведения рейдов в микрорайоне «Индустриальный» в 1983 г. выявили 79 чел., не занимавшихся общественно полезным трудом, из них 17 чел. привлекли к уголовной ответственности²⁰⁰.

Как и в 1970-е гг., в отношении такой категории нарушителей применялись довольно мягкие наказания. Например, Охинский горнарсуд осудил ранее судимого, нигде не работавшего Б., злоупотреблявшего спиртными напитками. Однако наказание ему было вынесено без лишения свободы – исправительные работы сроком на два года. Аналогичное наказание вынесено Ленинским райнарсудом в отношении В., который ранее был дважды судим и отбывал свой срок в местах лишения свободы. Некоторые вели паразитический образ жизни от 4 до 7 лет²⁰¹.

В годы реформ М.С. Горбачева был дан политический старт новой кампании, направленной на борьбу с преступностью, но с акцентом на

резкое снижение алкоголизации населения. Угроза распространения алкоголизма в общества в целом была реальной и политиками тех лет оценивалась уже как угроза существованию Советского государства и демографическому развитию, особенно РСФСР, Украины, Прибалтийских республик. Смертность от алкоголизма «уносила» ежегодно 600 – 700 тыс. чел.²⁰². Меры борьбы оказались неоднозначными и имели последствия в виде вырубки виноградников, в целом они позволили сохранить 919,9 тыс. мужских и 463,6 тыс. женских жизней, всего 1 383,4 тыс. чел.²⁰³

Исследования, проводившиеся Институтом экономических исследований ДВО РАН (г. Хабаровск) в 1984 г., дают основания утверждать, что на Дальнем Востоке уровень потребления алкоголя населением превышал средние показатели по РСФСР в два раза²⁰⁴. Так, в районе им. Полины Осипенко Хабаровского края продажа алкоголя на одного человека выросла с 19,3 л в 1972 г. до 22,0 л в 1976 г., в Биробиджане соответственно с 33,0 до 36,7 л.²⁰⁵ (по РСФСР – около 11 л). В Сахалинской области в пересчете на абсолютный алкоголь продажа в 1984 г. составила 16,65 л, 1985 г. – 16,60 л, 1986 – 7,04 л.²⁰⁶ На примере отдельных районов Приморья потребление алкосодержащих напитков на душу населения составила в Дальнегорском районе в 1978 г. водки 8,9 л, вина и ликеров – 9,5 л, пива – 15,5 л, коньяка и шампанского – 0,28 и 0,27 л соответственно²⁰⁷. Ежегодно при стабильности цен увеличивались расходы на их покупку. В Ханкайском районе в 1981 г. в подушевом исчислении было куплено водки, вина и др. на сумму 308 руб., в 1982 г. – на 332 руб.²⁰⁸ Если исходить из того, что одна бутылка водки стоила 3,62 руб., то получится, что в 1981 г. каждый житель района выпивал 42,5 л, в 1982 г. – 45,8 л.

Органы власти боролись с пьянством разными организационными методами, убирали пьяных с улиц, помещали их в медвытрезвители, ставили на учет хронических алкоголиков. В 1980 г. сотрудники милиции в медвытрезвители Хабаровского края поместили 47,8 тыс. чел.²⁰⁹ В 1981 г. к мерам административного воздействия (штрафу) за пьянство подверглось 89 тыс. чел., в том числе 62 тыс. доставлены в медвытрезвители²¹⁰.

В борьбе с этим социально-психологическим пороком органы милиции совместно с общественностью использовали традиционную форму – принудительное лечение алкоголиков, т.е. лечение по решению суда. Впервые за много лет руководство страны призывало применять и другие методы. Суды вернулись к практике удовлетворения заявлений об ограничении дееспособности. Так, на Сахалине в 1987 г. судами было удовлетворено 84 заявления, в 1988 г. – 83. Кроме того, 80 чел. были лишены родительских прав²¹¹. В общей массе осужден-

ных в Приморском крае на долю «алкоголиков» приходилось 24%. За 13 лет (1972 – 1985 гг.) такая часть асоциальных людей возросла в 30 раз. В 1985 г. численность, лечившихся в ЛТП, составляла 3 453 чел.²¹² Однако массовость данного явления была значительно шире. В 1981 – 1983 гг. в г. Уссурийске, где проживало около 170 тыс. чел., ежегодно в специальные медучреждения доставляли 8 тыс. чел. В справке об организации борьбы с пьянством, алкоголизмом и наркоманией в Ханкайском районе секретарь краевого координационного совета профилактики правонарушений В. Козлов писал: «В районе более 350 алкоголиков, лечим 45 – 60»²¹³.

Во многих городах Дальнего Востока продолжали функционировать лечебно-трудовые профилактории (ЛТП). В Приморском крае к 1985 г. на лечение в такие учреждения было направлено 3 453 чел.,²¹⁴ в Сахалинской области – 416 чел.²¹⁵ Органы милиции увеличили число рейдов и других мероприятий, в частности по выявлению лиц, которые изготавливали и сбывали алкогольную продукцию, хотя относительно рассматриваемого времени можно говорить о единичных случаях привлечения таких людей к уголовной ответственности. Так, в Приморском крае до начала антиалкогольной кампании 1985 г. по ст. 158 УК РСФСР в Приморье привлекались в среднем по 11 чел. в год, с введением «сухого закона» – до 42 чел.²¹⁶

Новая антиалкогольная кампания началась после выступления 17 мая 1985 г. М.С. Горбачева перед Ленинградским партактивом: «Сейчас мы развернули борьбу с таким опасным и довольно укоренившимся социальным злом, как пьянство и алкоголизм. Это общепартийная, общенародная, общегосударственная задача. Мы реалисты и понимаем, что борьба здесь предстоит длительная. Успех будет достигнут только в том случае, если навалимся на работу всем миром. Если ее будем вести неослабно, решительно, не идя ни на какие компромиссы». В тот же день в печати были опубликованы Постановления ЦК КПСС, Совета Министров СССР и Указ Президиума Верховного Совета СССР, направленные на борьбу с пьянством. Алкогольная продукция стала продаваться не только в строго отведенных отделах, но и в определенное время по талонам (по 1 л водки или коньяка в «руки» в месяц лицам, достигшим 21-летнего возраста). На некоторое время эта «ограничительная» акция приостановила потребление алкогольных напитков населением и даже позволила снизить показатели преступности в среднем по стране. В Приморском крае в 1985 г. количество зарегистрированных нарушений антиалкогольного законодательства по сравнению с 1984 г. увеличилось почти в 4 раза (с 35 до 131 чел.), в 1986 г. – 1204 чел.²¹⁷ На Сахалине в 1987 г. за изготовление, сбыт и хранение крепких спиртных напитков к уго-

ловной ответственности привлекли 229 чел.,²¹⁸ в 1988 г. к штрафу — 27 840 чел., в том числе 1 245 чел. — за самогонование. На 13,2% (в 1987 г. — 2507 чел., 1988 г. — 2838 чел.) увеличилось количество лиц, задержанных в состоянии алкогольного опьянения во время управления транспортным средством²¹⁹. В причинах последнего немаловажную роль играли нарушения правила продажи алкогольной продукции.

Вся пропагандистская машина, государственный аппарат, общественные организации были ориентированы на решительное и быстрое достижение успеха. В ЦК КПСС была создана комиссия по борьбе с пьянством и алкоголизмом во главе с Е.К. Лигачевым и М.С. Соломенцевым. Е.К. Лигачев требовал от секретарей крайкомов, обкомов и республиканских ЦК решительных мер по «искоренению». Борьба с пьянством доходила до анекдотического уровня. Секретари соревновались — кто больше закрывает винно-водочных магазинов, быстрее переориентирует заводы по производству вин и пива на выпуск соков и безалкогольных напитков. В течение короткого времени были закрыты винно-водочные заводы, остановили строительство запланированных пивоваренных заводов, а дорогостоящее оборудование оставляли ржаветь на свалках, в южных республиках стали вырубать виноградники.

Правительство добилось сокращения производства алкогольной продукции, за период с 1985 по 1987 г. оно уменьшилось в денежном выражении на 24,5 млрд руб., или 60,1%. За три года экономика страны не досчиталась по крайней мере 67 млрд руб., нанесен непоправимый ущерб, который не был преодолен до конца существования СССР. Это заставило руководство страны менять тактику борьбы с пьянством, смещая акценты с запретительных мер на разъяснительную работу, рассчитанную на дальнюю перспективу²²⁰. Но навести порядок в торговле оказалось не под силу даже постоянными проверками и ревизиями. Нарушение «сухого закона» превращалось в обычное повседневное явление, а привлечение к ответственности за его нарушение — в «декоративную процедуру» для отчетности. Например, в Хабаровском крае в 1989 г. к административной ответственности по ст. «Нарушение правил торговли спиртными напитками» (ст. 147 КоАП РСФСР) органы правопорядка привлекли 148 чел., по ст. «Приобретение крепких спиртных напитков домашнего изготовления» (ст. 160 КоАП) — 1 239 чел., по ст. «Изготовление или хранение без цели сбыта крепких спиртных напитков домашней выработки» (ст. 160.2 КоАП) — 2 056 чел.²²¹

Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об усилении борьбы с пьянством» (от 16 мая 1985 г.), получивший в народе название «сухой закон», стал завершающим актом в советской политике борьбы с пьянством как одной из главных мер, направленной на снижение де-стабилизации в обществе. Постепенно курс по борьбе с пьянством стал

сворачиваться и по экономической причине. В условиях роста товарного дефицита «антиалкогольная кампания» оказала влияние на сокращение бюджетных поступлений, а дефицит алкоголя был компенсирован его изготовлением в «теневой экономике» (140 – 150 декалитров в 1987 г.). В 1989 г. в СССР теневые доходы, «изъятые из бюджета», составили 23 млрд руб., в 1990 г. – 35 млрд руб.²²² Официально антиалкогольная кампания завершилась 8 сентября 1988 г., когда на заседании Политбюро было принято решение о снятии ограничений с производства и продажи пива, сухого вина, шампанского и коньяка²²³.

В связи с антиалкогольной кампанией бюджетный дефицит проявился и на Дальнем Востоке. Для его сокращения местные власти сознательно шли на нарушение Указа, стали увеличивать продажу спиртных напитков. Например, об этом сообщал в 1988 г. прокурор Сахалинской области в партийные органы: «Во всех районах области кроме Охинского и Анинского районов увеличилась продажа спиртных напитков»²²⁴.

В середине 1980-х гг. власть и общество начали осознавать наступление новой угрозы социальной стабильности и общественному порядку: стало наблюдаться увеличение численности людей, употреблявших и производивших наркотические средства. Это опасное явление быстро распространялось по всем регионам страны. Несмотря на проведение мер по борьбе с наркоманией в предыдущие годы, угроза нарастала быстрее, чем реагировали органы власти и общество на опасность, исходившую от наркомании. Возросли масштабы незаконной торговли наркотиками кустарного производства, а также число лиц, употреблявших их. Незаконный оборот наркотиков приближался к опасной черте – превращение в национальную угрозу. Успешное решение проблемы становилось возможным лишь при условии скоординированных общегосударственных и общественно-политических мер превентивного, организационного, социально-психологического, медицинского и правового характера. В 1970-е гг. меры, принятые в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета РСФСР «О принудительном лечении и трудовом перевоспитании больных наркоманией» от 25 августа 1972 г., в том числе и на Дальнем Востоке, дали лишь временный результат. Этот печальный итог правительство вынуждено было признать в октябре 1982 г., приняв новое закрытое Постановление ЦК КПСС «Об организации борьбы с наркоманией»²²⁵.

На Дальнем Востоке власти, чтобы помочь больным наркоманией, стали увеличивать сеть наркологических отделений. В 1982 г. в Хабаровском крае функционировало 10 отделений, рассчитанных на 600 коек; 56% кабинетов и пунктов по лечению наркоманов, действовавших в крае, было организовано при промышленных, транс-

портных, строительных и других организациях²²⁶. Эта мера помогала более оперативно не только их выявлять, но и избегать травматизма на производстве. Оперативники выявляли каналы поступления наркотиков. Как правило, ежегодно с мая по октябрь сотрудники внутренних дел совместно с членами ДНД проводили операции «Мак», «Допинг», уничтожая места произрастания конопли и мака²²⁷.

Другой мерой местных органов власти по противодействию распространения наркотиков стало сокращение аптек, реализующих по рецептам наркотические препараты, и усиление контроля над выдачей рецептов. Так, на Сахалине из 10% преступлений, связанных с хищением и сбытом наркотических средств, 8 были совершены в учреждениях здравоохранения, в том числе в 7 случаях хищениями занимались сами медработники²²⁸. Но перечисленные меры оказались неадекватными масштабам назревающей опасности. «Ответ» государства не смог остановить рост наркомании в Дальневосточном регионе, как и в других районах СССР. 30 января 1986 г. ЦК КПСС вновь принимает очередное Постановление «О серьезных недостатках в организации борьбы с наркоманией». Такие политические меры оказались устаревшим инструментом в борьбе с этим социальным злом. Число лиц, состоявших в СССР на учете «с немедицинским потреблением наркотиков», выросло в расчете на 100 тыс. населения с 16,6 чел. в 1976 г. до 263,6 в 1994 г.²²⁹ В Хабаровском крае в 1977 г. на 100 тыс. населения приходилось 60 чел., в 4 раза больше, чем в среднем по стране. В 1981 г. эту цифру удалось снизить до 40 чел.²³⁰ Результаты борьбы с наркоманией можно проследить по данным статистики о привлечении таких людей к уголовной ответственности по статьям, связанным с наркотиками (ст. 224 — 226 УК РСФСР). Например, с 1975 по 1986 г. число привлеченных к уголовной ответственности по ст. 224—226 УК РСФСР выросло с 16 до 1762 чел.

К концу советского периода наркомания охватывала новые районы Дальнего Востока. Начиная с 1987 г. уровень наркотизации населения в Хабаровском и Приморском краях превышал аналогичные показатели по России в 3—4 раза²³¹. В Хабаровском крае в 1985 г. было возбуждено 501 уголовное дело, связанное с наркотиками, в 1986 г. — 919 дел. Однако следственным органам не всегда удавалось доводить дела «о наркотиках» до суда. Так, в 1986 г. в Хабаровском крае уголовное дело возбуждалось только в одном из 12 преступлений²³². На Сахалине в 1986 г. было зарегистрировано 87 дел, 1987 г. — 91²³³; на Камчатке количество уголовных дел возросло с 39 в 1990 г. до 65 в 1991 г., в Магаданской области — с 80 до 97 соответственно. В 1990 г. в Приморье возбудили 732 дела, в 1991 г. — 766, в Хабаровском крае — 708 и 440²³⁴.

В борьбе с этим явлением власти использовали те же методы, что и в борьбе с алкоголизмом, — привлечение к административной и уголовной ответственности и принудительное лечение. Причем лечение осужденных было обязательным и проводилось в специальных колониях. Однако властям не удавалось эффективно бороться с распространением наркотиков, хотя и предпринимались меры по уничтожению и изъятию наркосодержащих растений. В 1986 г. в Хабаровском крае было выявлено и уничтожено конопли на площади в 633 га, или в 4 раза больше, чем пятилетней раньше. В 1985 г. было изъято 900 кг наркотического сырья, в 1986 г. — 1744 кг заготовленной конопли, 69 кг соломки мака, почти 3 кг гашиша²³⁵. В Хабаровском крае сотрудники специальных подразделений обследовали более 200 тыс. га площадей и уничтожили 154 га дикорастущей конопли²³⁶. В Сахалинской области спустя два десятилетия вновь началось возделывание опийного мака. В 1986 г. ДНД и сотрудники ОВД обнаружили и уничтожили 6 посевов опийного мака общей площадью 380 кв.м и 2 посева конопли на площади 40 кв. м.²³⁷

Однако, несмотря на увеличение количества наркоманов в регионе, число привлеченных к уголовной ответственности снижалось. Органы правопорядка на Дальнем Востоке оказались не в силах противостоять столь широкомасштабному и губительному явлению. Завершающим актом в борьбе с распространением наркомании стало создание в 1991 г. в системе органов внутренних дел самостоятельной службы противодействия незаконному обороту наркотиков. Правительство пошло на создание единого «правового поля», чтобы объединить усилия министерств и ведомств, отвечающих за обеспечение безопасности в данной области²³⁸.

На общую криминальную ситуацию в стране власти попытались ответить очередным ужесточением уголовного законодательства, которое к середине 1980-х гг. за всю историю советской власти было самым жестким. В результате такой политики тюрьмы и колонии оказались переполненными²³⁹. В середине 80-х гг. увеличился объем работы для прокуратуры в регионе, но ее работники не успевали справляться со своими функциями. Непростая ситуация сложилась в Хабаровском крае, где активность прокуратуры как надзорного органа снизилась. Это в первую очередь проявлялось в необоснованных увеличениях срока расследования, в сокращении количества проверок мер по борьбе с пьянством. В 1982 — 1983 гг. работники прокуратуры не провели ни одной проверки организаций, где имели место быть систематические приписки. Участие прокурора в поддержании государственного обвинения в 1982 — 1983 гг. сократилось с 45,5% до 42,2%. А некоторые прокуроры (Центрального района г. Хабаровска и Верхне-Буреинского района) в течение года не приняли ни одного участия в судах. Наблюдалось падение

трудовой дисциплины и в самих прокуратурах. За недобросовестное отношение к своим обязанностям к дисциплинарной ответственности в Хабаровском крае привлекли 31 прокурорских работника, 15% от всего численного состава. По сравнению с 1982 г. «отмеченных» в 1983 г. оказалось в 2 раза больше. Вышестоящие органы вынуждены были принимать и более серьезные наказания. «За недостойное поведение в быту» с должности был снят прокурор г. Амурска. Некоторые следователи были уличены в получении взятки²⁴⁰.

Борьба с коррупцией, начатая в годы лидерства Андропова, хотя несколько ослабла при Черненко и Горбачеве, но не прекращалась. Специфика ситуации состояла в том, что борьба с коррупцией поддерживалась в верхних эшелонах власти, одновременно в обществе усиливались антиноменклатурные настроения. Население зачастую связывало привилегии партэлиты с коррупцией, но пока это выражалось преимущественно в латентной форме. В 1984 г., т.е. за год до начала Перестройки, в ЦК КПСС поступило 74 тыс. анонимных писем с жалобами на произвол чиновников и мелкую коррупцию.

Начатая Перестройка как комплекс реформ затрагивала и управленческую сферу производством, появление нового законодательства было направлено на легализацию ряда явлений, стимуляцию инициативы снизу, и власть понимала необходимость такой меры, что проявилось в реанимации кооперативов. Сбыт продукции должен стать легальным и привести к сокращению хищений. В 1987 г. был принят Закон СССР о государственном предприятии, являвшийся новым шагом возвращения к рыночным отношениям. В 1988 г. вышел Закон «О кооперации в СССР», который окончательно разрушал складывавшуюся десятилетиями советскую экономическую систему. Этап первоначального накопления капитала вошел в свою активную стадию. Произошел резкий рост личных доходов вне всякой связи с производством*²⁴¹. На фоне растущей инфляции развитие кооперативов позволило «теневому» сектору экономики стать легальным, в котором в 1980-х гг. участвовало до 30 млн чел. с объемом денежных оборотов от 90 до 500 млрд руб.²⁴² Такой рост «теневой» экономики стал возможен на государственных предприятиях, так как борьба с данным явлением уже была атавизмом советской стратегии обеспечения социальной безопасности. Хотя продолжалась практика взыскания, но ее эффект был низким. На 1 января 1986 г. по приговорам судов РСФСР было взыска-

* Ежегодный прирост денежных доходов населения в СССР составил в 1981 — 1987 гг. в среднем 15,7 млрд руб., а в 1988 — 1990 гг. — 66,7 млрд руб. В 1991 г. лишь за первое полугодие они выросли на 95 млрд руб. (при этом зарплата в производстве увеличилась всего на 36%).

но 4 266,8 тыс. руб., что составило лишь 37% от суммы похищенного. Дальний Восток относится к территориям, сильно «пораженным» этим деструктивным социальным явлением. Так, в Амурской области и в Приморском крае сумма похищенного на одного осужденного выросла с 415 руб. в 1980 г. до 624 руб. в 1986 г.²⁴³

В 1989 г. завершились расследования «узбекского», или «хлопкового» дела, начатые в конце 1970-х гг., но получившие большой общественный резонанс. Дела, подобные «узбекскому», были и в РСФСР, правда, меньшего масштаба*. По этим делам власти впервые публично озвучили, что на скамье подсудимых оказалось 144 высших должностных лица Узбекской ССР и партийно-государственных управленцев Советского Союза. По итогам «хлопкового» дела было возбуждено более 800 уголовных дел против коррупционеров**. Коррупция становилась прямой причиной обвала советской системы. Но вслух об этом никто не решался сказать. Политическая оппозиция либеральных реформаторов окончательно еще не сформировалась, в Советском Союзе признавались преступления, характерные больше для социальных групп, которые не входили в политически господствующий класс трудящихся. В своей речи на XXVII съезде М.С. Горбачев говорил: «Партия придает первостепенное значение последовательному и настойчивому искоренению нарушений трудовой дисциплины, хищений и взяточничества, спекуляции и тунеядства, пьянства и хулиганства, частнособственнической психологии и стяжательства, подхалимства и угодничества»²⁴⁴.

Эти социальные риски в совокупности с общей преступностью вели страну к социально-политической катастрофе. Органы милиции и КГБ располагали информацией о разных видах преступлений в СССР не только традиционных, но и возникших новых. Официальное признание получила и организованная преступность. На Втором съезде народных депутатов СССР было издано специальное постановление «Об усилении борьбы с организованной преступностью» (1989). 12 января вышел Указ Президиума Верховного Совета РСФСР «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс РСФСР», по которому была усилена ответственность за вымогательство²⁴⁵. В результате в Уголовный кодекс 1960 г. редакции 1989 г. было внесено более 350 изменений²⁴⁶.

* «Рыбное дело», «краснодарско-сочинское дело», «дело Елисеевского гастронома».

** В это же время по телевидению показывали культовый итальянский сериал «Спрут», в котором герой Микеле Плачидо в роли комиссара Корродо Катани ведет борьбу с сицилийской мафией и коррупцией в высших эшелонах власти Италии. В итоге у советского зрителя с учетом сложившейся ситуации сформировалось представление, что «у нас» теперь так же, как и «у них».

Рост преступности заставлял руководство страны искать новые пути и методы борьбы, которые фактически являлись повторением прошлого советского опыта. Правда, политическое руководство отреагировало на напряженную ситуацию созданием новых силовых подразделений. В 1987 г. были организованы подразделения специального назначения (спецназ). В октябре 1988 г. в структуре МВД СССР создали отряды милиции особого назначения (ОМОН), на которые возлагались задачи по охране общественного порядка, когда проводились общественно-политические, спортивные, культурно-зрелищные или другие мероприятия. Они должны были действовать и во время стихийных бедствий, эпидемий, крупных производственных аварий, катастроф и других чрезвычайных обстоятельств, предупреждать причины групповых нарушений общественного порядка, массовых беспорядков, участвовать в мероприятиях по задержанию вооруженных преступников.

Таким образом, с 1970-х гг. наркомания стала распространенной формой досуга, особенно среди молодежи, но в силу идеологических причин власти пытались скрывать от общества эту угрозу. В дальнейшем репрессивность законодательства в борьбе с наркоманией приводила к обратным результатам. В рамках очередной либерализации уголовного кодекса наркоманов уже не сажали, а лишь привлекали к административной ответственности. Однако к концу советского периода противодействие наркомании отошло на второй план.

Внимание органов внутренних дел было сконцентрировано на экономических преступлениях, росте организованной преступности и хищениях государственного имущества и личной собственности в период тотального дефицита. Но в борьбе с этими преступлениями в условиях кризиса всей системы дальневосточным властям удавалось достичь лишь отдельных результатов, с трудом держать ситуацию под контролем.

Время 1990 – 1991 гг. характеризуется новым витком увеличения количества законов, регламентирующих работу органов внутренних дел. 18 апреля 1991 г. Верховный Совет РСФСР принял Закон «О милиции». Изменилась и структура милиции: появилась криминальная милиция и милиция общественной безопасности (местная милиция). Важнейшей чертой периода 1985–1990–1991 гг. стала смена кадров органов МВД, что, с одной стороны, было закономерным явлением времени реформ, а с другой – приход новых кадров требовал отвлечения органов на внутренние проблемы от выполнения задач по охране порядка. Смена руководящего состава произошла и в прокурорских рядах. Не избежали реформы и суды. Согласно Закону РСФСР «О судебном устройстве РСФСР», принятому 8 июля 1981 г., менялась их структура²⁴⁷.

Во второй половине 1980-х гг. власть, занятая реформированием политического, государственного и экономического устройства СССР, отодвинула на второй план вопросы борьбы с подростковой преступностью. Созданная в 1960 – 1970-х гг. система профилактики и предупреждения правонарушений несовершеннолетних начинает распадаться, но властью этот риск не осознается, и он перерастает в стадию угрозы социальной стабильности на отдельных дальневосточных территориях. В Приморском крае в 1980-х гг. в структуре общей преступности удельный вес несовершеннолетних, привлеченных к уголовной ответственности, поднялся с 15,1% в 1980 г. до 17,3% в 1986 г. при незначительном снижении общей преступности. Но в годы Перестройки с 1988 г. вновь начинают расти показатели общей преступности, что в определенной степени было связано и со сворачиванием антиалкогольной кампании²⁴⁸. В число неблагоприятных районов роста детской преступности входил и Хабаровский край, где каждое десятое преступление совершалось подростками, а по линии уголовного розыска – каждое шестое²⁴⁹.

Анализируя общую динамику преступности на Дальнем Востоке почти за 30 последних лет советской эпохи, можно сделать вывод: количество совершаемых преступлений в Приморском крае выросло в 8 раз, в Хабаровском крае – в 6 раз, в Амурской области – более чем в 5 раз, на Камчатке – в 5,5 раз, в Магаданской области – в 8 раз, на Сахалине – почти в 4 раза, в целом по Дальнему Востоку – в 5,8 раз²⁵⁰.

Таким образом, несмотря на то, что руководство страны осознавало преступность как фактор дестабилизации советского строя, возникшая политическая ситуация со сменой лидеров и соответственно конкуренция за место в политической команде в Дальневосточном регионе снижали потенциал государства в сохранении сложившейся социально-экономической системы и к концу перестройки власть оказалась беспомощной перед накопившейся отрицательной общественной «энергией» в виде преступности. Многие политические и правовые документы, направленные на обеспечение общественного порядка, а также привлечение ресурсов общества к обсуждению проблем пьянства, наркомании, спекуляции и др. в условиях разрушения идеологии и формирования потребительского общества оказались бессильными остановить разрушающую энергию преступности советской системы.

Политика советского руководства и деятельность органов правопорядка в области противодействия преступности с опорой то на либерализацию, то на ужесточение свидетельствовали о стремлении проводить превентивные меры, но фактически власть все равно оказывалась в ситуации «тушения пожара». Усиление кризисных явлений в совет-

ской экономике с конца 1980-х гг. провоцировало рост преступности в целом. Меры, сначала дававшие определенные результаты, перестали быть действенными. По сути, регион погружался в экономический хаос на фоне роста преступности.

3.4. ИЗМЕНЕНИЕ ХАРАКТЕРА ПРЕСТУПНОСТИ И ПОИСКИ МЕТОДОВ БОРЬБЫ С НЕЙ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ

В 1990 – 1993 гг. преступность превращалась в одну из главных национальных угроз. В условиях распада государства и фактического безвластия произошел всплеск уровня преступности во многих регионах. Усилившийся системный кризис в экономике, политике, социальной сфере и уходящая в прошлое советская мораль на фоне очередной либерализации законодательства способствовали появлению почти не контролируемых криминальных структур.

После принятия декларации о государственном суверенитете РСФСР в 1991 г. руководство страны* приступило к формированию новых органов власти и правоохранительной системы. Еще до распада СССР Министерство внутренних дел подверглось реорганизации. 22 июня 1990 г. МВД РСФСР было выведено из подчинения союзному правительству и передано в распоряжение Совета Министров РСФСР (Постановление «О разграничении функций управления организациями на территории РСФСР»). Министром назначили В.П. Баранникова, а в декабре того же года его заменил Б.К. Пуго. После неудавшегося ГКЧП, участником которого был Пуго, министрами МВД были назначены в августе 1991 г. В.П. Баранников, а в сентябре – А.Ф. Дунаев. Смена руководства сказалась на исполнительности и появлении разбалансированности организационных начал всей иерархической структуры на территориях страны.

В структуре самого министерства упразднились прежние подразделения, ушли в историю политотделы, появились оперативные службы. Однако некоторые службы сохранились, но были переименованы.

* 12 июня 1990 г. была принята Декларация о государственном суверенитете РСФСР, а 12 июня 1991 г. состоялись выборы президента РФ, на которых победу одержал Б.Н. Ельцин.

Так, Главное управление по борьбе с хищениями социалистической собственности стало именоваться Бюро по борьбе с преступлениями в сфере экономики Службы криминальной милиции МВД СССР, а отделы по борьбе с хищениями социалистической собственности (ОБХСС) – в подразделения по борьбе с преступлениями в сфере экономики Службы криминальной милиции (БЭП СКМ МВД РСФСР). В 1989–1990 гг. вышли законодательные документы, направленные на борьбу с организованной преступностью. В феврале 1992 г. в структуре МВД России образовано Главное управление по организованной преступности (ГУОП).

Начало 1990-х гг. характеризуется изданием законов, регламентировавших деятельность правоохранительных органов. Среди них Закон СССР «О советской милиции» (6 марта 1991 г.), Закон РСФСР «О милиции» (18 апреля 1991 г.), Закон РФ «О безопасности» (5 марта 1992 г.), «Об оперативно-розыскной деятельности в Российской Федерации» (13 марта 1992 г.), «Об обороне» (24 сентября 1992 г.), «О внутренних войсках Министерства внутренних дел Российской Федерации» (24 сентября 1992 г.) и др.²⁵¹ Реформированию подверглись прокуратура (ФЗ-2202-1 «О Прокуратуре Российской Федерации» от 10.01.1992 г.) и суды (N1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» от 23.10.1996 г.).

Формирование новой рыночной системы изменило отношение политиков и общества к части правонарушений, считавшихся преступлениями в СССР, преимущественно экономического характера (спекуляция, предпринимательство, купля-продажа валюты). На законодательном уровне был восстановлен институт частной собственности. В таких условиях часть работников правоохранительных органов не могла принять смену ценностных и правовых изменений. Новая власть столкнулась с оттоком кадров из правоохранительных органов. Резкое падение уровня жизни и имущественное расслоение населения провоцировали рост числа всех видов преступлений. Одновременно снизилось количество раскрываемых преступлений.

На Дальнем Востоке (как отмечалось в предшествующем параграфе) во второй половине 1980-х гг. усилились тенденции криминализации общества: появились «воровские общаки», начался этап первоначального накопления капитала и тесно связанный с ним раздел сфер влияния. Во второй половине 1980-х гг. криминальные структуры занимались «рэкетом» в отношении кооперативов, с началом рыночных реформ объектом пристального внимания стали порты, рыбо-, лесодобывающие и строительные компании. Власти столкнулись с проявлением криминала и оказались не готовыми к борьбе с ним. В 1991 – 1992 гг. основным «промыслом» криминальных группировок во Влади-

3.4. ИЗМЕНЕНИЕ ХАРАКТЕРА ПРЕСТУПНОСТИ И ПОИСКИ МЕТОДОВ БОРЬБЫ...

востоке было вымогательство автомашин у моряков заграничного плавания. «Прибыль» у таких преступников доходила до 1000%.

Влияние уголовного элемента в обществе сказалось как на профессиональном языке сотрудников правоохранительных органов, так и в повседневной бытовой речи. Постепенно в обиход стали входить термины «рыбная мафия», «лесная мафия», «строительная мафия» и даже из преступного сообщества — «крышевание», «общак» и т.д. Криминальные структуры втягивали в свое сообщество людей, либо потерявших работу, либо молодежь, не способную быстро социализироваться в новых порядках. Восприятие принципов криминального «мира» — быстрого получения денег (даже «деньги» были переименованы на воровской жаргон — «баксы», «бабки») расширяло базу маргинализации и криминализации общества. В 1997 г. только во Владивостоке действовало около двадцати группировок, куда входили не только «уголовники», но и бывшие спортсмены, офицеры вооруженных сил и правоохранительных органов, общей численностью 600 — 800 чел.

Органы правопорядка в крупных и средних городах, в том числе и Дальнего Востока, вынуждены были осваивать новые формы деятельности в условиях «криминальных войн» (взрывы, заказные убийства, похищения людей и т.д.). Многие из лидеров, признанных в уголовном мире, были убиты.

К концу 1990-х гг. в регионе в период прибытия мигрантов из стран СНГ и традиционного зарубежья сформировались устойчивые организованные преступные группировки, объединенные по этническому признаку. В основном организаторами были выходцы с Кавказа, Средней Азии и соседних стран по Азиатско-Тихоокеанскому региону. Наиболее активной в это десятилетие была «кавказская» группа — чеченцы, азербайджанцы, армяне, небольшие «семьи» осетин и грузин. «Сфера» их деятельности — «левая» алкогольная и табачная продукция, «лесной», «нефтяной» и «транспортный» бизнес. Отдельно стояли китайские, корейские и вьетнамские группировки²⁵².

Новый характер приобрели экономические преступления. Уголовный кодекс РСФСР 1960 г. не учитывал все преступления экономической направленности, и в 1996 г. в срочном порядке был принят новый Уголовный кодекс, в котором отражены нормы наказания, характерные для правовых систем государств с рыночной экономикой. Это позволило правоохранительным органам приступить к выявлению масштабов экономической преступности, особенно на предприятиях добывающих отраслей. Но эта деятельность фактически выливалась в скромное противостояние власти экономической преступности. Хотя отдельные мероприятия заканчивались победой правоохранительных органов, но

вернуть похищенное стало самым трудным делом. Здесь «победа» чаще доставалась криминалу.

Одной из отраслей региона, где шла настоящая война против экономической преступности, являлась рыбная. Правоохранительным органам все-таки удалось выявить незаконную отправку рыболовных судов на «гвозди», т.е. по заниженным ценам (например, в 1997 г. в начале либеральных реформ в ВБТРФ поступило 27 новых судов, а выбыло 84; ОАО «ДВБФ» продал за границу траулеры «Сибиряк» и «Коммунист»), и уход от уплаты налогов. Были установлены и доказаны факты сокрытия доходов и соответственно налогов: в 1998 г. основные рыбодобывающие предприятия заплатили в казну 250 млн руб., в то время как в 1996 – 406,2 млн руб., в 1997 г. – 348,1 млн руб. Налоги от предприятий рыбной отрасли в бюджет Приморья (без учета платежей в социальные и внебюджетные фонды) в 1996 г. составили 3,5%, в 1997 г. – 2,3%.

Правоохранительные органы встретились с новыми последствиями реформирования и должны были быстро реагировать на них в соответствии с законами. Таким явлением для работников правоохранительных и налоговых органов стала процедура банкротства предприятий. В 1998 г. только в Приморье более 200 предприятий прошли эту процедуру²⁵³. Одновременно появились первые практики контроля за кредиторской задолженностью предприятия-банкрота: коллективы оставались без работы, имущество за бесценок распродавали временные наблюдатели, которые утверждались арбитражным судом для проведения конкурсного производства. За фасадом процедуры банкротства часто стояли заинтересованные лица. Назначение «управляющего по банкротству» становилось для ряда управленцев очередным незаконным источником дохода. Но эти дела были настолько новыми, что контролирующим органам приходилось с трудом разбираться в «дебрях» законодательства. Довольно часто на должность управляющего специально назначались безграмотные «специалисты», главной задачей которых было не вернуть к рабочему состоянию предприятие, а распродать все его имущество. Так, не удалось предотвратить развал «Дальпушнины», ряда рыболовецких колхозов. На фоне экономической преступности с новой силой обозначилась проблема коррупции. Практически всё, о чем говорилось выше, совершалось при участии первых лиц региона или их ближайших родственников²⁵⁴.

С новой силой проявились и старые проблемы, в борьбе с которыми власти на предшествующем этапе не смогли добиться решающих результатов. Среди них была проблема наркомании. После распада СССР численность наркозависимых людей стала расти в геометрической прогрессии. Этому способствовал комплекс причин. Первая – отсутствие границ между теперь уже независимыми республиками на постсовет-

3.4. ИЗМЕНЕНИЕ ХАРАКТЕРА ПРЕСТУПНОСТИ И ПОИСКИ МЕТОДОВ БОРЬБЫ...

ском пространстве облегчило проникновение наркотиков на Дальний Восток. Вторая – освободившаяся медицинская ниша. Экономический кризис и банкротство предприятий резко сократили финансирование наркологических кабинетов и диспансеров, в результате чего предприятия отказались от содержания своих кабинетов, а количество бюджетных специальных медучреждений было сведено к минимуму. Не было еще и частных наркодиспансеров. Третья – уход из органов внутренних дел сотрудников и «выведение» общественности из сложившейся системы противодействия наркомании существенно способствовали формированию сети наркоторговли. Четвертая относится к духовным причинам. В 1990–1991 гг. уходила в прошлое советская идеология, а вместе с ней и уверенность в завтрашнем дне. Отсутствие перспектив, особенно в малых и средних городах, рост депрессивных территорий и кризис ценностей затронули учащихся и молодежь. Пятая – появились новые формы трудовой занятости – «челночество», каналы которых использовали распространители наркотиков.

Очень странным и преждевременным решением государства оказалась новая норма ответственности за употребление наркотиков. С принятием Уголовного кодекса РФ в 1996 г. употребление наркотиков перестало быть уголовно наказуемым. После 1992 г. наряду с растительными наркотиками постепенно на Дальний Восток под видом лекарства для похудения из Китая проникает эфедрин (эфедрон) – наркотик для подростков. Печальным итогом стал рост зарегистрированных преступлений, связанных с наркотиками: в 1990–1994 гг. в Приморье – в 2,2 раза, Хабаровском крае – 1,5, Амурской области – 3,4, Сахалинской – 5,5, Магаданской – 3, Камчатской области – 4, в то время как в РФ – в 4,6 раза²⁵⁵.

Таким образом, в 1990-е гг. государство оказалось в роли пассивного игрока на поле возрастания угроз человеческой жизни и общественной безопасности. Новый виток борьбы с преступностью начался в период второго срока президентства В.В. Путина. На первый план Путин выдвинул борьбу с коррупцией. Тема коррупции становится самой модной в 2011–2012 гг. в материалах СМИ²⁵⁶.

Ответ государства в виде определения главной угрозы социально-политической безопасности соответствовал реалиям и требовал чрезвычайных мер, направленных на обеспечение национальной безопасности. Международная организация Transparency International, исследовавшая мировую коррупцию, в 2012 г. поставила Россию на 143-е место из 183 стран в своем самом последнем индексе коррупции²⁵⁷. Первые лица государства (правительство страны) с 2004 г. совместно с Государственной Думой приняли ряд законов, направленных на борьбу с этим явлением²⁵⁸.

Дальний Восток – в числе регионов, которые входили в зону высокой коррупционности и привлекали внимание Центра. В 2009 г. в Приморском крае было выявлено более 7 тыс. правонарушений коррупционной направленности. Органы прокуратуры привлекли к дисциплинарной ответственности 114 должностных лиц, к административной – 97. Было возбуждено 31 уголовное дело²⁵⁹. В 2000–2011 гг. участниками коррупционных скандалов были губернаторы, депутаты Законодательного Собрания края и Гордумы Владивостока, главы г. Владивостока, Кавалеровского района, ЗАТО Большой Камень, инспекторы ДПС, таможни и др.²⁶⁰ Было установлено, что пять чиновников администрации Приморского края нанесли ущерб государству на сумму более чем в 200 млн руб. Это почти в три раза больше, чем все семь тысяч коррупционеров, на которых в 2009 г. были возбуждены уголовные дела²⁶¹. Правоохранительные органы оперативно отреагировали на экономические преступления, связанные с окончанием строительства большинства объектов для проведения саммита АТЭС²⁶².

На окружном координационном совещании начальник Главного управления МВД по Дальневосточному федеральному округу Е. Кужель сообщил, что только за четыре месяца 2012 г. (с января по апрель) в ДВФО выявлено 236 преступлений коррупционной направленности – на четверть больше, чем за аналогичный период 2011 г., а также 62 факта взяточничества и коммерческого подкупа. Борьба с такими преступлениями в 2011–2012 гг. велась в Якутии, Хабаровском крае, Сахалинской и Магаданской областях²⁶³. Уникальная ситуация сложилась в Хабаровском крае. Между несколькими ведомствами, которые ведут борьбу с коррупцией, – УФСБ России, Прокуратурой, Следственным комитетом и организацией Министерства обороны РФ ФГУП ГУСС «Дальспецстрой» при Спецстрое России развернулось определенное противодействие. Так, генерал УФСБ России по Восточному военному округу настаивает на возбуждении уголовного дела по факту присвоения и растрат более чем 100 млн руб., а следственные органы выносят отказные материалы²⁶⁴.

Д. Сэттер, автор книги «Тьма на рассвете: Становление российского криминального государства», отметил тщетность инвестирования российского правительства в Дальневосточный регион. Среди причин он указывает на высокий уровень коррупции в Приморском крае, назвав его «самым криминализированным анклавом во всей стране»²⁶⁵. Мы разделяем данную точку зрения, но не только в отношении Приморского края, а всего Дальнего Востока.

Сегодня руководители дальневосточных региональных правоохранительных органов заявляют, что своей главной целью считают организацию системы постоянного взаимодействия всех структур по

3.4. ИЗМЕНЕНИЕ ХАРАКТЕРА ПРЕСТУПНОСТИ И ПОИСКИ МЕТОДОВ БОРЬБЫ...

противодействию коррупции²⁶⁶. Однако слабость правоохранительной системы, особенно в отдаленных регионах, отсутствие единства мнений в политической среде и среди юристов по вопросам наказания за коррупцию создают благоприятную почву для ее дальнейшего развития.

В конце 1990-х гг. власть принимала меры по противодействию распространения новых видов («тяжелых») наркотиков. Но меры оказались неэффективными. К середине первого десятилетия 2000-х гг. скорость распространения наркотиков приобрела угрожающие масштабы. В декабре 2006 г. состоялось первое заседание Правительственной комиссии по противодействию злоупотреблению наркотическими средствами и их незаконному обороту. Особое внимание было уделено усилению контроля за реализацией лекарственных препаратов, из которых возможно получение наркотиков. В 2007 г. был создан Государственный антинаркотический комитет. Уголовный кодекс РФ был усилен Федеральным законом РФ от 14 июня 2011 г. № 139-ФЗ «О внесении изменений в федеральный закон «О наркотических средствах и психотропных веществах» в связи с совершенствованием контроля за оборотом прекурсоров наркотических средств и психотропных веществ, а также двумя постановлениями Правительства РФ: №599 от 20 июля 2011 г. и № 1085 от 22 декабря 2011 г.²⁶⁷

Органы правопорядка установили, что с середины 1990-х гг. возросла наркопреступность в связи с миграционной подвижностью. «Поставщиками» «тяжелых» наркотиков стали таджики, узбеки, представители «кавказской» группировки. Рост зарегистрированных преступлений, связанных с их изготовлением и сбытом, с 1995 по 2011 г. составил в Приморье 252%²⁶⁸, на Сахалине (с 1995 по 1.10.2011 г.) — 1 656%²⁶⁹. В начале 2000-х гг. появились синтетические наркотики — экстази и ЛСД — наркотики «золотой молодежи». Из группы синтетических наибольшую популярность приобрел дезоморфин — наркотик для бедных («крокодил»), который готовится из таблеток, продававшихся в аптеках до лета 2012 г. без рецепта врача.

После «сворачивания» антиалкогольного курса в конце 1980-х гг. дальневосточное население быстро вернулось к прежним объемам потребления алкоголя, а после распада СССР — к росту как потребления, так и нелегальному производству алкоголя. В 2011 г. руководство страны в лице Президента РФ Д.А. Медведева обеспокоилось ростом алкоголизации населения, после чего стало инициатором введения ряда запретов на продажу алкоголя²⁷⁰. Анализ изменения динамики, коэффициента и характера преступности на Дальнем Востоке показаны в табл. 6–9.

Таблица 6

**Динамика зарегистрированных преступлений
на Дальнем Востоке в 1991 – 2011 гг.**

	1991	1994	2003	2011
Дальний Восток	143 628	184 232	142 779	
Приморский край	55 763	73 449	48 588	45 637
Хабаровский край	35 361	44 537	44 379	нет данных
Амурская область	16 638	20 874	17 688	18 091
Еврейская автономная область	3 275	5 814	6 148	нет данных
Камчатская область	8 509	8 634	8 281	5 335
Магаданская область	9 003	7 677	4 012	3 220
Сахалинская область	15 079	23 247	13 683	10 026

Таблица 7

**Коэффициент преступности на Дальнем Востоке
в 1991–2009 гг. (на 100 тыс. чел.)**

	1991	1994	2003	2009
РСФСР	1463,2	1778,9		2110
Приморский край	2424	3214,9	2491	2830
Хабаровский край	1910	2788	3094,2	3142
Амурская область	1549	1939,1	1963	2306
Еврейская автономная область	нет данных	2692,9	3050,6	2485
Камчатская область	1799	1939,1	2334,5	1779
Магаданская область	1686	2451,1	4222,2	2546
Сахалинская область	2101	2104	4265,4	2539

Таблица 8

**Коэффициент преступности на Дальнем Востоке и место региона
среди субъектов России в 2009 г.**

Регионы	Число зарегистрированных преступлений на 100 тыс. чел.	Место среди субъектов РФ
Хабаровский край	3142	4
Приморский край	2830	8
Магаданская область	2546	17
Сахалинская область	2539	20
Еврейская автономная область	2485	23
Амурская область	2306	29
Камчатский край	1779	57
Дальний Восток	2598	2
Российская Федерация	2110	

Регионы с самым высоким уровнем преступности. URL: http://www.dalrate.ru/regiondv/renkingi_21.02.2011_161900_regiony-s-samym-vysokim-urovнем-prestupnosti.html (дата обращения: 28.01.2013).

Таблица 9

**Динамика зарегистрированных преступлений
на Дальнем Востоке в 1994–2003 гг.**

Виды преступлений	1994	2003
Убийство, покушение на убийство, нанесение тяжких телесных повреждений	6420	10 360
Изнасилование, покушение на изнасилование	681	450
Кражи, грабеж, разбой, мошенничество	108 481	85 414
Хулиганство	11 122	3585
Экономические преступления	нет данных	9732
Преступления, связанные с наркотиками	5106	13 911

Таблицы составлены на основании источников: Преступность и правонарушения (1990 – 1994): стат. сб. М., 1995. С.21 – 24, 62–63, 69 – 70, 76 – 77, 90 – 91, 97 – 98, 105 – 106; Состояние преступности в ДВФО за январь – декабрь 2003 г.: стат.сб. М., 2004. С. 4 – 5, 8, 13, 25; Дальний Восток России: экономическое обозрение. Приложение / под ред. П.А. Минакира. М.: Прогресс-комплекс, Экопрос, 1993. С. 8; Население Приморского края; Население Хабаровского края; Население Амурской области; Население Еврейской автономной области; Население Камчатского края; Население Магаданской области; Население Сахалинской области. URL: Wikipedia.org. (дата обращения: 28.01.2013); Регионы с самым высоким уровнем преступности. URL: http://www.dalrate.ru/regiondv/genkingi_21.02.2011_161900_regiony-s-samym-vysokim-urovнем-prestupnosti.html (дата обращения: 28.01.2013), официальные сайты УМВД по Приморскому краю, Хабаровскому краю, Амурской области, Камчатскому краю, Магаданской области, Сахалинской области.

Анализ таблиц показывает, что в 1991–1994 гг. произошел быстрый рост зарегистрированных преступлений и коэффициента преступности. С 1994 по 2011 г. количество преступлений падает, однако коэффициент преступности носит нестабильный характер, что является отражением особого внимания к распространению наркомании и борьбе с пьянством. Тем не менее, несмотря на предпринятые меры, Дальневосточный регион прочно удерживается на втором месте по коэффициенту преступности.

Таким образом, на фоне ухудшения криминогенной обстановки преступность на Дальнем Востоке стала расти быстрыми темпами, особенно наркомания и преступления против жизни и здоровья граждан. Руководство страны в большей степени было озабочено реформированием правоохранительных органов и сменой первых лиц министерств и ведомств, отвечавших за сохранение социальной стабильности в регионе, нежели реальной борьбой с преступностью. Смена политического, экономического и уголовно-правового курса привела к росту коррупционных преступлений. Но с 2004 г. формируется антикоррупционное, с 2006 г. – антинаркотическое, а с 2011 г. – антиалкогольное законодательство. И если борьба с наркоманией и алкоголизацией населения дала некоторые результаты в виде снижения числа преступлений против жизни и здоровья граждан и имущественных преступлений, то в борьбе с коррупцией власть проигрывает.

* * *

На протяжении 1945–2012 гг. направления борьбы с преступностью в Дальневосточном регионе приняли устойчивый характер. Во-первых, очередной виток начинался с реформирования правоохранительных органов, а дважды — правоохранительной системы (1958–1960 гг. и 1991–1996 гг.). И в первом, и во втором случае реформы региональных МВД, прокуратуры и суда мало влияли на снижение преступности. Владея более или менее полной информацией о масштабах преступности и ее отдельных видов, на протяжении всего советского и более десяти лет постсоветского периода политическое руководство страны не могло разработать превентивную политику, работавшую на опережение криминальных событий.

В числе наиболее значимых социально-криминальных проблем советского периода был постоянный рост экономических преступлений (хищения социалистической собственности, спекуляция), хулиганства и наркомании. Изменение количества зарегистрированных преступлений против жизни, здоровья и общественного порядка тесно связано с борьбой органов власти с пьянством и алкоголизмом. В период антиалкогольных кампаний наблюдалось снижение всех видов преступлений. Несмотря на предпринятые шаги в борьбе с наркоманией, снизить рост преступлений этого вида не удалось. В целом руководство страны и правоохранительные органы вовремя отслеживали всплески преступности на Дальнем Востоке и принимали адекватные меры по ее сдерживанию, вплоть до конца 1980-х гг. Исключение составили периоды первых послевоенные лет и амнистии 1953 г. Однако в конце советского периода центральная и региональные власти оказались неспособными противостоять преступности.

После распада СССР усилия Центра были направлены на сохранение целостности Российского государства. Поэтому борьба с преступностью отошла на второй план. После стабилизации внутривнутриполитической ситуации руководство страны приступило к разработке мер, направленных на борьбу с коррупцией, наркоманией и алкоголизацией, которая в России как советского, так и постсоветского периода шла крайне трудно.

¹ Мир после войны: дальневосточное общество в 1945 – 1950-е гг. Владивосток: Дальнаука, 2009. С. 440. (История Дальнего Востока России. Т.3. Кн. 4).

² Официальный сайт УМВД по Приморскому краю. URL: <http://25.mvd.ru/gumvd/istoriya/> (дата обращения: 30.08.2012).

³ Официальный сайт УМВД по Сахалинской области. URL: <http://65.mvd.ru/gumvd/history/> (дата обращения: 30.08.2012).

- 4 Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об отмене смертной казни» от 26 мая 1947 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. 1947. № 17.
- 5 Указ Президиума Верховного Совета СССР «О применении смертной казни к изменникам Родины, шпионам, подрывникам-диверсантам» от 12.01.1950 г. // Смертная казнь в России. URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/> (дата обращения: 12.09.2012).
- 6 Мир после войны... С. 440.
- 7 Там же. С. 441.
- 8 Официальный сайт УМВД по Магаданской области. URL: <http://49.mvd.ru/gumvd/history/> (дата обращения: 30.08.2012).
- 9 ГАХК. Ф. П-35. Оп. 3. Д. 236. Л. 97–98.
- 10 Кузнецов Д.А. Организация охраны правопорядка и борьба с преступностью на Южном Сахалине (1945 – 1950 гг.) // Россия и АТР. Владивосток, 2009. № 2. С. 104 – 105.
- 11 Мир после войны... С. 454.
- 12 Пирагис А. П. От нагана до компьютера: история камчатской полиции и милиции (XVIII–XX) : в 2 ч. Петропавловск-Камчатский: Холд. комп. «Новая книга», 2005. С. 72.
- 13 Бурдс Дж. Советская агентура: Очерки истории СССР в послевоенные годы (1944–1948). URL: <http://lib.rus.ec/b/208571/read> (дата обращения: 13.09.2012).
- 14 Мир после войны... С. 450.
- 15 Там же... С. 442.
- 16 Гапоненко К. Вслед за ушедшим днем: Очерки о сахалинских переселенцах 1946 – 1952 годов. Южно-Сахалинск: Сахалин. обл. тип., 1998. С. 29.
- 17 Щеглов В.В. Население Сахалинской области в XX веке. Южно-Сахалинск, 2002. С. 74.
- 18 Пирагис А.П. От нагана до компьютера... С. 72.
- 19 Мир после войны... С. 442 – 443.
- 20 ГАРФ. Ф. 9415. Оп. 3. Д. 1440. Л. 95.
- 21 Там же. Л. 122.
- 22 Мир после войны... С. 443.
- 23 Гуров А.И. Профессиональная преступность: прошлое и современность. М., 1990. URL: <http://www.koob.ru> (дата обращения: 15.12.2009).
- 24 Мир после войны... С. 445 – 450.
- 25 Официальный сайт УМВД по Магаданской области. URL: <http://49.mvd.ru/gumvd/history/> (дата обращения: 30.08.2012).
- 26 Барсенков А. С., Вдовин А. И. История России. 1917 – 2007. М.: Аспект Пресс, 2008. С. 436 – 439.
- 27 Севвостлаг. URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/> (дата обращения: 23.12.2012).
- 28 ГАРФ. Ф. 461. Оп. 13. Д. 1. Л. 295.
- 29 Севвостлаг. URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/> (дата обращения: 23.12.2012).
- 30 URL: http://ru.wikisource.org/wiki/Указ_Президиума_ВС_СССР_от_27.03.1953_об_амнистии (дата обращения: 12.06.2013).
- 31 ГАРФ. Ф. 461. Оп. 13. Д. 1. Л. 295.
- 32 URL: http://ru.wikisource.org/wiki/Указ_Президиума_ВС_СССР_от_27.03.1953_об_амнистии (дата обращения: 12.06.2013).

3.4. ИЗМЕНЕНИЕ ХАРАКТЕРА ПРЕСТУПНОСТИ И ПОИСКИ МЕТОДОВ БОРЬБЫ...

- 33 Бацаев И.Д. Очерки истории Магаданской области (начало 20-х – середина 60-х гг. XX в.). Магадан: СВКНИИ ДВО РАН, 2007. С. 167.
- 34 Мир после войны... С. 449.
- 35 Смертная казнь в России. URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/> (дата обращения: 12.09.2012).
- 36 Пихоя Р. Реформы государственного и партийного аппарата. URL: <http://gicolor.org/history/rsv/aft/hr/5/> (дата обращения: 15.09.2012).
- 37 Раззаков Федор. Борьба за власть в правительстве СССР. Банды 50-х. URL: <http://lib.rus.ec>. (дата обращения: 16.07.2012).
- 38 Уровень, динамика и структура преступности в СССР и России. URL: <http://www.xres.ru> (дата обращения: 24.03.2011).
- 39 Лунеев В.В., Мацкевич И.М., Нечевин Д.К. Проблемы отечественной преступности: статистика и реалии. URL: <http://www.eurasiaweb.ru> (дата обращения: 16.07.2012).
- 40 Мир после войны... С. 448.
- 41 Дорохов В.Ж. Милиция Хабаровского края. 1953 – 1968. Хабаровск: ДВЮИ МВД России, 2008. С. 179.
- 42 ГАПК. Ф. П-68. Оп. 30. Д. 548. Л. 7.
- 43 Дорохов В.Ж. Милиция Хабаровского края... С. 182.
- 44 Сборник Постановлений Пленума Верховного Суда, 1958, № 5, ст. 38; Закон СССР «Об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в СССР» от 24 декабря 1958 г. URL: <http://www.rglib.ru/history/Pages/Item.aspx?itemid=365> (дата обращения: 16.01.2013).
- 45 Дорохов В.Ж. Милиция Хабаровского края... С. 182; Мир после войны... С. 448.
- 46 Пряников П. Как реформировали МВД при Хрущёве: Возвращение ленинских принципов и вовлеченность общественности в охрану правопорядка. URL: <http://svpressa.ru> (дата обращения: 30.10.2010).
- 47 Официальный сайт УМВД по Магаданской области. URL: <http://49.mvd.ru/gumvd/history/> (дата обращения: 30.08.2012).
- 48 Звягинцев А.Г., Орлов Ю.В. Прокуроры двух эпох. Андрей Вышинский и Роман Руденко. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2001. С. 212.
- 49 Прокуратура Магаданской области. URL: <http://magoblproc.ru> (дата обращения: 21.01.2012).
- 50 ГАПК. Ф. П-68. Оп. 58. Д. 22. Л. 23–24; Оп. 53. Д. 335. Л. 17, 20; Д. 57. Л. 25; Оп. 30. Д. 550. Л. 20, 36.
- 51 URL: <http://www.indem.ru> (дата обращения: 26.01.2012).
- 52 Пионтковский А.А. Предисловие к кн.: Реннеберг И. Объективная сторона преступления. М., 1957. С. 6 – 7.
- 53 Уровень, динамика и структура преступности в СССР и России. URL: <http://www.xres.ru> (дата обращения: 24.03.2011).
- 54 Мир после войны... С. 458.
- 55 Дорохов В.Ж. Милиция Хабаровского края... С. 177.
- 56 АУВД ПК. Ф. 12. Оп. 1. Д. 293. Л. 178; ГАПК. Ф. П-68. Оп. 30. Д. 550. Л. 1 – 8.
- 57 Дорохов В.Ж. Милиция Хабаровского края... С. 122.
- 58 ГАПК. Ф. П-68. Оп. 101. Д. 82. Л. 2.

- 59 Там же. Оп. 30. Д. 548. Л. 238.
- 60 ГАХК. Ф. П-35. Оп. 79. Д. 269. Л. 135; Дорохов В.Ж. Милиция Хабаровского края... С. 127, 184.
- 61 ГАХК. Ф. П-35. Оп. 79. Д. 269. Л. 29.
- 62 Кодинцев А.Я. Общественные суды в СССР в 30 – 50-е годы XX в. URL: <http://www.juristlib.ru> (дата обращения: 26.01.2012).
- 63 Ващук А.С. Социальная политика в СССР и ее реализация на Дальнем Востоке (середина 40 – 80-х годов XX в.). Владивосток: Дальнаука, 1998. С. 117 – 118, 123, 145.
- 64 Васильев В.А. Товарищеские суды: история, перспективы деятельности в условиях рынка. URL: <http://www.top-personal.ru> (дата обращения: 26.01.2012).
- 65 Богданов С.В. Попытки Н.С. Хрущева активизировать борьбу с экономической преступностью в СССР. URL: <http://www.vestarchive.ru/issledovaniia/1964-popytki-ns-hrusherova-aktivizirovat-borby-s-ekonomicheskoi-prestupnostu-v-sssr.html> (дата обращения: 17.01.2013).
- 66 ГАПК. Ф. П-68. Оп. 30. Д. 553. Л. 10.
- 67 Дорохов В.Ж. Милиция Хабаровского края... С. 119, 132.
- 68 Там же. С. 127.
- 69 ГАХК. Ф. П-35. Оп. 79. Д. 269. Л. 5-6.
- 70 Там же. Оп. 101. Д. 15. Л. 17.
- 71 Фицпатрик Ш. Паразиты общества: как бродяги, молодые бездельники и частные предприниматели мешали коммунизму в СССР // Советская социальная политика: сцены и действующие лица, 1949–1985 / под ред. Е. Ярской-Смирновой и П. Романова. М.: ООО Вариант, ЦСГПИ, 2008. С. 226.
- 72 ГАХК. Ф. П-35. Оп. 19. Д. 246. Л. 38.
- 73 Козлов В.А. Неизвестный СССР: Противостояние народа и власти. 1953 – 1985 гг. М.: Олма-пресс, 2006. 254 с.
- 74 ГАПК. Ф. П-68. Оп. 30. Д. 548. Л. 3, 6.
- 75 АУВД ПК. Ф. 12. Оп. 1. Д. 293. Л. 178; ГАПК. Ф. П-68. Оп. 30. Д. 550. Л. 1 – 8.
- 76 Там же.
- 77 Антиалкогольные кампании в СССР. URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki> (дата обращения: 16.01.2013).
- 78 ГАРФ. Ф. Р-7523. Оп. 45. Д. 350. Л. 6.
- 79 Там же. Л. 26–29, 224.
- 80 Роулинсон П. Российская организованная преступность: краткая история // Российская организованная преступность: новая угроза? М., 2000. С. 84–85.
- 81 ГАПК. Ф. П-68. Оп. 30. Д. 548. Л. 4, 18, 20.
- 82 Дорохов В.Ж. Милиция Хабаровского края... С. 180.
- 83 Филиппов В.В. Должностные преступления в Хабаровском крае (1950 – 1960 гг.) // Власть и управление на Востоке России. 2010. № 3 (52). С. 150.
- 84 ГАПК. Ф. П-68. Оп. 30. Д. 548. Л. 4, 18.
- 85 Там же. Оп. 101. Д. 146. Л. 95
- 86 ГАО. Ф. 906. Оп. 1. Д. 93. Л. 14–18.
- 87 Филиппов В.В. Должностные преступления в Хабаровском крае (1950 – 1960 гг.). С.150.
- 88 ГАПК. Ф. П-68. Оп. 30. Д. 548. Л. 97. Л.211.
- 89 Мир после войны... С. 446.

3.4. ИЗМЕНЕНИЕ ХАРАКТЕРА ПРЕСТУПНОСТИ И ПОИСКИ МЕТОДОВ БОРЬБЫ...

- 90 Коренев А. П. Законодательная техника и кодификация советского административного права // Правоведение. 1961. № 3. С. 35 – 45.
- 91 АУВД ПК. Ф. 18. Оп. 3. Д. 39. Л. 1–4; Д. 40. Л. 2–8; Д. 41. Л. 9.
- 92 ГАПК. Ф. П-68. Оп. 30. Д. 548. Л. 7.
- 93 Дорохов В.Ж. Милиция Хабаровского края... С. 177–178.
- 94 Бородин С.В. Борьба с преступностью: теоретическая модель комплексной программы. М.: Наука, 1990. С. 169.
- 95 ГАХК. Ф. П-35. Оп. 79. Д. 269. Л. 3, 5.
- 96 Указ Президиума Верховного Совета СССР от 19.12.1960 г. о признании утратившими силу законодательных актов СССР в связи с принятием Закона о судеоустройстве РСФСР. URL: <http://lawrussia.ru> (дата обращения: 26.01.2012).
- 97 АУВД ПК. Ф. 12. Оп. 2. Д. 73. Л. 183; ГАРФ. Ф. А-461. Оп. 11. Д. 1181. Л.1.
- 98 Советская социальная политика: сцены и действующие лица, 1940 – 1985. М.: ООО «Вариант», 2008. С. 231.
- 99 ГАРФ. Ф. А-461. Оп. 11. Д. 1181. Л. 2.
- 100 Там же. Л. 20.
- 101 Пирагис А.П. От нагана до компьютера... С. 95.
- 102 Ведомости Верховного Совета СССР. 1961. №19. Ст. 207.
- 103 Официальный сайт МВД. 1946 – 1966 гг. URL: <http://www.mvd.ru> (дата обращения: 19.12.2009).
- 104 Раззаков Ф.И. Начало теневой экономики. URL: <http://lib.rus.ec/b/45663/read> (дата обращения: 06.09.2012).
- 105 ГААО. Ф. 906. Оп. 1. Д. 93. Л. 14–18.
- 106 Шелли Л. Вторая экономика в Советском Союзе. URL: <http://corruption.rsuh.ru> (дата обращения: 18.12.2009).
- 107 Там же.
- 108 ГАПК. Ф. П-68. Оп. 30. Д. 791. Л. 206.
- 109 Там же. Д. 548. Л. 275.
- 110 Бунич А.П., Гуров А.И., Корягина Т.И. и др. Теневая экономика. М.: б.и., 1991. С. 40.
- 111 Нилов А. Цеховики: рождение теневой экономики: Записки подпольного миллионера. URL: <http://obuk.ru> (дата обращения: 28.01.2012).
- 112 Кигишьян В.А. Спекуляция как нарушение принципа социальной справедливости. URL: <http://www.law.edu.ru> (дата обращения: 15.11.2010).
- 113 Подсчитано авт.: ГАРФ. Ф. А-491. Оп. 11. Д. 2395. Л. 5, 85, 141 об., 194 об., 213 об., 266 об.; Народное хозяйство РСФСР в 1963 г.: Стат. ежегодник. М.: Статистика, 1965. С. 14.
- 114 Официальный сайт МВД. URL: http://www.mvd.ru/mvd/history/show_120/?-1760.7 (дата обращения: 07.09.2012).
- 115 Вертепова Т.А. Прокурорский надзор. URL: <http://e-college.ru> (дата обращения: 21.01.2012).
- 116 ГАХК. Ф. П-35. Оп. 101. Д. 15. Л. 14–18.
- 117 ГАРФ. Ф. 461. Оп. 11. Д. 2670. Л. 7.
- 118 ГАПК. Ф. П-68. Оп. 58. Д. 22. Л. 23–24; Оп. 53. Д. 335. Л. 17, 20; Д. 57. Л. 25; Оп. 30. Д. 550. Л.36.
- 119 Приморский краевой суд: История Приморского краевого суда. URL: <http://краевоy.prm.sudrf.ru> (дата обращения: 21.01.2012).

- 120 Дорохов В.Ж. Милиция Хабаровского края... С. 178.
- 121 Пирагис А.П. Камчатская милиция (1917–1998): ист. очерк. URL: www.piragis.ru (дата обращения: 16.01.2012).
- 122 Официальный сайт МВД. URL: <http://www.mvd.ru> (дата обращения 21.01.2012).
- 123 Там же.
- 124 Углов Ф.Г. Ломехузы. URL: <http://www.uglov.tvereza.info> (дата обращения: 03.04.2010).
- 125 Дорохов В.Ж. Милиция Хабаровского края... С. 97, 178.
- 126 ГАХК. Ф. П-35. Оп. 106. Д. 202а. Л. 137.
- 127 ГАРФ. Ф. А-461. Оп. 11. Д. 2031. Л. 3.
- 128 ГАПК. Ф. П-68. Оп. 53. Д. 57. Л. 14.
- 129 Там же. Оп. 54. Д. 333. Л. 26.
- 130 Там же. Оп. 56. Д. 356. Л. 17.
- 131 Дорохов В.Ж. Милиция Хабаровского края... С.176.
- 132 ГАХК. Ф. П-35. Оп. 98. Д. 6. Л. 10; Оп. 101. Д. 15; Оп. 108. Д. 215. Л. 6.
- 133 Пирагис А.П. От нагана до компьютера... С. 95.
- 134 ГАПК. Ф. 1210. Оп. 2. Д. 5. Л. 25; Д. 7. Л. 3; Д. 9. Л. 1; Д. 10. Л. 4; Д. 13. Л. 1.
- 135 Там же. Ф. П-68. Оп. 54. Д. 333. Л. 26.
- 136 Там же. Оп. 56. Д. 119. Л. 3.
- 137 Там же. Оп. 53. Д. 335. Л. 26.
- 128 ГАХК. Ф. П-35. Оп. 106. Д. 202а. Л. 2, 57, 137.
- 139 Там же. Ф. П-35. Оп. 107. Д. 414. Л. 10.
- 140 ГАРФ. Ф. 9474. Оп. 16. Д. 850. Л. 2.
- 141 ГАПК. Ф. П-68. Оп. 30. Д. 550. Л. 21.
- 142 ГАРФ. Ф. 7523. Оп. 45. Д. 351. Л. 106.
- 143 Там же. Ф. 9474. Оп. 16. Д. 850. Л. 2.
- 144 Официальный сайт МВД. История. URL: <http://contrast.mvd.ru/document/101821?-2022> (дата обращения: 16.01.2013).
- 145 ГАПК. Ф. 1210. Оп. 2. Д. 1. Л. 2; Д. 5. Л. 25; Д. 7. Л. 3; Д. 9. Л. 1; Д. 10. Л. 4; Д. 13. Л. 1; Д. 20. Л. 19; Д. 72. Л. 10.
- 146 ГАХК. Ф. П-35. Оп. 108. Д. 407. Л. 7, 9, 11.
- 147 ГАПК. Ф. 1210. Оп. 2. Д. 49. Л. 13.
- 148 Указ Президиума Верховного Совета РСФСР об утверждении Положения о товарищеских судах. URL: <http://ru.wikisource.org> (дата обращения: 26.01.2012).
- 149 ГАХК. Ф. П-35. Оп. 101. Д. 15. Л. 17.
- 150 ГАПК. Ф. П-68. Оп. 30. Д. 553. Л. 10; Ф. 1210. Оп. 2. Д. 22. Л. 78.
- 151 Хлопковое дело. URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/> (дата обращения: 08.09.2012).
- 152 ГАРФ. Ф. А-461. Оп. 11. Д. 2670. Л. 6.
- 153 ГАПК. Ф. П-68. Оп. 30. Д. 653. Л. 39.
- 154 Комитет народного контроля. URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/> (дата обращения: 16.01.2013).
- 155 ГАРФ. Ф. 461. Оп. 11. Д. 2670. Л. 7
- 156 ГАПК. Ф. П-68. Оп. 56. Д. 356. Л. 33.
- 157 Организованная преступность Дальнего Востока: общие и региональные черты: учеб. пособие / отв. ред. В.А. Номоконов. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1998. С.81–82.
- 158 АУВД ПК. Ф. 18. Оп. 3. Д. 40. Л. 2 – 8.

3.4. ИЗМЕНЕНИЕ ХАРАКТЕРА ПРЕСТУПНОСТИ И ПОИСКИ МЕТОДОВ БОРЬБЫ...

- 159 ГАПК. Ф. 1210. Оп. 2. Д. 88. Л. 11–11об.
- 160 Официальный сайт МВД. 1966 – 1985 гг. URL: <http://mvd.ru/mvd/history> (дата обращения: 19.12. 2009).
- 161 АУВД ПК. Ф. 18. Оп. 3. Д. 27. Л. 20; Д. 62. Л. 2–5.
- 162 ГАПК. Ф. П-68. Оп. 54. Д. 333. Л. 19.
- 163 Дорохов В.Ж. Милиция Хабаровского края... С. 97, 178.
- 164 ГАХК. Ф. П-35. Оп. 98. Д. 6. Л. 48.
- 165 Там же.
- 166 ГАПК. Ф. П-68. Оп. 54. Д. 333. Л. 21.
- 167 ГАХК. Ф. 1399. Оп. 7. Д. 73. Л. 37
- 168 Там же. Ф. П-35. Оп. 106. Д. 200. Л. 81.
- 169 Там же. Оп. 98. Д. 6. Л. 14–15.
- 170 Там же. Оп. 108. Д. 215. Л. 78.
- 171 Лунеев В.В. Преступление и наказание в России. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2006/0239/tema05.php> (дата обращения: 02.01.2013).
- 172 Изменение преступности в России и криминологический комментарий статистики преступности / редкол.: А.И. Долгова (отв. ред.), С.А. Орлов. М.: Криминолог. ассоц., 1994. 310 с.; См.: Ващук А.С. Социальная политика в СССР и ее реализация на Дальнем Востоке (1945 – конец 1980-х годов): дис. ... д-ра ист. наук. Владивосток, 1998. С. 445.
- 173 Гришин В.В. Катастрофа: от Хрущева до Горбачева. М., 2010. С. 48.
- 174 «Дело Щёлокова»: «Круглый стол», посвященный крупнейшему реформатору отечественного МВД // *Zavtra*. № 44. 2010, ноябрь. URL: <http://zavtra.ru/cgi/veil/data/zavtra/10/885/31.html> (дата обращения: 26.12.2012).
- 175 ГАХК. Ф. П-35. Оп. 108. Д. 215. Л. 19–21.
- 176 Ващук А.С. Социальная политика в СССР...: дис. ... д-ра ист. наук. Владивосток, 1998. С.446.
- 177 Черненко К. Авангардная роль партии коммунистов: важное условие ее возрастания // *Коммунист*. 1982. №6. С. 30.
- 178 Сборник законов СССР и Указов Президиума Верховного Совета СССР. 1968 – 1970 гг. М.: Известия депутатов трудящихся, 1971. Т. 3. С. 358–360.
- 179 Лунеев В.В. Преступность и судимость. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2006/0239/tema05.php> (дата обращения: 05.01.2013).
- 180 Подсчитано авт. на основе: ГАПК. Ф. 1210. Оп. 2. Д. 15. Л. 16 об.; Д. 50. Л. 12 об.
- 181 Преступность в РСФСР. URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/> (дата обращения 06.09.2012).
- 182 ГАРФ. Ф. А-428. Оп. 18. Д. 773. Л. 13, 16.
- 183 Долгова А.И. Преступность в России и криминологические проблемы власти. // *Власть: криминологические и правовые проблемы*. М.: Криминологич. ассоц., 2000. С. 12–13.
- 184 ГАХК. Ф. П-35. Оп. 111. Д. 159. Л. 30.
- 185 Там же. Оп. 94. Д. 12. Л. 19; Оп. 111. Д. 203. Л. 50.
- 186 ГАСО. Ф. 985. Оп. 1. Д. 389. Л. 2–13об.
- 187 ГАХК. Ф. П-35. Оп. 108. Д. 215. Л. 65.
- 188 Там же. Л. 41 – 42, 65.
- 189 ГАПК. Ф. 1210. Оп. 2. Д. 5. Л. 25.
- 190 ГАХК. Ф. П-35. Оп. 108. Д. 215. Л. 80 – 81.

- 191 Фарцовка // Энциклопедия Лукоморье. URL: <http://lurkmore.ru> (дата обращения: 06.01.2013).
- 192 История государства и права России: учебник для вузов/ под ред. С.А. Чибиряева. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Pravo/IstPrav/82.php (дата обращения: 07.09.2012).
- 193 ГАХК. Ф. П-35. Оп. 111. Д. 203 Л. 25.
- 194 Там же. Оп. 117. Д. 325. Л. 81.
- 195 Там же. Л. 91.
- 196 ГАПК. Ф. 1210. Оп. 2. Д. 15. Л.16 об.
- 197 Там же. Л.12об.
- 198 Там же. Д. 72. Л.1об.
- 199 ГАСО. Ф. 985. Оп. 1. Д. 381. Л. 40.
- 200 Пирагис А.П. От нагана до компьютера... С. 101.
- 201 ГАСО. Ф. 985. Оп. 1. Д. 381. Л. 40 – 42.
- 202 Алкоголь: статистика и демография. URL: <http://www.liveinternet.ru> (дата обращения: 03.12.2010).
- 203 Немцов А. Во власти «зеленого змия». URL: <http://demoscope.ru/weekly/2006/0263/tema03.php> (дата обращения: 07.01.2013).
- 204 Архив Института экономических исследований ДВО РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1716. Л. 114.
- 205 ГАХК. Ф. П-35. Оп. 106. Д. 202а. Л. 57, 142.
- 206 ГАСО. Ф. П-4. Оп. 159. Д. 49. Л. 1.
- 207 ГАПК. Ф. П-68. Оп. 56. Д. 342. Л. 2.
- 208 Там же. Ф. 1210. Оп. 2. Д. 49. Л. 29.
- 209 ГАХК. Ф. П-35. Оп. 108. Д. 215. Л. 6.
- 210 Там же. Оп. 109. Д. 215. Л. 88.
- 211 ГАСО. Ф. П-4. Оп. 136. Д. 152. Л. 3, 4, 9.
- 212 ГАПК. Ф. 1210. Оп. 2. Д. 60. Л. 1–1об.
- 213 Там же. Д. 49. Л. 27, 45.
- 214 Там же. Д. 60. Л. 1 – 1 об.
- 215 ГАСО. Ф. П-4. Оп. 136. Д. 152. Л. 4.
- 216 ГАПК. Ф. 1210. Оп. 2. Д. 7. Л. 36.
- 217 Там же. Д. 10. Л. 55; Д. 13. Л. 23; Д. 20. Л. 13.
- 218 ГАСО. Ф. 985. Оп. 1. Д. 466. Л. 3.
- 219 Там же. Ф. П-4. Оп. 136. Д. 152. Л. 7.
- 220 Полюнов М. Ф. М.С. Горбачев: начало реформаторской деятельности // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). 2009. №3. С. 44–45.
- 221 ГАХК. Ф. Р-719. Оп. 33. Д. 469. Л. 18 – 19.
- 222 История государства и права России. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Pravo/IstPrav/82.php (дата обращения: 07.09.2012).
- 223 Полюнов М.Ф. М.С. Горбачев: начало реформаторской деятельности. С. 45.
- 224 ГАСО. Ф. П-34. Оп. 159. Д. 84. Л. 8.
- 225 Борович И.И. Антинаркотическая политика и права человека в российском обществе: магистерская диссертация. СПб., 2005. URL: http://www.ecad.ru/mp-nk1_04d.html#loop01 (дата обращения: 10.09.2012).
- 226 ГАХК. Ф. П-35. Оп. 108. Д. 407. Л. 7, 11.
- 227 Там же. Оп. 108. Д. 407. Л. 12.

3.4. ИЗМЕНЕНИЕ ХАРАКТЕРА ПРЕСТУПНОСТИ И ПОИСКИ МЕТОДОВ БОРЬБЫ...

- 228 ГАСО. Ф. П-4. Оп. 159. Д. 49. Л. 4.
- 229 ГАПК. Ф. 1210. Оп. 2. Д. 1. Л. 2; Д. 5. Л. 25; Д. 7. Л. 3.; Д. 9. Л. 1; Д. 10. Л. 4; Д. 13. Л. 1; Д. 20. Л. 19; Д. 72. Л. 10.
- 230 ГАХК. Ф. П-35. Оп. 108. Д. 407. Л. 7, 11.
- 231 Корчагин А.Г., Номоконов В.А., Шульга В.И. Организованная преступность... URL: <http://www.crime.vl.ru> (дата обращения: 21.03.2010).
- 232 ГАХК. Ф. П-35. Оп. 113. Д. 150. Л. 197.
- 233 ГАСО. Ф. П-4. Оп. 159. Д. 49. Л. 4.
- 234 Преступность и правонарушения (1990–1994): стат. сб. М.: Информ. центр МВД РФ, 1995. С. 125–126.
- 235 ГАХК. Ф. П-35. Оп. 113. Д. 150. Л. 195–196.
- 236 Там же. Оп. 108. Д. 407. Л. 12.
- 237 ГАСО. Ф. П-4. Оп. 159. Д. 49. Л. 4.
- 238 Официальный сайт МВД. URL: http://www.mvd.ru/mvd/history/show_120/?-1760.7 (дата обращения: 07.09.2012).
- 239 Бородин С.В. Борьба с преступностью... С. 221.
- 240 ГАХК. Ф. П-35. Оп. 111. Д. 203. Л. 25–31.
- 241 История государства и права России: учебник для вузов под ред. С.А. Чибиряева. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Pravo/IstPrav/82.php (дата обращения: 07.09.2012).
- 242 Вашук А.С. Социальная политика СССР... (середина 40 – 80-х годов XX в.). С. 146.
- 243 ГАРФ. Ф. А-428. Оп. 18. Д. 773. Л. 13, 16.
- 244 Материалы XXVII съезда КПСС. М., 1986. С. 160.
- 245 Ведомости Верховного Совета РСФСР. М., 1989. №3. Ст. 50.
- 246 Чаадаев С.Г. Уголовная политика и преступность. М: Знание, 1991 С. 38.
- 247 Бородин С.В. Борьба с преступностью... С 281.
- 248 ГАПК. Ф. 1210. Оп. 2. Д. 7. Л. 36; Д. 10. Л. 55; Д. 13. Л. 23; Д. 20. Л. 13.
- 249 ГАХК. Ф. П-35. Оп. 108. Д. 215. Л. 86.
- 250 ГАРФ. Ф. А-491. Оп. 11. Д. 2395. Л. 5, 85, 141 об., 194 об., 213 об., 266 об.; Ф. 8131. Оп. 32. Д. 7027. Л. 11, 17, 20, 73, 105, 164; Преступность и правонарушения (1990 – 1994): стат. сб. М., 1995. С. 21.
- 251 Официальный сайт МВД. URL: <http://mvd.ru/document/101820?-1965> (дата обращения: 26.01.2013).
- 252 Корчагин А.Г., Номоконов В.А., Шульга В.И. Организованная преступность и борьба с ней. URL: <http://www.crime.vl.ru> (дата обращения: 21.03.2010).
- 253 Организованная преступность Дальнего Востока: Приморье, Хабаровский край, Якутия. URL: http://www.compromat.ru/page_10104.htm (дата обращения: 27.01.2013).
- 254 Там же.
- 255 Преступность и правонарушения (1990–1994)... С. 125–126.
- 256 Рейтинг коррупционных скандалов 2012. URL: <http://anapa-pro.com/category/12/article/1539> (дата обращения: 29.01.2013).
- 257 В российских новостях доминируют коррупционные скандалы («Los Angeles Times», США). URL: <http://www.inosmi.ru/russia/20121203/202913945.html> (дата обращения 29.01.2013).
- 258 Федеральные законы: № 79-ФЗ от 27.07.2004 «О государственной гражданской службе в Российской Федерации», № 59-ФЗ от 02.05.2006 г. «О порядке рассмо-

- тения обращений граждан Российской Федерации», №273-ФЗ от 25.12.2008 г. «О противодействии коррупции»; Указы Президента РФ: №821 от 01.07.2010 г. «О комиссиях по соблюдению требований к служебному поведению федеральных государственных служащих и урегулированию конфликта интересов», №814 от 20.04.2007 г. «Об утверждении общих принципов служебного поведения государственных служащих», №815 от 19.05.2008 г. «О мерах по противодействию коррупции», №460 от 13 апреля 2010 г. «О Национальной стратегии противодействия коррупции и Национальном плане противодействия коррупции на 2010–2011 годы», № 925 от 21.07.2010 г. «О мерах по реализации отдельных положений Федерального закона «О противодействии коррупции»; Постановление Правительства РФ от 26 февраля 2010 г. №96 «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов».
- 259 Борьба с коррупцией в Приморье пока остается фикцией. URL: http://deita.ru/analytics/dalnij-vostok_05.08.2010_153564_borba-s-korruptsiej-v-primorje-poka-ostaetsja-fiktsiej.html (дата обращения: 30.01.2013).
- 260 Все о коррупции в России. URL: <http://korrossia.ru/russia/pri/> (дата обращения: 30.01.2013).
- 261 Борьба с коррупцией в Приморье пока остается фикцией. URL: http://deita.ru/analytics/dalnij-vostok_05.08.2010_153564_borba-s-korruptsiej-v-primorje-poka-ostaetsja-fiktsiej.html (дата обращения: 30.01.2013).
- 262 «Дело АТЭС» должно показать, что власти не забывают о коррупции. URL: <http://inotv.rt.com/2012-11-12/Delo-ATES-dolzno-pokazat-cto> (дата обращения: 30.01.2013).
- 263 Щербаков Д. Коммерсантъ (Хабаровск). №75. 26.04.2012. URL: <http://www.kommersant.ru/doc-rss/1923531> (дата обращения: 30.01.2013).
- 264 Хабаровск: победить коррупцию не может даже ФСБ. URL: <http://web-compromat.com/vostokfo/3137-2012-11-19-08-24-42.html> (дата обращения: 30.01.2013).
- 265 Коррупция опутывает российский Дальний Восток. URL: <http://www.inosmi.ru/economic/20110922/174993721.html> (дата обращения: 30.01.2013).
- 266 Щербаков Д. Число выявленных коррупционных преступлений на Дальнем Востоке растет // Коммерсантъ. Хабаровск. №75, 26.04.2012. URL: <http://www.kommersant.ru/doc-rss/1923531> (дата обращения: 30.01.2013).
- 267 Нет наркотикам: Информационно-публицистический ресурс. URL: <http://www.narkotiki.ru/index.php> (дата обращения: 29.01.2013).
- 268 Об изменении уголовной ответственности за совершение преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков // Путь к свободе: Пенитенциарная газета. 2012. №3. URL: http://фсин.рф/territory/Primorsky/gazeta_put_k_svobode/Gazeta%203%202012_3.pdf (дата обращения: 30.09.2012); Преступность и правонарушения (1990 – 1994)... С. 125.
- 269 Официальный сайт управления Федеральной службы РФ по контролю за оборотом наркотиков по Сахалинской области. URL: http://www.sakh-police.ru/show_doc.php?id=452 (дата обращения: 30.09.2012); Преступность и правонарушения (1990 – 1994)... С. 126.
- 270 Сухой закон от заката и до рассвета. URL: <http://www.vesti.ru/theme.html?tid=91814> (дата обращения: 29.01.2013).

Глава 4

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОНТРОЛЬ В СФЕРЕ КУЛЬТУРЫ, ИДЕОЛОГИИ И ИНФОРМАЦИИ

4.1. ЦЕНзуРА И ПРОПАГАНДА КАК СПЕЦИФИЧЕСКИЕ ИНСТРУМЕНТЫ ИДЕОЛОГИЧЕСКОГО КОНТРОЛЯ (1960-е – 1985 г.)

Важнейшим механизмом контроля культуры в послевоенный период оставалась цензура. До 1957 г. органов цензуры в Советском Союзе официально не существовало: согласно циркуляру Главлита устаревшие термины «цензор» и «цензура» были неверными, поскольку «Окрлиты, Улиты, Гублиты – не цензура, а органы контроля»¹ (заметьте – это было написано в инструкции для внутреннего употребления). В реальности цензура была важнейшей частью советской политической системы. Как явление её очень точно охарактеризовал термин «всецензура», который ввела М.Т. Чолдина. По её мнению, советская цензура была призвана для установления государственной монополии во всех сферах культурной и духовной жизни, подавления любого инакомыслия².

Эффективность цензуры обеспечивалась не только циркулярами и инструкциями, но и всей силой партии и репрессивного аппарата. Основными контролирующими учреждениями являлись Главлит (Главное управление по охране военных и государственных тайн в печати при СМ СССР) и его подразделения на местах (край-, обл-, гор-, райлиты), партийное руководство (ЦК КПСС, крайком, обком и т.д.) и органы политической полиции (НКВД/МГБ/КГБ)³. Дополнительный контроль возлагался на администрацию предприятий, редакторов издательств и печатных изданий, руководителей творческих союзов, профкомы и сознательных граждан.

Все печатные издания, радио- и кинопередачи, спектакли, концерты, музейные экспозиции, материалы наглядной агитации и стенгазеты проходили три вида цензуры: предварительную, до публикации; после публикации, но до поступления в продажу или в публичный доступ; изъятие продукции из магазинов и мест пользования в связи с изменением «линии партии».

По способам осуществления ограничительных мер различали цензуру предварительную и последующую, а также цензуру, налагающую запрет на обнародование сведений, и цензуру, вторгающуюся в творческий процесс⁴. Предварительная цензура давала возможность цензорам запретить выпуск в свет печатного издания (газеты, журналы, книги и др.) или исполнение музыкального произведения, постановку пьесы и пр. Последующая цензура отвечала за содержание уже опубликованных изданий, поставленных пьес и т.д. На данном этапе принимались ограничительные или запретительные меры в отношении конкретного издания или произведения, осуществлялось изъятие его из обращения, а также применение санкций в отношении физических или юридических лиц, нарушивших требования цензуры созданием или опубликованием такого произведения. Оба способа цензуры были заимствованы советской властью из дореволюционного прошлого. Они создавали условия для привлечения автора и издателя к суду и наложения ареста на издание⁵.

Существовали формальные и неформальные институты контроля информации. К формальным институтам контроля относились учреждения цензуры и пропаганды, правила и инструкции, определявшие их действия. Неформальные институты включали прямые указания высших лиц партии, органов безопасности, редакторов печатных изданий и других управленцев, личные связи цензоров, а также влияние прагматических интересов или ценностно-нормативной системы участников на принятие конкретных решений.

В изучаемый период работники органов цензуры пользовались набором понятий, которые были введены в профессиональный лексикон на начальном этапе формирования советского института цензуры. Эта специфическая терминология дает нам представление о неоднозначном и многогранном влиянии цензуры на все структуры общества. Государственная тайна определялась как сведения политического, экономического, военного и научно-технического характера, утрата или разглашение которых создавали угрозу безопасности и независимости государства или наносили ущерб его интересам. Служебная тайна — это сведения, утрата которых наносит ущерб интересам государства или одного из его ведомств. Военная тайна — охраняемые государством сведения чисто военного характера. Промышленная тайна — секреты

производства, открытия, изобретения и т.д. При этом, если в обыденной жизни тайное (секретное) — это то, что скрыто от всех, то цензурное определение «тайны» менялось в зависимости от ситуации. Например, недостаток хлеба в магазинах был прекрасно известен всему населению, но должен оставаться «тайной» для печати⁶.

Технология обработки сознания включала несколько основных методов:

- запрет на информацию в соответствии с законом об охране государственной тайны (так называемый Перечень);
- запреты идеологического характера;
- навязчивое многократное повторение определенных штампов;
- публичность всех культурных проявлений;
- «новояз» как средство разрыва культурной преемственности;
- репрессии при помощи физического и морального насилия;
- политизация быта и культуры;
- насаждение новых моральных норм и ценностей;
- проверки чистоты социального происхождения, поиски врагов народа.

Главлит — Главное управление по делам литературы и издательства — был главным органом цензуры, созданным Декретом Совета Народных Комиссаров от 9 июля 1922 г. (№ 40, ст. 461). В документе определялись темы, которые должен отслеживать и запрещать Главлит: агитация против советской власти; разглашение военной тайны республики; возбуждение общественного мнения путем сообщения ложных сведений; возбуждение националистического и религиозного фанатизма; материалы порнографического характера. В дальнейшем сфера действия цензуры была значительно расширена и дифференцирована по направлениям.

Основным документом в период становления и утверждения органов цензуры был «Перечень» — свод приказов и списки запрещенных к упоминанию сведений. В 1925 г. под грифом «Совершенно секретно» Главлит выпустил первый «Перечень сведений, составляющих тайну и не подлежащих распространению в целях охранения политико-экономических интересов СССР». «Перечень» на 16 страницах содержал 96 «тайн», к 1936 г. их число увеличилось до 372, в 1937 г. добавилось ещё 300.

К окончанию войны завершилось оформление идеологических установок цензуры, призванной сформировать новый социалистический тип мировоззрения. Критерии цензурных запретов стали более четкими. Запреты военного времени сохранились и после войны, они были закреплены соответствующими указами. Резко расширилась сеть разного рода спецфондов, спецхранов, секретных архивов с огра-

ничением доступа к информации. Цензорский прессинг на общество возрос.

В послевоенный период был отлажен механизм взаимодействия Главлита с партийными и репрессивными органами, необходимый для осуществления предварительного и последующего контроля всей выпускаемой литературы. Партийные органы и органы НКВД/МГБ уточнили функции Главлита в регионах страны, приводя их в соответствие с изменившимися требованиями и структурой центрального аппарата. Особое внимание обращалось на совершенствование форм и методов цензорского контроля. Эти изменения совпадали со структурными перестановками во властных партийных и силовых органах⁷, а также были обусловлены наметившимся курсом «холодной войны» и политической подготовки последующих репрессивных кампаний.

В 1947 г. Главлит возглавил К.К. Омельченко (он же уполномоченный Совета Министров СССР по охране военных и государственных тайн в печати). В центральном аппарате Главлита работало 233 чел.⁸, во Всесоюзной книжной палате — 350 чел., в регионах — 2 120 штатных работников и 3 750 районных совместителей (на 1 января 1955 г. — 4 273)⁹. С 1946 по 1954 г. отмечено ужесточение цензурных требований, создана идеальная обстановка для проведения сталинских кампаний по «закручиванию гаек» в отношении интеллигенции¹⁰.

После смерти И.В. Сталина МГБ и МВД СССР объединили в одно министерство — МВД СССР во главе с первым заместителем председателя Совета Министров СССР и одновременно министром внутренних дел Л.П. Берия. 15 марта 1953 г. Управление Уполномоченного СМ СССР по охране военных и государственных тайн в печати (Главлит при СМ СССР) было включено в состав МВД СССР. Созданная структура называлась Главным управлением МВД СССР по охране военных и государственных тайн в печати (11-е Главное Управление МВД СССР). По штатному расписанию на этот период в центральном аппарате значился 301 чел. Однако вскоре начались новые перестановки. Многие управления упразднили, штаты сократили на 20%. 8 октября 1953 г. Главлит стал самостоятельным Главным управлением при СМ СССР, его руководителем вновь утвердили К.К. Омельченко¹¹.

На Дальнем Востоке органы цензуры создавались по образу и подобию Главлита. Местные органы отличались от центральных лишь меньшим количеством отделов (см. рис. 3)¹². В период с 1946 по 1954 г. в регионе функционировали Хабаровское и Приморское управления по делам литературы и издательств, имевшие определённую структуру¹³.

Функции Хабаровского краевого управления* по делам литературы и издательств заключались в контроле над работой органов цензуры с обязательной отчётностью перед Главлитом СССР за состояние

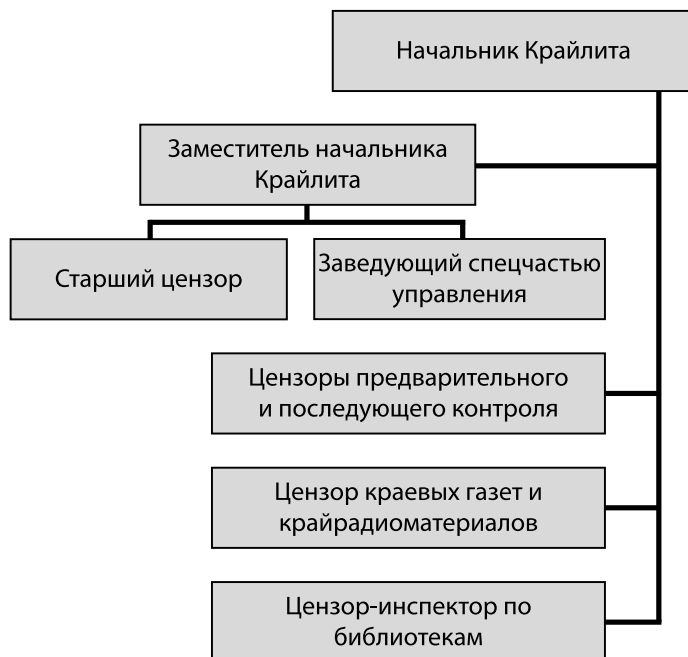

Рис. 3. Структура Хабаровского и Приморского крайлитов

Рисунок составлен на основе источников: Отчеты о работе Хабаровского крайлита за 1949–1952 гг. // ГАХК. Ф. 35. Оп. 18. Д. 35. Л. 262; Оп. 23. Д. 7. Л. 73–77; Д. 235. Л. 131, 132; Д. 180. Л. 120–124; Оп. 38. Д. 35; Оп. 41. Д. 33. Л. 85; Оп. 46. Д. 30; Отчет о работе Приморского Крайлита за 1949 г. // ГАПК. Ф. П-68. Оп. 34. Д. 408. Л. 24–35; Оп. 36. Д. 314. Л. 54–56; Оп. 38. Д. 950. Л. 23.

цензуры в регионе¹⁴. В 1946–1952 гг. книжно-журнальные издательства (Дальневосточное книжное издательство и «Советская Колыма») контролировались подразделениями управления, в том числе Дальстроя МВД СССР. Хабаровскому управлению были подотчетны издания высших учебных заведений, газеты (краевые, областные, городские, районные и многотиражные), вестник краевого отделения Телеграфного агентства Советского Союза (ТАСС), материалы комитетов ра-

* Хабаровское краевое управление по делам литературы и издательств объединяло 3 областных управления – Камчатское, Нижне-Амурское и Еврейской автономной области; один горлит (Комсомольск-на-Амуре) и райлиты в районах непосредственного подчинения крайисполкому и цензуру Управления строительства Дальнего Севера МВД СССР.

диовещания (краевого, областного, городских и районных), журналы дальневосточной кинохроники, краеведческие и художественные музеи, мелкопечатные издания различных ведомств, библиотеки, репертуары театров, цирков, мелкопечатная и другая продукция типографий и т.д.¹⁵

В 1948 г. в связи с выделением Амурской области в самостоятельную административную область РСФСР из состава Хабаровского края и на основании Указа правительства Главлит СССР своим письмом № 470, 4996 от 15 сентября 1948 г. исключил Амурский обллит из подчинения Хабаровскому крайлиту¹⁶. В 1953 г. произошла ещё одна реструктуризация. На основании постановления СМ СССР № 2632 решением Хабаровского крайисполкома от 11 ноября 1953 г. № 528 Главное управление по охране военных и государственных тайн в печати было выделено из системы МВД СССР в самостоятельное Управление по охране военных и государственных тайн в печати в Приморском и Хабаровском краях¹⁷. Формально аппараты Хабаровского и Приморского крайлитов подчинялись Главлиту СССР, но на местах у них было своё руководство. Должность цензора обязательно утверждалась на бюро крайкома ВКП(б), а цензорский состав входил в номенклатуру отдела кадров крайкомов (обкомов) ВКП(б)¹⁸. Кроме того, контролирующим цензуру органом был НКВД/МГБ. Существовала система «неписаных» норм, которая формировала всю советскую политическую культуру. Норма «подчинения» цензоров органам НКВД/МГБ определяла и систему «сообщений» — доносов, ходатайств, проверок соответствующих отделов.

Содержание переписки в документах с грифом «секретно» и «совершенно секретно» свидетельствует, что контролирующие органы спустили нижестоящим директивы с требованиями выявить определенное количество нарушений. Например, в документе, подготовленном Хабаровским крайлитом и подписанным заведующим отделом пропаганды и агитации Хабаровского крайкома ВКП(б) А.С. Боковенко, начальнику Амурского обллита вменялось в вину то, что он не написал ни одного письма в РО МГБ с просьбой произвести проверку секретных документов у районных цензоров¹⁹. В то же время в приказе № 28 от 26.07.1952 г. по Управлению охраной военных и государственных тайн в печати при Приморском крайисполкоме за точное исполнение инструктивного письма крайлита (№ 32 с от 10 апреля 1952 г.) уполномоченным крайлита по Хасанскому, Спасскому и Тетюхинскому райкомам была объявлена благодарность²⁰. «Регламент» и наказывал, и поощрял действия работников цензуры.

На местные органы Главного управления цензуры при СНК Союза ССР была возложена обязанность контроля материалов с точки зрения

политико-идеологического содержания с целью недопущения распространения «вредных» сведений, которые строго регламентировались инструкциями²¹. Эти параметры определяли круг обязанностей цензоров, кадровую структуру, а также формы и методы контроля. Численный состав органов цензуры на местах был небольшим. Так, в крайлите Хабаровского края работало всего 14 штатных и 33 нештатных сотрудника²². Они предварительно просматривали все предназначенные к опубликованию или распространению материалы, выдавали разрешение на право издания отдельных произведений, составляли списки книг для печати, а также запрещенных к продаже и распространению, издавали правила, распоряжения и инструкции по делам печати. Кроме того, работники Хабаровского крайлита отвечали за сохранность и нераспространение сведений, отнесенных к разряду особо важных государственных тайн, касающихся освоения специальных районов²³.

Чтобы справиться с таким объемом работы, в этих структурах было установлено четкое разделение функций и обязанностей. Заместитель начальника крайлита следил за соблюдением общего распорядка в аппарате управления, вел ежемесячную и квартальную отчетность управления перед Главлитом, строго соблюдал сроки отчетности и правильное заполнение установленных форм, лично руководил группой цензоров последующего контроля, учетом и обобщением их работы в соответствии с требованиями Главлита, осуществлял предварительный контроль над материалами издательств и организаций по поручению начальника управления в каждом отдельном случае. Старший цензор осуществлял предварительный контроль над материалами издательств и организаций, местных отделов ТАСС и гидрометслужбы, контролировал районные газеты и крайрадиокомитет, следил за соблюдением графика дежурств цензорами краевых газет и крайрадиокомитета, наблюдал за осуществлением ими контроля при трансляции передач, за соблюдением трудовой дисциплины и выполнением обязанностей. В функции цензора управления входили предварительный контроль по мелкопечатной продукции, а также последующий контроль за районными газетами; он осуществлял предварительный контроль над материалами издательств и организаций.

Цензор краевых газет и радиокомитета отвечал за предварительный контроль над материалами газет, строго следил за своевременной и правильной рассылкой сигнальных экземпляров. В его обязанности входил надзор за работой типографий всех подконтрольных газет и радиостудий. Он отвечал не только за материалы передач и правильное использование установленных микрофонов, но даже за их охрану. Кроме того, цензоры краевых газет и радиокомитетов привлекались к периодической проверке работы и охраны полиграфических предпри-

ятий города. Цензор-инспектор по библиотекам разрабатывал и представлял на утверждение график проверки библиотек общественного пользования, проверял библиотеки, по приказам Главлита проводил изъятие литературы, контролировал содержание и использование книг особого фонда при краевой библиотеке, работу книжных магазинов, в том числе и продажу букинистической литературы. В своей работе цензоры руководствовались служебным «Перечнем» и различными документами, в частности «Обязательными правилами цензуры к циркуляру №9»²⁴. Различные циркуляры вышестоящих организаций, распоряжения и приказы Главлита, а также край-, обл-, гор-, райлита составляли основу профессиональной деятельности.

Документы цензуры и партийных комитетов имели свою градацию секретности: гриф или пометка «секретно», «совершенно секретно» или «строго секретно». Такие документы печатались, как правило, в ограниченном количестве экземпляров. В качестве иллюстрации можно привести надпись на справке с пометкой «строго секретно» из Свободненского городского комитета ВКП (б) от 11 февр. 1947 г. о высказываниях на выборах: «Отпечатано 5 экземпляров: 1. Крайком ВКП(б); 2. Обком ВКП (б); 3. ГО МГБ; 4. ТО МГБ; 5. ГК ВКП (б)»²⁵.

В 1948 г. штат аппарата Приморского крайлита состоял из 9 человек: начальник, заместитель, старший цензор, 4 цензора, заведующий спецчастью и бухгалтер. В горлите г. Ворошилова (ныне Уссурийск) работали его начальник и один цензор. В районах края цензурой занимались 27 уполномоченных совместителей²⁶, меньше, чем в крайлите Хабаровского края²⁷. Приморский крайлит возглавила М.Н. Скороходова. Её заместитель А.А. Мушкаев кроме текущей работы руководил кадрами. Старший цензор А.П. Кугу отвечал за предварительный контроль за продукцией Приморского краевого издательства и материалами крайрадиокомитета. Цензоры Зубенин и Тюменцев осуществляли последующий контроль мелкопечатной продукции и проверку библиотек²⁸.

В повседневной работе управлений обязательными мероприятиями являлись политинформации. Другой частью квалификационных требований было самостоятельное изучение служебного «Перечня», на которое отводилось по нескольку дней, после чего проводилась учёба со всем цензорским составом. Например, сотрудники Ворошиловского (Уссурийского) горлита обязательно приезжали во Владивосток. Вела занятия начальник крайлита Скороходова: подробно разбирали все параграфы «Перечня» каждого раздела. На производственных совещаниях изучали циркуляры, приказы и указы Главлита, рассматривали неясные вопросы, возникавшие у цензоров в процессе работы, и допущенные нарушения, производственные вычерки. Сотрудники крайлита обучали своих районных коллег²⁹. С поступающими новыми

циркулярами, приказами и отдельными указами Главлита цензоров знакомили на производственных партийных совещаниях, зачитывая и разбирая документы.

Руководство работой районных цензоров осуществлялось посредством информационных писем, отдельных указаний, приказов, выездов в районы и вызовов уполномоченных на инструктаж в крайлит. Так, в Приморском крайлите в 1949 г. было проведено инспектирование работы уполномоченных в 9 районах, в некоторых из них повторно, всего сделано 17 выездов. Инструктаж в крайлите прошли 16 уполномоченных³⁰. Головной цензорский аппарат производил бюрократическую опеку нижестоящих инстанций. Например, в 1949–1952 гг. было написано 50 писем в партийные органы и 21 – в органы МГБ, разослано 44 информационно-инструктивных письма, прочитано 11 лекций по вопросам науки и техники и 5 лекций – по углубленному изучению руководящих документов по цензуре³¹. 1952 г. стал годом «ударной помощи» низовым структурам.

К началу 1950-х гг. существующий политический режим сформировал особую технологию и процедуру цензорства. Руководящие органы разрабатывали такие формы и методы, которые не позволяли цензорам «расслабляться», т.е. сохраняли тот же напряженный ритм, что и во время войны. Контроль за «правильностью» текстов осуществлялся в основном в виде текстовых изъятий – «вычерков»: просматривая материалы, цензоры подчеркивали факты или выражения, которые изымались из текстов. Все сделанные за определенный период (месяц, квартал, год) вычерки сводились в «сводки предварительного контроля», которые, по сути, были отчетами о работе цензуры перед вышестоящей организацией, а также перед партийными органами и НКВД. Подобная технология в той или иной форме использовалась также и на радио. В этом случае цензор просматривал напечатанный вариант передачи до ее выхода в эфир. Нередко статьи в печатных СМИ и передачи на радио изымались целиком по политическим причинам.

Подавляющее число статей цензоры согласовывали с партийными комитетами. Особенно строгий порядок был установлен в процедуре контроля над краевой печатью. Полосы газет поступали в одно и то же время редактору и цензору. О снимаемом материале или отдельном вычерке цензор сообщал редактору немедленно, и тот вносил цензорские исправления одновременно с редакторскими. Был установлен особый порядок в отношении материалов на военную тематику, которые предварительно визировались в отделе военной цензуры. Материалы экономического характера по Приморскому краю, поступавшие в редакции военных газет, согласовывались с отделом военной цензуры ТОФ и крайлитом³².

Распространенным каналом информации в то время были журналы и кинохроника, контроль над которыми имел некоторые тонкости. Журнал, требовавший консультации военной цензуры, параллельно просматривался сотрудниками Приморского крайлита и отдела военной цензуры Тихоокеанского флота, а сюжеты, относившиеся к контролю цензуры Приморского военного округа, принимались крайлитом на контроль только при наличии визы цензора Приморского военного округа; сюжеты по Хабаровскому краю и Южно-Сахалинской области – при наличии виз Хабаровского крайлита или Южно-Сахалинского обллита³³.

Большая часть текстовых изъятий в средствах массовой информации Дальнего Востока касалась сохранения государственной тайны. Изменение партийной линии в атрибутировании гостайны и недостаток кадров часто служили причиной пропуска цензурой того, что подлежало запрету. Например, в газете «Красное знамя» от 10 мая 1950 г. (№ 110) в сообщении Краевого статистического управления и в передовой статье были опубликованы сведения, признанные государственной тайной: о выполнении плана Спасским цементным заводом и заводом «Металлист»³⁴. Допустил нарушение дежурный по номеру газеты цензор Залевский, работавший в этой должности всего месяца и не имевший достаточного опыта. Был наказан не только он, но и редактор газеты Захаров, а также начальник Краевого статистического управления Большаков, которые хорошо знали ограничения (по предприятиям тяжелой промышленности и транспорта ни процентных, ни абсолютных данных давать было нельзя). В документе, фиксирующем этот просчет, упоминалось, что в соответствии с указаниями Главлита в СССР ответственность за разглашение государственной тайны вместе с цензором, подписывающим газету, нес и редактор газеты³⁵.

В повседневной практике работники цензуры иногда допускали нарушения бюрократического порядка. Например, в г. Хабаровске без визы крайлита отпечатали в типографии газеты «Тихоокеанская звезда» 31 декабря 1951 г. (на Новый год!) брошюру «Опыт передовых пчеловодов», не выслав обязательных экземпляров этой брошюры в Книжную палату. В типографии завода им. Горького также без визы крайлита отпечатали «Социалистические обязательства завода на 1952 г.» и «Социалистические обязательства завода на первый квартал 1952 г.»³⁶ Проверки установили, что сигнальные экземпляры газеты «Тихоокеанская звезда» высылались в крайлит нерегулярно³⁷.

В мае 1950 г. начальник Ворошиловского горлита разрешил к печати книгу вопросов и ответов для слушателей вечернего Университета марксизма-ленинизма на тему «Финансовый капитал и финансовая олигархия». Начальник горлита Попова не имела права выдавать раз-

решение к печати на эту книгу, так как подобные разрешения должны были выдаваться только крайлитом и только учреждениям, имеющим издательские права. По итогам проверки она была наказана еще и за то, что в книге имелись «ошибки» в изложении марксистско-ленинского учения.

Таким образом, в условиях жесткого режима бюрократические процедуры нарушались в силу различных причин, недостаточной подготовленности работников горлита и просто из-за человеческого фактора. Органами цензуры это трактовалось как близорукость³⁸.

За нарушение инструкций приказом крайлита заведующий типографией завода им. Горького Сейно и директор типографии газеты «Тихоокеанская звезда» Саломинников были предупреждены, что впредь будут привлекаться к ответственности (для тех лет наказание довольно мягкое)³⁹. В г. Бикине Хабаровским крайлитом после произведенной проверки с 28 по 31 марта 1953 г. также установлен ряд нарушений цензорских документов: в биографической справке кандидата в депутаты Бикинского городского Совета депутатов трудящихся говорилось о том, что выдвигаемый кандидат находился в рядах Советской Армии (в то время как о службе в армии конкретных лиц упоминать было запрещено); в телефонном справочнике, изданном Бикинской типографией, были указаны номера телефонов Бикинского военторга и его базы; книга заказов типографии не была прошнурована и зарегистрирована в местном органе милиции; вся мелкопечатная продукция изготавливалась с визой цензоров, но номер цензора с оригинала в книгу заказов не вносился⁴⁰.

Объем работы цензуры предварительного контроля исчислялся в печатных листах, проверенных цензурой⁴¹. Анализ табл. 10 показал, что работниками органов цензуры в 1949 г. было проверено 11 136 печ.л., в 1950 г. — 14 130; в 1951 г. — 15 366; в 1952 г. — 21 909 печ. л., т.е. объем работы предварительного контроля увеличился почти вдвое, соответственно увеличилось и количество проверок, изъятий⁴².

Возрастание количества выявленных по результатам работы предварительного контроля политико-идеологических ошибок, перечневых текстов, так называемых вычерков и изъятий экспонатов из музеев было результатом усиления прессинга цензуры, а также стараний работников край-, обл-, гор-, райлитов Хабаровского и Приморского краёв. В послевоенный период это было связано с проходившими в стране кампаниями по выявлению врагов, например, борьба с космополитизмом, что вызвало ужесточение идеологии, контроля над интеллигенцией и литературой. Кроме того, усилились требования внутри аппарата, более жесткими стали циркуляры, приходившие из Центра⁴³.

Таблица 10

**Деятельность работников
Хабаровского и Приморского крайлитов в послевоенный период**

Вид деятельности	Хабаровский крайлит		Приморский крайлит	
	Год	Результат работы	Год	Результат работы
Предварительный контроль	1949	11 136 п.л.	1950	5 931 п.л.
	1950	14 130 п.л.		
	1951	15 366 п.л.		
	1952	21 909 п.л.		
Последующий контроль	1951	15 920 п.л.	1950	6 364 п.л.
Количество проверок	1950	921	1949	125
	1951	1 178	1950	366
	1952	1 715		
Изъятие экспонатов	1949	239 экз.	1949	2 663 экз.
	1950	214 экз.		
	1951	308 экз.	1950	
	1952	1132 экз.		
Изъятие книг	1951	26651 экз.		
Количество вычерков	1949	239 ед.	1949	220 ед.
	1950	214 ед.		
	1951	308 ед.	1950	
	1952	1 132 ед.		
Количество нарушений	1949	158	1949	200
	1950	63		
	1951	73	1950	
	1952	66		

Таблица составлена на основе источников: Отчеты о работе Хабаровского крайлита за 1949–1952 гг. // ГАХК. Ф. 35. Оп. 18. Д. 35. Л. 262; Оп. 23. Д. 7. Л. 73–77; Д. 235. Л. 131, 132; Д. 180. Л. 120–124; Оп. 38. Д. 35; Оп. 41. Д. 33. Л. 85; Оп. 46. Д. 30; Отчет о работе Приморского крайлита за 1949 г. // ГАПК. Ф. П-68. Оп. 34. Д. 408. Л. 24 – 35; Оп. 36. Д. 314. Л. 54 – 56; Оп. 38. Д. 950. Л. 23.

Несмотря на то что руководство органов цензуры постоянно знакомило цензоров с инструкциями и требовало от них идеологической грамотности, они все же допускали просчеты. Увеличение или уменьшение количества нарушений было связано с состоянием аппарата край-, обллитов. Если в 1949 г. в Хабаровских край-, обл-, гор-, райлитах было 14 штатных и 33 нештатных работника, то в 1951 г. — 27 и 33 чел., что способствовало снижению количества нарушений со 158 в 1949 г. до 63 в 1950 г.⁴⁴ Но во вред работе была частая сменяемость цензоров. Например, в 1951 г. в районах Хабаровского края из 32 цензоров сменилось 30 (93,7%), поэтому и количество нарушений увеличилось с 63 до 73⁴⁵. Такое же положение наблюдалось и в Приморском крае, где за 1948 г. последующим контролем Приморского крайлита выявлено 21 нарушение, а в 1949 г. — уже 200 (без учета радиопередач, мелкопечатной и книжной продукции); в 1950 г. специалистами цензуры в краевой печати было допущено 14 нарушений, а всего по краю — 66⁴⁶. Кроме того, цензоры грешили приписками: «...в ноябре в районных газетах было обнаружено последующим контролем 28 нарушений, а по материалам радиопередач была составлена и приложена к отчету всего лишь одна карточка последующего контроля, тогда как общеизвестно, что всевозможные нарушения в материалах радиопередач более вероятны, чем в печатных материалах»⁴⁷.

Несмотря на большую текучесть кадров, работников цензуры за нарушения в печати увольняли, были случаи, когда им «ставили на вид»⁴⁸. Это говорит о том, что цензоров наказывали по общим «правилам» существовавшей в СССР системы административных наказаний. Например, в 1952 г. 11 марта начальник Хабаровского краевого управления по делам литературы и издательств Н. Картавый издал приказ №19, где «ставил на вид» плохую работу цензора Савкевича из г. Советской Гавани. Конкретно нарушения не названы, упомянуто лишь то, что касалось неисполнения «Обязательных правил цензуры...» (п. 115 «Перечня...») и допущения п. 10 в передовой статье газеты «Советская звезда» в № 5 и № 17 за 1952 г., в статьях «Стенной печати — повседневное партийное внимание» и «Комсомольская хроника»⁴⁹. Так, в приказе говорилось, что этот цензор «...не изучает цензорские документы, поэтому допускает разглашение государственных и военных тайн в открытой печати». Судя по названиям статей, речь шла о материалах идеологического характера⁵⁰.

Вообще же сведения о последующем контроле и его функциях крайне скупы. Основным источником служили карточки, которые составлялись в ходе данного контроля. В 1949 г., например, в Хабаровском крае составлены 127 карточек последующего контроля, из них шесть не утверждены Главлитом. Карточки являлись одним из способов про-

ведения последующего контроля, т.е. цензор этой инстанции проверял работу цензоров предварительного контроля и составлял карточку по каждому случаю «брака»⁵¹. Поводом для составления карточки была, как правило, пропущенная органами предварительного контроля «идеологическая» ошибка, будь то даже опечатка в фамилии руководителя любого ранга.

При исследовании политической цензуры на Дальнем Востоке СССР в 1946 г. — середине 1950-х г. было выделено два института контроля информации: формальный и неформальный. К формальному мы отнесли учреждения цензуры и пропаганды, правила и инструкции, определяющие их действия. Неформальные институты контроля информации можно рассматривать как инструмент борьбы внутрипартийных группировок за власть, когда организовывались кампании, инициированные по прямому указанию высших лиц управления и в центре, и на местах; поощрялись доносы; многое оставлялось на личное усмотрение цензоров, определяющееся их компетентностью, убеждениями, страхом за свою карьеру.

Рассмотрим общий контекст культуры отношений внутри партийного аппарата. Провинциальная бюрократия, как и все общество, развивалась под влиянием репрессивного контроля. Постепенно добиваясь особых привилегий, она тем не менее жила под «дамокловым мечом» единовластия Сталина и его кадровых решений, партийных чисток и «кампаний», жертвой которых мог стать кто угодно. Никто не был уверен в своей безопасности — ни простые граждане, ни партийные чиновники любого уровня. Это отражалось в стиле руководства (разнос, нагоняй, ненормативная лексика, забюрократизированные документы с их «новоязом» и т.п.). Полицейская система способствовала формированию единого солидарного общества в СССР, в том числе и на Дальнем Востоке, ограничивая распространение оппозиционных настроений.

Последний год жизни И.В. Сталина и начало правления Н.С. Хрущева характеризовались усилением борьбы за власть между различными партийными группировками в центре и соответственно перестановками кадров в регионах. Во время кампании по разоблачению «культы личности» после визита представителя центра был снят с должности Первый секретарь Приморского крайкома КПСС Д.И. Мельник. На местах началась волна критики, которой подверглись председатель крайисполкома, его заместители, редактор краевой партийной газеты «Красное знамя», председатель краевых профсоюзов и др.⁵²

В этой внутрипартийной борьбе использовался целый арсенал средств: накапливание компрометирующей информации, которая в определенный момент могла быть пущена в дело (даже письма душев-

нобольных граждан). Судя по документам цензуре отводилось далеко не последнее место. Сводки – отчеты работы цензуры, по сути, были компроматом на того или иного редактора и его газету. Они дополнялись постоянными письмами – обвинениями в адрес редакторов от руководителей цензуры в партаппарат, а также в адрес руководителей цензуры от работников органов цензуры. В 1950 г. Н.Н. Органову, секретарю Приморского краевого комитета ВКП(б), К.К. Омельченко, уполномоченному Совета Министров СССР по охране военных и государственных тайн в печати, генерал-лейтенанту Гвишиани, начальнику УМГБ по Приморскому краю были разосланы письма с обвинениями М. Скороходовой (начальника Приморского крайлита). Бывший заместитель начальника Приморского крайлита писал: «...вместо усиления бдительности и повышения требовательности к себе, некоторые редакторы газет и цензоры, которым поручена почетная работа – защита государственных интересов, заключающаяся в предотвращении разглашения сведений, являющихся государственной тайной, стали на путь преступно-халатного отношения к работе. Крайлитом при последующем контроле районной печати за 6 месяцев этого года вскрыто свыше 40 нарушений. Прошу привлечь к строгой ответственности лиц, виновных...»⁵³

Среди сотрудников цензуры царил атмосфера доносительства и «аппаратных игр». Помимо проверки текстов они выполняли ещё и роль «накопителя компромата» на различные структуры. В крайкомы КПСС постоянно поступали отчеты о деятельности цензуры. В них перечислялись все просчеты газет с конкретными примерами. Кроме того, сотрудник отдела пропаганды, которому напрямую подчинялся (не структурно, но «номенклатурно») цензорский аппарат, мог потребовать сделать анализ работы любой газеты.

Задания подобного рода от партийных работников были нормой для любых организаций. Так, 15 апреля 1947 г. в Хабаровский крайком ВКП(б) поступило информационное письмо «О подборе, расстановке и использовании ИТР в тресте «Райчихуголь»», в котором заведующий организационно-инструкторским отделом крайкома ВКП(б) А. Мальцев докладывал о работе по подбору, подготовке кадров и «... очищению инженерно-технического состава треста от лиц, не обеспечивавших возложенных на них задач и не внушавших политического доверия» (уволители 26 чел.). Интересно резюме этого документа: медленное выполнение решения крайкома ВКП(б) объяснялось недостаточно оперативным контролем и проверкой исполнения его со стороны секретаря горкома ВКП(б) по кадрам тов. Орлова⁵⁴. Письмо можно рассматривать как свидетельство существовавшей системы внутриаппаратных доносов, когда подчиненный следил за вышестоящим, и наоборот.

28 апреля 1947 г. на Бюро обкома ВКП(б) Еврейской автономной области обсуждали заметку строгальщика Облученского депо Н. Губина «Задерживают рост производительности труда», опубликованную в районной газете «Сталинский призыв»⁵⁵. Бюро констатировало, что редакция допустила грубейшую политическую ошибку, приведя ошибочное утверждение, что новые расценки на Дальневосточной железной дороге могли сдерживать рост производительности труда. Руководители обкома ВКП (б) обвинили редакцию газеты «Сталинский призыв» в том, что она превратилась в рупор отсталых настроений, выступила против политики партии и Советского государства по вопросам производительности труда, «...сползла на явно оппортунистические позиции»⁵⁶. К тому же руководство обкома ВКП(б) расценило эту корреспонденцию как клевету на стахановцев и на руководителей производства⁵⁷. Понятно, что подобное заявление могло обернуться и для автора, и для редактора в лучшем случае проработкой и снятием с должности, в худшем – расстрелом. Бюро обкома за опубликование «...политически вредной корреспонденции... противоречащей политике партии по вопросам производительности труда» освободило от работы редактора газеты Бурика, объявив ему выговор с занесением в учетную карточку⁵⁸. Кроме того, ему была дана негативная оценка в обзоре печати, опубликованном редактором газеты «Биробиджанская звезда», где Бурик характеризовался как политически отсталый, не понимающий роли и значения большевистской печати, не умеющий правильно определять линию поведения газеты в важнейших хозяйственно-политических вопросах⁵⁹.

В 1948 г. заведующий отделом партийных, профсоюзных и комсомольских органов Крайкома ВКП(б) Е. Карасев писал: «... за последнее время орган Крайкома ВКП(б) – газета «ТОЗ»... под видом лекций о производительных силах края, за подписью руководящих партийных и советских работников систематически печатает не подлежащие оглашению различные данные и материалы об экономике нашего края»⁶⁰. Е. Карасев перечислял допущенные газетой просчеты: «...в статье управляющего трестом «Дальуглеразведка» Алещенко обнародованы подробные сведения о месторождении и строительстве Бурейского угольного бассейна; секретарь Нижне-Амурского обкома ВКП(б) Соловьев в своей статье «Нижне-Амурская область» раскрыл все экономические данные об области, о работе рыбной, лесной, золотодобывающей промышленности; зам. уполномоченного Госплана СССР по Хабаровскому краю Лабунов дал подробную характеристику природным богатствам Камчатской области, оснащенности рыбокомбинатов, рыбозаводов и рыболовецких колхозов механизмами; секретарь Советского горкома ВКП (б) т. Фомичев, председатель облисполкома

Еврейской автономной области т. Левитин и многие другие руководящие партийные и советские работники под видом лекций разгласили целый ряд экономических данных о производительных силах и производственных возможностях Хабаровского края⁶¹.

В документе перечислялись руководящие лица партаппарата, причем не только местных уровней. Реакция на записку со стороны уполномоченного Совета Министров СССР по охране военных и государственных тайн в печати свидетельствует, какой бюрократический путь проделал документ. Адресат, секретарь Хабаровского крайкома Р.К. Назаров, передал его в конечном итоге в орган, надзирающий над цензурой края, выводя из-под удара своих коллег по партии, но, следуя правилам партийной бюрократии, подтверждал, что «меры приняты».

31 января 1949 г. в Хабаровский крайком ВКП(б) поступила служебная записка с грифом «совершенно секретно», адресованная Р.К. Назарову. В ней сообщалось, что на страницах газеты «Тихоокеанская звезда» была помещена информация «о неправильном освещении данных о состоянии производительных сил Хабаровского края». На эти замечания быстро последовала реакция сверху. Уполномоченный Совета Министров СССР по охране военных и государственных тайн в печати в своем письме №134 с от 1 марта 1949 г. предложил Крайлиту перевести многотиражные газеты предприятий, управлений, расположенных на территории особых районов, на положение закрытых газет типа многотиражек оборонных предприятий⁶². Это предложение означало усиление цензуры над прессой. Впоследствии оно было реализовано, хотя и не в полном объеме.

Ведомственные газеты, появившиеся в конце 1940-х – начале 1950-х гг., благополучно просуществовали до начала 1990-х гг. Как мы можем предположить, подобные записки играли роль своеобразного мониторинга, во время которого собирались факты под определенившиеся у партийного руководства идеи.

Опираясь на приведенный анализ, можно сделать вывод, что цензура была специфической формой политического доноса и играла не последнюю роль в скрытой внутриаппаратной и ведомственной борьбе. Цензура была своего рода инструментом для кадровых перестановок, так как она накапливала компромат, которому мог быть дан ход в любое нужное время. Стиль партийного руководства предполагал тотальное доносительство, поэтому он был не только составляющим «комплекса силы», но формировал мировоззрение сотрудников цензуры. Человек или принимал правила игры и тогда пытался их рационально объяснить («доносительство – моя профессия, это нормально, это служит интересам общества и страны»), или не принимал – и тогда «выпадал» из системы и мог сам стать объектом репрессий. В обстановке правовой

неопределенности, репрессий и страхов у цензоров возникали «ножницы» между служебными обязанностями и моральными принципами человека. Возможно, именно поэтому цензорский штат в год обновлялся в среднем на 80% (хотя, конечно, были и иные причины, прежде всего низкая заработная плата и жилищная необустроенность).

Сравнительный анализ позволяет сделать вывод о некотором кратком послаблении цензурных ограничений на Дальнем Востоке в 1946 и 1950 гг. и ужесточении в 1952 г., когда было произведено самое большое количество вычерков, изъятий экспонатов из музеев, а также цензурных нарушений. Это можно объяснить меняющимися идеологическими партийными установками (принятием более жестких секретных циркуляров в Центре), изменениями в органах госбезопасности, ставшей очевидной немощью Сталина и местной управленческой спецификой.

Партийные секретари на местах были хозяйственниками и идеологами, и цензура для них играла роль идеологического «инструмента», не нуждавшегося в особом поощрении. К услугам органов цензуры на местах прибегали, когда нужно было «идеологически обеспечить» кампанию Центра, составить справку, подготовить смену кадров и т.п. В то же время существовал налаженный канал взаимного контроля: главы Хабаровского и Приморского крайлитов постоянно сдавали отчеты в отделы пропаганды КПСС, сами же располагали фактическим компрометирующим материалом (статистикой пропущенных «политических» ошибок) на редакторов газет (занимавших параллельно определенную ступень в партийных органах — члены крайкома, бюро) и на самих партаппаратчиков, которые публиковались в партийных газетах.

Контроль над мировоззрением в СССР включал, прежде всего, надзор за каналами информации, этому процессу структурно подчинялись органы цензуры, все руководящие кадры СМИ. Главные редакторы являлись цензорами для своих сотрудников. Цензорами главных редакторов были партийные секретари, прежде всего отвечавшие за пропаганду (конечно, курировали СМИ и партработники других направлений). Основная форма связи органов цензуры и партийных органов — отчеты, информировавшие партийные органы о недочетах редакторов, отражали специфику классовой модели обеспечения государственной безопасности.

Если цензура ограничивала доступ к «ненужной» информации, то «нужное» для власти направление умов формировала политическая пропаганда. Идеологическая кампания в СССР — эквивалент того, что на Западе называется «промывкой мозгов». Пропагандой занимались специальные отделы при партийных органах (УПА), общества («Знание» и др.), преподаватели, учителя и библиотекари (в качестве обще-

ственной «нагрузки»). Проводились специальное обучение и переподготовка агитаторов и пропагандистов, издавались печатные издания типа «Помощник агитатора». Пропаганда усиливалась в связи с политически значимыми событиями – выборами, освоением целины, «битвой за урожай», освоением зоны Байкало-Амурской магистрали и т.п.

Контроль над политической и идейной благонадежностью общества, особенно интеллигенции, осуществлялся Комитетом государственной безопасности (КГБ). В 1967 г. из второго отдела 2-го управления был создан 5-й отдел КГБ, в 1979 г. – 5-е управление КГБ. В 1989 г. 5-е управление было переименовано в «Z» управление КГБ, а 1 января 1991 г. официально расформировано – все его функции и служащие перешли к вновь созданному управлению КГБ «ОП». В секретных документах КГБ основной целью управления указывается «борьба с идеологической диверсией», т.е. борьба против национализма и антисоветской деятельности.

В 5-м управлении были выделены три отдела: первый анализировал процессы в среде творческой, научной, педагогической интеллигенции и молодёжи. Его задача – не допустить антисоветских и националистических акций, забота о безопасности представителей партии и бюрократического аппарата, поиск авторов анонимных антисоветских документов и листовок, проверка сигналов о намерении осуществить террористический акт или приобрести нелегальное огнестрельное оружие. Данной структурой проводилась также контрразведывательная работа с бывшими ссыльными, заключёнными и в среде националистических организаций. Второй отдел вел борьбу с эмигрантской антисоветской деятельностью и её влиянием внутри страны. Третий отдел внедрял, вербовал, курировал агентуру в церкви и контролировал деятельность религиозных обществ⁶³.

После XX съезда КПСС, осудившего «культ личности» Сталина и «нарушения социалистической законности», в стране началась управляемая десталинизация, получившая название «оттепель», которая породила у населения страны надежду на улучшение жизни, расширение свободы, либерализацию режима. Доклад Н.С. Хрущева положил начало реабилитации бывших «врагов народа», личное и культурное пространство советских людей значительно расширилось. По указанию Главлита в библиотеках начался «обратный» поток книг – из спецхрана в открытые фонды. На заседании дирекции библиотеки Академии наук 23 мая 1956 г. заведующая отделом комплектования И.Ф. Григорьева сетовала: «Вызывает большое беспокойство иностранная литература. Поток ее очень увеличился, одновременно большим потоком идет литература из спецхрана, количество ее равно количеству поступающей вновь литературы». Представитель спецхрана

А.Н. Белицкий заверил: «Спецхран существует, и закрывать его никто не собирается. Он только освобождается от литературы. За месяц уходит 3500 книг».

Процесс раскрытия спецфондов продолжался и позже. За два года (1963–1964) в основной фонд и справочно-библиографический отдел библиотеки АН СССР было передано 20000 изданий на русском языке. Однако при этом не прекратилось запрещение, а следовательно, и изъятие книг из общих фондов. Оба эти процесса – засекречивание и рассекречивание литературы – шли параллельно. Известны случаи, когда одна и та же книга несколько раз переходила из открытых фондов в спецхран и обратно. Такая судьба, например, постигла героическую повесть В. Азарова и А. Зиначева о гибели морского десанта в Петергофе во время Великой Отечественной войны «Живые, пойте о нас!»

Запретам и цензуре подвергались целые направления в таких науках, как ядерная физика, психология, социология, кибернетика, биология, генетика. Кроме того, запретам были подвергнуты произведения отдельных авторов вне зависимости от содержания. По мнению специалиста по информационной безопасности Н. В. Столярова, в СССР имела место «презумпция государственной секретности». Вопросы использования дореволюционных изданий должны были решать сами директора библиотек и книготорговых организаций с «санкций вышестоящих ведомств».

Что касается иностранной литературы, то к ней Главлит, а значит, и руководители отделов спецфондов всегда относились настороженно, как к потенциально враждебной и даже опасной. Бывший сотрудник Главлита В.А. Солодин на московской конференции о цензуре в 1993 г. вспоминал: «С первого дня существования Главлита было введено положение о цензурировании иностранных изданий, поступавших в страну»⁶⁴. И далее Солодин рассказывает, что при ограничении пользования иностранными изданиями было много градаций: «Все они делились на две большие категории: для общего пользования, к открытому распространению в магазины, библиотеки и т.д., и к закрытому для общего пользования. Но при этом существовало еще четыре степени ограничений. Был такой список: 1с, 2с, 3с и 4с, т.е. не все учреждения, имеющие спецфонды, получали всю литературу, присланную в их адрес или какими-то путями приобретенную за рубежом. Например, список 1с – это ЦК партии, это Комитет госбезопасности, это Библиотека Ленина. Эти три фонда, которые практически получали всё, что приходило в страну. Список 2с был уже с большими изъятиями. Наиболее одиозные материалы, посвященные лидерам Советского Союза, партийным разногласиям, не поступали. 3с был с еще большими ограничениями, в 4с, которым пользовались в основном НИИ, Академия

наук, получали все, что цензура считала возможным пропустить в их адрес. При этом при наличии фондов и при наличии разрешения, получая закрытую литературу, они получали примерно четверть из того, что поступало в страну».

«Были издания генерально ограниченные, — продолжает вспоминать В.А. Солодин, — в этом списке было более 400 ведущих политических западных газет, т.е. наиболее информативных. Они сразу после поступления сюда считались «получившими одну гайку», т.е. закрытыми для общего пользования. Кроме того, в число таких генеральных ограничений попадали все, как мы говорили, эмигрантские издания за рубежом. От изданий Библиотеки Чехова и Камкина до НТСовских изданий, до ИМКА-пресс и прочее, прочее, независимо от того, что там есть. Предположим, двухтомник Ахматовой, только потому, что это в Камкинском издании было издано, не пропускался».

Работы запрещенных авторов, опубликованные в общественно-политических и литературных журналах, как правило, не изымались. Единственное исключение было сделано для «Одного дня Ивана Денисовича» — «Новый мир» с повестью А.И. Солженицына был изъят повсеместно. После издания приказа инспекторы Главлита ходили по библиотекам и смотрели, как он выполняется. Причем не во всех библиотеках был спецхран, в лучшем случае — в областных, поэтому большая часть книг просто уничтожалась⁶⁵.

«Оттепель» имела весьма ограниченный характер: в 1957 — 1959 гг. по всей стране прошла пропагандистская кампания, инициированная письмом ЦК КПСС «Об усилении политической работы в массах и пресечении вылазок антисоветских враждебных элементов», которая дошла и до Дальнего Востока. Во Владивостоке 28 января 1957 г. состоялась Приморская краевая конференция интеллигенции. Ответственный секретарь Приморского отделения Союза писателей М.Самунин (автор романа о дальневосточной деревне «Простые люди») выступил с резкой критикой К. Симонова, журнала «Новый мир» и писателей-антисталинистов Д.Гранина, М. Дудинцева и др. «Охаивание нашей страны приняло в рассказе Гранина «Собственное мнение» чудовищные размеры... Если бы Гранин и его издатель Симонов знали жизнь, они бы не накрутили клеветнических обобщений», — заявил верный сталинец и певец колхозной деревни⁶⁶.

Излишне увлекшиеся критикой сталинизма коммунисты становились жертвами доносов и разбирательств со стороны своих более осторожных товарищей. По стилю, языковым штампам, своеобразному соединению революционной фразы и сервильного духа кампании хрущевского времени мало отличаются от сталинского. Например, в доносе зав. отделом пропаганды газеты «Амурская правда» говорит-

ся: «Тов. Янковцева...видит только промахи в нашей стране... Охаивает наш строй, ее разговоры не внушают доверия»⁶⁷.

Во времена правления Н.С. Хрущева и Л.И. Брежнева, а также позже руководство КПСС стремилось достичь управляемости культурой и интеллигенцией. Однако репрессивные меры сталинских времен считались устаревшими, так как в атмосфере массового террора правящий слой не мог гарантировать собственной безопасности и стабильного существования. Стремясь к улучшению отношений со странами Запада, к разрядке, лидеры СССР не хотели выглядеть в глазах зарубежной общественности (в том числе и сочувствующей коммунистическим идеям) деспотами, воюющими с собственным народом. Советский Союз принял международные обязательства, предполагающие рост открытости общества, свободу обмена информацией, идеями, достижениями культуры. Контроль приобретал более цивилизованные и гибкие формы.

Контроль партии над средствами массовой информации позволял избегать открытых дискуссий на нежелательные для руководства страны темы. Основой официальной пропаганды стал тезис о том, что, несмотря на отдельные недостатки, в СССР построено самое прогрессивное в мире общество развитого социализма (или реального социализма). Труды ученых, писателей, которые не соответствовали обозначенной позиции, не допускались к публикации.

Воспоминания, материалы сайтов писательских и творческих объединений содержат огромное количество фактов запрещения отдельных произведений, любого проявления самостоятельной общественной активности во второй половине 1950-х – 1980-х гг. Судьбы многих талантливых людей были сломаны из-за «неудобного» высказывания или стихотворений, написанных в ранней молодости или прочитанных в кругу друзей. И часто именно необоснованно жесткие репрессии делали из вполне лояльных советской власти людей диссидентов и оппозиционеров.

Типичной в этом смысле является судьба сахалинского ученого и преподавателя Марка Вениаминовича Теплинского. По его собственному признанию, он никогда не испытывал ни малейших сомнений в законности и справедливости советской внешней политики. Принимал как должное и ситуацию в Венгрии, и сооружение Берлинской стены. В то время многие умные люди пытались слиться с обстоятельствами, добровольно отказаться от сомнений. Но к событиям в Чехословакии, к Пражской весне 1968 г. Марк Теплинский отнесся с живым сочувствием, а появление советских танков на улицах Праги воспринял как катастрофу. И говорил об этом достаточно открыто.

Тут появилась еще одна «идеологическая заноза» — распространение произведений Александра Солженицына. Еще не так давно весь

мир зачитывался «Одним днем Ивана Денисовича». Но независимая позиция писателя привела к резкому неприятию его творчества всей официальной пропагандой. Между тем новые произведения Солженицына в многочисленных копиях распространялись по всей стране. Попали они и на Сахалин. В это время произошёл новый виток «охоты на ведьм», борьбы с инакомыслием. И начались первые гонения: два молодых преподавателя, работавшие на кафедре Теплинского, попались на чтении и обсуждении солженицынской прозы. Он всячески защищал и отстаивал ребят как нужных вузу специалистов. Не помогло. Их вынудили уволиться и срочно покинуть остров. «А коммунист и завкафедрой Теплинский куда смотрел? Ему не уйти от ответственности!» — восклицали областные идеологи. Дело приобрело настолько широкую огласку, что по всем пединститутам Союза был разослан секретный(!) приказ об «идеологической диверсии», произошедшей на кафедре литературы Южно-Сахалинского госпединститута.

Сперва Марк Вениаминович получил строгий выговор за развал идейно-воспитательной работы на кафедре. Но этого оказалось мало. Когда он лег в больницу, то тут же (по распоряжению Первого секретаря обкома партии) была образована специальная комиссия, которая вынесла решение о том, что он абсолютно здоров. «За неоправданное пребывание в стационаре» он получил второй строгий выговор и уже с занесением в учетную карточку. Понятно, что до исключения из партии был один шаг, а там (вполне возможно) делом могло заняться и КГБ. Марк Вениаминович вспоминает: «Пришлось быстро собраться и покинуть остров. Есть старинная песня «Бежал бродяга с Сахалина». Это, оказалось, обо мне. Мое светлое будущее было тогда весьма туманным»⁶⁸.

Парадокс революционности в СССР заключается в том, что усиленная пропаганда преимуществ социализма порождала инакомыслие и оппозиционность. Советские диссиденты требовали именно тех «завоеваний социализма», которые были якобы гарантированы Конституцией государства рабочих и крестьян: свободы слова, собраний, печати, участия в управлении государством и т.д. Людей, далеких от политики, возмущало несоответствие «достижений народного хозяйства» и реального дефицита предметов первой необходимости — мяса, молока, овощей, одежды, жилья, а также неравенство в их распределении.

Советская партократия и бюрократия была вынуждена продолжать революционную риторику, так как ее легитимность в обществе поддерживалась исключительно прошлой репутацией борьбы против несправедливости и за построение бесклассового общества. Таким образом, советская элита постоянно рубила сук, на котором она сидела: ей приходилось скрывать свои привилегии, критиковать «бюрократизм», ими-

тировать демократию, организовывать «народные инициативы», «все-народные обсуждения», поощрять «развитие национальных культур».

В эпоху хрущевской «оттепели» зародились различные формы самоорганизации – кружки, объединения, общественные движения, которые вначале были поддержаны властями: молодежные поэтические и драматические кружки, стенгазеты, добровольные народные дружины, стройотряды, театральные капустники, диспуты «физиков» и «лириков», студенческое и рабочее самоуправление и т.п. Однако очень быстро власть почувствовала свою чужеродность этим проявлениям подлинной свободы и демократии и стала либо запрещать и подавлять их, либо «направлять» и «руководить», т.е. вытравлять из них все живое.

Хотя правящая партия контролировала культурные процессы, информационный кругозор граждан СССР расширялся и духовный климат в обществе менялся. Невозможно было запретить людям говорить о волнующих их проблемах, спорить о судьбах страны и ее перспективах. В ходу были так называемые кухонные разговоры, хотя велись они и на рабочих местах, и на курортах, и в магазинных очередях. Личные контакты людей, в том числе живущих в разных районах страны и делящихся друг с другом сведениями о товарном дефиците, произволе и самодурстве чиновников, стали для многих альтернативным источником информации. На уровне обыденного сознания формировалась картина общества, сильно отличавшегося от его идеализированного образа, представляемого официальной пропагандой.

Широкое распространение получил так называемый самиздат. Машинописные труды писателей и оппозиционно настроенных ученых, официально не принятые к изданию или вышедшие ограниченными тиражами, размножались кустарными средствами и через знакомых передавались из рук в руки. Для довольно значительной части населения, считавшей, что она имеет право на собственное мнение, отличное от позиции партийной верхушки, своего рода духовной отдушиной стало творчество писателей, режиссеров, драматургов, которые средствами аллегории, гротеска, иносказаний обращались к актуальным для общества темам. Огромную популярность приобрели «Литературная газета», журнал «Новый мир» и спектакли московского театра «Современник», Театра на Таганке и др.

Определенное влияние на духовное развитие общества оказывало международное радиовещание. Несмотря на глушение передач зарубежных радиостанций на русском языке, в 1970-х гг. их регулярно или эпизодически слушали от 40 до 60 млн чел. Зарубежные радиочастоты далеко не всегда и не во всем были объективны, но передаваемая ими информация оказывала воздействие на складывавшуюся идеологию инакомыслия⁶⁹.

Диссидентство объединяло лиц различных мировоззрений и политических убеждений — от либеральных коммунистов до монархистов, от русских националистов до сионистов. Так, например, в составе Комитета по правам человека был «почвенник» и русский националист И.Р. Шафаревич. Активными правозащитниками были марксисты Г.О. Алтунян, Л.И. Плющ, П.И. Якир, христиане А.Э. Левитин-Краснов и Т.С. Ходорович. Основу правозащитного движения составляли «либералы» С.А. Ковалев, Л.И. Богораз, А.О. Смирнов (Костерин), Л.М. Алексеева, Е.Г. Боннэр и др. Они полагали, что в рамках советской системы можно и следует добиваться гласности и улучшения ситуации с политическими и гражданскими правами, требуя от советских властей соблюдения советских законов⁷⁰.

К уголовной ответственности по «политическим» статьям в 1967–1970 гг. был привлечен 381 чел.⁷¹ По информации КГБ в ЦК КПСС в 1967 г. к суду за антисоветскую агитацию и пропаганду было привлечено всего 96 чел., а профилактировано более 12 тыс., и именно на «профилактирование» был сделан упор⁷². С начала 1970-х гг. аресты инакомыслящих значительно участились. КГБ активизировал психиатрические репрессии. В августе 1971 г. Министерство здравоохранения СССР и МВД СССР разработали совместную инструкцию, дающую психиатрам право насильственной госпитализации лиц, «представляющих общественную опасность», без согласия родственников больного. В 1971–1974 гг. было арестовано 348 чел. Пациентами спецпсихбольниц в начале 1970-х гг. являлись П. Григоренко, В. Гершуни, Н. Горбаневская и др. В 1972–1974 гг. начались массовые аресты в Москве, Ленинграде, союзных республиках.

Ряд деятелей искусства, не выдержав гонений, эмигрировали. Некоторые были лишены советского гражданства и выдворены из страны. В 1973 г. были лишены советского гражданства многие правозащитники: Ж. Медведев, А. Синявский, А. Якобсон, В. Чалидзе. Высылка из страны стала новой формой борьбы властей с инакомыслящими. В феврале 1974 г. был вынужден покинуть родину А. И. Солженицын. В связи с массовыми арестами прекратил работу созданный в 1970 г. Комитет прав человека. Это было кризисное время для диссидентов. По приблизительным подсчетам Р. Медведева в 1967–1970 гг. и в 1971–1982 гг. по «чисто» политическим статьям УК РСФСР было арестовано около 10 тыс. чел. Еще несколько тысяч оказались в тюрьмах и лагерях как «националисты», «религиозники», «тунеядцы», нарушители паспортного режима. По другим сведениям, с 1967 по 1970 г. получили «профилактические» предупреждения 58 298 чел.; с 1970 по 1974 г. «допускали политически вредные проявления» 63 108 чел.⁷³

К началу 1980-х гг. были арестованы, осуждены, высланы из страны представители «первой волны» диссидентского движения. Прекратили свою деятельность Инициативная группа защиты прав человека в СССР, Христианский комитет защиты прав верующих, Рабочая комиссия по расследованию использования психиатрии в политических целях, Инициативная группа защиты прав инвалидов. В сентябре 1982 г. объявила о самороспуске московская Хельсинская группа. Начались повторные аресты политзаключенных перед самым окончанием срока или сразу же после освобождения. Заметно увеличилось число арестов женщин, участниц диссидентского движения. В феврале 1981 г. после обысков и изъятия макетов 59-го выпуска «Хроники текущих событий» редакция вынуждена была заявить о самороспуске. Общее число арестованных диссидентов превышало 500 чел. После интервью А. Сахарова корреспондентам западных газет с требованием вывода советских войск из Афганистана реакция советских властей была предсказуемой: 8 января 1980 г. принят Указ Президиума Верховного Совета СССР о лишении Сахарова звания Героя Социалистического Труда и всех правительственных наград. Академик А.Д. Сахаров в административном порядке был депортирован из Москвы в закрытый в те годы г. Горький. В сентябре 1981 г. заместитель председателя КГБ СССР С.О. Цвигун констатировал, что правозащитное движение в СССР перестало существовать.

Вместе с тем диссидентское движение продолжалось в других формах, приспособившись к изменившимся условиям. В движение вливались новые люди. Преемственность обеспечивалась на основе нравственных принципов. Сформировалось поколение деятелей науки и культуры, которые своим творчеством обогатили гуманистические ценности, содействовали нравственному воспитанию общества. К несомненным достижениям диссидентского движения можно отнести многолетнее, несмотря на преследования, издание информационного бюллетеня «Хроника текущих событий», деятельность Фонда помощи политзаключенным, распространение неподцензурной литературы — самиздата, выпуски исторических сборников «Память»⁷⁴. К сожалению, несмотря на процесс рассекречивания архивных документов, многие источники, содержащие сведения о распространении инакомыслия среди дальневосточников и контроле культурного пространства политическими и карательными органами, остаются малодоступными для исследователей.

Специалисты по истории дальневосточной интеллигенции считают, что диссидентства в регионе не было⁷⁵. Действительно, здесь не существовало нелегальных политических организаций, не происходило протестных акций типа движения правозащитников, петиционных

кампаний, нелегальных изданий и т.п. Однако есть свидетельства, что на Дальнем Востоке России среди творческой и научной интеллигенции и более широких слоев населения существовали оппозиционные настроения, которые получали различные формы публичного выхода и становились предметом разбирательства в контролирующих органах. По данным А.С. Ващук, на Дальнем Востоке в плане инакомыслия выделялась Магаданская область, где наблюдалась концентрация критически настроенных людей. Они понимали, что «дальше Магадана не сошлют», и позволяли себе роскошь свободного высказывания своего мнения⁷⁶.

С другой стороны, советская модель формирования трудовых ресурсов и комплектования кадров самым активным образом способствовала культурному обновлению населения на всей территории российского Дальнего Востока. Общее развитие науки и высшего образования в СССР, рост образованного городского населения, возможности социальной мобильности и карьерного роста в суровом крае порождали в людях оптимизм, уверенность в себе, критическое отношение к окружающей реальности.

Творческий дух конца 1950-х – начала 1960-х гг. на всю жизнь объединил студентов-однокурсников, молодых ученых и писателей, участников строительных отрядов, сотрудников геологических партий. Именно в повседневном дружеском и профессиональном общении возникали проявления свободной мысли на Дальнем Востоке: политически «вредные» высказывания, неофициальные литературные произведения, самодеятельные творческие коллективы и неформальные объединения. И почти у всех этих проявлений свободного духа была общая судьба: «стукач», донос, беседа в ГКБ или другом подобном ведомстве, «оргвыводы» разной степени тяжести.

Большую роль в общественно политической жизни Дальневосточного края играли геологи и строители. Конец 1950-х и 1960-е гг. – время активного строительства предприятий, домов и зданий культурно-бытового назначения в г. Магадане. Накануне строительных преобразований сюда были направлены молодые специалисты из центра, среди которых особенно выделялись архитекторы. Некоторые из них уже имели опыт инакомыслия и репрессий. По воспоминаниям Г. Павлова, в их коллективе выделялся своими лидерскими данными В. Свечинский, человек трагической судьбы. Во время учебы в Московском архитектурном институте он был арестован за «гумилевщину», осужден и провел несколько лет в колымском лагере в Берелехе. После освобождения и окончания учебы в МАИ он в конце 1950-х приехал в Магадан⁷⁷. Молодые архитекторы оказались не только талантливыми специалистами, они были очень независимыми людьми в своих оценках советских порядков.

Кроме того, на территории области хорошо прослушивались зарубежные радиостанции и передачи на русском, чукотском и эскимосском языках, в которых содержалась дополнительная информация и комментарии об общественно-политических отношениях в СССР. Во второй половине 1960-х гг., например, одна треть населения в Омсукчанском районе (по данным опроса партийных органов) получала информацию о событиях внутри страны и за ее пределами от знакомых, а также из зарубежных источников. В повседневной культурной жизни магаданцы демонстрировали стремление расширить свой кругозор, что проявилось в росте просмотров зарубежных фильмов. В 1969 г. администрация Дворца культуры профсоюзов была подвергнута высыланию со стороны обкома КПСС за то, что «она шла на поводу у зрителей». В области было показано «капиталистических фильмов» в два раза больше, чем в среднем по стране⁷⁸. На территории складывалась благоприятная социальная база для распространения крамольных идей и литературы.

Когда в 1960-е гг. политическое руководство страны пыталось свернуть тему критики политических репрессий*, в Магаданской области, наследнице Колымского края и Дальстроя, она (тема) не только оставалась животрепещущей среди интеллигенции и других слоев местного общества, но и была на пике своего подъема. Местная пресса продолжала печатать произведения, в которых затрагивались сталинские репрессии. Судьба людей, прошедших путь лагерей, волновала и тех, кто сам его испытал, и тех, кто недавно прибыл трудиться на далекий северо-восток страны. Их общение с очевидцами создавало особую атмосферу среди магаданской интеллигенции. Как образно заметил Г. Павлов: «...какой-то особый дух творческого единения витал над Магаданом, и в его орбите были все — и геологи, и ученые, и журналисты, и члены всех творческих союзов, и комсомольские работники, и спортсмены. Это было то самое поколение шестидесятников, порождение хрущевской «оттепели», но занесенное выпускниками Москвы и Ленинграда на магаданскую почву, где оно попало в компанию уцелевших и оставшихся в области лучших спецов дальстроевских лагерей. Этим мы и отличались от москвичей и ленинградцев, общение с ветеранами Дальстроя явно было взаимопользным»⁷⁹.

В 1969 г. секретарь Магаданского обкома КПСС вынужден был признать, что литературные идейно ошибочные публикации о судьбе бывших заключенных «имеют место в области». Он подверг жесткой

* Осенью 1965 г. были арестованы А.Синявский и Ю. Даниель, попытавшиеся опубликовать свои произведения за рубежом. Этим арестом политическое руководство страны объявило войну самиздату.

критике редакцию газеты Ольского района «Рассвет Севера», которая напечатала рассказ А. Буйлова «Отшельник». Герой этого произведения отбыл в лагерях Колымы 15 лет, после чего ушел от людей и стал жить отшельником в избушке на берегу Охотского моря. Власть обвинила автора в пропаганде крайнего индивидуализма, фатальной предопределенности судьбы как разновидности буржуазной философии⁸⁰.

Магаданские писатели пытались показать тяжелые условия жизни и работы на севере, в то время, когда существовала официальная установка на показ достижений социализма. Вышел сборник рассказов А. Лифтахудинова «Рассказы про Одиссея», где автор без прикрас описывает жизнь на Чукотке. Он был обвинен в крамоле — потере классового чутья. Стремление уйти от идеологического диктата в мировосприятии прослеживалось у северян и в теме «конфликта поколений», которая, звучала, например, в стихотворениях А. Пчелкина:

А покамест кружит кривая —
сквозь туман, и пургу, и дождь.
Сквозь наветы идет и ложь, — несговорчивая,
прямая, беспокойная молодежь⁸¹.

На Камчатке оппозиционные настроения проявлялись не только среди творческой интеллигенции, но и на производстве. 27 января 1959 г. на митинге коллектива Корфского рыбного комбината, посвященном открытию XXI съезда КПСС, плановик-экономист Г.И. Трелин обвинил парторганизацию предприятия в обмане рабочих. Он был арестован как «...антисоветчик, истолковывавший с враждебных позиций советскую демократию, клеветущий на жизненный уровень народа, заявляющий об отсутствии в СССР свободы слова, восхваляющий действия антипартийной группы Молотова, Маленкова, Кагановича и примкнувшего к ним Шепилова»⁸².

В Петропавловске-Камчатском существовала не раскрытая органами КГБ умеренно антисоветская группа, собиравшаяся в доме № 86 по улице Фрунзе у прозаика и философа А.Д. Филимонова. В неё входили В.Г. Новокрещёнов (преподавал английский, немецкий и французский языки в одном из уральских лицеев), студенты Камчатского пединститута, рабочие. Поэт В. Науменков читал там свои стихи, направленные против партийно-бюрократического режима⁸³.

Настроение «оттепели» среди художественной интеллигенции попытались выразить и художники Сахалина. В начале 1960-х гг. здесь образовалась небольшая группа художников, в основном из числа молодых людей, которые стремились продемонстрировать свое видение окружающего мира с помощью новых творческих приемов. Осенью 1962 г. состоялась 9-я выставка их работ, часть которых была посвящена

природе и морю, но, по мнению партийных деятелей, они были выполнены под влиянием буржуазной идеологии, и творчество художников оказалось под прицелом цензуры.

В середине 1960-х гг. в стране усилилось распространение самиздатовской литературы, в этот процесс постепенно вовлекались критически мыслящие люди из числа творческой, технической интеллигенции, преподавателей вузов, студенчества. Печатались трактаты по политическим, экономическим и философским вопросам, обращения и письма в партийные и правительственные инстанции, научные, творческие и общественные организации*.

Самиздатовская литература проникала в самые отдаленные районы, особенно ее любили геологи, которые в силу своей профессиональной деятельности находились довольно далеко от парткомов. В геологических партиях царил дух свободы и романтики. К новому источнику неофициальной информации проявляли интерес не только беспартийные, но и критически мыслящие коммунисты, например управленцы Чаун-Чукотского горнопромышленного управления. В «черные списки» органов государственной безопасности попал руководитель управления (Зайганов), прочитавший «Письма к другу» С.Аллилуевой, по его поручению было изготовлено шесть экземпляров текста. В число «политически беспечных» были зачислены и директор прииска «Комсомольский», и группа управленцев, в том числе председатель месткома. По официальным данным, это самиздатовское издание прочитали более 20 чел., которые успели поделиться информацией со своими родственниками и знакомыми. Все они были подвергнуты публичной критике и наказаны в традициях хрущевского времени – получили выговоры по партийной линии или были исключены из рядов КПСС. В Магадане интеллигенция читала как воспоминания и исследования «о жертвах сталинизма», так и письма обращения-протесты в связи с судебными процессами над Синявским и Даниелем. Из рук в руки передавались рукописи А. Солженицына, В. Шаламова, Е. Гинзбург-Аксеновой, песни А. Галича и В. Высоцкого. Г. Павлов рассказывает, что именно тогда он впервые познакомился с книгами Е. Гинзбург «Крутой маршрут», Б. Пастернака «Доктор Живаго» в фотокопиях, которые он брал читать у бывших студентов московских вузов⁸⁴.

* Среди событий петиционной кампании следует выделить обращение известных писателей и ученых к депутатам Верховного Совета по поводу введения в уголовный кодекс статьи 190 (наказание лагерем до 3 лет за «клевету на советский общественный и государственный строй» и за «организацию групповых действий, нарушавших работу общественного транспорта»), письмо Брежневу о тенденциях реабилитации Сталина.

В ноябре 1968 г. в область были завезены политические листовки с критикой советского руководства по отношению к событиям в Чехословакии, они были изъяты работниками КГБ, которые нашли их в подфарниках машины Магаданского театра. Некоторые студенты, обучавшиеся в горном техникуме, проявляли интерес к зарубежной молодежной субкультуре, а также к событиям в Чехословакии, высказывали мысли, отличавшиеся от идеологических официальных оценок. В разговорах высказывалось сомнение в возможности построения коммунизма в СССР. Чтение самиздатовской литературы в Магаданской области вышло за пределы интеллигентской среды, под влиянием новых неофициальных источников информации и собственного житейского опыта у рабочих зарождались крамольные идеи.

Распространение самиздата в Приморском крае, по сведениям начальника управления КГБ по Приморскому краю Н. Коробкина, началось в конце 1967 г. Контролирующие органы к самиздату относили и стенгазеты, выпускавшиеся в те годы практически во всех учреждениях. В ноябре 1967 г. на химическом факультете Дальневосточного государственного университета появилась стенгазета «Стрихнин», в которой были помещены критические статьи «О кураторах», «О снабжении водой» и афоризмы о недостатках в системе советской школы и университете. Авторы материалов доцент Портнягин, старший преподаватель Каминский, аспиранты Караулов, Сова, Стоник называли себя «энтузиастами без присмотра». Вызванные на беседу в партком, они проявили стойкость в своих убеждениях, заявив, что в СССР нет «настоящей свободы слова». Определенная часть студенческой молодежи стремилась расширить свой информационный горизонт, увидев возможности таких источников в самиздатовской литературе. Так, Г. Пахтер, студент исторического факультета ДВГУ, еще до поступления в университет (сентябрь 1967 г.) смог установить контакты с редактором нелегально издававшегося в Волгоградской области журнала «Фейерверк» Самойловым, который не признавал основного принципа советской литературы – партийности. Г. Пахтер стал одним из авторов этого журнала. Он распространил среди сокурсников письмо А.С. Солженицына IV съезду Союза писателей СССР, которое записал, слушая зарубежные радиостанции. В мае 1968 г. с помощью студентки Оранской был размножен один из номеров журнала «Фейерверк». События в Польше и Чехословакии Г. Пахтер рассматривал с критических позиций, делился своими мыслями с некоторыми сокурсниками, планировал организовать выпуск самиздатовского поэтического журнала, чтобы с его страниц «дать бой комсомолу». Но работники КГБ прервали его деятельность. «Крамольник» был исключен из комсомола и университета. С историками и филологами,

студентами ДВГУ партийные органы провели мощную идеологическую работу.

В августе – сентябре 1968 г. инженерно-технические работники 29-й экспедиции Приморского геологуправления, работавшие в пос. Рошино Красноармейского района, В.Н. Стекольщикова (член ВЛКСМ), С.В. Курышев, литературный сотрудник районной газеты «Коммунист», А.Ф. Бондаренко (член ВЛКСМ) организовали выпуск рукописного журнала «Новый трутень». В третьем номере журнала была помещена статья Курышева, в которой он критически анализировал политику ЦК КПСС и Советского правительства и осуждал ввод советских войск для подавления оппозиционных сил в Чехословакии и других государствах. В декабре 1968 г. органы политического контроля зафиксировали факты так называемого антисоветского поведения А.Н. Ивакина: будучи в командировке в Москве и общаясь с сотрудником Всесоюзного научно-исследовательского института гидрологии и инженерной геологии Б.А. Колотовым, он получил от него статью академика Сахарова «Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе». Эту статью прочитали некоторые участники 29-й экспедиции, в том числе комсомольцы и кандидаты в члены КПСС.

В декабре 1968 г. житель г. Усть-Каменогорска М.С. Тыцких написал письмо-трактат (объемом 56 с.), где он обозначил многие проблемы советской экономики, вызванные существующими порядками распределения, формирования стоимости товаров и т.д. В письме доказывалось, что в СССР отсутствует не только социалистическая демократия, но и сам социализм, а существует государственный капитализм и власть бюрократии как класса. В январе 1969 г. копию этого трактата он отправил в адрес председателя Президиума Дальневосточного филиала СО АН СССР академика Б.А. Неуньлова, но документ был передан ученому секретарю М.Я. Ямпольской, которая поручила изучить документ своему техническому помощнику Т.М. Николаевой. Последняя показала письмо своей подруге, ассистентке ДВГУ Н.Я. Мельник.

В 1968–1969 гг. во Владивостоке, особенно среди научных сотрудников Биолого-почвенного института, передавался из рук в руки размноженный на печатной машинке роман А.С. Солженицына «Раковый корпус». В первой половине 1970-х гг. за тиражирование этого произведения лишились работы трое ученых Института биологии моря ДВНЦ АН СССР. Магнитофонные записи запрещенных партийно-идеологическими органами песен Ю. Кима, В. Высоцкого, А. Галича, Е. Клячкина и др. получили широкое распространение. Записи этих авторов можно было услышать не только в квартирах, но даже в некоторых магазинах.

Дух времени выразился в протестных формах поведения среди студенчества, не желавшего мириться с недостатками в организации их быта и библиотечного обслуживания. Так, в декабре 1968 г. активисты четырех учебных групп филологического факультета организовали массовый невыход на занятия, протестуя против использования читального зала в качестве аудитории. Кроме того, плохое качество питания в студенческой столовой и бытовых условий общежития вынудили студентов организовать бойкот и пикетирование. Такая акция протеста была проведена в университете впервые и заставила ректорат заняться проблемами быта студентов⁸⁵.

По мнению А.С. Вашук, хотя официальной статистики о вовлеченности дальневосточников в процесс так называемого «молчаливого инакомыслия» не существует, но можно утверждать, что это латентное социально-психологическое состояние было присуще дальневосточному обществу⁸⁶, и власть активно проводила профилактические меры по укреплению идеологической устойчивости.

В 1980-х гг. общественные настроения дальневосточников отличались пессимизмом и подавленностью, ощущением потери перспективы. Государство развития быстро превращалось в государство застоя, социальная мобильность замедлилась. Целое поколение писателей, поэтов, художников не находило возможности самовыражения, своего места в жизни. Многие неординарные люди уехали, спились, некоторые покончили с собой. Погиб талантливый владивостокский поэт Геннадий Лысенко, уехали из-за преследований режиссер театра им. Горького Юрий Чернышев, заведующий кафедрой музыки Института искусств Е.В. Герцман и др.

Причины, по которым запрещались художественные произведения в 1980-е гг., современному исследователю понять очень сложно. Вот, например, стихотворение владивостокского поэта Юлия Рудиса, написанное в 1981 г.:

Ну жизнь пошла — хоть волком вой.
Люблю одну, а сплю с другой.
Предательство всегда без смысла.
Воспоминаний ветер злой.
Бессильно лампочка повисла
Над окаянной головой.

«Публикация этого... стихотворения была абсолютно невозможна»⁸⁷. В этих строках нет ничего крамольного и антисоветского. Если не считать того, что в тоталитарном государстве официально предписывались «советский оптимизм», «активная гражданская позиция» и «высокая мораль». Любые проявления самодеятельности и «гражданской активности» становились предметом внимания соответствующих

органов и сразу пресекались. Например, в конце 1980-х гг. учащиеся одной из владивостокских школ увлеклись игрой в «войнушку». Ребята выезжали в лес, делились на две группы, вооружались игрушечным оружием и устраивали что-то вроде игры «Зарница». Последовал донос, обвинение в создании фашистской организации, вызов в КГБ и исключение из комсомола⁸⁸.

Внимание власти привлекла борьба группы студентов истфака ДВГУ за сохранение исторического здания в районе теперешнего «Клеверхауса» (ост. Семёновская, г. Владивосток). Студенты участвовали в пикетировании здания, собирали подписи против его сноса и т.д. В итоге с ними побеседовали в ректорате в присутствии куратора из КГБ и настойчиво посоветовали умерить свой пыл⁸⁹.

На выступлениях самодеятельного театра и клуба ученых «Антропос», созданного при Политехническом институте г. Владивостока усилиями двух замечательных педагогов, выпускников Бауманского технического училища и талантливых иллюзионистов Виктора Моисеевича Кладницкого и Татьяны Ивановой, обычно присутствовал наблюдатель из «органов»⁹⁰.

Основатель первого владивостокского рок-клуба Игорь Давыдов (Дэйв) вспоминал, что в один прекрасный день его вызвали в КГБ и предложили «стучать» на рокеров. Он отказался, и тогда оперативник сказал, что он и сам любит рок и попросил его иногда давать информацию о деятельности клуба; на это Дэйв согласился⁹¹. Этот пример показывает, что сотрудники «органов» и сами не очень верили в официальную идеологию и делали свое дело без особого фанатизма, за зарплату. Другой владивостокский рок-музыкант Константин Соломенный (Кот) вспоминает, что после концерта его вызвали на беседу в КГБ и пытались доказать, что ему следует выбросить из песни фразу «я принял коньячную ванну». Сотрудник органов нажимал на то, что это и дорого, и аморально.

Исследуемый период можно разделить на два этапа: период хрущевской «оттепели» (1953–1964) и период «развитого социализма» (1965–1985). В культуре первый из этих этапов имел транзитивный характер, отличался бурными инновационными и творческими процессами; второй – период стабилизации: усложнение, дифференциация и усиление консервативных элементов в официальной культуре, а также возникновение неформальных суб- и контркультур на периферии системы.

Развитие советской культуры следовало логике эволюции любой живой биологической или социальной системы: революционный период «бури и натиска» сменяется периодом покоя и стабильности, время «первоначальной простоты» – временем «цветущей сложности», этап пролетарской культуры для «всего народа» – этапом элитарной культу-

ры для избранных и массовой культуры — для остальных. Усложнение и специализация культуры в период зрелости социализма вступали в противоречие с логикой бюрократического контроля. Речь идет не о сознательной оппозиционности отдельных деятелей культуры, а об объективном противоречии двух систем.

В то же время логика тоталитаризма стремилась к полному контролю всех сфер жизни, поэтому она требовала от культуры массовости, оптимизма, упрощения, «прозрачности», рациональной познаваемости, целесообразности и обслуживания интересов государства. В этом власть видела основы социально-политической безопасности. Культура, как и вообще живое течение жизни, иррациональна, слабо охватывается бюрократическими механизмами, стремится к сложности, эзотеричности и удовлетворяет глубокие внутренние потребности людей.

Процессы развития культуры и контроля над ней в позднее советское время шли в противоположном направлении и все больше рассогласовывались, так что практически тотальный контроль в официальной сфере порождал идеологически выдержанную, но выхолощенную, мертвую и никому ненужную культурную продукцию, которая воспринималась населением как «шумовой фон», не несущий никакой смысловой нагрузки. «Информативность» многих учебников, газет и других официальных изданий приближалась к нулю.

Отсутствие символического капитала в продуктах официальной культуры должно было чем-то компенсироваться, поэтому население активно обращалось к различным вариантам неофициальной культуры. Все «запрещенное» пользовалось огромным спросом: невинные дети и рафинированные интеллигенты восхищались блатными песнями (которые в эпоху «новых русских» получили название «русского шансона»); убежденные атеисты слушали по ночам религиозные передачи, транслируемые по радио «Свобода»; на первых видеомагнитофонах с равным энтузиазмом просматривались шедевры Феллини, американские боевики и порнофильмы; торговые работники стремились попасть на закрытые показы фильмов Тарковского и экспериментальных театров.

Поскольку все официально разрешенное стало восприниматься как заведомо лишенное качества, некоторые талантливые и яркие авторы, получившие общенародную известность, приобретали репутацию «запрещенных». Многие верили, что Высоцкий сидел, Розенбаум — эмигрант и т.п. Таким образом, избыточный контроль в сфере официальной культуры породил ее «теневого двойника». Неофициальная культура включала в себя авторов и произведения разного качества — и несомненно талантливых, и средних, и абсолютно бездарных. Однако поначалу их принимали на «ура!» именно в силу их неблагонадеж-

ности, неофициальности. В эпоху перестройки, когда запреты стали исчезать, а интерес населения приносить денежную выгоду, в российскую культуру хлынул настоящий поток ранее запрещенных произведений от гениев Серебряного века до авторов откровенно маргинальных и низкопробных.

4.2. ОТ ДИКТАТА К ДИАЛОГУ – НОВЫЙ ФОРМАТ РЕГУЛИРОВАНИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАСТРОЕНИЙ В ПЕРИОД ПЕРЕСТРОЙКИ

Вторая половина 1980-х гг. отмечена постепенным, во многом целенаправленным ослаблением контроля над интеллектуальной и духовной жизнью общества. Атмосфера «железного занавеса» и монополия государства на идеологическую и информационную политику создавали для органов контроля и пропаганды «тепличные» условия работы. С ослаблением запретительных мер на фоне начавшегося переосмысления прошлого и настоящего, поиска творческого потенциала социализма возникла необходимость удержать эти процессы в приемлемом для власти русле. Эта сложная задача должна была решаться параллельно с утратой монополии и формирующейся идейной и политической конкуренцией. Стратегия безопасности в сфере идеологии, информационной политики и культуры периода Перестройки должна была обеспечить решение следующей задачи – найти новые, более тонкие, идеологически изощрённые методы воздействия на людей, убедив их в преимуществах и созидательном потенциале социалистической системы, чтобы выиграть в конкуренции с альтернативными идеологиями и социальными системами.

В начале Перестройки перед идеологическим аппаратом была поставлена цель: мобилизовать людей на ударный труд, повысить их социальную активность (конечно, в нужном для власти русле). Партийное руководство рассчитывало вдохновить людей силой убеждения, используя развитую сеть Домов культуры, клубов, наработанный арсенал средств пропаганды, отряды партийных агитаторов. Первый секретарь Хабаровского края А.К. Черный призывал включиться в этот процесс хабаровских художников, писателей, артистов, которые должны были встречаться с тружениками заводов и полей, прославлять их трудовые подвиги⁹². Приморскому руководству идеологическая работа виделась

как необходимость подвести под производственные планы «солидную базу убеждения». Для этого краевые партийные организации, по его мнению, «располагали внушительными средствами»⁹³. Действительно, для решения идеологических задач Перестройки государство имело развитую инфраструктуру, располагая самой крупной в мире системой телевизионного вещания, включавшей 160 программных радиотелецентров, более 18 тыс. телевизионных передатчиков, 10 спутников, 500 тыс. км наземных линий связи⁹⁴.

Судя по квартальным тематическим планам и отчётам о работе Амурского областного телерадиокомитета, в начале 1980-х гг. «...все программы, включая детские и молодёжные, по-прежнему ориентировались на выполнение решений съездов КПСС, партийных документов и празднование дат, связанных с историей советского государства». В этот период Перестройки были созданы постоянные рубрики: «Трезвость – норма жизни», «Хозрасчёт и самофинансирование»; программа «Телевизионная школа передового опыта» и даже такая специфическая для сельскохозяйственного региона передача, как «Трактору – долгий рабочий век». Примерно то же мы видим и в тематическом плане Приморского телевидения и радиовещания на II квартал 1985 г.: «Пятилетка – дело каждого», «Наше дело нами и ставится», «Слово о рабочей чести». В рамках последней рубрики предполагалось организовать серию выступлений «знатных тружеников края» на тему «личной ответственности каждого за порученное дело»⁹⁵.

Работники приморской редакции газеты «Красное знамя», как и в прежние времена, видели свою задачу в пропаганде идей «...мобилизации коммунистов, всех трудящихся края на борьбу за успешное выполнение производственных планов». Планируемые рубрики: «Соревнование: нравственный смысл» (идеологическое обеспечение социально-экономических задач пятилетки); «Твоя жизненная позиция» — рассказывать о людях с высокими идейными убеждениями, «Единственная привилегия коммуниста» — о роли ответственности коммунистов в деле выполнения уставных требований; «Права и ответственность» — статьи и корреспонденция юристов по вопросам укрепления трудовой и производственной дисциплины, образцового общественного порядка, борьбы с хищениями социалистической собственности⁹⁶.

В Приморье работало около 1500 кинолекториев с соответствующей тематической направленностью: «Решения XXVI съезда — в жизнь», «Продовольственная программа в действии», «Два мира — два образа жизни», «Патриот», «Подвиг». 300 лекториев использовали антиалкогольную тематику: «Пьянству — бой!», «Трезвость — норма жизни» и др. К празднованию 50-летия стахановского движения были показаны

хроникальные киноленты: «Государственное отношение», «Что могут простые люди», «У качества свои секреты» и т.д.⁹⁷ Краевые и областные комитеты КПСС располагали также и клубными учреждениями (200 – в Приморье, 306 – на Сахалине, 614 – в Хабаровском крае), сетью кинотеатров, библиотек, другими центрами проведения массовых мероприятий⁹⁸.

Первый секретарь Хабаровского крайкома А.К. Черный рассматривал клубные и спортивные сооружения как «резерв для улучшения работы с людьми». Здесь проводились лектории по пропаганде трезвости, по проблемам науки, техники, экономики. Отделения общества «Знание» организовывали лектории по самым различным направлениям идеологического воспитания и научно-технического прогресса⁹⁹. В Приморском крае достижения НТР призваны были распространять 223 преподавателя Дальневосточного политехнического института¹⁰⁰. В Амурской области практиковались рейсы «агиттеплохода» обкома КПСС, а также и агитпоезда Тындинского горкома, курсировавшего по Байкало-Амурской магистрали. Идеологическая работа по мобилизации людей на ударный труд становилась все более затратной.

Главным идеологическим орудием партии были члены КПСС – 19 млн чел., которые в представлении М.С. Горбачёва спаяны «единством цели, воли и дисциплины»¹⁰¹. В середине 1980-х гг. «приморский отряд коммунистов» насчитывал примерно 130 тыс. чел., в Хабаровском крае – около 100 тыс., 3250 первичных партийных организаций, которые управлялись 35-ю горкоммами и райкоммами партии. Крайком располагал 71 тыс. агитаторов, политинформаторов, пропагандистов, лекторов¹⁰². Краевым руководством ставилась задача: «...в каждой бригаде должен быть агитатор, каждый бригадир должен участвовать в агитационной работе»¹⁰³. В Амурской области насчитывалось 21336 агитаторов, кроме того, в 1984 – 1985 гг. работало 675 школ научного коммунизма по актуальным проблемам идеологической работы с охватом 16 тыс. слушателей¹⁰⁴.

Структура специализированных пропагандистских групп Хабаровского крайкома КПСС отражала основные направления их деятельности:

- Общественно-политическая группа – 16 чел.
- Группа по проблемам патриотического воспитания – 13 чел.
- Группа нравственно-эстетических и атеистических проблем – 13 чел.
- Группа морально-правовых проблем – 12 чел.
- Группа по пропаганде и охране памятников истории и культуры, защите природы и экологической среды – 11 чел.¹⁰⁵.

Но все это было повторением прошлого опыта в системе обеспечения социально-политической безопасности. Государство не собиралось отказываться также и от ограждения советских граждан от вредной, по мнению руководства, информации. В июне 1985 г. ЦК КПСС и Совет Министров СССР наметили необходимые меры, которые планировалось реализовать до 1995 г. Должны были получить развитие средства передачи программ радиовещания, которые ограничивали бы «возможность приема программ враждебной радиопропаганды». Параллельно с этим предполагалось активизировать собственную пропаганду, усилив слышимость советского радиовещания за рубежом и увеличив в 1,5 раза количество мощных каналов радиовещания на другие страны¹⁰⁶.

Деятельность региональной власти по усилению контрпропаганды видна на примере Приморского крайкома партии, который пытался организовать систему «сбора и изучения информации идеологических диверсий противника». Контрпропагандистская работа строилась на анализе содержания передач зарубежных радиостанций сопредельных стран. Для идеологического актива судов заграничавания в городах Владивостоке, Находке, а также в Хасанском и Пограничном районах был организован постоянно действующий семинар «Особенности политико-воспитательной, информационной и контрпропагандистской работы в условиях заграничавания и взаимодействия с иностранными гражданами»¹⁰⁷.

На Сахалине работали «устные журналы»: «Идеология лжи», «Два мира – два образа жизни», проходили тематические вечера «Мир и молодежь», лекции и беседы¹⁰⁸. В 1990 г. руководство Сахалинской области обращалось к заместителю председателя Гостелерадио СССР с просьбой открыть в пос. Южно-Курильске редакцию районного радиовещания. Мотивом для такого обращения являлся «мощный пропагандистский пресс нашего южного соседа по вопросу о так называемых «северных территориях»¹⁰⁹.

Этот традиционный курс, наследие холодной войны, проводился в жизнь на фоне новой советской политики в АТР, нацеленной на мирное сосуществование, которую провозгласил М.С. Горбачёв во время поездки по Дальнему Востоку летом 1986 г. После этого визита в г. Владивостоке был создан корпункт Агентства печати «Новости», задачей которого являлось «...на конкретных убедительных примерах показывать зарубежным читателям как претворяется в жизнь новая мирная Азиатско-Тихоокеанская доктрина СССР»¹¹⁰. Здесь можно усмотреть противоречие и даже лицемерие государственных идеологических органов, скорее всего стремление государства защитить себя в сложный переходный период с помощью арсенала средств, который имелся в

распоряжении власти. Более того, идеологическая политика государства, какой бы направленности она не была, значительно смягчалась, можно сказать – нейтрализовалась её изначально низкой эффективностью и последовавшей вскоре политической либерализацией. Но возникает вопрос, как измерить эту эффективность в историческом исследовании?

Авторы постарались оценить действенность идеологической политики по нескольким параметрам. Во-первых, какое место занимали проблемы идеологии среди вопросов, волновавших граждан, считали ли они эти вопросы принципиально важными; во-вторых, как граждане смотрели на основные проблемы, которые затрагивала идеологическая политика; в-третьих, как сами органы власти оценивали эффективность идеологической работы.

В связи с вышесказанным представляет интерес тематическое распределение писем граждан в органы власти. Перед нами аналитическая сводка по Хабаровскому краю за 1986 г. (табл. 11). Из неё видно, что подавляющее преобладание темы улучшения жилищных условий соседствует с почти полным отсутствием интереса к проблемам идеологии.

Таблица 11

**Тематическое распределение писем трудящихся
Хабаровского края в ЦК КПСС в 1986 г.¹¹¹**

№	Темы	Кол-во писем	в %
1	По вопросам работы партийных органов	235	7
2	По вопросам идеологической работы	56	1,7
3	О работе промышленных предприятий	73	2,2
4	О работе предприятий транспорта и связи	127	3,8
5	О работе совхозов и колхозов	43	1,3
6	По трудовым спорам	183	5,5
7	По вопросам улучшения жилищных условий	1313	39
8	О неправильном поведении должностных лиц	103	3,1

В том же году из 199 писем в Хабаровский крайком, адресованных XXVII съезду КПСС, 47% (абсолютное большинство) также касалось улучшения жилищных условий¹¹². Такая же картина наблюдалась и в Приморье, где за 1985–1986 гг. больше половины писем в крайком были жилищной направленности¹¹³. Перед нами явное доминирование запроса на удовлетворение прежде всего базовых, материальных потребностей.

Достигала ли идеологическая работа своих целей – в первую очередь мобилизации людей на ударный труд? Некоторые результаты исследования «Нравственное сознание: состояние и изменение под влиянием Перестройки и обновления общественной жизни», проведённого АОН при ЦК КПСС в 1987 г., позволяют сделать выводы (опрошено 13 260 трудящихся в 68 коллективах 11 регионов страны):

53,8% опрошенных признали, что допускают брак в работе;

64,8% хотя и осуждали в душе «несунов» (тех, кто занимался воровством на предприятии. – *Примеч. авт.*), но не могли против них бороться, были безразличны к этим вопросам;

36,4% — признавали, что люди в их трудовом коллективе заняты лишь личным благополучием¹¹⁴.

В 1986 г. приморское руководство, давая оценку работе партийных организаций края, отметило: «...без должной настойчивости реализуется одно из главных требований – усилить идеологическое обеспечение социально-экономической программы». По мнению Д.Н. Гагарова, пропаганде недоставало «...главного – деловитости, нацеленности на достижение конкретного экономического и политического результата»¹¹⁵. Впрочем, кризис этой сферы признавался не только крайкомами КПСС¹¹⁶, но и подтверждался научно. Так, согласно социологическому исследованию, проведённому в 1987 г. и охватившему более 5000 чел. в Ленинграде, Киеве, Минске, Воронеже, Калининграде, Кривом Роге, Свердловске, Красноярском крае, Кустанайской, Орловской и Саратовской областях, выяснилось, что «более половины опрошенных не смогли чётко назвать важнейшие экономические задачи, стоящие перед страной и перед коллективом. На важность ускорения научно-технического прогресса указал только каждый шестой рабочий и колхозник»; 37% опрошенных не смогли ответить на вопрос — какие проблемы поднимает наглядная агитация, хотя 90% признали, что она в их коллективе есть¹¹⁷. По результатам этого же исследования большинство хозяйственников были отнесены к «плохим воспитателям», а партийных работников — к «плохим организаторам производства»¹¹⁸.

В ходе масштабного социологического исследования, проведённого в Гродненской, Брестской и Витебской областях, в Латвии, Узбекистане, Азербайджане, Грузии, Иркутской и Донецкой областях, в Северо-Осетинской АССР и в районе строительства БАМа, выяснилось, что за четыре года Перестройки партийные комитеты не добились формирования у рядовых коммунистов стремления действовать активнее, брать на себя ответственность. В оценках степени участия коммунистов в Перестройке преобладали «средняя» (44–46%) и «больше слов, чем дела» (28–38%)¹¹⁹.

Неэффективность пропаганды определялась не только изменением общества, формализмом и устаревшими методами работы, но, прежде всего, тем, что в ее действенность не верили сами агитаторы. «...Это никогда не считалось серьёзной работой», – писал в Приморский крайком коммунист с 34-летним стажем, геолог Дальнегорской геологоразведочной экспедиции С.Т. Войченко, по партийной линии занимавшийся как раз вопросами идеологии¹²⁰.

Подобное неверие носило массовый характер. Данные исследования, проведённого АОН при ЦК КПСС, позволяют сделать вывод, что произошла фетишизация экономических условий и материальных предпосылок в массовом сознании, в том числе в сознании партийных работников¹²¹. Предложения Первомайского районного комитета г. Владивостока, сделанные в конце 1990 г. к проекту «Основные направления, принципы молодёжной политики Приморского края», ярко подтверждают этот вывод: констатировалось, что прямое идеологическое воздействие может вызвать «обратный эффект» и «ценность социалистических идеалов требуется доказать сугубо материальными методами». Обосновывалась необходимость создания системы материальных благ и льгот, которые «должны быть ощутимыми» (доступная по цене квартира, помощь в образовании, беспроцентный кредит и т.д.). Это доказало бы «преимущества социалистического образа жизни». Кроме того, подчёркивалась важность таких мер, как «финансирование молодёжных жилищных комплексов, коммерческих школ для молодёжи, молодёжных банков, благотворительных обществ, иных массовых начинаний», что могло бы «стать залогом популярности партии в народе, обусловить приток молодёжи в её ряды»¹²². Если учесть, что эти предложения были сделаны в период лавинообразного выхода коммунистов из КПСС, их можно отнести к разряду нереальных, но всё же отражающих процесс обесценивания официальной идеологии.

Идеология обветшала, а контролирующие органы утрачивали репрессивный характер. На этом фоне происходил бурный рост общественно-политической активности, во многом при поддержке или попустительстве самой власти. Даже такие экстраординарные для того времени события, как майские митинги 1988 г. на Сахалине, ставшие решающими для смены Первого секретаря областного комитета КПСС П.И. Третьякова, проходили на фоне определенной растерянности местных партийных работников. В секретной информации в адрес ЦК КПСС митинги были охарактеризованы главным образом как прошедшие под лозунгами поддержки перестроечных процессов в стране, как свидетельство, «несмотря на отдельные незрелые высказывания», «демократизации общественной жизни на практике»¹²³.

Политическое руководство в период подъёма Перестройки стремились не только «влиять» на умы людей с помощью идеологической работы, но и наладить действенную обратную связь с обществом. Наступил момент, когда для политического режима стало жизненно важным не поддержание официального образа общества, а понимание общественной жизни во всей её противоречивой сложности и полноте. Пропагандистская деятельность могла служить одним из каналов обратной связи. Через систему лекционной пропаганды поступали сведения о проблемах, волновавших и рядового жителя поселка, и Первого секретаря горкома. Помимо этого, задававшиеся вопросы отражали общий информационный фон, вбиравший в себя (вследствие отсутствия у населения достоверной информации) разного рода слухи и опасения. Проводился анализ популярности тем лекций, дискуссий. Ещё одним каналом связи стали критические замечания, просьбы, жалобы, наказания, поступавшие при отчетах депутатов Советов народных депутатов, исполнение которых ставилось на контроль.

В обращениях характерными темами, отражавшими настроения, доминирующие в обществе в 1987 г., являлись:

- медленный переход советских и хозяйственных органов на принципы работы, декларируемые Перестройкой;
- требования подотчетности избираемых и назначаемых должностных лиц перед населением;
- требование большего доступа к информации, особенно при решении вопросов, затрагивающих интересы граждан¹²⁴.

Кроме традиционных налаживалась работа и других каналов связи населения с властью. Организовывались дни открытого письма, сходы граждан, подворные обходы, вечера вопросов и ответов, общественные приемные при редакциях газет, выездные приемы граждан¹²⁵. В газетах, на радио и телевидении появлялись рубрики «Вы спрашивали», «Дискуссионная трибуна», «Резонанс», «Дайте слово!», «Открытый объектив», «Прямой вопрос». Плановые мероприятия интенсифицировались в преддверии подготовки к общесоюзным и региональным партийным съездам, выборам разного уровня. Кроме вовлечения населения в широкое обсуждение предложенных властью тем они должны были снижать и назревавшую социальную напряженность, но действенность их по ряду причин (в том числе из-за отсутствия должного анализа и учета мнения и запросов населения) оставалась невысокой. Согласно опросу на Сахалине в работе обкома была отмечена слабая связь с населением (41% опрошенных)¹²⁶.

Самостоятельным массовым источником для выявления круга значимых для населения тем и получения достоверной информации о потребностях в сфере внутренней государственной политики явля-

лись предложения, высказывавшиеся коммунистами и беспартийными в ходе обсуждения различных партийных документов (проектов Платформы ЦК КПСС, Устава, материалов к съездам и конференциям КПСС). Так, в обсуждении тезисов ЦК КПСС к XIX Всесоюзной партийной конференции приняло участие более 700 тыс. приморцев, 112 тыс. членов партии, выступили более 40 тыс. чел. Было высказано свыше 17 тыс. замечаний, предложений и дополнений¹²⁷.

Новой формой стало создание дискуссионных политических клубов, ставивших целью разработку конкретных рекомендаций по проблемам региона¹²⁸, вели свою работу «круглые столы», «трибуны актуальных проблем», исторические чтения. Диалог с властью (а также выбор тех или иных способов коммуникации) происходил, прежде всего, в пределах политических возможностей, которые существовали в определенный временной отрезок. До конца 80-х гг. в государстве социальные конфликты разворачивались лишь в латентной форме, их наличие отрицалось или замалчивалось. Индивидуальный протест мог расцениваться как акт гражданского неповиновения. Как писал Ю. Левада, «...скрытое несогласие в советский период уходило в «двоемыслие», прикрывалось показной лояльностью по отношению к власти (другая сторона того же явления – показная забота власть имущих о народе)»¹²⁹.

Выразителями общественных настроений, чье мнение не было «санкционировано» сверху, стали в этот период новые социальные движения. На Сахалине переход политической инициативы к «низам», активизация сил, выступавших за демократизацию всех сфер жизни общества, произошли раньше, чем в других регионах страны. В то время, когда партия только декларировала «необходимость формирования нового общественного мнения» и «освоения сознанием сути наступивших и грядущих перемен»¹³⁰, в обществе уже был накоплен необходимый для перехода к решительным действиям потенциал. По данным социологического опроса, проведенного ИСИ АН СССР в 1987 г., лишь 16% респондентов считали, что перестройка идет успешно, 31,4% – медленно и с большими трудностями, совсем не ощущается – 32,3%, с ответами затруднились или не ответили 20,3%¹³¹.

Стихийный митинг 21 мая 1988 г., поводом к которому явилось обсуждение несправедливых безальтернативных выборов делегатов на XIX Всесоюзную партконференцию, стал открытой трибуной для выражения населением своего недовольства, отказа в доверии областному руководству. По словам А.Г. Романова, Первого секретаря Долинского ГК КПСС, «группа [неформалов] своими действиями впервые заставила нас вплотную заняться политической работой...»¹³² Из письма жителя области: «За неделю работы [инициативная] группа сделала больше

всех известных «официальных» формирований, так что спасибо ей (не знаю только чем это для нее обернется)...»¹³³. Последовавший на втором митинге (собравшем по разным оценкам до 5 тыс. участников) призыв к организационному оформлению стихийной инициативы привел к созданию политической организации общественности г. Южно-Сахалинска «Демократическое движение за перестройку» (ДДП)¹³⁴, костяк которой составила уже проявившая себя инициативная группа из 8 чел.

Власти столкнулись с мобилизацией, основанной не на принадлежности к какой-то традиционной группе, а исходя из общности осознаваемых всеми активными участниками движения интересов. Раньше, не являясь полноценным и полноправным субъектом политики, человек мог адресовать свои запросы к власти через подконтрольные ей институты-посредники. Прямое же участие, не связанное с формальным членством в организации, было вызовом общества власти. Оно приводило не только к росту политической самоидентификации, но и сокращало дистанцию, преодолевало в определенной степени взаимную отчужденность власти и общества. «Было чувство мучительного восстановления обратной связи, механизм которой был основательно разрушен...»¹³⁵

Основной целью ДДП провозглашалось восстановление ленинских принципов социализма и создание подлинного народовластия¹³⁶. Первоначально участники движения взяли на себя роль активного помощника Перестройки, предлагая свое содействие и поддержку горкому КПСС в налаживании диалога между населением и властью, в борьбе с бюрократизмом и номенклатурными привилегиями. Формы работы включали в себя: собственные расследования фактов социальной несправедливости, сбор, в том числе через обращения граждан и доведение актуальной информации до населения, разработка различных предложений и рекомендаций для государственных, хозяйственных и партийных органов. Занимались проведением тематических митингов, городских собраний и регулярных «гайд-парков» (правовая неопределенность такого «уличного «парламента»¹³⁷ позволила властям вскоре их запретить), налаживанием сотрудничества с заинтересованными группами (молодежными, экологическими), обращениями в СМИ, ЦК КПСС.

Достижение необратимости демократических преобразований, по мнению участников ДДП, было возможно через создание механизмов непосредственной демократии, многообразие политических форм активности граждан, обеспечение прямого участия широких масс в решении ключевых вопросов жизни страны, общенародные обсуждения и референдумы¹³⁸. Содействие реализации этих задач наряду с обеспечением интересов и защитой прав и достоинства людей труда,

проведение в жизнь принципа гласности и доступности информации было основным направлением деятельности организации. На волне общественной поддержки с участием «восьмерки» в мае 1988 г. прошли партийно-хозяйственные активы, на которых обкому КПСС пришлось отчитываться по проблемам развития социальной сферы, вопросам злоупотреблений руководства области¹³⁹, начались проверки по фактам нарушений в сфере жилищного, экологического законодательства. Хабаровский Народный фронт также признавал, что единичные усилия граждан и отдельных групп не способны изменить существующее положение и выступал как «форма проявления общественной инициативы и ответственности граждан»¹⁴⁰.

В стране отсутствовало законодательство, регулирующее разрешение трудовых конфликтов и деятельность общественных объединений. Деятельность возникавших организаций формально могла осуществляться только в соответствии с Положением о добровольных обществах и союзах областного значения, утвержденным Постановлением ВЦИК и СНК РСФСР 10.07.1932 г.¹⁴¹ Принятые Постановлением ВС СССР Указы №504 и 505 «О порядке проведения и организации собраний, митингов, уличных шествий и демонстраций», «Об обязанностях и правах внутренних войск МВД» и внесение изменений в УК РСФСР (введенные в конце 80-х гг. ст. 70.1, 200.1) также накладывали ограничения на возможность открытого выражения своих интересов населением.

Происходило фактическое становление оппозиционных организаций, которые с середины 80-х гг. вели свою деятельность в рамках существовавшего политического строя и считали главной целью превращение его в некое идеальное общественное устройство, призванное, прежде всего, служить народу, содействуя со своей стороны решению актуальных проблем. Постепенно возникала широкая сеть информационных каналов. Так, ДДП установило связи с Демократическим Союзом, Московским народным фронтом¹⁴², Дальневосточным народным фронтом, Владивостокским политическим клубом «Демократ» и многими другими.

По мере осознания того, что региональная власть в их помощи не заинтересована и действует в соответствии с собственными представлениями о должном порядке, участники неформальных организаций, все больше политизируясь, начинали борьбу за участие во власти. Характерным явлением, как и в масштабах страны¹⁴³, была специализация внутри движений по направлениям работы, что в итоге послужило выделению из их состава самостоятельных групп, на основе которых были впоследствии созданы новые общественно-политические движения и партии.

Первые неформальные демократические объединения испытывали на себе все недостатки самоорганизации «снизу»: немногочисленность активных членов, трудности дальнейшей мобилизации и расширения социальной базы, нехватка собственных финансовых и административных ресурсов. Успешность действий на начальном этапе, обусловленная главным образом массовой (активной либо пассивной) поддержкой общественности, базировалась, прежде всего, на уверенности участников в возможности реализации своего неотъемлемого права быть услышанными властью. Вопросы, актуализированные этими организациями, явились, по сути, теми политическими требованиями, выражавшими общие интересы (от решения социально-бытовых проблем до требований экономической самостоятельности Сахалина и Курил и общей демократизации жизни), игнорирование которых в дальнейшем привело к слому прежней системы управления. В рамках существовавших политических возможностей давление на власть посредством прямого участия, организованное «Демократическим движением за перестройку» и подхваченное другими самостоятельными общественными организациями региона, положило начало формированию публичной политики и гражданского общества на российском Дальнем Востоке.

Перспективы «Демократического движения за перестройку» были обозначены его организаторами в проекте Программы: «...в условиях развивающегося демократического общества народное движение, основанное на гражданской инициативе, может потерять свое значение и место в политической системе. В этом случае Движение может... передать свои полномочия другим общественным институтам¹⁴⁴. Так и произошло, прямое участие граждан уступило место институциональной политике.

Печатные издания неформальных движений (самиздат) вызывали повышенный общественный интерес, прежде всего как альтернативный источник информации, подорвавший монополию государства на истину. Главной своей миссией они провозглашали реализацию прав населения на свободу слова и мысли, содействие росту политического правосознания¹⁴⁵. К концу 1980-х гг. пресса, достигнув необходимого уровня автономии от номенклатуры и укрепив связи с общественным мнением, интегрировав интересы различных социальных групп, становилась самостоятельным властным институтом. Региональные СМИ, ранее использовавшиеся в качестве средства пропаганды и агитации, переходили под контроль местных Советов народных депутатов (в том числе и под давлением общественного мнения). Насколько газеты смогли осознать свои консолидирующие и организующие функции, место в процессе обновления общества, настолько и реали-

зовались их возможности в участии в формировании общественного мнения. Стоящие на открыто демократических позициях издания увеличивали свои тиражи («Свободный Сахалин», «Губернские ведомости» в Сахалинской области, «Молодой дальневосточник» в Хабаровском крае).

Характерно, что в условиях демонополизации, усилившейся неэффективности управления, снижения авторитета коммунистической партии, неспособной на местах влиять на развитие событий, население страны (согласно опросу 1989 г.) видело способы решения проблем, прежде всего, в наказах депутатам (68,6%), использовании СМИ в поддержку своих требований (67,7%), обращениях в органы власти (66,1%), политических дискуссиях (63,5%), санкционированных митингах (57,1), проведении референдумов (49,7%)¹⁴⁶. Жители Приморского края (опрос 1990 г.) связывали свои надежды на улучшение ситуации в крае также на вновь избранные Советы (56%) и СМИ (44%)¹⁴⁷.

На рубеже 1980 – 1990-х гг. на региональном уровне складывалась система целенаправленного, поставленного на научную основу изучения общественного мнения. В зоне Урала, Сибири и Дальнего Востока был организован специальный семинар «Использование социологических исследований в практике партийной работы». Правда, отношение к социологической информации со стороны партийных руководителей характеризует, например, тот факт, что в 1991 г. из 46 представителей Приморского краевого комитета КПСС, в адрес которых своевременно был направлен персональный вызов, приехало лишь 17¹⁴⁸. Политическое руководство пыталось взять инициативу: последовали Постановления ЦК КПСС «О повышении роли марксистско-ленинской социологии в решении узловых проблем советского общества», при поддержке Дальневосточного отделения советской социологической ассоциации АН СССР создавались социологические службы в Хабаровском крайсовпрофе, крайкоме ВЛКСМ, а также в дальневосточных вузах, институтах ДВО АН СССР, на предприятиях вводились ставки социологов. В 1986 г. Центр изучения общественного мнения был создан в Приморском крае.

Данные всесоюзного опроса 1989 г. свидетельствуют, что население страны было заинтересовано в получении информации, которую официальная статистика либо не давала, либо искажала: о предстоящей реформе цен и ценообразования (78,5%), о реальной экологической ситуации, обстановке в стране и отдельных регионах (64,2%), о действительном состоянии здоровья народа (59,7%), об уровне жизни в СССР и развитых капиталистических странах (55,4%), о «белых пятнах» истории нашей страны (53,4)¹⁴⁹. Данные опроса отражают процесс на юге Дальнего Востока. Кроме того, общественное мнение дальневосточни-

ков получило свое оформление и по ряду других вопросов, возникновение которых обусловлено спецификой самого региона и менталитета людей. Все их можно объединить в несколько блоков:

- наличие постоянных экономических угроз со стороны Центра;
- комплекс приграничных проблем;
- экстремальность условий труда и низкий уровень социальной инфраструктуры, обусловленные территориальной отдаленностью;
- наличие значительных в прошлом миграционных трудов потоков и особый тип регионального самосознания.

В представлениях дальневосточников первые лица региона, партийная номенклатура были соучастниками политики Центра в колониальном использовании природных и людских ресурсов, отработывая предоставленные центром привилегии¹⁵⁰. Так называемые круизы для своих (поездки в Японию профсоюзного, партийного руководства в Приморье и на Сахалине) вызвали всплеск народного возмущения, призывы к восстановлению социальной справедливости, борьбе с «партократией». Отчетливо проявлялось беспокойство населения по поводу способности государства защитить его от резкого падения уровня жизни и разгула преступности.

Острые дискуссии в обществе вызвал вопрос о снятии статуса погранзоны в Сахалинской области, главным образом из-за того, что решение его было принято без анализа обстановки и учета общего мнения. Сахалинское управление КГБ располагало сведениями о массовом негативном отношении жителей острова к этой идее¹⁵¹. Упрощенный въезд граждан из других регионов страны, по их мнению, должен был усугубить криминогенную обстановку, привести к разгулу спекуляции, истощению природных ресурсов, а также ухудшению ситуации в социальной сфере в силу неподготовленности всей островной инфраструктуры. К январю 1991 г. «за» сохранение пограничной области на Сахалине высказалось около 50 тыс. чел. (645 коллективов), 38 чел. — «против»¹⁵². К марту первая цифра выросла до 100 тыс. чел.¹⁵³ Тем не менее реакции из Центра не последовало, и Постановление СМ СССР осталось в силе¹⁵⁴.

Другим вопросом, сплотившим жителей области перед лицом центральных властей, явилась Курильская проблема. Только благодаря активным протестам местного населения, а также поддержке их со стороны других краев и областей Дальнего Востока удалось сохранить статус-кво.

На рубеже 1980–1990-х гг. в дальневосточном социуме была выдвинута идея самостоятельного, автономного от центральных органов власти управления территорией. Дальневосточная ассоциация демо-

кратического движения, представлявшая 36 организаций Дальнего Востока, на своей учредительной конференции в сентябре 1989 г. приняла резолюцию «За Дальневосточную Союзную Республику», предлагавшую всем районным, городским, областным и краевым исполнительным комитетам, а также Верховным Советам РСФСР и СССР вынести на обсуждение жителей Дальнего Востока вопрос о полной экономической самостоятельности региона и предоставлении ему статуса Союзной Республики¹⁵⁵. Но массовой поддержки эти начинания не имели. Власти смогли ответить на этот вызов. Перенесенная в область экономических реалий эта идея воплотилась в концепции создания зон свободного предпринимательства на Сахалине и в Приморье. Среди других актуальных проблем Дальнего Востока, вынесенных на повестку дня общественными движениями и отдельными социальными группами в период перестройки и в начале 1990-х гг., рассматривались следующие:

- необходимость законодательного упорядочения льгот для дальневосточников, восстановление системы материального стимулирования и поддержки;
- социально-экономическое положение коренных малочисленных народов Севера (отсутствие законодательной возможности ведения ими полноценной хозяйственной деятельности);
- экологические проблемы: планы руководства по строительству Приморской, Хабаровской АЭС, каскада ГЭС на Амуре, загрязнение окружающей среды, захоронение радиоактивных отходов;
- приграничные проблемы: спорные территории (Приморье, Хабаровский край), Курильская проблема (требования как передачи Японии островов, так и против таковой); вопрос о снятии статуса погранзоны в Сахалинской области и в Приморском крае;
- проблема гласного обсуждения на альтернативной основе проектов развития региона, требование обязательного проведения референдумов при принятии важнейших решений (строительство АЭС, ГЭС на Амуре, размещение военных объектов, ИТУ, повышение административного статуса районов, снятие погранзоны в Приморском крае, Сахалинской области и прочее);
- межэтнические проблемы, касающиеся взаимоотношений местного населения с иностранной рабочей силой, прибывавшей по Межправительственным соглашениям и организованному набору (граждане КНДР¹⁵⁶, СРВ, КНР)¹⁵⁷;
- восстановление принципов социальной справедливости (так называемые круизы для своих – поездки в Японию профсоюзного, партийного руководства в Приморье и на Сахалине, строительство коттеджей и прочее);

– идея независимости дальневосточных территорий: создание Приморской республики, Независимой демократической островной республики, ДВР, Дальневосточной демократической республики, Еврейской автономной республики, Национальной автономии коренных малочисленных народов Сахалина.

В условиях становления механизмов представительной демократии, появления новых политических партий и движений на рубеже 1980–1990-х гг. общественное мнение искало выражения во всех доступных ему формах, были использованы все предоставляемые властью способы организации диалога. Власть оказалась в ситуации необходимости отвечать на новые вызовы, формирующиеся в обществе.

4.3. НОВЫЕ ВЫЗОВЫ В ИНФОРМАЦИОННОЙ СФЕРЕ

С развитием процессов, запущенных Перестройкой, в общественно-политической жизни появляется новая система обращения, доступа и контроля информации. Конституция 1993 г. провозгласила право каждого «свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом», гарантировала свободу массовой информации и запрещала цензуру¹⁵⁸. В российском общественно-политическом дискурсе появились такие понятия, как свобода слова, свобода совести, информационные потоки, информационное общество, информационная безопасность.

В советский период официально не использовалось понятие «информационная безопасность». В этом не было необходимости, так как информационное пространство формировалось государством, все информационные потоки внутри страны контролировались на соответствие советским идеологическим нормам и все, что выходило за установленные цензурой рамки, квалифицировалось как угроза безопасности. Информационная безопасность – понятие демократическое, оно может рассматриваться как влияющее на общественно-политическое и культурное развитие только в условиях демократического общества или общества с зачатками демократии, т.е. при наличии основополагающих свобод: свободы слова, свободы печати, свободы инакомыслия и выбора образа жизни. В СССР сдвиг в сторону смягчения идеологических норм наметился в середине 1980-х гг. – XXVII съезд КПСС поставил вопрос о «расширении гласности». Было заявлено, что

«без гласности нет и не может быть демократизма, политического творчества масс, их участия в управлении»¹⁵⁹.

С ростом свободы информации в стране объективно возникала необходимость оценки информационных потоков, их роли и влияния на развитие всех сторон жизни государства и общества. На смену разрушенным институтам идеологического и административного воздействия пришла «информационная политика». У государства, не имеющего информационных барьеров, жесткой цензуры печати, но с развитой системой коммуникаций, должна быть собственная информационная политика, направленная на защиту национальных интересов.

В России в 1990–2000-х гг. был выработан ряд официальных документов, приняты законодательные акты, определяющие статус информации, ее роль в развитии общества, утверждающие стратегию информационного развития страны и принципы регулирования информационных потоков: Закон «О средствах массовой информации» (1991)¹⁶⁰, Конституция Российской Федерации (1993), Закон «О порядке освещения деятельности органов государственной власти в государственных средствах массовой информации» (1995)¹⁶¹, «Доктрина информационной безопасности Российской Федерации» (2000)¹⁶², Федеральная целевая программа «Электронная Россия» (2002–2010), Указ президента Российской Федерации «О мерах по обеспечению информационной безопасности Российской Федерации в сфере международного информационного обмена» (2004)¹⁶³, Закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (2006)¹⁶⁴, Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 г. (2009)¹⁶⁵. Принципы развития информационного общества в России отражены в «Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации» (2008). В основе ее разработки лежат документы, принятые мировым сообществом в начале нового тысячелетия: «Хартия глобального общества» (Окинава, 2000)¹⁶⁶, «Декларация принципов построения информационного общества» и «План действий» (Женева, 2003), «Обязательство по вопросам информационного общества» (Тунис, 2005)¹⁶⁷.

Доктрина информационной безопасности Российской Федерации содержит определение: «Под информационной безопасностью в Российской Федерации понимается состояние защищенности ее национальных интересов в информационной сфере, определяющихся совокупностью сбалансированных интересов личности, общества и государства»¹⁶⁸. Информационная среда является системообразующим фактором в жизни общества и активно влияет на состояние политической, экономической и других составляющих безопасности России, и

эта зависимость будет возрастать. Доктрина выделяет четыре основные составляющие национальных интересов Российской Федерации в информационной сфере:

- соблюдение конституционных прав и свобод человека и гражданина в области получения информации и пользования ею, обеспечение духовного обновления, сохранение нравственных ценностей, культурного научного потенциала и т.д.;
- информационное обеспечение государственной политики Российской Федерации, доведение достоверной информации о государственной политике РФ до российской и международной общественности;
- развитие современных информационных технологий, отечественной индустрии информации;
- защита информационных ресурсов от несанкционированного доступа, обеспечение безопасности информационных и телекоммуникационных систем.

В дальнейшем на региональном уровне был разработан и предложен к обсуждению проект документа «Основы государственной политики информационной безопасности Дальневосточного федерального округа Российской Федерации», где представлена стратегия осуществления региональной политики в области информационной безопасности. Необходимо отметить, что согласно Конституции Российской Федерации (статьи 71, 72, 73) основные функции по обеспечению информационной безопасности являются прерогативой федеральных органов власти. Однако решения ряда важных вопросов информационной сферы отнесены к совместному ведению федерации и ее субъектов, более того, некоторые из них должны решаться исключительно субъектами.

В проекте регионального документа выделяется политика федеральной власти по отношению к Дальневосточному федеральному округу Российской Федерации (ДФО РФ), политика субъектов РФ ДФО по отношению к федеральной власти, внутренняя политика ДФО РФ и субъектов РФ ДФО. К функциям федеральной власти относится защита жизненно важных национальных интересов в информационной сфере. Политика субъекта РФ по отношению к федерации направлена, в частности, на выявление жизненно важных интересов ДФО РФ в информационной сфере, создание правовых, организационных и финансовых механизмов обеспечения информационной безопасности. В задачи субъекта входит реализация мер по защите предметов его исключительного ведения, к которым относятся информационные ресурсы, информационная инфраструктура, системы связи и массового информирования граждан.

В проекте документа определены цели государственной политики в сфере информационной безопасности в Дальневосточном регионе. Их условно можно разделить на три составляющие: организационно-технологическая, организационно-правовая и социально-экономическая. Организационно-технологическая составляющая предполагает развитие средств и методов защиты информации и информационной инфраструктуры; организационно-правовая направлена на совершенствование федеральной и региональной законодательной базы, обеспечение конституционных прав граждан на доступ к информации, грамотное управление информационными ресурсами; социально-экономическая предполагает в сфере информационной безопасности обеспечение свободы информационной деятельности и духовной жизни граждан, а также обеспечение стабильности и устойчивости социально-экономического развития региона.

Среди основных целей государственной политики в информационной сфере на территории ДФО РФ на первое место поставлено соблюдение конституционных прав и свобод граждан в области духовной жизни и информационной деятельности, в том числе реализация их прав на получение полной и достоверной информации; на второе – повышение устойчивости социально-экономического развития субъектов РФ ДФО.

Россия, входя в глобальное общемировое экономическое и культурное пространство, объявила не только определенную «открытость» ее экономики и культурной среды, но и делает первые шаги по творческому подходу к выработке методов быстрой адаптации в среде естественного окружения, построению грамотной региональной информационной политики государства. Сегодня идет поиск информационной политики как неотъемлемой части продуманной системы государственных, общественных, деловых коммуникаций, вписывающихся по структуре и формам взаимоотношений в региональную культурно-экономическую среду стран Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР). Система региональных, межгосударственных, трансграничных, общественных, межличностных бизнес-коммуникаций должна иметь одну цель – адаптация российского Дальнего Востока в экономическую и культурную среду стран АТР при сохранении высокого уровня социально-экономического развития региона и жизни российских граждан. В соответствии с этим система информационной безопасности Дальневосточного региона должна отражать специфику задач информационной политики государства на Дальнем Востоке и базироваться не на запретительных и ограничительных принципах распространения информации, как было в советский период, а на открытости, доступности, достоверности информации, возможности генерации и поддержки коммуникаций.

Информационная безопасность как понятие и как часть стратегии национальной безопасности страны в «Стратегии национальной безопасности РФ до 2020 г.» отсутствует. По-видимому, авторы документа считают, что в этом нет необходимости. Сочетание «информационная безопасность» упоминается в «Стратегии» только один раз в п. 109 и касается совершенствования безопасности функционирования телекоммуникационных систем, т.е. относится к решениям технических вопросов защиты информации и каналов передачи данных. Между тем понятие «информационная безопасность» в современном глобализирующемся мире означает формирование информационного поля, способствующего созданию условий гармоничного развития социальной среды. Многие исследователи считают, что геополитический облик мира будет определен на основе нового передела зон влияния, прежде всего в информационной сфере. В настоящее время в мире имеет место следующая тенденция: более развитые страны отличает преобладание исходящего информационного потока.

Роль информации в «Стратегии» отмечена в нескольких контекстах, например в п. 52 в связи с обеспечением доступности информации для повышения качества жизни российских граждан. В п. 62 подчеркнута необходимость формирования информационной инфраструктуры как фактора экономического роста. О создании территориально распределенных информационных фондов как условия обеспечения национальной безопасности в сфере культуры указано в п. 79.

Информационную основу «Стратегии» составляют государственные информационные ресурсы, гармонизация национальной информационной инфраструктуры с глобальными информационными сетями и системами. Однако при этом отсутствует сама концепция построения информационного поля как инструмента формирования общественного мнения в России и за рубежом. Общий контекст «Стратегии национальной безопасности» показывает, что Россия замкнута в самой себе и занимается решением внутренних проблем, а ее стратегическая стабильность базируется на ядерном арсенале и сырьевых ресурсах.

Реализация элементов информационной безопасности на Дальнем Востоке России, как и в целом в Российской Федерации, началась практически с 1990-х гг., с принятием руководством страны первых официальных документов, касающихся информационной политики. Необходимо отметить следующие направления процесса информатизации региона, в которых был достигнут значительный прогресс, в том числе и в плане информационной безопасности:

- обеспечение свободного доступа российских граждан к общемировым информационным ресурсам по каналам телевидения, радио, печатных СМИ, Интернет;

- законодательная отмена цензуры информационных потоков;
- строительство информационной инфраструктуры (каналы доступа в Интернет, телевизионные каналы), создание защищенных электронных каналов передачи данных;
- постепенная ликвидация «цифрового неравенства» дальневосточников (рост количества граждан, организаций, подключенных к Интернет);
- строительство «электронных правительств», организация доступа населения к официальной информации региональной власти, интерактивный диалог с властью по электронным каналам;
- использование глобальной сети в бизнесе и образовании;
- подготовка кадров в области информатизации и защиты информации;

Развитие перечисленных направлений информатизации Дальневосточного региона означает переход социально-политической и экономической жизни на качественно новый уровень. Существенную роль в этом сыграли прокладка магистральных оптоволоконных каналов компаниями «Ростелеком» и «Транстелеком», широкомасштабное предоставление услуг информатизации населения компанией «Дальсвязь», федеральная программа «Электронная Россия», федеральный национальный проект «Образование» и другие программы.

* * *

Таким образом, в сталинский период сформировалась мощная система контроля за духовной и интеллектуальной жизнью советского общества. Одной из основ этой системы было управление информацией. С середины 1950-х гг. информационный и идеологический контроль в условиях демонтажа репрессивных механизмов становится одним из главных инструментов поддержания социально-политической безопасности. Прежде всего, политическое руководство приняло новую Программу КПСС, призванную формировать привлекательный образ будущего и обеспечивать политическую лояльность и трудовой энтузиазм советских людей.

Но привлекательность этого образа, как и легитимность существовавшего режима, достигалась не только «позитивной» составляющей вроде радужных перспектив скорого построения коммунизма и относительного раскрепощения духовной жизни общества (более известной по терминологии 60-х гг. как «оттепель»). Перед властью вставала задача «зачистки» информационного и идеологического пространства от альтернативных образов будущего. Допуская критику сталинского периода, политикам удалось сохранить идеологию, отведя острие

критики не только от системы в целом, но и от конкретных лиц из высшего руководства, многими нитями связанных с деятельностью И.В. Сталина.

После XX съезда КПСС, осудившего «культ личности» и «нарушения социалистической законности», в стране началась управляемая десталинизация. Если общество в целом отреагировало на «оттепель» усилением запроса на рост благосостояния, то в среде интеллигенции возникла надежда на расширение творческой свободы и либерализацию режима. Между тем институты контроля духовной жизни, сформировавшиеся в годы правления И.В. Сталина, продолжали действовать и в новый период. Более того, в условиях сворачивания политики репрессий и начавшегося демонтажа сталинизма роль этих сравнительно «мягких» институтов многократно возрастала. Они, а не карательный аппарат должны были нейтрализовать и предупреждать угрозы политической стабильности советской системы, воздействуя на умы людей.

Необходимо подчеркнуть, что подобная ситуация во многом повторилась во времена Перестройки, отличаясь тем, что М.С. Горбачёв был более последовательным, и к концу существования СССР свобода слова и информации, а также идеологический плюрализм стали свершившимся фактом. При этом реализовались практически все угрозы делегитимации режима, которых опасалось советское руководство на протяжении «постсталинского» существования.

-
- 1 Горяева Т.М. Политическая цензура в СССР. 1917–1991. М.: РОССПЭН, 2002. С. 144.
 - 2 Федотов М.А. Гласность и цензура: возможность сосуществования // Советское государство и право. 1989. № 7. С. 80–89; Цензура в царской России и Советском Союзе: материалы конференции. Москва. 24–27 мая 1993 г. М., 1995. С. 8–11.
 - 3 Галенко Е.В. Политическая цензура на Дальнем Востоке СССР (1946 – середина 1950-х гг.): дис. ... канд. ист. наук. Владивосток, 2011. С.56.
 - 4 Большая энциклопедия: в 62 т. М.: ТЕРРА, 2006. Т. 57. 592 с.
 - 5 Горяева Т.М. Политическая цензура в СССР...С. 149.
 - 6 Там же. С.150–155.
 - 7 Там же. С. 292.
 - 8 В скобках, нарушая хронологию, для наглядности приводятся данные 1954–1955 гг. (т.е. после всех структурных перестановок) по справке Главлита от 22 марта 1955 г., адресованной в Управление ЦК по подбору и распределению кадров ЦК КПСС: Цензура в Советском Союзе. 1917–1991. Документы / сост. А.В. Блюм. М.: РОССПЭН, 2004. С. 381–382.

- 9 История советской политической цензуры: Документы и комментарии. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1997. С. 345–347; Горяева Т.М. Политическая цензура в СССР... С. 382.
- 10 См.: Горяева Т.М. Политическая цензура в СССР... С. 292.
- 11 Там же. С. 305.
- 12 ГАХК. Ф. Р-803. Оп. 2. Д. 1. Л. 2.
- 13 Там же.
- 14 Там же. Д. 19. Л. 69.
- 15 Там же. Ф. 35. Оп. 41. Д. 33. Л. 64.
- 16 Там же. Ф. Р-803. Оп. 2. Д. 19. Л. 69.
- 17 Там же. Д. 1. Л. 3.
- 18 ГАПК. Ф. 68. Оп. 34. Д. 408. Л. 20.
- 19 ГАХК. Ф. 35. Оп. 38. Д. 35. Л. 153.
- 20 ГАПК. Ф.Р-392. Оп. 1л. Д. 10. Л. 15.
- 21 ГАХК. Ф. 803. Оп. 2. Д. 7. Л. 14.
- 22 Там же. Ф. 35. Оп. 41. Д. 33. Л. 86 и др.
- 23 В «Перечне...», который постоянно переиздавался, обновляясь, был выделен специальный раздел «Особые районы». Он предусматривал запрет на сведения об Арктике и районах Дальстроя, куда отнесены были также Чукотский и Корякский национальные округа, полуостров Камчатка, районы между Корякским национальным округом и Нижне-Амурской областью, Нижне-Амурская область и районы городов Комсомольска-на-Амуре, Советской Гавани, Владивостока, а также многие районы Приморского края.
- 24 ГАПК. Ф. П-68. Оп. 38. Д. 950. Л. 67.
- 25 ГАХК Ф. П-35. Оп. 18. Д. 34. Л. 162–163.
- 26 ГАПК. Ф.П-68. Оп. 34. Д. 409. Л. 20.
- 27 ГАХК. Ф.П-35. Оп. 41. Д. 33. Л. 86.
- 28 ГАПК. Ф. П-68. Оп. 34. Д. 408. Л. 21.
- 29 Там же. Л. 26.
- 30 Там же. Л. 24.
- 31 ГАХК. Ф. П-35. Оп. 41. Д. 33. Л. 64–73.
- 32 ГАПК. Ф. П-68. Оп. 34. Д. 950. Л. 68.
- 33 Там же. Оп. 36. Д. 484. Л. 60.
- 34 В «Перечне» документов, составляющих государственную тайну, были указаны, которые запрещали давать сведения о планах и их выполнении.
- 35 ГАПК. Ф. П-68. Оп. 36. Д. 484. Л. 55.
- 36 ГАХК. Ф. Р-803. Оп. 2. Д. 28. Л. 35.
- 37 Там же. Л. 35.
- 38 ГАПК. Ф. П-68. Оп. 36. Д. 314. Л. 54.
- 39 ГАХК. Ф. Р-803. Оп. 2. Д. 28. Л. 35.
- 40 Там же. Д. 30. Л. 34.
- 41 Там же. Ф. 35. Оп. 41. Д. 33. Л. 66.
- 42 Там же. Оп. 18. Д. 35. Л. 262; Оп. 23. Д. 7. Л. 73 – 77; Д. 235. Л. 131 – 132; Д. 180. Л. 120 – 124; Оп. 38. Д. 35. Л. 1 – 20; Д. 180. Л. 120 – 124; Оп. 41. Д. 35. Л. 85; Оп. 46. Д. 30. Л. 1 – 65.
- 43 См.: Цензура в Советском Союзе. 1917–1991. Документы...
- 44 ГАХК. Ф. П-35. Оп. 38. Д. 35. Л. 81.

- 45 Там же. Л. 72.
- 46 ГАПК. Ф.П-68. Оп. 34. Д. 484. Л. 50.
- 47 Там же. Оп. 38. Д. 950. Л. 23.
- 48 Там же. Оп. 36. Д. 314. Л. 55.
- 49 ГАХК. Ф. Р-803. Оп. 2. Д. 28. Л. 24.
- 50 Там же.
- 51 Там же. Ф. П-35. Оп. 38. Д. 35. Л. 78.
- 52 Там же.
- 53 ГАПК. Ф. П-68. Оп. 34. Д. 408. Л. 24.
- 54 ГАХК. Ф. П-35. Оп. 18. Д. 9. Л. 346.
- 55 Там же. Д. 35. Л. 36.
- 56 Там же.
- 57 Там же.
- 58 Там же.
- 59 Там же. Л. 37.
- 60 Там же. Оп. 23. Д. 106. Л. 10–11.
- 61 Там же. Д. 100. Л. 36–38.
- 62 Там же. Д. 106. Л. 10–16.
- 63 Александр Кучеров. История вопроса. URL: <http://aleksandrovsk.tfd.ru/pode/5105> (дата обращения: 23.08.2011).
- 64 Лютова К.В. Спецхран библиотеки Академии наук: Из истории секретных фондов СПб., 1999. Гл.5. URL: http://vivovoco.astronet.ru/VV/BOOKS/LUTOVA/LUTOVA_5.HTM (дата обращения: 25.08.2011).
- 65 Там же.
- 66 ГАПК. Ф. П-68. Оп. 101. Д. 23. Л. 119.
- 67 Мир после войны: дальневосточное общество в 1945–1950-е гг. Владивосток: Дальнаука, 2009. С.481. (История Дальнего Востока России. Т.3, кн.4.)
- 68 Валерий Дружинский. С Сахалина — в Галичину: «добровольная» ссылка // Зеркало недели. Украина. №17. 13 мая 2011. URL: <http://zn.ua/articles/80918> (дата обращения: 28.09.2011).
- 69 История Отечества XX — начала XXI вв./ Н.В. Загладин, С.И. Козленко, С.Т. Минаков, Ю.А. Петров 3-е изд. М.: «ТИД «Русское слово — РС», 2005. Гл.6. §36.
- 70 Бригадина О.В. Инакомыслие и власть: Диссидентское движение в СССР в середине 1960-х — начале 1980 х гг. // Российские и славянские исследования: сб. науч. статей. Благовещенск: БГПУ, 2004. Вып. 1. С. 242.
- 71 Там же. С.243.
- 72 Козлов В.А. Массовые беспорядки в СССР при Хрущеве и Брежневе (1953 — начало 1980-х гг.). М.: РОССПЭН, 2010. С.443.
- 73 Бригадина О.В. Указ. соч. С.246.
- 74 Там же. С.248.
- 75 Васильева Е.В. Научная интеллигенция Дальнего Востока СССР (60-е — середина 80-х годов). Владивосток, 1993. С.94–95.
- 76 Ващук А.С. Инакомыслие в СССР и проявления крамолы на Дальнем Востоке (1960 — 1970-е гг.) // Колымский гуманитарный альманах. 2008. Вып. 3. С.181.
- 77 Ващук А.С. Инакомыслие в СССР... С.181; Павлов Г. Что было — то было... // Вечерний Магадан. 2000. 14 июля. С. 5.
- 78 Ващук А.С. Инакомыслие в СССР... С.184.

- 79 Там же. С.185.
- 80 ЦХСД Магаданской области. Ф. 21. Оп. 7. Д. 7. Л. 21.
- 81 Ващук А.С. Инакомыслие в СССР... С.185.
- 82 Валентин Пустовит. Камчатский электронный календарь на 2008 г. URL: http://www.poluostrov-kamchatka.ru/other/new_year/cal.htm (дата обращения: 27.09.2011).
- 83 Там же.
- 84 Ващук А.С. Инакомыслие в СССР... С.186.
- 85 Там же.
- 86 Там же. С.181–189.
- 87 Мороз Р. Вступление к подборке стихов Ю. Рудиса: «Выход к морю нельзя отдавать никому». Альманах «Рубеж». № 7. Народный портал «Надеждинский район». URL: http://nadezhdinskiy-dv.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=6693:vstyplenie-k-podborke-stihov-u-rydisa-qvyhod-k-morunelzia-otdavai-nikomuy&catid=60:creative-activity&Itemid=565 (дата обращения: 21.09.2011).
- 88 Источник информации – один из пострадавших С. Копейкин.
- 89 Источник информации – Назарова Я.В., однокурсница участников защиты дома.
- 90 Источник информации – Е.Д. Тимошенко.
- 91 Источник информации – А.Д., участник рок-движения.
- 92 ГАХК. Ф. П-35. Оп. 112. Д. 5. Л. 33.
- 93 ГАПК. Ф. П-68. Оп. 117. Д. 22. Л. 37.
- 94 Козлова Л.В. Становление и развитие регионального телевидения во второй половине XX – начале XXI в.: (на материалах Амурской области): дис. ...канд. ист. наук. Хабаровск, 2006. С. 95.
- 95 ГАПК. Ф. П-68. Оп. 115. Д. 436. Л. 24–26, 31, 32, 43.
- 96 Там же. Д. 659. Л. 2–4.
- 97 ГАХК. Ф. 35. Оп. 112. Д. 112. Л. 15, 17.
- 98 ГАСО. Ф. 53. Оп. 1. Д. 2641. Л. 241.
- 99 ГАХК. Ф. 35. Оп. 112. Д. 112. Л. 15, 17.
- 100 ГАПК. Ф. П-68. Оп. 115. Д. 558. Л. 15.
- 101 Горбачёв М.С. Политический доклад Центрального Комитета КПСС XXVII съезду Коммунистической партии Советского Союза, 25 февраля 1986 г. М.: Политиздат, 1986. С. 4.
- 102 ГАПК. Ф. П-68. Оп. 117. Д. 242. Л. 79.
- 103 Там же. Л. 80.
- 104 ГАО. Ф. П-1. Оп. 62. Д. 103. Л. 157, 158, 193
- 105 ГАХК. Ф. П-35. Оп. 117. Д. 55. Л. 37 – 41.
- 106 СЦДНИ. Ф. 4. Оп. 159. Д. 43. Л. 16.
- 107 ГАПК. Ф. П-68. Оп. 117. Д. 354. Л. 65.
- 108 ГАСО. Ф. 53. Оп. 1. Д. 2641. Л. 241.
- 109 Там же. Оп. 1. Д. 3039. Л. 16.
- 110 ГАПК. Ф. П-68. Оп. 117. Д. 552. Л. 9.
- 111 Там же. Оп. 113. Д. 155. Л. 4.
- 112 ГАХК. Ф. П-35. Оп. 113. Д. 155. Л. 46.
- 113 ГАПК. Ф. П-68. Оп. 117. Д. 133. Л. 20.

- 114 РГАСПИ. Ф. 606. Оп. 1. Д. 2956. Л. 44 – 49.
115 Там же. Оп. 117. Д. 22. Л. 33.
116 См.: ГАХК. Ф. 35. Оп. 112. Д. 5. Л. 32; Оп. 113. Д. 1. Л. 32–33; ГАПК. Ф. П-68. Оп. 115. Д. 625. Л. 22, 26.
117 РГАСПИ. Ф. 606. Оп. 1. Д. 2956. Л. 33, 40.
118 Там же. Л. 38.
119 Там же. Оп. 17. Д. 3050. Л. 49–52.
120 Там же. Д. 930. Л. 15–18.
121 Там же. Д. 3050. Л. 34.
122 ГАПК. Ф. П-68. Оп. 117. Д. 1124. Л. 18–19.
123 СЦДНИ. Ф. П-4. Оп. 150. Д. 64. Л. 98.
124 ГАСО. Ф. 53. Оп. 1. Д. 2704. Л. 5–6.
125 Там же. Л. 9, 29; Д. 2703. Л. 3.
126 СЦДНИ. Ф. П-4. Оп. 159. Д. 78. Л. 2.
127 ГАПК. Ф. П-68. Оп. 117. Д. 640. Л. 72.
128 Дискуссии о проблемах перестройки // Дальневост. ученый. Владивосток, 1989. №10. С.2.
129 Левада Ю.А. Сочинения: проблема человека. М.: Издатель Карпов Е.В., 2011. С.312.
130 Паникин И. Перестройка и идеологическая работа // Блокнот агитатора. Хабаровск, 1987. №6. С.16.
131 Судьбы реформ и реформаторов в России. М., 1996. С.359.
132 СЦДНИ. Ф. П-4. Оп. 150. Д. 7. Л. 21 – 22.
133 Шаров В. На острове – нормальная погода // Молодой дальневосточник. Хабаровск, 1989. 5 авг. С.11.
134 Коняхина А.П. Формирование гражданского общества на российском Дальнем Востоке: «Демократическое движение за перестройку» // Перестройке 25 лет. Историческая память современной России: материалы Междунар. науч.-практ. конф., 14 мая 2010 г. М.: РГГУ, 2010. С.180–185.
135 Шаров В. На острове... С.11.
136 СЦДНИ. Ф. П-4679. Оп. 1. Д. 1.
137 Шубин А. Преданная демократия. СССР и неформалы (1986 – 1989). М.: Европа, 2006. С.196.
138 СЦДНИ. Ф. П-4679. Оп. 1. Д. 1. Л. 11 – 13.
139 Буянов Е.В. Органы государственной власти дальневосточных субъектов Российской Федерации: история и итоги реформирования (конец 80-х – 90-е годы XX в.): дис. ... д-ра ист. наук. Благовещенск, 2003. С.121.
140 ГАХК. Ф. Р-1248. Оп. 1. Д. 19. Л. 12.
141 ГАСО. Ф. 1183. Оп. 1. Д. 32. Л. 259.
142 Подошвин В. Борьба идеологий в общественно-политическом движении на Сахалине // СИАА. Южно-Сахалинск, 1996. №1(7). С.14.
143 Игрунов В. О неформальных политических клубах Москвы // Проблемы Восточной Европы. 1989. № 27–28. URL: http://www.igrunov.ru/cv/vchk-cv-chosenpubl/vchk-cv-chosenpubl-inform_clubs.html (дата обращения: 20.04.2010).
144 СЦДНИ. Ф. П-4679. Оп. 1. Д. 1. Л. 8.
145 ГАХК. Ф. Р-1248. Оп. 1. Д. 12. Л. 2.

- 146 Политическое сознание и его роль в перестройке и обновлении общественных отношений: (Итоги повторного социологического исследования). М., 1990. С.24.
- 147 ГАПК. Ф. П-68. Оп. 117. Д. 1076. Л. 25; Отчет о результатах социологического опроса по проблеме «Партия и перестройка». Владивосток, 1990.
- 148 ГАПК Ф. П-68. Оп. 117. Д. 1074. Л. 24.
- 149 Политическое сознание и его роль в перестройке и обновлении общественных отношений... С.24.
- 150 ГАПК. Ф. П-68. Оп. 117. Д. 1025. Л. 88.
- 151 ГАСО. Ф. 1183. Оп. 1. Д. 35. Л. 123.
- 152 Свободный Сахалин. 1991. 24 янв.
- 153 Всем внимание! Будет референдум о погранзоне! // Свободный Сахалин. 1991. 14 марта.
- 154 Коняхина А.П. Социальный протест в Сахалинской области (1980-е – первая половина 1990-х гг.): очаги напряженности и реакция населения // Сахалин и Курильские острова в истории России: к 65-летию образования Сахалинской области: материалы науч.-практ. конф. Южно-Сахалинск: ГУП «Сахалинская областная типография», 2012. С.323–329.
- 155 СЦДНИ. Ф. П-4679. Оп. 1. Д. 5. Л. 41.
- 156 Лапушкин В. Еще раз о Соглашении // Рабочее слово. Чегдомын, 1990. 24 июля.
- 157 ГАПК. Ф. П-68. Оп. 117. Д. 1107. Л. 46 – 49; Ф. П-68. Оп. 117. Д. 1183. Л. 9 – 11; СЦДНИ. Ф. 4. Оп. 159. Д. 129. Л. 1–5.
- 158 Конституция Российской Федерации от 25.12.1993. Ст. 29.
- 159 Материалы XXVII съезда КПСС. М.: Изд-во полит. лит., 1986. Ч.3. С.60.
- 160 Федеральный закон от 27 декабря 1991 года N 2124-1 «Закон о средствах массовой информации» // Российская газета. URL: <http://www.rg.ru/1991/12/27/smi-zakon.html> (дата обращения: 22.01.2013).
- 161 Федеральный закон «О порядке освещения деятельности органов государственной власти в государственных средствах массовой информации». URL: (дата обращения: 18.01.2013).
- 162 Доктрина информационной безопасности Российской Федерации // Совет безопасности РФ. URL: <http://www.scrf.gov.ru/documents/6/5.html> (дата обращения: 06.01.2013).
- 163 Указ Президента РФ от 12.05.2004 г. N 611 «О мерах по обеспечению информационной безопасности Российской Федерации в сфере международного информационного обмена» // Российская газета. URL: <http://www.rg.ru/2004/05/26/info-dok.html> (дата обращения: 06.01.2013).
- 164 Федеральный закон Российской Федерации от 27.07. 2006 г. N149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // Российская газета. URL: <http://www.rg.ru/2006/07/29/informacia-dok.html> (дата обращения: 12.01.2013).
- 165 Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года // Совет безопасности РФ. URL: <http://www.scrf.gov.ru/documents/1/99.html> (дата обращения: 10.01.2013).

- ¹⁶⁶ Окинавская хартия глобального информационного общества // Саммит G8 2006. URL: <http://www.g8russia.ru/g8/history/okinawa2000/4/> (дата обращения: 16.12.2012).
- ¹⁶⁷ Портал межрегиональной общественной организации в поддержку построения информационного общества «Информация для всех». URL: <http://www.ifar.ru/ofdocs/index.htm#rest> (дата обращения: 12.01.2013).
- ¹⁶⁸ Доктрина информационной безопасности Российской Федерации. 2008. Раздел 1. Информационная безопасность Российской Федерации. П.1. Национальные интересы Российской Федерации в информационной сфере и их обеспечение // Сайт доктрин. URL: <http://doctrin.ru/zagubezhnyedoktriny/2010-02-12-13-42-47.html> (дата обращения: 01.02.2013).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Кратко и гармонично обобщить такой многоплановый анализ, включающий несколько исторических периодов, – непростая задача. Анализ стратегий социально-политической безопасности предполагает взгляд с позиции власти, сквозь призму её стремлений и интересов, направленных на обеспечение управляемости обществом, которая во второй половине XX в. отождествлялась с контролем различных сфер общественной жизни: благосостояния населения в территориальном аспекте, культуры, идеологии, с подавлением преступности. Однако приоритетной сферой внимания Центра была и остаётся бюрократия. Именно высший и средний слой управленцев являлся главным инструментом политики и главным препятствием для адекватных ответов на возникавшие вызовы.

Высшее руководство страны на разных этапах преследовало разные цели: совершить рывок к коммунизму с одновременным демонтажом сталинской системы, обеспечить политическую стабильность и поступательное развитие, избегая резких перемен, ускорить развитие путём масштабных реформ и демократизации, восстановить пошатнувшуюся государственную систему, неизменно опираясь на бюрократию, либо приводить её к повиновению, заручившись поддержкой общества. Методы достижения согласия между бюрократическим слоем и высшей политической стратой – это тот «управляющий фактор», который определял все стороны государственной политики от Н.С. Хрущёва до В.В. Путина.

Ретроспективный анализ показал, что во второй половине XX в. понимание задач государства в сфере обеспечения безопасности динамично трансформировалось. Концепция классовой борьбы постепенно развивалась в сторону пролетарского интернационализма, тотальный контроль государства над жизнью общества разрушался, приобретая ситуативный и фрагментарный характер.

Перед органами власти и управления всегда ставились задачи защиты существующего строя, что выражалось в политическом регулировании социальных процессов: охране интересов политически господствующего класса, мерах по регулированию трудовых отношений, борьбе с преступлениями, сохранении политической и экономической системы, а также территориальной целостности страны.

Какого-либо целостного документа социально-политической безопасности в отношении российского Дальнего Востока политическая элита во второй половине XX в. советской эпохи не создала. Социально-политическая безопасность в регионе определялась оперативными централизованными документами, аргументами идеологической целесообразности, и при их подготовке чаще всего использовались принципы секретности, закрытости, приоритетов государства. Созданные политическим режимом институты для управления и охраны социалистических порядков в ходе различных преобразований постепенно эволюционировали, менялись методы их работы, интересы и приоритеты. Содержание стратегий безопасности менялось, причём эти перемены не были хаотичными, напоминая, скорее, чередование «стабилизационной» и «динамической» стратегий. Примечательно, что это чередование обнаруживает пусть не строгую, но всё-таки заметную связь с циклами дальневосточной политики. Это свидетельствует, прежде всего, о том, что сами стратегии порождались некими глубинными циклами функционирования государства.

В середине 1950 – 1960-х гг. и во второй половине 1980-х гг. высшее руководство избрало (по умолчанию) динамическую стратегию безопасности. Это был во многом вынужденный выбор, связанный, во-первых, с демонтажом репрессивной системы и поиском новых опор власти, во вторых – с деградацией государственности. Вместе с тем это был многообещающий проект с перспективой демократической трансформации советского строя. Трудовой энтузиазм и политическая лояльность в обмен на рост благосостояния и политического участия – так можно сформулировать потенциальный и несостоявшийся «общественный договор», к которому толкала вся логика хрущёвских реформ, возможно даже вопреки его воле, и который открыто провозгласил М.С. Горбачёв.

В хрущёвский период человеческий ресурс в стране стремительно дорожал, подорванный войной и репрессиями, а других возможностей сделать экономический рывок кроме как за счёт труда советских людей у государства не было. Отсюда постоянные хрущёвские административно-управленческие импровизации с целью роста эффективности административно-командной системы. Во время лидерства М.С. Горбачёва государство также нуждалось в интенсивном труде советских людей, так как исчерпался такой мощный источник доходов, как высокие цены на нефть.

Однако риск динамической стратегии состоит в том, что она ослабляет лояльность различных слоёв бюрократии, за счёт интересов которых и происходит её реализация. В этих условиях для политического лидера критически важно иметь высокий уровень поддержки общества. Если такового нет, то в условиях отсутствия демократических механизмов политическая система и её лидер становятся уязвимыми для предательства. Что и подтвердилось дважды: в сентябре 1964 г. и в августе – декабре 1991 г.

Указанный риск во многом объясняет постоянные колебания реформаторов между заигрыванием то с обществом, то с консервативной частью бюрократии, между ответственной и популистской экономической политикой. В середине 1960 – 80-х гг. власть всё более ориентируется на стабилизационную стратегию безопасности. Опять же это был во многом вынужденный выбор, вытекавший из логики предшествующего развития. Хрущёвские реформы подрывали основы господствующего положения бюрократии, продемонстрировав противоречивые социально-экономические результаты и выявив сложную политическую палитру отношений общества и власти.

Компромиссная фигура Л.И. Брежнева символизировала ориентацию власти на достижение согласия именно в среде бюрократии. Но это согласие достигалось дорогой ценой – ценой отказа от развития сетей взаимодействия власти и общества, другими словами от инфраструктурной силы государства, при этом его репрессивная сила неуклонно сокращалась. Фактор «брежневского консенсуса» обеспечивал управляемость политическим сегментом бюрократии и гасил противоречия между остальными её сегментами, в итоге подорвал управляемость всем обществом.

Важно отметить, что здесь сыграл свою роль лавинообразный рост доходов с середины 1970-х гг. от экспорта нефти, в полной мере проявивший все последствия «сырьевого проклятия». Согласие между различными уровнями бюрократии, как видение путей преодоления социально-экономических трудностей, основывалось на выделении нижестоящим управленческим звеньям всё больших централизованных ресурсов, которые использовались с невысоким уровнем эффективности. В результате подорвалась способность Центра выделять эти ресурсы, и этот главный источник поддержания управляемости в конечном счёте оказался исчерпанным, что в условиях падения нефтяных цен в середине 1980-х гг. сыграло катастрофическую роль.

Один из главных исторических уроков стабилизационной стратегии безопасности состоит в том, что она реализуется путём построения разветвлённой бюрократической сети взаимных уступок и обязательств – сети, из которой очень трудно, если вообще возможно, выбраться без

политических потрясений. Об этом историческом уроке брежневского периода можно было бы и не упоминать, если бы современное российское руководство не оказалось в столь же трудном положении.

Стабилизационная стратегия в рассматриваемых нами периодах начинала доминировать в момент незавершённого перехода политической системы и была подпитана мощным притоком доходов от экспорта сырья. Схожесть системных проблем и рисков обеих стабилизационных стратегий позволяет предположить преемственность фундаментальной задачи российской политики – построение прочной инфраструктуры взаимодействия государства и общества.

Наш анализ свидетельствует о том, что оптимальный путь, как всегда, лежит в поиске тех критериев и факторов, которые позволяли бы вовремя переходить от стабилизационной стратегии к динамической и наоборот. Чередование стабилизационной и динамической стратегий безопасности сказывалось и на дальневосточной политике государства, хотя здесь цикличность выражена несколько меньше. Наше исследование показывает, что наиболее заметный подъём дальневосточной политики происходит в рамках стабилизационной стратегии. Впрочем, вряд ли главным фактором является сама стратегия. Наиболее вероятно, что в основе этого подъёма лежит двуединый критерий ресурсной обеспеченности государства.

Стабилизационная стратегия основывается на интенсивном перераспределении ресурсов между различными сегментами бюрократии. Из этого следует, что она, во-первых, подразумевает довольно высокий уровень имеющихся ресурсов (что делает возможным и реализацию планов по развитию Дальнего Востока), во-вторых, она нуждается в их постоянном увеличении (что делает эти планы весьма привлекательными).

Динамическая же стратегия начинает доминировать в условиях ресурсного дефицита, поэтому на реализацию планов по развитию Дальнего Востока не хватает ни материальных, ни административных возможностей. В то же время геополитическая уязвимость территории блокирует многие нестандартные варианты её развития, завязанные на международной кооперации.

На протяжении второй половины XX в. дальневосточная политика представляла собой устойчивый тренд освоения региона, прерванный в 1990-е гг. и возобновившийся в 2000-х гг. В ней отчётливо видны два направления. Первое, чётко различимое, условно можно назвать «традиционным», подразумевающее освоение природных ресурсов региона. Второе, менее очевидное направление, связанное с осознанием нового спектра возможностей, заключённых в геополитическом положении и слабой освоенности Дальнего Востока. Это направление выходило за рамки привычной хозяйственно-сырьевой парадигмы. Однако на про-

тяжении большей части рассматриваемого периода социально-экономический и политический потенциал Дальнего Востока был надолго оттеснён на задний план военно-стратегическими соображениями. Перспективность этой территории была и вовсе погребена под мощным пластом более насущных задач и материально ощутимых проблем.

СПИСОК ОСНОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ

АОН при ЦК КПСС – Академия общественных наук при Центральном Комитете Коммунистической партии Советского Союза

АССР – Автономная Советская Социалистическая Республика

БАМ – Байкало-Амурская магистраль

ВКП(б) – Всесоюзная Коммунистическая партия (большевиков)

ВЛКСМ – Всесоюзный Ленинский Коммунистический Союз молодёжи (Комсомол – Коммунистический союз молодёжи)

ВЦИК – Всесоюзный Центральный исполнительный комитет

ГААО – Государственный архив Амурской области

ГАМО – Государственный архив Магаданской области

ГАПК – Государственный архив Приморского края

ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации

ГАХК – Государственный архив Хабаровского края

ГИАСО – Государственный исторический архив Сахалинской области

Главлит – Главное управление по делам литературы и издательства

ГО МГБ – городское отделение Министерства государственной безопасности

ГТК – Государственный таможенный комитет

Гублит – Губернский отдел литературы и издательств

ГУЛАГ – Главное управление лагерей и мест заключения

ГУ ОБХСС – Главное управление Отдела по борьбе с хищениями социалистической собственности

Дальстрой – Ордена Трудового Красного Знамени Главное управление строительства Дальнего Севера НКВД СССР «Дальстрой»

ДВГУ – Дальневосточный государственный университет (современный ДВФУ)

ДВО АН СССР – Дальневосточное отделение Академии наук Союза Советских Социалистических Республик

ДВФО – Дальневосточный федеральный округ

ДС – Дальстрой

ИНИОН – Институт научной информации по общественным наукам

ИСИ АН СССР – Институт социологических исследований АН СССР

КГБ – Комитет государственной безопасности

КДВО – Краснознамённый дальневосточный военный округ

Крайком – Краевой комитет Коммунистической партии Советского Союза

Крайунху – Краевое управление народнохозяйственного учёта

МГБ – Министерство государственной безопасности

МГИМО – Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации

НИИ – Научно-исследовательский институт

НКВД – Народный Комиссариат внутренних дел

НКО – Некоммерческая организация

НТР – Научно-техническая революция

Обком – Областной комитет Коммунистической партии Советского Союза

РГАНИ – Российский государственный архив новейшей истории

РГАСПИ – Российский государственный архив социально-политической истории

СМ СССР – Совет Министров Союза Советских Социалистических Республик

СМИ – средства массовой информации

СНК – Совет Народных Комиссаров

СЦДНИ – Сахалинский центр документации новейшей истории (современный Государственный исторический архив Сахалинской области)

ТАСС – Телеграфное Агентство Советского Союза

КТОФ – Краснознамённый Тихоокеанский Флот – оперативно-стратегическое объединение Военно-Морского Флота России (ВМФ РФ)

УДМ МВД – Управление по делам миграций Министерства внутренних дел Российской Федерации

УМГБ – Управление Министерства государственной безопасности

ФМС МВД – Федеральная миграционная служба Министерства внутренних дел Российской Федерации

ЦК КПСС – Центральный Комитет Коммунистической партии Советского Союза

Приложение 1

Основные позитивные и негативные факторы дальневосточной политики

Позитивные	Негативные
Природные богатства	Необходимость освоения территории
Выход к рынкам их сбыта	Необходимость защиты территории

Приложение 2

Основные противоречия дальневосточной политики

Хронологическая динамика дальневосточной политики

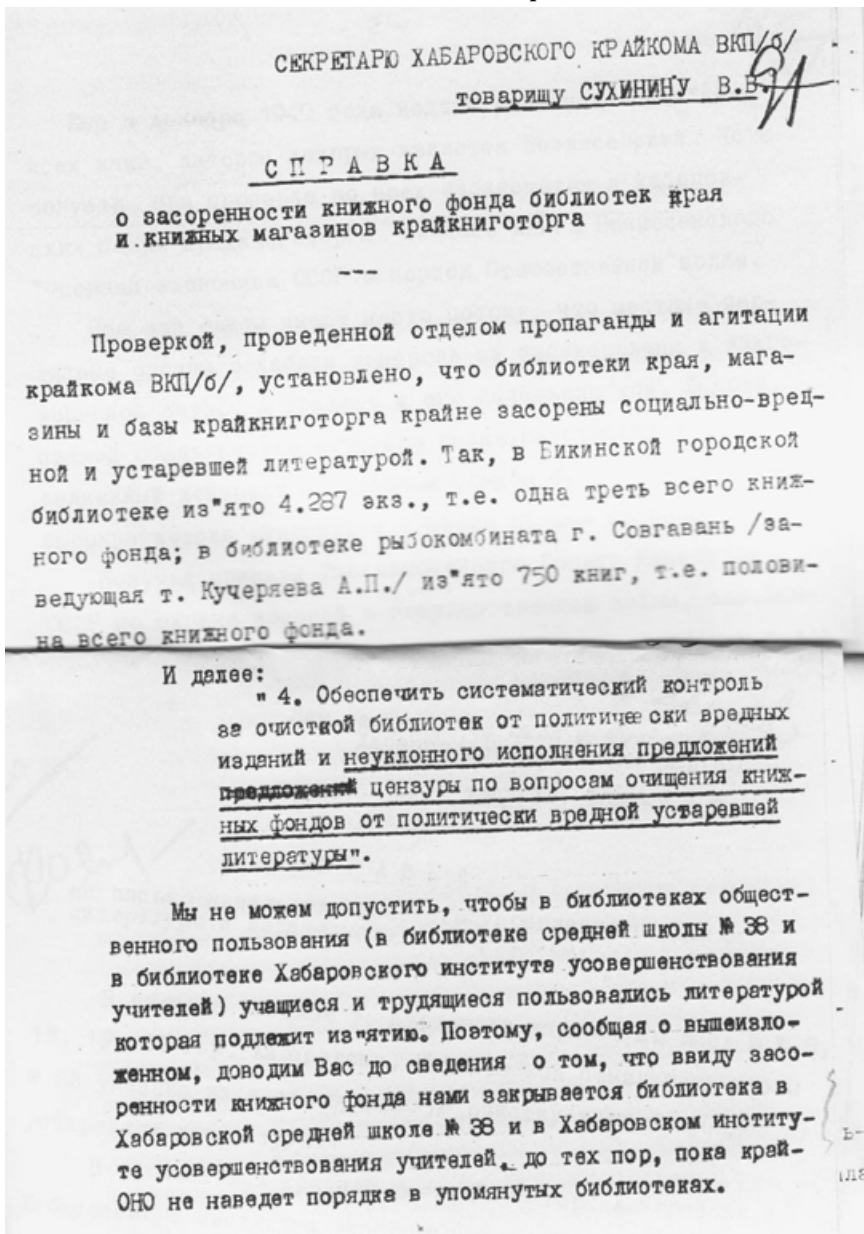

Приложение 4

Встреча Леонида Брежнева и американского президента Джеральда Форда во Владивостоке 23—24 ноября 1974 года. (Фотограф Ю. Муравин. Из личного архива А.С. Вашук).

Деятельность советской цензуры: фрагмент документа
об очистке книжных фондов

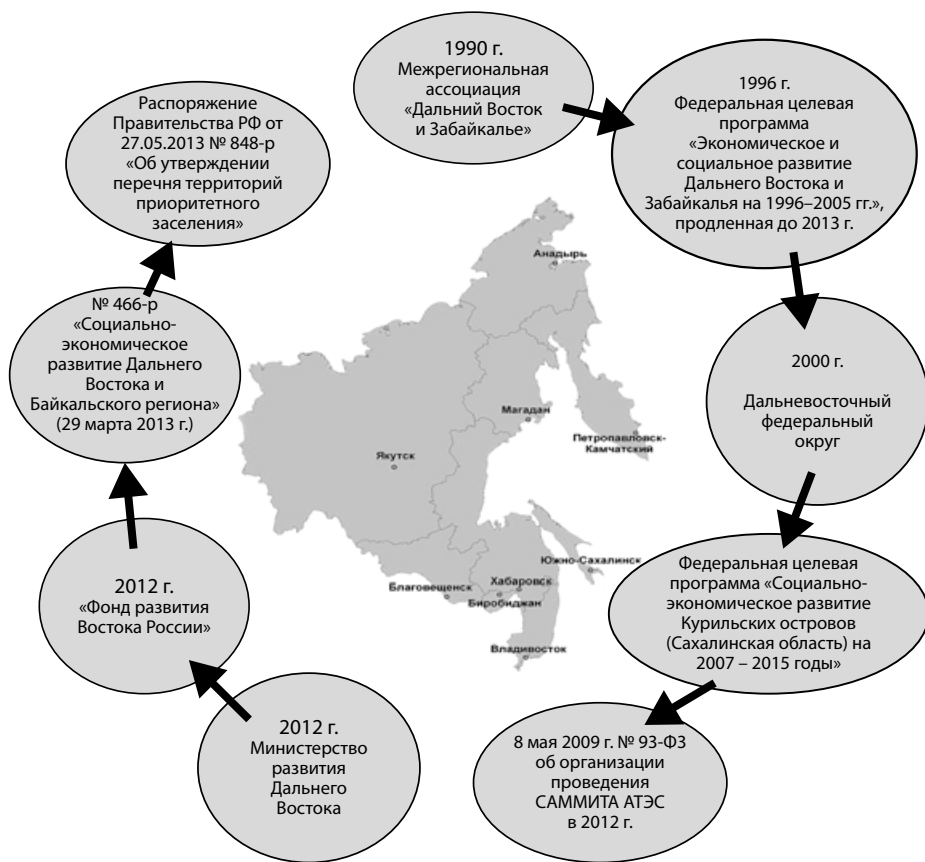
Составлено на основе источников: ГАХК. Ф. 35. Оп. 23. Д. 180. Л.87; ГАХК. Ф. 35. Оп. 38. Д. 35. Л.129.

Приложение 6

Приморье, 1966. Внизу сидят Л.И. Брежнев, В.Е. Чернышёв, слева внизу в форме – командующий ТОФ Н.Н. Амелько; крайний справа стоит В. Ф. Авченко // Старый Владивосток – исторический портал Владивостока и Приморского края. URL: <http://oldvladivostok.ru/photo/?id=4293&category=3&a=1&p=2> (дата обращения: 10.05.2013).

Оформление специальных институтов управления Дальневосточным регионом (1990–2013 гг.)

Научное издание

Исторические проблемы социально-политической
безопасности российского Дальнего Востока
(вторая половина XX – начало XXI в.)

В двух книгах

Книга 1

Дальневосточная политика:
стратегии социально-политической безопасности
и механизмы реализации

Редакторы Г.И. Суббот, В.К. Форостовская
Корректор В.К. Форостовская
Редактор электронной верстки В.М. Баринов
Электронная правка Н.В. Заровнева

Подписано к печати 24.01.2014 г. Формат 70х100/16.
Гарнитура «Ньютон». Бумага офсетная.
Печать офсетная. 29,25 усл. печ. л..
Тираж 500 экз. Заказ №40.

Издательство «48 часов» (ИП Ковальков А.Н.)
г. Владивосток, ул. Дальзаводская, 2, оф. 30 Б

Отпечатано в типографии «48 часов»
ул. Дальзаводская, 2, оф. 30 Б
т.: +7 (423) 246-48-54, e-mail: info@48chasov.com